

ЕЛЕНА КУСЛИЙ

ХРОНИКИ ЛЕВОЙ РУКИ

Елена Куслий

ХРОНИКИ ЛЕВОЙ РУКИ

Новосибирск • 2024

УДК 84(2)6
ББК 82-3
К 94

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Куслий, Елена

К 94 Хроники левой руки [Электронный ресурс]: 18+ / Е. Куслий; ил. и вёрстка Е. Куслий; оформ. обложки А. Шулаева. – Электрон. текстовые дан. (1 файл doc.: 6,83 Мб; 546 с.) – Новосибирск: Изд. ООО «Немо Пресс», 2024. – Режим доступа: <https://печатаем-цвет.рф/wp-content/uploads/2024/01/kusly-hroniki.pdf> – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-604190-35-7

Это – шестая книга молодого автора – Елены Куслий. Она увлекательно и динамично пишет в стиле фэнтези.

...У каждой семьи есть свои тайны. А если это родовитая семья, проживающая в трехсотлетнем особняке старинного города – это даже не тайны, а настоящие скелеты в шкафах, пылящиеся там десятками лет...

**УДК 84(2)6
ББК 82-3**

ISBN 978-5-604190-35-7

© Елена Куслий, 2024

Посвящается дорогому мне человеку,
который, зная каждую главу этой книги,
всё равно прочтёт её еще раз.

Ты действительно мой главный вдохновитель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...В которой всё сперва покажется странным.

Будь осторожен, когда что-нибудь ищешь: ты ведь и в самом деле можешь найти это.

(Из книги, которая всякий раз заставляет нас с сестрой поверить в чудо).

Глава XXX БРАТСТВО ПОЛНОЙ ЛУНЫ

*Fallāces sunt rerum species*¹.

День выдался на редкость отвратительным.

Южный А-Ваен спал под куполом серого тумана и ленивым взором провожал бесчисленные автомобили по автомагистралям и поезда по железным дорогам, словно незримое сердце, живущее в каком-то необузданном людьми пространстве, перегоняло множественные эритроциты по венам и артериям.

Последние дни сентября предвещали продолжение дождей, а затем наступление суровой зимы, вечерами которой, обычно, смотришь на морозные узоры по ту сторону оконного стекла и задаёшь себе вопрос: где же всё-таки холоднее: в сердцах самых жестоких злодеев или на улице?

Никита Чернов сидел за большим стеклянным столом при ярком свете огромной люстры, курил кальян со вкусом лакричных конфет, и, утопая в сонном сладком дыму, изредка поглядывал из окна шикарной квартиры, располагающейся на двадцать первом этаже элитного нового дома. Дождь всё никак не хотел заканчиваться, выходить из дома не возникало ни малейшего желания, ну а периодические раскаты грома и вспышки молнии напрочь убивали все его остатки. В свои двадцать три года Никита был обладателем кальянной в центре Южного А-Ваена. Его кальянная называлась «Клаудлэнд» и в

¹ Не всё то, чем кажется (лат.).

ней всегда собиралась молодёжь. Заведение никогда не пустовало и Чернов всегда имел доступ ко всем прелестям, которые только может себе позволить кальящик. Он передвигался по городу на своей красной Audi R8, пил дорогие вина, ел изысканную еду и вряд ли нашлось бы то, в чём он когда-либо нуждался. Забота? Любовь? Нет. Всего этого не фигурировало в его планах на дальнейшую жизнь, ибо не последнее положение в обществе, деньги и роскошь, считал он, были достойной заменой тем человеческим чувствам, которые обычно бывают необходимы.

Женщин, кстати, в семье Черновых не было. Никита жил в огромной пятикомнатной квартире вместе со своим отцом графом Корнеем Мстиславовичем Черновым и они вдвоём были вполне счастливы. Уборкой и стиркой занималась наёмная домработница Светлана, ну а питание щедро предоставляли разнообразные кафе и рестораны, которых в Южном А-Ваене было не занимать.

Никита был полностью уверен в том, что он абсолютно ни в чём не нуждается. Так и было. Природа не обделила его приятной, дерзкой внешностью и харизмой, которые так нравятся лицам женского пола, а ещё той едкостью, смазливостью и невидимой аурой привлекательности, которая не позволяла Чернову остановиться на какой-то одной партнёрше. У Никиты были карие глаза, густые брови, чистая и ухоженная белая кожа, выкрашенные в огненно красный цвет волосы с коротко остриженными висками и объёмным, уложенным набок верхом. Он носил чёрные футболки, часто даже на размер меньше, чтобы продемонстрировать многочисленным подругам свой доведённый до идеала торс. На его пальцах красовались серебряные кольца со звездой, черепом и клинком ножа, а запястье обрамлял браслет-манжет из серебра. Он очень любил это украшение и никогда с ним не

расставался. Кстати, попало оно к нему в руки очень странным образом. Когда Никите было 6 лет, они с отцом отправились в музей истории – там проходила увлекательная лекция для младших школьников. И вот что случилось: мальчик налетел прямо на одну из витрин. Она разлетелась вдребезги, однако поразительным образом Никита обошёлся без травм и без единой царапины. На разбитой витрине находилась экспозиция совершенно обыкновенных на взгляд обывателя украшений, но одно из них привлекло почему-то очень сильное внимание маленького Чернова. Это был массивный браслет. Тут же мальчик поднял его с пола и надел на свою руку. Конечно, его детское запястье было слишком мало для громоздкого браслета, и поэтому Никита просто спрятал его в карман.

Тут же подбежала изрядно перепугавшаяся директор музея Алина Анатольевна в сопровождении нескольких сотрудников и, сделав ещё более обеспокоенное лицо, поинтересовалась состоянием Никиты. С ним было всё хорошо и женщина очень обрадовалась. Затем она подошла к графу Чернову и сказала ему, что несмотря на то, что поломка витрины произошла по чистой случайности, ущерб всё равно стоило бы выплатить. Потом в ход пошёл манипулятивный и слезливый монолог о том, что музею совершенно не хватает средств на то, чтобы проводить хоть какую-то модернизацию. Граф, занимавший не последнюю должность в администрации города, понял Алину Анатольевну и сказал, что непременно возместит ущерб. Через некоторое время Корней Мстиславович и Никита покинули музей, а вечером граф Чернов обнаружил в комнате сына одно из серебряных украшений с разбившейся витрины. Хотев было отругать сына за кражу, граф всё же смягчился, когда мальчик жалостно признался, что этот браслет так понравился ему. На следующее утро, Корней Мстиславович открыл свой сейф, достал оттуда довольно приличную сумму денег и отправился в

музей. Сказать, что директор пожалела бы довольно неприглядное украшение для сына человека, который фактически подарил нуждающемуся музею сумму денег в десять раз больше той, которая была внесена им за ущерб, было нельзя.

Граф Чернов и Алина Анатольевна расстались, обменявшись радушными улыбками. Украшение осталось у Никиты. И когда его запястье стало больше, он, наконец, смог надеть на него браслет.

Итак, сейчас, перед Никитой лежали совершенно новая записная книжка в обложке из тёмно-зелёной кожи и американский шариковый «Паркер». Чернов не был большим любителем писать. Даже наоборот, он никогда не занимался этим по собственной воле. Последний раз, кажется, он делал что-то такое в школе, в девятом классе. Но теперь же он вглядывался в эти принадлежности для письма, собираясь с мыслями наконец открыть записную книжку, пахнущую кожей и бумагой, взять в руку ручку и начать писать под приглушённый шум ливня и громовые раскаты. Зачем ему было писать, если он терпеть того не мог? Просто его эмоциям было трудно не захлестнуть через край той чаши, в которой обычно хранится то, что вызывает нервное возбуждение, тепло разливающихся по телу мурашки и холодное содрогание, что не даёт сосредоточиться ни на чём, кроме того, чем оно вызвано. Никита чувствовал, как расчерченные с ненавязчивой аккуратностью линии записной книжки так и жаждут стать хранителями того, что он им собирается доверить.

Молодой человек выпустил ещё одну порцию дыма изо рта, и стал выводить на первой странице блокнота свою историю.

«...Началось всё это в холодный осенний вечер. Я, глупый мальчишка, как и всегда, проводил своё бессмысленное время за

тем, за чем всем сердцем ненавидел проводить его: школьное домашнее задание. Мать выжимала из меня все до последней капли соки, заставляя ежедневно выполнять его. Однако кое-чего она не понимала – нельзя заставить человека делать то, на что ему не хочется тратить ни секунды своего времени, даже если это время итак тратится впустую. Она ещё настаивала, чтобы я непременно пошёл учиться по окончании школы. О чёрт, что за бред!?! Какое, к чертям собачьим, высшее образование, если я даже и школьного получать не желаю! Я был и остаюсь полностью уверенным в том, что образование, в любых его проявлениях, мне совершенно не интересно и не нужно. Ничего глупее, чем школьные уроки, я не видел отродясь. Учёба нужна лишь тем, у кого нет ума для того, чтобы выжить. Ума, нужных людей, денег... Всё это было, есть и всегда будет у меня. Однако, к сожалению, я корпел над этой чёртовой домашней работой, шёл на поводу у матери и делал всё, чтобы только она лишней раз не поднимала на меня руку. Да, руку. Именно так. Мать била меня в своих пьяных припадках. А я, стараясь не замечать синяков, которые, как магниты притягивали мой взгляд, занимался бессмысленным для меня делом. Книги и учебники, в которых я ни разу не видел ничего кроме сумасбродной дряни, отвлекали мой мозг от того, чтобы в нём снова и снова не прокручивались воспоминания о криках этой женщины, о запахе алкоголя, что вечно шёл от неё, и от вида её костлявых рук с жёлтыми ногтями, испортившимися от курения и водки. Могу даже сказать: в той учебной дряни был толк: она спасала меня от матери-тиранши.

Ещё мне катастрофически не хватало отца, который вечно пропадал на работе. Я так сильно хотел, чтобы он был рядом, что воспринимал время, проведённое с ним так же, как маленькие дети воспринимают конфеты – можно только редко и по особым случаям. Я любил отца. Хотя, мог ли я говорить об

этом тогда? Мог бы я помнить хотя бы даже его лицо, которое просто мелькало передо мной, словно свет перегорающей лампочки, а потом угасало и больше непонятно сколько не возвращалось?

Мать считала, что отец завёл себе любовницу. Я же считал, что он пропадает на работе потому что тоже устал терпеть её вечные попойки и вытекающее из данного состояния, неадекватное, бесконтрольное поведение, которое, к сожалению, никак изменить было нельзя. Именно поэтому он искал предлог чтобы не возвращаться домой – не хотел там появляться. И я не был достаточно весомым предлогом для того чтобы отец не уходил. Он спасался из нашего ада. Бегством. Я понимаю его. Проще было уйти. Скрыться, лишь бы не видеть эту психопатку. Шрамы... сколько шрамов у меня на теле оставила эта с*ка? Десять? Двадцать? Сколько ремней она стёрла об мою задницу? Многократно и сильно битый вечно пьяной матерью я понял, что женщина не представляет из себя чего-то большего, чем игрушка для удовлетворения мужских желаний. И я ещё ни разу не изменил себе в этом убеждении. Все женщины – вне всякого сомнения – автономные придатки мужчин.

Отец не возвращался домой на протяжении нескольких суток и мать превращалась в ещё более разъярённого зверя. Она закрывала меня в комнате на замок и единственный раз в день бросала мне, словно в клетку к маленькому забитому зверьку, что-нибудь поесть и немного воды. Эта дрянь заставляла меня носить шерстяные, колючие, грязные, пропахшие потом кофты с длинными рукавами, чтобы отец и учителя не видели моих синяков, а ещё любила повторять, что выдерет мне язык, если я скажу про побои хоть слово. Спустя несколько лет такой жизни, я превратился в безвольное, заикающееся создание, большое анорексией. Я боялся говорить, спать и дышать. Боялся зеркал,

темноты и лица своей матери. Я не мог рассказать отцу о том, как она надо мной изголяется, потому что всякий раз, когда я вспоминал о ней, меня начинало тошнить, ужасно хотелось в туалет и я не мог выдавить из себя хотя бы даже одной жалкой фразы – перед глазами возникала жуткая картина: мать, выдирающая мой язык изо рта прямо с корнем. В итоге, всё, что я мог делать – нервно сглатывать накопившуюся слюну.

Но. Моё время однажды пришло. Оно, так или иначе, должно было прийти. Я знал это в глубине души, но запрещал себе думать об этом. Не мог думать, не позволял себе.

Однако в тот день мои глаза открылись будто сызнова.

Отец по-прежнему не возвращался с работы. Мать пила в баре с подругами. (Она уходила туда всякий раз, когда ей надоедало пить в одиночку.) В этот вечер в комнате я был не заперт и почему-то, когда случалась такая редкость и я оставался дома в полном одиночестве (горничная уже заканчивала свои дела и уходила), квартира мнилась мне каким-то неизвестным, не исследованным ещё местом, полным загадок, и только я хотел начать своё путешествие, на мою беду возвращалась мать и снова принималась за порку. Но сейчас её не было и я всё же решился сделать то, о чём давно мечтал. Я медленно стал ходить по комнатам и озираться своими большими глазами, обрамлёнными сине-серыми кругами измученности. Я прошёл по длинному коридору с высоким потолком и устремился по направлению к двум гардеробным комнатам: одна принадлежала матери – в ней была огромная куча всякого разношёрстного тряпья. Другая – отцу. Зайдя в комнату отца я вдруг почувствовал уже притупившийся запах его одеколona и так сильно заскучал по нему, что у меня скрутило живот. Внизу лежало множество коробок с обувью. Я свернулся и лёг на кусочек пола, и теперь, почти вплотную приблизился к обувным коробкам. Над моей головой была

карусель из тёмных рубашек и пальто. Ничего интересного, но вдруг я кое-что заметил. Между двумя коробками из-под обуви лежала папка для документов. Моя рука потянулась к этой папке, сердце учащённо забилося, а ладони вспотели. Не помню, что я ждал от этой папки и почему это было так волнительно для меня, однако любопытство моё тогда включилось на максимум, став разрывать меня на части. Я уже будто бы отдалённо знал, что делаю шаг в какую-то новую жизнь. Мне даже казалось, что сейчас я умру, так и не успев ничего увидеть. Мне казалось. Но я открыл эту папку. Там находился чёрный блокнот, в котором были сделаны записи неприятным глазу мелким и размашистым отцовским почерком. На первой странице было выведено: «Братство Полной Луны» – надпись тоже была сделана отцом, но, кажется, в ней сконцентрировалось его максимальное старание и поэтому она смотрелась довольно сносно. Одно я почему-то понял для себя сразу же и не ошибся: «Братство Полной Луны» – название второй жизни моего отца. Жизни, которую он обменял на ту, что существовала в этой квартире. Жизни, о которой ни я, ни моя мать ничего не знали. «Братством» назывался клуб... какой-то клуб, о котором мне не терпелось расспросить отца, когда он вернётся. Блокнот в тот вечер я на место не вернул, а взял его с собой в постель. Сам не понимаю, как я пережил эту ночь, будучи окутанным таким сильным возбуждением! Уснуть мне не удалось и поэтому я просто лежал, вглядываясь в темноту. Когда за окном сгустились бордово-красные краски рассвета, домой вернулась пьяная мать. Ещё через некоторое время дверь хлопнула вновь. Это был отец. Я, подгоняемый неизвестно какой силой, порывался отправиться в его комнату (они с матерью давно спали отдельно) и налететь с вопросами по уже понятной теме. Я встал с кровати и тихим шагом отправился к отцу, миновав комнату матери, которая уже уснула, забыв снять

верхнюю одежду и туфли. Граф склонился над своим столом при тусклом свете лампы и что-то рисовал на альбомном листе простым карандашом. Как только я вошёл, он поспешно отодвинул лист и при этом ещё прикрыл его ладонью.

– Какого чёрта ты не спишь, Никита? – удивился отец.

– Вот, – дрожащей рукой я вынул из-за пазухи найденный мной блокнот и положил на стол, переведя взгляд на железную голову носорога, с грозно торчащим красивым и острым рогом, которую привёз отцу в подарок из ЮАР какой-то его знакомый. Эта фигура служила вешалкой для отца: он вешал на рог животного сумки и иногда одежду, именно поэтому она была прикована не очень высоко.

– ...Какого?... – начал отец, поблуднев и вытаращив глаза, но далее ничего не сказал, словно его обдало кипятком. – Где ты это взял? – всё-таки спросил он, всё ещё выводя себя из крайней степени удивления. Лицо его побелело ещё сильнее.

– Нашёл, – сухо произнёс я. – Я хотел... хотел, чтобы ты рассказал мне о том, что такое «Братство Полной Луны»... Что это за клуб? Ты состоишь в какой-то секте, да?.. – я попытался быть настойчивым, но у меня плохо получалось. («воспитание» матери не прошло даром). Мой голос недавно стал стабильно груб, но сейчас от волнения словно вновь ломался, как и года четыре тому назад. Меня знобило. Отца тоже.

–...Может, ты и прав. Может, мне и стоит рассказать, – такого поворота событий я уж точно не ожидал. Каждая клетка моего тела ликовала, но я сохранял серьёзность. Тон отца был сейчас абсолютно другим – такой, какой обычно бывает у родителей, когда ребёнку удаётся упрямить их что-то ему купить. Это предвещало некий дружеский разговор. Доверительный. Доверие. Пожалуй то, чего мне не хватало в семье больше всего и то, чем я в этом разговоре жадно дышал.

– Присядь, – отец кивнул на кресло, стоящее рядом с его рабочим столом. – Присядь, я всё расскажу тебе, – он говорил это так, будто решил разделить с сыном свои отягощающие мысли. – Братство... если ты думаешь, что это какая-то секта, то ты ошибаешься. Это не секта, сын, это билет, – он вдруг встал со своего стула, высунулся из комнаты в коридор, убедившись, что матери поблизости нет, и закрыл дверь, повернув маленький витиеватый ключ в скважине. – Билет в счастливое, могущественное и светлое будущее, который я берегу для остатков нашей семьи, Никита, – закончил он фразу, обернувшись ко мне. Потом последовало молчание. Мне казалось, что из отца придётся буквально выжимать каждое слово, словно мутную воду из грязной тряпки, однако потом он продолжил и уже говорил куда более конструктивно и по делу, что накаляло мой интерес всё сильнее и сильнее. – Клуб. Вот какое слово подойдёт, чтобы описать «Братство». Но это не клуб по интересам! – строго подчеркнул он. – В Братстве состоят потомки живших пару сотен лет назад знатных людей – графов, графинь, баронов. Все эти свидетельства восстановлены, и сохранены документальные подтверждения наличия этих титулов – как и у нас с тобой. Другими словами – в клубе тоже присутствует местная знать. Все, кто состоит в клубе сейчас и все, кто состоял в нём ранее (вплоть до самых первых людей, его основателей) – объединены общей целью – найти один предмет, – вкрадчиво произносил отец и его слегка морщинистое лицо как-то зловеще-сумрачно посверкивало в свете настольной лампы, словно жёлтая, окутанная чёрными тучами луна с картины Айвазовского.

– Какой предмет? – спросил я, чувствуя, как мой интерес накаляется и накаляется.

– Он называется Ниферио-Ритио.

– А зачем он нужен? Откуда он вообще взялся и как вы поняли, что его нужно непременно искать? – я не унимался.

– Ниферио-Ритио создал почти триста лет назад некий маг – Ристаль Унгольд. Он посвятил работе над предметом всю жизнь, чтобы с помощью него даровать себе бессмертие... Однако... умер внезапно, не успев воспользоваться тем, над чем трудился. Теперь его дух блуждает по миру, с потерянной памятью на своё же творение и только мы можем помочь ему найти его! Тогда, благодаря нам, Ристаль исполнит свою мечту, а затем вознаградит нас, наделив огромным могуществом и преумножит наши зачатки магических сил в разы! И тогда наступит новая эра! – на этих словах глаза отца будто зажглись, словно два факела. – Древнее пророчество, в которое веруют уже долгие годы в Братстве, гласит, что когда-то, совершенно случайно, в Клубе появится подросток, что поможет нам всем найти Ниферио-Ритио, поисками которого Братство занято многие-многие годы, но всё безуспешно... однако мы чувствуем, что именно нам предназначена эта сладкая награда. Чувствуем, что именно наше поколение – те счастливицы, которые увидят его и возьмут в руки! Мы – то поколение, которое по праву должно подчинить себе этот мир! – энтузиазм отца въедался в моё щуплое тело и проникал в мои вены. Я уже понимал, как хочу участвовать в поисках загадочного предмета. – А теперь, чёрт возьми, меня осенило! Холодная дрожь пробилась моё тело, когда ты показал мне найденный блокнот! Почему я раньше не думал об этом, почему я раньше не пропускал даже одной крошеной мысли?

– О чём? – испугался я.

– Сначала я очень сомневался, но теперь, когда ты нашёл мои записи, меня не покидает мысль, что этот подросток из пророчества – ты, Никита!! – ликующе произнёс отец, и по моему телу пронеслись сотни тысяч мурашек. – Тебе ведь

удалось найти блокнот и задать мне вопросы! Быть может, потому что в тебе есть магический потенциал?! Может, ты и найдёшь Ниферио-Ритио?

– Я?! – я опешил.

– Но не спеши радоваться и возносить себя до небес, – граф тут же охладил мой пыл, но в моём сознании этот энтузиазм не угасал. Только креп. Я хотел, я чувствовал, что безумно хотел помочь Братству. Я чувствовал, что хочу пуститься в это приключение!

– А как я смогу найти его? Я ведь даже не чувствовал никогда, что во мне есть хоть какая-то магическая сила! – недоумевал я.

– Потому что, быть может, не было того, что раскрыло бы её, дало толчок для того, чтобы она начала проявляться. Не ты, не я – знать не знали об этом, однако теперь просто обязаны проверить!

– Но а как выглядит предмет, что ищет клуб? – робко спросил я, посчитав крайне несуразным давать самому себе клятву на нахождение того, чей облик мне совершенно неизвестен.

– Этого никто не знает. Это может быть всё, что угодно. На зрение, мы, можно сказать слепы, но не на энергитическое чутьё! Когда предмет будет близко, любой из нас почувствует его! И это ощущение невозможно будет спутать ни с чем другим! В этом нельзя сомневаться. Когда клуб найдёт Ниферио-Ритио, его члены не смогут больше отойти от предмета ни на шаг! – глаза графа загорелись ещё сильнее.

– Но как можно искать то, чего ты никогда не видел? – я всё ещё не находил почвы для такой крайней уверенности отца и пытался мыслить шире.

– У нас есть чутьё на магический объект, говорю же! Конечно, моё чутьё на Ниферио-Ритио дали мне члены

Братства, ведь ни мой отец, ни мой дед – никого из них не было в клубе. Я нашёл Братство сам, и, когда поклялся, что буду с ними – они радушно приняли меня, поделившись толикой своего чутья на магический объект. Историческая память в их головах и память, которой они поделились со мной – сильные виды памяти и чутья, Никита. – сказал Корней Мстиславович. – Ведь они изначально дарованы самим Ристалем.

– Но если чутьё сильное, тогда почему спустя столетия предмет всё ещё не найден Братством? – я не унимался, задав этот вопрос с какой-то даже язвительностью и едко усмехнувшись, явно почувствовав себя героем того пророчества.

– Тебе не понять, насколько работа над поисками сложна и нервна! Ты всего лишь глупый мальчишка! Множество предметов было принесено в место нашего сбора, и на каждый терпеливо выждано полнолуние для того чтобы предмет смог проявить весь свой магический потенциал! Но все предметы, что были, предположительно, тем, что мы ищем – потерпели неудачу. Обряд, проводимый с ними со всеми во время полнолуния не срабатывал, а только отнимал у нас, членов Братства, итак ничтожно малую нашу силу. Остатки нашей силы...

– Почему тогда Братство так уверено, что предмет вообще существует? – скривился я.

– Послушай, может, я зря рассказал тебе обо всём этом? Может, я должен жалеть о том, что посвятил тебя в это таинство? – с язвительной досадой в голосе процедил отец. – Но...знаешь... я бы, может и хотел бы пожалеть об этом, но... не могу, – его голос вдруг стал тише, и он прищурил глаза. – Ведь... не исключено, что ты, всё же, именно тот, кто нам нужен. Всё когда-то случается и жизнь крайне непредсказуема.

На этих его словах в моей голове созрела мысль о том, что больше всего на свете мне хотелось бы увидеть отчаявшиеся лица членов Братства и сделать их сверкающими. Моя жалкая жизнь впервые предоставила мне сладкую возможность стать чем-то большим, чем игрушка для издёвок матери-алкоголички и я, сразу же захотел стать, не много не мало, лидером этого клуба. Я хотел вести этих женщин и мужчин к силе и власти.

Я хотел вести к силе и власти себя.

– Ты должен отвезти меня к ним! – воскликнул я, возбуждённо, в одну секунду всё решив, – Я должен найти Ниферио-Ритио! – я уже рисовал в своей голове картины, как нахожу этот безликий предмет. Речи отца, хоть и звучали двояко и размыто, но вселяли в меня толику могущества таинственного артефакта. Я представлял, как держу в руках странное Ниферио-Ритио. Я представлял, как мы с отцом стоим на пьедестале, а вокруг толпятся люди, восхищённо смотря на нас снизу.

– Не сейчас, сын. Позже! – отец покачал головой, сведя густые, полуседые и неаккуратные брови к переносице. – Вряд ли клуб потеряет тебя в своём обществе. Видишь ли, много людей притаскивало туда каких-то мальчишек с улицы, не один из которых не был тем самым. Где гарантия, что ты особенен? Ты просто напросто станешь посмешищем среди этих взрослых людей, как и те парнишки.

– Но... если ты не отвезёшь меня в Братство, мне придётся рассказать обо всём матери! – неожиданно для самого себя выпалил я, и, произнеся это, я будто бы сунул руку в какой-то потайной карман, в котором лежали козыри. Я будто бы знал, что настанет момент, в который нужно их обнажить. Мои слова заставили отца ещё раз побледнеть. Спустя мгновения, граф Чернов, из грозного коршуна, невероятного догматика и педанта превратился в маленькую серую мышь и угодил в мою мышеловку!

– Ладно, – тихо и хрипло произнёс он, обречённо кивнув. – Я проведу тебя в Братство Полной Луны, но учти, что если хотя бы одно слово о клубе ты проронишь в стенах этого дома, ты пожалеешь об этом.

Фраза отца заставила меня громко сглотнуть слюну. Угрозы вообще всегда заставляли меня глотать слюну. И я повиновался. Утром, я, будто бы обретая даже какую-то мотивацию и второе дыхание, отправился в школу, а вечером отец забрал меня на своей машине и повёз к кинотеатру «Синий Луч», который располагался прямо в центре города и сейчас, вечером, выглядел безумно торжественно: это было старое историческое здание. Таких навалом было в Северном А-Васне, а здесь, в Южном, таких зданий было пересчитать по пальцам. Крыша кинотеатра была увенчана сверкающей огнями баллюстрадой, на втором этаже располагался балкон с массивными белыми колоннами, а окна были обрамлены светлыми пилястрами, которые, на фоне основного бледно-голубого здания, напоминали белый зефир или безе. Когда я выходил из отцовского чёрного «Мерседеса», моё сердце прямо-таки вырывалось из груди. Огни оживлённой площади ослепляли меня. Возле кинотеатра было множество людей и несмотря на довольно скверную погоду, они гуляли и веселились.

Мы вошли. В холле и коридорах с высокими потолками, украшенными белой лепниной, изображающей ангелов с белыми, словно поджаренными, как яичница, глазами, кажется, народу было ещё больше, чем на улице перед кинотеатром. Пахло жареным попкорном и чем-то приторно сладким. Доносился детский крик, звуки игровых автоматов, визг и смех народа. В моей голове просто не укладывалось, как в таком оживлённом месте могло собираться Братство и проводить свои тайные собрания? Мне почему-то ещё казалось, что каждый

человек, проходящий мимо нас знает, кто мы такие и зачем сюда пришли. Я чувствовал, насколько мы с отцом не соответствовали этим смеющимся людям, этим пёстрым бархатным диванам и малиновым ковровым дорожкам. Мы были, как две чёрные, как смоль, вороны среди стаи верещащих воробьёв. Но, конечно, на самом деле пришедшим сюда повеселиться не было до нас никакого дела. Возможно, думая за них и воображая, что я и отец есть в их мыслях, я просто очень хотел, чтобы до меня было какое-то дело хотя бы кому-то.

Я и отец спустились по лестнице вниз. Там было что-то вроде нулевого этажа здания, в котором располагались какие-то служебные комнаты. Здесь было темно, и гул людей, спящих туда-сюда этажом выше притупился. Отец постучал в одну из дверей, что ничем не отличалась от остальных, которые находились рядом, и поднял взгляд на дверной глазок. Через пару секунд дверь открыла женщина с чёрными, как смоль, коротко остриженными волосами, которые невысоким клином стояли над головой. Она была одета в дорогой и статный брючный костюм из синего вельвета. Брови первого члена клуба, которого мне удалось увидеть, были тонкие, словно две ниточки. Они были невероятно ярко покрашены чёрной краской. Над верхней губой у женщины была татуировка в виде едва заметной родинки. Звали встретившую нас особу – графиня Лилия Львовна Пурис.

– А-а, Корней, – процедила графиня Пурис заметно хриплым, чуть гнусавым голосом и прищурилась, опустив свои и без того низкие веки ещё ниже. – Только тебя мы и ждём. Входи, – она сделала жест рукой, означающий приглашение, однако увидев меня, женщина тот час же посерьёзнела, сведя свои искусственные брови к переносице. – А это ещё кто?

– Мой сын, – преспокойно изрёк отец.

– Кхм, – недоумевающе кашлянула женщина, вскинув брови-нитки. – Корней, подойди-ка на минуту, – сказала она тихо и надменно. Отец подошёл ближе. – Какого чёрта здесь делает твой мальчишка? Или ты тронулся умом? – она прикрикнула на отца шёпотом.

– Успокойся, Лилия, – глухо и холодно сказал граф Чернов. – Никита останется здесь столько, сколько ему захочется. – А теперь, дай нам дорогу.

Лилия Львовна недоумённо сдвинулась с места, пропустив нас. Она осталась стоять в дверном проёме в таком же недоумении, провожая нас своим высокомерным и подозревающим взглядом. Мы с отцом прошли вперёд. Это был небольшой конференц-зал, выполненный в тёмно-синих тонах. Его приглушённо освещали кованые свечные бра, редко раскиданные по стенам. Возле стен, ещё, стояли высокие массивные шкафы из тёмного лакированного дерева, забитые книгами с оккультным содержанием. В центре просторного помещения располагался огромный деревянный стол переговоров с витиеватыми ножками и элегантной, почти зеркальной обсидиановой вставкой. На столе ютилось множество горящих свечей из чёрного, синего, фиолетового и красного воска и разных причудливых предметов. Как я позже понял, когда-то эти люди думали, что все эти предметы – Ниферио-Ритио: тут были и причудливые часы, и какие-то непонятные механизмы, и украшения, и бесформенные невзрачные и яркие камни, и какие-то шкатулки, куклы ручной работы с устрашающими лицами... проще было сказать, чего тут не было.

На столе, помимо всего этого лежало много открытых книг, свитков и предметов для письма. Возле стола располагались удобные чёрные, мягкие кресла. Такие же мягкие, как и пол: наши по нему шаги были почти не слышны совсем, из-за того

что пол был устлан тёмным бархатным покрытием. Я медленно и неслышно делал шаг за шагом, ловя себя на мысли, что мне нравится здесь находиться. Находясь в этом помещении и впитывая мистическую атмосферу тайны, любой бы почувствовал себя какой-то эксклюзивной форфоровой куклой, заботливо положенной в коробку с бархатным дном.

– Здравствуй, Корней, – ехидно пропел ещё один человек, вышедший из темноты зала.

– Здравствуй, Морис, – сдержанно кивнул отец.

– Кто с тобой? – истерично воскликнул он и его голос стал напоминать подавившегося червём птенца.

– Это мой сын, Никита, – отец не менял выражения лица и был всё так же спокоен и холоден.

«Ну и вырядился же!» – подумал я.

И только сейчас я заметил, что граф Морис Петрович Гордиенко – так звали этого человека – действительно был похож на птицу: рыжие волосы, напоминающие петушиный гребень; маленькие, далеко от друг друга посаженные чёрные глазки, делающие взгляд графа Гордиенко туповатым; острый, крючковатый нос, похожий на клюв попугая и тонкие, какие-то незаметные, бескровные губы. Одет граф был в пёструю фиолетовую рубашку с красным галстуком, чёрные брюки и лаковые, в цвет галстука, туфли. В детстве он жил в Северном А-Ваене вместе со своим отцом и старшим братом. Сейчас братья иногда общаются, но с каждым годом их общение всё больше и больше исходит на нет. Отец графа Гордиенко состоял в прошлом поколении Братства Полной Луны и кажется, его смерть произошла трагически, по вине каких-то противников Братства. Такая же трагическая смерть настигла всё прошлое поколение Клуба, всех родителей нынешних его участников. Я в историю сильно не вдавался, но в Братстве периодически упоминали неких «Чёрных Рыб» – террористическую

группировку, действовавшую, кажется в пятидесятых и зверски убивавшую тех, кто занимался магией или же имел какое-то к ней отношение. Под руку «Рыб» попали и члены Братства того времени.

Братство существовало без малого сто пятьдесят лет и то поколение, которое сейчас присутствовало в Клубе было четвёртым. Мой дед, которого, кстати, я никогда в своей жизни не видел, не состоял в Братстве. Отец, как он сам сказал, пришёл сюда в молодости и они его приняли.

– Чего же вы все так боитесь? – начал вдруг будто бы из неоткуда соткавшийся женский голос. – Да, приводя сюда ребёнка он ставит под угрозу всю нашу деятельность. Да, вы все думаете, что этот ребёнок такой же, как и десяток тех, которые сначала светили нам отдалённо, словно маяк, но потом померкли в темноте, постепенно высосав из нас надежду... и вас можно понять... – её голос звучал, так медленно и сладко, словно она пела, а не разговаривала. Он слышался как будто бы ото всюду, устремлялся во все четыре стены, а затем мягко отталкивался от них и приземлялся на плечи, ласково окутывая сознание. Это был какой-то сладостный гипнотический голос и я пока не понимал, откуда он шёл. Я, отец, Лилия Львовна и Морис Петрович стояли рядом, смотря в темноту. Но все кроме меня, кажется, смотрели в эту темноту осознанно. – ...Но настало время переступить через себя: Корней не меньше вас не хочет, чтобы все наши усилия стали напрасны. Он привёл нужного нам всем ребёнка. Он привёл того, кто изменит наши жизни! – пропела она, будто вгоняя тонкую и блестящую иглу своего голоса во всех присутствующих. Её речь волновала и заставляла мурашки бежать по коже. Мне скорее хотелось увидеть, как выглядит обладательница этого потустороннего голоса и понять, почему она так возвысила меня, ещё даже не обратив на меня своего взгляда. Вдруг из темноты послышался

скрип несмазанных колёс. Через мгновение он приблизился, и на инвалидной коляске, сюда, на середину, выехала женщина лет сорока трёх. Её голова, мастящаяся на тонкой и хрупкой шее, ласково прильнула к правому плечу; глаза, обрамлённые пышными чёрными ресницами были занавешены тонкими веками с выступающими сквозь них венами, а шёлковые белоснежные волосы были собраны в длинную косу, которая лежала у неё на коленях. Сама женщина была одета, как мне показалось, в какое-то очень хрупкое, будто хрустящее, как крылья умершей высохшей моли, белое платье с объёмными серебряными цветами, которые были выполнены тоже из какого-то, на вид, хрупкого материала. Такими же цветами был украшен и ободок на её голове. Я думал, одно касание – и вся она, с её костями, волосами, одеждой – вся она в миг рассыпится и превратится в горстку золы.

Женщина оторвала свою голову от плеча, с хрустом шеи, и открыла глаза. Каково же было моё удивление, когда я увидел её глаза. Они были такие же белоснежные, как её волосы и слегка, по-лунному светились. Можно было подумать, что в её глазницы действительно вставлено по луне. Лицо женщины было какого-то трупного серого цвета, а на нём отчётливо были видны дорожки тёмно-синих вен. И то ли дело было в освещении, то ли сюрпризы уже начались. Меня передёрнуло.

– Здравствуй, Никита! – пропела она, улыбнувшись, и подъехала, управляясь с коляской своими хрупкими, будто рахитными руками, прямо вплотную ко мне. Затем взяла мою ладонь в свою смертельно холодную руку и притянула к таким же ледяным, бескровным губам, оставив на моём запястье свой синевато-ледовый поцелуй. Женщина жгуче оторвалась от моей руки и её белые глаза-луны взглянули прямо на меня. – Меня зовут Шамирам. Я рада узнать тебя.

Шамирам была кем-то вроде мессией для Братства. У каждого поколения Братства была мессия, и Шамирам была одной из них. Она пришла сюда сразу же после смерти предыдущей. Кажется, тогда это тоже была женщина. Позже я узнал, что Шамирам перестала ходить после того, как совершила не увенчавшуюся успехом попытку самоубийства. Она прыгнула с восьмого этажа собственного дома, когда узнала о смерти своей старшей сестры. Родителей сестры потеряли, будучи ещё совсем юными. Шамирам почти полностью воспитывала сестра. Она стала для Шамирам единственной поддержкой и опорой, заменила ей отца и мать, а когда её не стало, девушка решила, что не сможет больше жить. Что касалось глаз Шамирам – не видела она примерно лет с восьми. Её зрение ещё в раннем детстве стало стремительно ухудшаться, врачи давали неутешительные прогнозы родителям. Они говорили, что вскоре зрение полностью покинет девочку и вряд ли как-то можно будет вернуть его. Но родителей Шамирам очень трудно было заставить отчаяться. Они предпринимали множество попыток, чтобы вернуть ребёнку зрение... но всё шло совсем не так, как они планировали: ярко-изумрудные глаза Шамирам в один миг потухли навсегда, став полностью белыми, что-то будто бы выжгло радужку и зрачок из её глаз, заменив всё это лунной белизной. Шамирам потом говорила, что больше этого мира она не видела, но она видела другой, в котором ей нравилось куда больше. После того, что произошло с её глазами, девочка стала замечать странные свечения, слышать звуки, которые не слышали другие, и родители решили, что ребёнок – тот самый проводник, который станет светить другим людям, помогать им. Они видели, что их дочь меняется и даже если судьба забрала её зрение – она же одарила её чем-то другим... но вот несчастье, родители не смогли понять, что пришло на смену утрате. Внезапно случившаяся автокатастрофа быстро

унесла их жизни из этого мира и Шамирам упала в бездонную пучину скорби. Через несколько лет умерла сестра. Отчаявшись, шестнадцатилетняя девушка выпрыгнула из окна дома, но что-то заставило её выжить. Что-то, потом, после долгих лет восстановления также заставило её найти членов Братства и обрести свой новый смысл жизни. Теперь она твёрдо знала, чего хочет. Она это знает и до сих пор.

...Я решил, что съезжаю с катушек. Люди из клуба, включая отца, с удивлением уставились на меня и эту женщину, будто завидев некую серебряно-лунную паутинку связи, что начала прокладываться между мной и Шамирам. Когда она, секунду назад, подъехала ко мне вплотную, мне казалось, что мир замер вокруг меня и я замерзаю, а холод проникает мне под кожу. Но кое-что вдруг начало неистово и несуразно согревать меня. Рука, что только что замерзала, стала теперь горячей. Я внимательно осмотрел её и задержал свой взгляд на браслете. Том самом, что я нашёл в музее и теперь не снимал. Этот браслет накалился до такой степени, что мне казалось, что он сейчас расплавится, а вместе с ним, превратится в мясо моя рука. Однако этот жар не приносил мне такого дискомфорта, какой может доставить плавящийся металл. Даже наоборот. Со мной как будто бы всё в тот вечер происходило наоборот, не как всегда.

– Никита! – до меня вновь донёсся мелодичный голос Шамирам. Она позвала меня подойти ко всем им. – Знаешь ли ты сам, зачем ты здесь? – она спросила это, хотя весь её вид прямо кричал о том, что она знала ответ. Теперь же она хотела убедиться в том, знаю ли его я. Я, виновато, всё ещё находясь в диком смятении, подошёл к этим людям. – Ну же, Никита! – нетерпеливо пела белая Шамирам. – Зачем ты пришёл в Братство? Ты ведь знаешь!.. – она сжала свои кулаки, чуть не

проткнув ногтями белую нежную кожу и едва не начала скрежетать зубами от волнения.

– Я... – я разволновался. В первый раз в жизни мне выпал такой шанс. Присутствующие затихли, и, ошарашенные поведением мессии, нервно ожидали моего ответа в полной тишине. Я видел, что Шамирам проявляла ко мне острющую любознательность, сильнейшее, чешущее и скребущее в теле внимание. Она хотела со мной говорить и я тоже хотел. Я считал важным сказать ей, почему я здесь, но ужасно волновался, смотря на свой браслет. – ...Я тот, про кого написано пророчество. Я здесь, чтобы найти Ниферио-Ритио! – выпалил я и, тяжело задышав, стал ждать реакции членов Братства. Прежде всего мне было интересно, что скажет эта женщина с белыми глазами. Я видел, что крайне интересен ей: она по-матерински нежно со мной говорила и уже возлагала на меня огромные надежды. Паутинка доверия к ней постепенно становилась ниткой, обещав с годами превратиться в прочный канат. Меня привлекала эта женщина. Мне хотелось ей нравиться, мне хотелось вдохновлять её и вызывать в ней ещё более сильные чувства.

– Зачем тебе Ниферио-Ритио, мальчик? – продолжала она, жадно глотая воздух от волнения и сверля меня своими пустыми глазами, ни на мгновение не переводя взгляд, и, кажется, не моргая. По её выражению лица было видно, что она неприменно считает меня тем мальчиком из пророчества, однако ей нужно было, наверное, устроить для меня какую бы то ни было проверку. Ей нужно было услышать все ответы от меня.

– Я... я хочу обрести великое могущество, завладеть предметом, разделить великую силу между членами Братства!.. – на этих словах мой неуверенный голос каким-то поразительным образом стал постепенно становиться совершенно уверенным и даже низким. Это придало мне

уверенности и я продолжил. – Я хочу, чтобы каждый, кто ищет магический артефакт годами, продолжая великое дело своих отцов и матерей, наконец-то обрёл его силы, дабы стать гордостью для почивших предков! Я хочу, чтобы труды каждого находящегося в этом зале были не напрасны! И вместе мы сможем сделать это! Вместе мы добьёмся всех наших целей, чтобы предки гордились нами! Они были стары и усталы, а мы – молоды и сильны! Так пускай начнётся новая эра Братства! Пускай поможет нам удача! – когда я закончил, я увидел, что на меня с удивлением и блеском в глазах смотрели уже не только отец, Шамирам, граф Гордиенко и графиня Пурис. Увлечшись своей речью, я пропустил, как здесь появились ещё два человека: женщина и мужчина. Было странно, что я пропустил их приход. На меня смотрели двенадцать глаз, полные изумления и чувства того, что на самом деле я совершенно не тот, каким показался им вначале. Помню, как тогда какой-то бас прошептал в моей голове, что эта речь – только начало. Этим же басом, будто бы говорил и я. По крайней мере я себя так слышал и судя по тому, как я воодушевил и поразил Братство, они тоже. Когда я закончил свою речь, зал сокрушился от бурных аплодисментов этих шести человек. Аплодировал даже отец, и его реакция была для меня самой ценной. Я никогда не думал, что смогу впечатлить этого сурового графа.

Я был в полнейшем недоумении от сказанных мной же слов. Откуда эта звёздная речь родилась в моей голове и почему я вдруг стал так уверен в себе? Я смотрел на них всех и думал: да. Я – «персонаж» из древнего пророчества, ибо мне удалось зажечь их глаза. Мне, шестнадцатилетнему подростку, больному анорексией и выглядевшему, как вставший из могилы труп. Они, все эти шесть человек смотрели на меня, как планеты смотрели бы на своё Солнце, если бы у планет были глаза.

Я немного пришёл в себя и как-то, приобретя прежнюю, более свойственную мне несмелость, приблизился к членам клуба, ожидая теперь их реакции. Страх этих высокомерных людей теперь вновь во мне накалялся.

– Никита! – Шамирам вновь пропела моё имя и я сразу же обратил на неё свой взгляд. Я не знал, видит она или нет, и спрашивать было как-то неудобно. Она задержала свой луннопустой взгляд на мне, и он казался мне ещё пристальней, чем если бы мне в глаза посмотрел человек у которого бы на месте были зрачки и радужка. Мы с женщиной отделились от остальных. – О, мой дорогой Никита! – начала она, так же сладко, как и всегда, только на тон тише. – Ты не представляешь, какое могущество ты несёшь в себе! Ты не представляешь, что таится здесь! – она поднесла свою ледяную руку к моей груди. – Я почувствовала, что сегодня случится что-то очень важное, но я, как и они, уже переставала верить!.. Но... это чудо! Только ты действительно сможешь сдвинуть наше великое дело с места, сдуть пыль с застоявшегося ящика с сокровищами и поймать в своих глазах великолепный блеск таящихся в нём драгоценностей! Всё, что ты видишь здесь, – она показала на стол. – труды нас и наших предков, однако они ничего не стоят. На них лишь отпечаток энергии Ниферио-Ритио... – женщина вздохнула. – Но само оно не найдено спустя много лет! Никита... твой потенциал не знает границ! Оставшись с нами ты сможешь реализовать его и приумножить в разы! Я сразу же заметила в тебе нечто таинственное. Нечто, что глазами не увидишь! – прошептала она, опять же будто бы пропев. – Я поняла, что ты уже немного осведомлён о истории Ниферио-Ритио, но тебе предстоит ещё много узнать. Древнее пророчество, написанное магом-создателем этого предмета – Ристалем Унгольдом – всё ещё живо и сквозь время оно привело к нам тебя! Ристаль любил этот прекрасный мир до того сильно,

что положил жизнь во имя того чтобы создать Ниферио-Ритио – то, что поможет ему оставаться здесь вечно. Но... смерть оказалась хитрее. Она забрала его, когда он не ожидал, и, соответственно, магу не удалось испробовать то, над чем он работал в поте лица всю жизнь. Согласись, обиднее и несправедливее этого трудно что-то представить!

– Ристаль придёт к нам, когда мы найдём его творение? – решил уточнить я.

– Ты прав. Ристаль придёт. Но одновременно он и уже здесь, – сказала мессия, прищурив две своих луны. Я всё больше убеждался, что этот белый взгляд – самый осознанный, который я когда-либо видел. – Ристалю, потому что он – маг – удалось вернуться на Землю из мира мёртвых. Но даже не в качестве призрака. – Шамирам грустно вздохнула. – Он – всего лишь рубиновый сгусток энергии, маленький дух, потерявший тело и память и вынужденный коротать уже почти сто пятьдесят лет, кочуя из разных предметов в другие предметы. Он может задерживаться в украшениях, разной утвари, безделушках, куклах – он оставляет там немного своей энергии, отсиживается и вылетает, потому что все эти предметы вытесняют его из себя. Эти предметы, помеченные Ристалем – мы обычно путаем с Ниферио-Ритио. Мы натываемся на след духа, постепенно приближаясь к его творению.

– Подождите, что значит, что Ристаль потерял память? – решил уточнить я.

– Потерял память... он не помнит ничего: даже, как выглядит его собственное творение. Помочь найти его можем только мы.

– А почему пророчество написано именно про мальчика?..

– Этого никто не знает, Никита, – пожала плечами мессия.

– Просто так предсказывал сам Ристаль. Он говорил, что найдёт

себе наставника-мальчика, который выведет его в этот мир с помощью Ниферио-Ритио.

– Перемещаясь из предмета в предмет Ристаль приближается к нам?

– Нет, – покачала головой белая женщина-моль. – Но мы приближаемся к нему. Сейчас, когда ты, осведомлённый и светлый мальчик, пришёл сюда, Ристаль чувствует это, и значит, начинает крепнуть. А вот, что этому способствует, – Шамирам коснулась моего серебрянного браслета.

– Браслет? – удивился я. – Поэтому он становится таким горячим?

– Да! – сказала женщина. – В нём Ристаль был долгое время и оставил очень большой след. Этот след направляет тебя. Этот след помогает тебе. Этот след хранит тебя, делает сильнее и умнее. И именно он даёт тебе самое сильное чутьё на Ниферио-Ритио и уверенность в своих силах. Именно от твоего магического потенциала теперь зависит скорость возвращение памяти Ристалу. Отныне, он начинает расти и крепнуть благодаря тебе. Используй энергию браслета, и тогда, когда ты найдёшь Ниферио-Ритио, откроешь портал в Рубиновый Мир, созданный Ристалем, тут уже ничто не остановит его прийти на сильнейший зов собственного изобретения. Память вернётся к нему окончательно. Ристаль пожмёт тебе руку и щедро наградит тебя, когда сможет полностью окрепнуть. А теперь, скажи мне, останешься ли ты с нами?

Ни секунды не медля я произнёс:

– Остаюсь.

И тогда же я твёрдо решил: это успех. Впервые в моей реальности у меня получилось сделать что-то так блестяще. Я хотел оказаться в клубе, и вот, таинственная Шамирам уже видит во мне свою правую руку. Я был несказанно счастлив и меня отныне и вовсе не беспокоило то, что остальные как-то не

радушно встретили меня. Но доверие нужно уметь заслуживать, всё это дело времени, решил я. Главное то, что я остаюсь. Удивительно! Я всю свою жизнь хотел внимания, но не знал, что про меня почти два столетия назад уже знали. Мой приход в этот мир уже был предначертан! Осознание себя героем пророчества было для меня подарком судьбы, который я с готовностью и удовольствием принял.

Шамирам продолжила, теперь уже громко и пронзительно:

– Теперь, я уверяю тебя, твой отец и эти люди поняли, что ты – именно то, что нам всем было так необходимо! Твой энтузиазм заражает нас, окрывает второе дыхание. Твои слова побуждают действовать! – кричала она. – Ты – ниспосланный Ристалем! Ты – наша надежда!

И после этих слов я наполнялся новым для себя ощущением: я больше не чувствовал себя морально и физически искалеченным и больным подростком. Я смог воодушевить их, стереть пыль, как говорила Шамирам, с них всех, как со старых сундуков, спящих на антресолях десятилетиями, в то время как в меня это чувство никто перед этим не вселял: оно взялось изнеоткуда. Происходящее будто во сне вызывало бабочки в моём животе, а приятные мурашки разбегались по телу, словно пальцы музыканта по клавишам рояля.

– Мы действительно будем рады видеть тебя на встречах Братства. – обратилась ко мне короткоостриженная графиня Лилия Львовна, тон голоса которой совершенно поменялся и теперь не был так дерзок и подозрителен.

– Согласен, – заявил пёстрый граф Морис Петрович, кивнув своим выпуклым, птичьим лицом и деловито поправил галстук, помогая шеей. Что-то в этом движении было явно жестом, выражающим оправдание передо мной.

– Впервые слышу, как столь юному мальчику удаётся так замечательно говорить! – восхитилась одна из вновь

появившихся женщин: графиня Ирина Николаевна Баранова. Крепкая брюнетка, волосы которой были забраны в аккуратную шишку на затылке. Её пухлое лицо было похоже на плюшевое игрушечное сердце и поэтому априори не могло выглядеть угрожающе, хотя её взгляд, как и у всех здесь присутствующих, был подозрителен: усталые веки, как жалюзи, напрасно стремящиеся скрыть нескрываемую печаль, нависли над глазами цвета изумруда, а плотные губы были окрашены старящей её ещё больше тёмно-красной помадой. Выглядела Ирина Николаевна почти на шестьдесят, однако присмотревшись, можно было понять, что она гораздо, гораздо моложе. Одетая графиня Баранова была в шерстяную, по виду, совершенно новую коричневую кофту крупной вязки и чёрные брюки. В ушах её нелепо посверкивали золотые серьги с небольшими рубинами.

С ней рядом стоял мужчина в салатовом пиджаке и тёмно синих брюках. Он был похож на великана: блондин с небольшой, расплетающейся шишкой из волос на затылке и соломенного цвета короткой бородой. Граф Роголод Геннадьевич Бьёрк – так его звали – имел большое лицо и рост два с небольшим метра. Признаться, узрев восхищение этой машины с глазами-озёрами, (глаза у Бьёрка были светло-голубыми) я как-то ещё больше удостоверился в своей первой победе. Он сказал пару слов своим поистине громовым голосом, и я с удовольствием и жадностью впитал эту похвалу в себя.

Никто из членов клуба не обделил меня своим вниманием. Цель стать центром для них была уже достигнута, по правде сказать, я даже сам не понимал, как этого удалось достичь так просто? Поразительно просто! Но на этом планы, конечно не заканчивались. Мои запросы стремительно росли и теперь я хотел стать их богом. Тем, на кого они могли буквально молиться. Да, ростки величия, медленно, но деловито

прорастающие сквозь мёрзлую землю долгих и мучительных лет мной пережитого насилия, наконец, возвысились! Планы мои уже не казались заоблачными, хотя ещё сутки назад действительно показались бы мне эфемерными и совершенно немыслимыми. Свои дальнейшие планы я решил привести в исполнение уже при следующих визитах сюда. Я был твёрдо уверен, что после того впечатления, какое я здесь произвёл и после той убедительной речи, которую произнёс, они будут так же сильно жаждать моего будущего визита, как жаждут найти таинственное Ниферио-Ритио. В этом не было никаких сомнений.

В тот день мне не так много рассказали про Братство Полной Луны, и в моей крови закипел такой азарт, что мне даже казалось тогда, что мои волосы вот-вот вспыхнут алым пламенем. (Именно после этой ассоциации я покрасил волосы в красный цвет).

Сейчас я мечтал ещё более стойко зарекомендовать себя в Братстве, убедиться, что с таким восхищением они встретят меня ещё не раз и не два, заслужить максимальное доверие Шамирам, а уже потом, узнав все подробности предыдущих поисков загадочного артефакта, начать их с нового, своего листа.

Пока я думал об этом, браслет приятно согревал моё запястье. С того самого дня он не переставал излучать тепла.

Мы с отцом вышли из «Синего Луча» уже далеко за полночь. Посмотрев на большие напольные часы в холле кинотеатра, где, кстати, почти не было уже народу, я ещё раз убедился в том, что идти домой мне совершенно не хочется. Какую-то тоску во мне вызвал этот взгляд на часы. Когда я думал о времени, то всегда неизбежно подтверждал для себя то, что являюсь его заложником. Это меня расстраивало, но вскоре

я полностью закрепил в своём сознании то, что после того, как найду Ниферио-Ритио и освобожу Ристаля – это время будет бояться меня, а не я его. Время станет моим заложником, и я смогу навсегда попрощаться со своими страхом и тоской.

Всю обратную дорогу отец молчал. Видимо, он тоже не хотел домой. Граф словно предчувствовал то, что случилось сразу же, как мы ступили на порог квартиры.

Во мне теплился какой-то маленький кусочек надежды, что мать не заметит того, что меня не было дома до ночи, не будет устраивать истерик, но нет. Она стояла прямо на пороге, в домашнем шёлковом халате, на котором были изображены зелёные, будто бисерные змеи со зловещими жёлтыми глазами и высунутыми языками. Мать была разъярённая, как дикий зверь и неизменно пьяная.

– Какие же вы идиоты! – завопила она. – Оставлять женщину одну в столь поздний час – это не то, что должны позволять себе те, кто называет себя мужчинами! – она ткнула пальцем в воздух, прочертив там какую-то невидимую ломаную линию и икнула. – Я даже забываю о том, что в моём доме есть хоть один настоящий мужик! – зарыдала она и закурила, зажав сигарету между своих толстых губ с размазанной алой помадой. Затем она посмотрела на отца взглядом, полным обиды и горечи, и с силой ударила его по щеке ладонью.

Мать взяла в свободную руку бутылку вина, которая стояла на небольшом зеркальном столе, расположенном здесь же, и сделала большой глоток. Вино красной струйкой потекло по её подбородку и шее, змеилось между пышных грудей.

– Тебе хватит, Алиса, – процедил отец, раздражённо, нервно и тихо, выбив неловким движением из рук жены бутылку. Бутылка упала на пол и разбилась в паре десятков сантиметров от ног матери.

– Хватит? – она обиженно, пьяно улыбнулась и зашаталась, словно дерево на ветру. – Одинокая женщина может позволить себе выпить, Корней! Особенно, когда её муж отшивается со своими шл*хами! – плача и шмыгая носом, невероятно прекрасно умеющая закатывать истерики и играть на чувствах, взмолилась мать хриплым голосом и горящая сигарета случайно потушилась об стену. – Уйди в комнату! – рявкнула она, заметив, что здесь, вообще-то ещё есть и я. – А с тобой мы сейчас поговорим! – это она сказала отцу.

Я ушёл к себе в спальню, что мне оставалось? Однако именно в эту минуту я наполнился такой сильной злостью и ненавистью, словно во мне сейчас сконцентрировалась вся злость, которую я запирал в себе месяцами. И только ныне я почувствовал, насколько её было много и как она была сильна и мощна. И когда я чувствовал эту ненависть, кровь моя закипала, а внутри будто что-то росло. Что-то невидимое, но сильное, огромное и титанически мощное. И я позволял этому расти. Я не останавливал это и этого не боялся. Браслет на руке всё сильнее накалялся, словно одобряя все мои нынешние чувства. Теперь я второй раз мнил себя не шестнадцатилетним больным и изуродованным подростком, а мессией. Мессией, ниспосланным Ристалем Братству и для того, чтобы освободить себя и отца от власти и гнёта той с*ки, которую язык не поворачивался называть матерью.

Потом я всё же, ума не приложу, каким чудом уснул и ночь спокойно проспал. Аналогично, на учёбу я на следующее утро идти даже не думал. У меня в планах сейчас была совершенно другая учёба, и известно было, какая.

За ночь мои смелость, ярость и сила равномерно распределились по моему телу и разуму, придя в баланс. Сейчас можно было даже сказать, что я полностью состоял в равных пропорциях из смелости, ярости и силы, и чудом мог

вернуть свою личность к жизни. Личность, которую всё время губила мать. Я понял, что обхитрил её. Я понял, что не дал этой твари уничтожить себя до конца.

Позавтракав, я отправился в комнату к отцу, который давно ушёл на работу, открыл ящик секретера и достал оттуда найденный мной вчера блокнот. Сейчас я делал это и совершенно не мнил себя вором: теперь, это был и мой блокнот тоже. Теперь деятельность Братства была для нас с отцом общим благим делом. Перелистнув пару страниц, я решил поподробнее углубиться в деятельность Братства, так сказать, просмотреть её глазами отца, однако, когда я пытался разбирать почерк графа, и неразборчивость его писанины мешала мне нормально сосредоточиться, я, увлечённый, совершенно не заметил, что за мной уже минуты так три пристально наблюдала мать. Я увидел очертания её неприятного моему глазу отражения в стеклянных дверцах секретера. Она стояла рядом, а её кривая рука поглаживала рог железного носорога, что был прибит к стене. Еле живой, я медленно повернулся к матери лицом, чувствуя, как оно становится горячим от злости.

– Братство Полной Луны... – усмехнулась она. – Вот слышу это и не понимаю, что вы там находите! Такая нелепость! – и она выдернула чёрную книжечку из моих рук. – Нормальные мужики хотят трахать своих баб, а не отвисать с шалавами в притонах, называя всё это «Братством»... Хотя... погоди-ка! «Братство» – это же от слова «братья», значит, там одни мужики! Тогда всё ясно! – всплеснула руками эта пьяная идиотка и залилась сначала громким смехом, а потом горьким рыданием. – Я... я подозревала!.. Подозревала, что твой отец завёл любовницу, но мне и мысли не приходило, что женщины его больше не возбуждают! Его возбуждают мужчины! Чёртов п*дор! – закричала она и яростно швырнула еле-дышавший блокнот в стену.

Я испугался, непроизвольно пригнувшись.

– Что ты такое несёшь?! – запротестовал я. – Братство...
Братство – это...

– Я знаю, что это, не надо мне ничего объяснять! – рывкнула мать. Я вздрогнул, задавшись вопросом: куда делись мои вчерашние уверенность и злость? Почему они снова сменились испугом? Может, вчера, когда я почувствовал, что становлюсь смелее, я не учёл самого главного? Я не подумал, каково это: встретиться с врагом лицом к лицу? Обидно, правда, когда твой враг это тот, кого ты вынужден называть вместе с тем ещё и матерью, но не суть.

– Знаешь?.. – в недоумении переспросил я.

– Корней пропал там, когда я была беременна тобой, – она ни с того ни с сего вновь перешла на жалобный и плаксивый хриплый голос, достала из кармана халата пачку своих дурацких «женских» сигарет и зажигалку, закурила, и продолжила. – Я умоляла его бросить посещать это место, но он не слушал! – застонала она и по её щекам вновь поплыли чёрно-сизые слёзы косметики. – Когда ты родился, он всё-таки послушал меня, а теперь! Что теперь? Теперь он и тебя туда затащил! Теперь и ты связался с этим чёртовым клубом, Братством, или как его там! – заканючила она, выдыхая дым краем рта. – Сначала меня, предал мой мужик, а теперь, с*ка, ещё и сын! – мать зарыдала, как обиженный ребёнок.

– Мы с отцом... мы с отцом знаем, что делаем... мы с отцом... – я пытался ясно выразить свою противоположную мысль, смутно полагая, что мать можно переубедить, но стал сильно заикаться и нервно сглатывать, поэтому вместо конструктивного объяснения у меня выходил лишь детский лепет. Перед ней я вновь превращался в игрушку.

– «Мы с отцом, мы с отцом!..» – передразнила мать, задыхаясь от плача и стирая с лица рукой свою поплывшую

краску вместе с соплями. – А ты знаешь, что эта козлина тебе вообще не отец?!

После этих слов меня бросило сначала в жар, потом в холод, потом снова в жар. Что она имела ввиду?..

– Что?.. – осталось промямлить мне.

– А что ты удивляешься? – эта психопатка мгновенно вытерла все слёзы, перестала плакать и как бы между прочим это спросила. – С ним в браке я была совершенно одинокой и никому не нужной женщиной! Я цвела, словно роза, но он не хотел даже смотреть на меня! – театрально ахнула она. – Не то что вдыхать мой аромат!

– Кто. Мой. Отец?! – в моём голосе вновь появился бас. Всё внутри взбудоражилось и забурило, вены на висках начали пульсировать от напряжения, а браслет вновь поддерживающе начал греть мою руку. Я медленно вставал со стула, не отрывая злого взгляда от матери.

– Хочешь знать, кто твой отец? – пропищала мать, будто усмехнувшись. – Кирилл. – будто бы между прочим сказала она, и принялась наматывать на палец одну из своих противорыжих кудрей.

Мои глаза округлились.

– Что?.. – только и смог произнести я, отказываясь верить в услышанное. Кирилл был моим дядей. Родным братом моей матери. – Ты сумасшедшая идиотка!!! – взревел я.

– Как ты разговариваешь со мной, сопляк! – взвизгнула мать и замахнулась на меня рукой с жёлтыми длинными и загнутыми ногтями. – Скажи спасибо, что ты здоровый и красивый, не такой, как большинство детей, рождённые от инцеста! Скажи спасибо, что я не сделала аборт, хотя знаешь сколько раз я об этом пожалела? Знаешь?! – она вновь истерически рыдала, тряся обеими руками. Моё маленькое тело содрогалось от ярости и негодования. Я тоже был готов

зарыдать, но что-то было сильнее этого. Что-то, что опять начало расти внутри меня.

– Ты мне не мать! Ты шл*ха!!! – завопил я, пытаюсь сдерживать готовящийся вырваться наружу поток слёз отчаяния. Она бросилась на меня, продолжая замахиваться, а я, мигом озверев до крайне степени, схватил её за шею своими худыми ручонками (невесть как!), и, тяжело дыша через рот и плача, больше не сдерживал свой гнев! Я задыхался и рыдал, смотря, как её грязное лицо, находящееся в моих руках, как огромное яблоко, наливается кровью, а на шее выступают вены. Через минуту я уже не мог держать её и она стала бить меня по лицу кулаками, крича матом. И в ту секунду настал момент истины: браслет теперь не грел, а обжигал моё запястье, подначивая меня сделать должное – (это Ристаль Унгольд направлял меня!) Я упёрся ей в грудь руками, и с невесть откуда взявшийся огромной, гигантской силой, схватил мать под мышки и потащил, с диким воплем, к стене. Туда, где висел подарок отца из Африки. Рог металлического носорога вонзился в спину непросыхавшей алкоголички и вышел точно через её солнечное сплетение. Я нанизал её на рог, как мясо на шампур! Со всей силы, опять вспомнив все её издевательства. Откуда взялась эта мощь? Почему я резко обрёл такую силу?!

Я почувствовал, как в моих глазах загорелся огонь и тут же погас. Вся мощь, которую я только что обрёл, мигом меня оставила. Мать захлёбывалась кровью, смотря на меня уже совсем не тем суровым взглядом. Она была бессильна и безнадежна. Зрелище было не из приятных. Через минуту она перестала издавать эти неприятные звуки и всё затихло.

Я лёг на пол, не в силах дышать. Лёг прямо в огромную лужу горячей крови, которая прибывала и прибывала, не успевая остывать. Я не думал, что способен на подобное, но таков был мой единственный выход. Я смотрел, как льётся

кровь из её тела, отдавая себе отчёт в том, что сильнее эйфории и удовлетворения я не чувствовал прежде никогда. И прилив тепла шёл от запястья, на котором был браслет. Несомненно, это энергия Ристалия Унгольда так сообщала мне, что я прав. Я даже начал успокаиваться и засыпать под тепло крови матери и моего браслета, как хлопнула дверь. Этот звук острой болью отозвался в моей груди и стал рассыпаться учащённым сердцебиением. Эйфория мигом отступила, освободив место страху. Я почему-то был уверен, что в мою квартиру только что ворвались копы, готовые арестовать меня и лишить Братства, Ниферио-Ритио, магии, власти... но это был отец. Вернее, не родной отец.

– Никита?.. – позвал он из прихожей. Его голос звучал потерянно. – Ты разве не на уроках?

– Я... я заболел, – импровизировал я. – Температура, – я совершенно не понимал, что мне говорить отцу, лёжа в луже крови. Искренне не понимал. Я снова трясся, как нелепый мальчишка, как лист на ветру. Я снова суетился, потеряв всякое самообладание.

– Ладно, – произнёс отец и я услышал, как он идёт сюда, в свою комнату. На один его шаг приходилось два моих удара сердца. Я чувствовал что-то совершенно непонятное, странное, ужасное. Ещё мгновение, и он зайдёт в эту комнату, а я всё ещё не знаю, что мне говорить. Не знаю, как мне объяснять...это!

И вот. Он зашёл сюда, сразу же наступив в кровь, в которой здесь было ВСЁ. Граф сразу же поднял взгляд на окровавленное тело, из которого торчал рог и кровавое месиво, вылезшее с рогом из матери, и глаза отца округлились настолько, что было похоже, что он болен базедовой болезнью.

– Папа... – промямлил я, словно был девчонкой. Папой я его никогда не называл. – Я...я...не... – и тут я решил, что лучше будет заткнуться. Воцарилась тишина. Я опустил голову и продолжил смотреть на кровь. Потом тишину начали

нарушать всхлипы отца. Он плакал. А у меня внутри всё превратилось в огромный ледник, который не хотел таять. – Отец... – моя рука потянулась к его плечу. Я ведь не знал совершенно, что мне сейчас говорить. Я. Убил. Мать. Эти три слова кружились в моей голове, словно стервятники над трупом. Голова моя просто кипела, однако никакого ощущения того, что я совершил убийство, и убил... ну как бы... надо сказать... близкого человека... у меня не было и в помине. На завтрашний день я уже и думать перестал про мать.

Отец всё продолжал плакать. Пару раз он истерично всхлипнул, а я продолжал молчать в никуда. Наконец, он убрал руки от своего, изнемождённого слезами и морщинами побагровевшего лица и посмотрел на меня. Я от всего сердца не знал, что мне ждать от него. Я понимал, что он приготовился говорить, но по его лицу совершенно нельзя было догадаться, какой характер будут носить сказанные им слова.

– Сын... – хрипло начал он, вытирая остатки слёз с лица.

– Отец, я... – начал было я, виновато и дрожаще.

– Нет. Не перебивай меня! – потребовал он, шмыгнув своим мясистым носом.

Я смолк.

Выждав ещё минуту, будто бы собираясь мыслями, отец сказал:

– ...я хотел сделать это ещё с того самого дня, когда узнал, что она спит со своим братом! – и он не смог сдержать новую порцию слёз.

Я стоял рядом ни жив ни мёртв. Что мне было говорить? Сегодня умер наш с отцом главный страх, наш главный ограничитель, огромная, неоновая лампа, что нас слепила.

Отец обещал мне, что меня никогда не осудят за то, что я сделал. Никто просто не узнает, что я имею к этому случаю вообще какое-то отношение. Он мастерски устроил всё так,

будто мать совершила самоубийство. Естественно, не без своих многочисленных и проверенных временем связей. Всё так и получилось. Тогда я понял, что имея своих людей в полиции, морге, и ещё паре учреждений, можно неплохо распорядиться ненужными тебе жизнями по своему усмотрению.

«У матери была почти последняя стадия алкоголизма...» – так мы с отцом обычно начинали свой наигранный и отработанный рассказ о том, как нам тяжело было пережить её уход и как ещё более тяжело нам теперь будет без прекрасной женщины в доме.

Она была забыта очень быстро, а через месяц нам сообщили о самоубийстве Кирилла – моего биологического отца: бедняга вскрыл себе вены прямо в своём прекрасном джакузи, а его разбухшее, смердящее тело удалось извлечь из ванны только через трое суток.

Я нисколько не переживал, более того, я был несказанно рад этой череде смертей, ибо более никогда не увижу своих чокнутых родителей. Разве что только после того, как отправлюсь за ними, но до этого мне нужно было осуществить ещё много планов. Очень много планов.

Теперь мы с отцом могли посвящать Братству всё свободное время. С этого дня я снял с себя маску, которую, содрав с моего лица кожу, натянула на меня мать.

Так началась моя новая жизнь.»

Глава XXIX СЕВЕРНЫЙ А-ВАЕН

Серое, октябрьское, покрытое густой хмарью небо, так и норовило обрушиться на город стеной белого снега. Первый снег выпал неделю назад, и почему-то таять даже не думал, хотя это обычно свойственно снегу, когда он несмелый и октябрьский. В этом году зима пришла несказанно быстро, не дав жителям Южного А-Ваена насладиться осенними красками и деньками, когда ещё можно впитать в себя последние солнечные лучи перед долгой зимой, отдохнуть за городом с кружкой согревающего облепихового чая или пойти за грибами с семьёй. Листья с деревьев сдуло по-настоящему суровым для поздней осени ветром, и тут же скрыло их за белой пушистой пеленой.

Огромное количество людей двигалось к пути № 4D. Множество людей. Множество узоров. Вокзал играл сумасшедшими красками на фоне белоснежного города. В глазах рябило при одном взгляде на эту торопящуюся толпу. Казалось, что сам собой ткался с удивительным мастерством ковёр, пестрящий самыми разными оттенками и замысловатыми линиями.

Длинные и истощённые провода линовали бледное и бесконечное небо. Нескончаемые сети железных дорог линовали такую же бледную, но совершенно не бесконечную, даже ничтожно маленькую землю. Железные дороги – связующие нити судеб, жизни, историй. Каждый их поворот ознаменует новое начало, позволит кому-то открыть чистую тетрадь, чтобы начать писать книгу, а кому-то, через много-много лет взять эту книгу в руки и прочувствовать собственной душой всё, что изложено в ней.

Поток людей ни на секунду не прекращал своё хаотичное движение. Он всё нёсся и нёсся, будто каждый человек,

находящийся в этой толпе, носил в голове навязчивую мысль о том, что электричка будет стоять здесь не обещанных полчаса, а единственный миг. Возле длинного состава наэлектризовались напряжение и суета. Стоял режущий слух гул людей, находящихся на перроне.

Наконец, транспортное средство вместило в себя всех пассажиров и уехало по направлению к пункту назначения.

Семнадцатилетняя Астрид Лето, подняв ворот своей тёмно-сиреновой куртки, направилась к перрону, таща за собой свой огромный чемодан тёмно-зелёного цвета. Эта девушка всю жизнь проходила с причёской каре и почти никогда не надевала головные уборы. Её тёмно-русые волосы всегда оставались нелепо растрёпанными, однако это делало её ещё милее. На щеках Астрид были редкие веснушки, а нос был смазливо вздёрнут кверху. Особенно это можно было заметить, когда он приподнимался, слегка морщась, при улыбке.

С минуты на минуту должна была прийти её электричка. Надо отметить, что эту электричку по праву считали мистической и волшебной: это был один из старых, сохранившихся с девятнадцатого столетия составов, по всем правилам доработанный и модернизированный. Он курсировал по маршруту Южный А-Ваен – Северный А-Ваен. Запустить по этому маршруту именно такую электричку было решено властями Северного А-Ваена по причине того, что этот город являлся местом концентрации огромного количества туристов – любителей истории, старинных особняков, и легенд, от которых по коже идут мурашки. Атмосферная электричка была призвана играть такую же роль, какую, обычно, играет предисловие в книге. Попасть в Северный А-Ваен можно было либо по трассе, соединяющей его с Южным А-Ваеном, либо по железной дороге. И власти решили превратить поездку в Северный А-Ваен на электричке в увлекательное путешествие в прошлое. И

это путешествие завораживало. Наплыв туристов с каждым годом всё рос и рос. Обыкновенно, ажиотаж любителей старины приходился на осень-зиму: время, когда в городке было атмосферно и мрачно, как никогда. Летом Северный А-Ваен словно шурился от и так редких лучиков солнца, заслоняясь огромными кронами вековых деревьев.

В отличие от Южного А-Ваена – (города развлечений и шоппинга, в котором процветала инфраструктура, сияли в свете фонарей прекрасные новые жилые дома и офисные высотки, крыши которых чуть ли не пронзали небо), в заложенном ещё в семнадцатом веке Северном А-Ваене, располагалось всего два торгово-развлекательных комплекса, куда ездили жители города буквально за всем, что им было нужно. Этот город был просторный – его окаймлял мрачный хвойный лес, который переходил в большую лесополосу, называемую Северолесье, тянущееся по обе стороны трассы, соединяющей два А-Ваена.

В просторном северном городе гордо и величаво стояли вековые особняки, принадлежащие родовитым семьям этого места. Семья упомянутой выше семнадцатилетней Астрид Лето была одной из таких. Девушка была внучкой графа Зейлера, происходившего из древнего немецкого рода, выходец из которого – граф Эрвин Зейлер – был одним из основателей Северного А-Ваена. Таким образом, Астрид, не много не мало являлась графиней. В Северном А-Ваене каждый житель имел какой-то титул, доставшийся от предков. Никакие сведения об этом утеряны не были – каждый прекрасно знал свою родословную и имел документальные подтверждения своего статуса. Но, конечно, какое-то очень весомое значение титулам уже давно не придавали. Скорее, это было просто данью, которую жители этого города с уважением и гордостью отдавали своим прародителям.

Северный А-Ваен будто бы застыл во времени: ни один из стоящих здесь с незапамятных времён домов не был полностью перестроен современными жителями. Город целиком и полностью сохранял свой исторический облик. Но, конечно, люди, жившие здесь ныне, в отличие от домов, во времени не застыли и заботились о благоустройстве своих жилищ: в каждом доме были, естественно, горячая вода, отопление, электричество. Но вот в чём была главная прелесть: в каждом особняке были сохранены практически все предметы, что существовали здесь с момента первых их владельцев. В крови каждого жителя Северного А-Ваена были любовь, уважение и ощущение ценности к своему прошлому. Они чтили традиции, соблюдали устоявшиеся обычаи. Северян – так их называли Южане – можно было узнать издали: это были царственные, гордые, чопорные, яркие, богатые и статные люди, как правило занимавшие высокие посты в администрации города или ведущие свой собственный бизнес. Многие из Северного А-Ваена, а вернее большая часть людей – работала в Южном, ежедневно передвигаясь на том поезде, на котором сегодня ехала домой Астрид Лето, или же на своих автомобилях.

Итак, Астрид зашла в вагон электрички, которая через считанные минуты донесёт её до родного города, никогда не перестававшего поражать её своей мрачной красотой и величием. Убранство вагонов этой электрички было поистине восхитительным: стены салонов иллюстрировали историю Северного А-Ваена, демонстрируя как старинные рисунки, так и фотографии наших дней. Фото жителей, особняков, памятников, природы, обрывки из газет, книг, некоторые старинные семейные фото.

Там, где должно было располагаться первое от входа сидение, находился деревянный стол, на котором стоял титан с кипятком. Рядом с ним располагались корбочки с разными

видами чая и кофе, а также стойка с одноразовыми стаканчиками, сахаром и пластиковыми ложечками. Таким оборудованием был оснащён каждый вагон и просто нельзя было не воспользоваться всеми прелестями этой поездки: не попить кофе, смотря на то, как медленно ты покидаешь солнечный и весёлый Южный А-Ваен, и въезжаешь в совершенно противоположный ему Северный А-Ваен: холодный, мрачный, противоречивый, по-своему прекрасный, обнятый массивными елями и соснами Северолесья. Два эти города – были как два гомозиготных близнеца, но обладали совершенно разными характерами.

К слову, почему же Астрид возвращалась домой как раз в то время, когда учебный год был в самом разгаре? Надо начать с того, что девушка мечтала стать кондитером и училась в технологическом колледже питания в Южном А-Ваене, но по техническим причинам учебное заведение вынуждено было закрыться до самого января. Всех учащихся, живущих во время обучения в общежитии распустили по домам, дав логин и пароль от электронной образовательной среды колледжа, куда преподаватели могли выкладывать задания по курсу, дабы ученики не отстали от программы.

Для Астрид возвращение домой было приятным сюрпризом. Почему бы не провести мрачную северно-А-Ваенскую осень и начало зимы прямо там: улыбаться туристам, что передвигаются по городу во главе с экскурсоводом и внимательно рассматривают окрестности, любуясь убранством роскошных сооружений; гулять по лесу и читать книги из библиотеки собственного дома; пить чай с корицей и кардамоном, сидя на скамейке в усыпанном жёлтыми, красными и оранжевыми кленовыми листьями старом парке.

Город, за все семнадцать лет жизни девушки, занял главное место в её душе и сейчас она всё сильнее погружалась в

воспоминания. С детства Астрид считала место своего рождения волшебным и не было чего-то такого, что смогло бы поменять её мнение даже сейчас, ведь таким Северный А-Ваен видели даже некоторые взрослые. Сюда хотелось возвращаться снова и снова.

Смотря в окно на прекрасную природу и попивая горячий кофе, Астрид ощущала, как её грудь на какую-то минуту защемляла тоска, словно сосны и ели, промелькивающие по обе стороны от летящего состава, завели свою печальную колыбельную песню о прожитом и увиденном за долгую-долгую жизнь. Здесь, ближе к Северному А-Ваену было, разумеется, холоднее: было уже больше снега и всё сильнее Астрид хотелось выйти из вагона и вдохнуть эту сизолазоревую раннюю зимне-осеннюю свежесть. Тоска сменялась на радостную гордость. Астрид чуть было не подскочила на месте и не закричала: «Я живу здесь! Это мой город!»

Утопая в своих мыслях и допивая остывающий кофе, девушка не заметила, что время в пути прошло довольно быстро, и вот, выйдя из вагона, она уже смотрела прямо на огромное чёрно-зелёное здание с витиеватой надписью: «Северо-А-Ваенский Вокзал.»

Люди, привыкшие к современности, всегда получали море удовольствия, приезжая в город, в котором остановилось время: они погружались в истории и легенды, жившие на этих улицах; ходили по дорогам, по которым когда-то ступала нога самых первых жителей Северного А-Ваена; посещали дома-музеи, словно читая книгу о жизни некоторых выдающихся и чем-то прославившихся людей.

Одним из таких домов-музеев была Безмолвная Вилла, где сто восемьдесят семь лет назад жил граф Валерий Анатольевич Аттвуд, который прекрасно рисовал и считал живопись своим любимым занятием. Этот человек был одинок всю свою жизнь,

однако в шестьдесят лет встретил девушку, которую по-настоящему полюбил. Это была графиня Юлия Владимировна Вагнер, которой на тот момент едва исполнилось восемнадцать. Отец графини, граф Вагнер был большим другом графа Аттвуда и отцу девушки совсем не затруднительно было сыграть свадьбу для своего товарища, тем самым и обеспечить дочери достойную и прекрасную, как он думал, жизнь. Естественно, никакого согласия молодой графини не требовалось. Мужчины всё решили за девушку, даже не дав ей право возразить. Мечта графа Аттвуда была исполнена и он ликовал, однако их с Юлией семейная жизнь была не долгой: через год, не выдержав своей участи, графиня совершила самоубийство – повешалась на верёвке, закрепив её на дубе, растущем во дворе. Граф Аттвуд после этого стал медленно, но верно сходить с ума. Он говорил, что видит дух покойной жены с верёвкой на шее. Он говорил, что Юлия смотрит на него своими, будто бы норвежскими вытечь из орбит глазами, и просит снять с воспалённой, сломанной шеи верёвку. Её руки испачканы в земле, ногти длинные, жёлтые и грязные; губы потрескавшиеся, а волосы, что были раньше шелковистыми и прекрасными, стали напоминать шерсть бешеного животного. До конца своих дней граф Аттвуд рисовал свою жену именно в таком виде, а в его дневнике было много написано про то, как он встречался с духом Юлии, что всё никак не покидал его. Тело юной девушки было похоронено на старом кладбище Северного А-Ваена, однако ходили легенды, что оно закопано самим графом Аттвудом прямо под огромным дубом, который всё ещё растёт во дворе Безмолвной Виллы. Когда речь заходила о точном месте захоронения – говорили, что граф похоронил любимую жену строго в том месте, на которое выходили окна его спальни и всякий новый день приносил к её могиле цветы, завтрак, и ел,

сидя на земле под дубом, как прежде разговаривая с женой, словно она сидела рядом с ним.

Безмолвная Вилла была домом-картинной галереей графа Аттвуда. В его галерее насчитывалось более ста щекочущих психику картин. Прямо тут же, в доме, располагалась сувенирная лавка, где продавались различные вещи с картинами графа: магниты, брелоки, календари. При входе в дом можно было услышать давящую и печальную виолончельную музыку – это помогало туристам погрузиться в атмосферу и привыкнуть к климату, который царил в этой семье и намертво прижился в этом доме.

Ещё в одном из домов-музеев около двухсот лет назад жил одинокий создатель игрушек. Когда к нему пришла старость, а вслед за этим и слабоумие, его игрушки стали делаться теперь под воздействием его искажённого восприятия действительности, несколько иначе, чем когда он был здоров и молод: игрушки эти имели вид причудливых животных, мифических созданий и вовсе каких-то, одному богу известных, существ.

Жили здесь мрачные и чопорные медиумы; курящая трубку балерина Фрида, выступающая в местном театре оперы и балета; превосходные шляпные мастера и владельцы фамильных магазинов с поражающими взор украшениями из сверкающих драгоценных камней; дизайнеры; музыканты; собачники и кошатники. Северный А-Ваен – есть и был местом концентрации самых необычных и, как уже оговаривалось, ярких личностей.

Одним словом, весь город был пронизан атмосферой старины и тайн. Особенно это было ощущаемо, когда на город опускался вечер, зажигались старые фонари на улицах и огни в кафе, ресторанах и домах; когда в лесу начинали свою ночную жизнь совы; когда рыбаки решали заняться рыбной ловлей

ночью и выходили на берег ещё не замёрзшего Северно-А-Ваенского озера, названного Лунным, обыкновенно жгли костры и играли в компаниях на гитарах; когда начинались ночные экскурсии и оживали все приведения и фантомы, жившие в домах и лесу; когда просыпались души умерших на кладбищах и тоже бродили по улицам с желанием обнять любимых людей или отомстить врагам. Именно в этом во всём была жизнь города.

Естественно, не все дома здесь являлись музеями. В большинстве из них, конечно, жили люди – потомки дворянских родов со своими нынешними семьями. Огромные особняки здесь стояли в целостности и сохранности чуть ли не один на другом, однако свой дом Астрид Лето могла всегда заметить издали из-за высокого шпиля, величественно возвышавшегося на крыше. Этот особняк был в этом городе самым старым: на будущий год этому прекрасному серо-голубому Особняку Ветра – так он назывался – исполнится ровно триста лет.

Астрид вспоминала, как часто возле её дома толпились туристы и звонкоголосая ярконакрашенная экскурсовод, постоянно, с теплом и торжественно вспоминала графа Эрвина Зейлера, ведь именно он ровно триста лет назад заложил фундамент этого дома. Семья Астрид иногда принимала туристов и в своём доме, но это было довольно редко, ведь Зейлерам было дорого личное пространство. С таким наплывом хоть и заинтересованных, любознательных, но всё-таки чужих людей, можно было невольно подумать, что Особняк Ветра каким-то образом стал общим.

Итак, девушка в припрыжку помчалась к Особняку, что находился почти в самом центре города, рядом с центральным парком, названным Сонным. Её дыхание перехватывало от волнения, ведь родственников она о своём приезде не оповестила, решив сделать сюрприз, которому вся её большая

семья непременно обрадуется. Добравшись до Особняка Ветра, девушка позвонила в видеодомофон на калитке. Ей долго никто не открывал и Астрид это показалось весьма странным. Девушка даже испугалась, что родни может по какой-то причине не оказаться дома... вот была бы досада. Наконец, трубку домофона подняла мать Астрид – графиня Вероника Дориановна Лето. Женщина услышала голос дочери и её окутало такое сильное удивление, что она даже взволнованно выглянула из окна дома чтобы удостовериться, не ослышалась ли она, и, убедившись в своей правоте, всплеснула руками и помчалась открывать двери. Девушка расплылась в улыбке и, дождавшись пока калитка откроется, бросилась к матери, которая вышла на крыльцо в совсем летнем наряде, даже не набросив сверху пальто.

– Привет!.. – запыхавшись крикнула Астрид, прослезившись от радости.

– Здравствуй, милая! – кудрявая, белокурая красавица тридцати семи лет в таком же белом платье – Вероника Дориановна Лето улыбнулась дочери, погладив её по волосам. – А почему ты не на уроках?

– Я объясню тебе позже, мама, а пока я, можно сказать, отдыхаю до самой зимы! – ликующе произнесла дочь Вероники. – Ну, пойдём в дом, ты же замёрзнешь!

– Пойдём! Давай я помогу тебе с чемоданом! – удивлённо улыбнулась мать и они вместе с дочерью взялись за ручки сумки.

– Мм, венгерский пирог с грушами? – удивилась Астрид, поднявшись в дом по красивой каменной лестнице. – У нас что, гости? – только вступив на порог, девушка почувствовала божественный, грушево-коричный запах одного из любимых ею пирогов, который в их доме обычно подавали во время каких-либо застолий или праздников. Почему с грушами? Потому что

на заднем дворе Особняка Ветра располагался небольшой грушевый садик, за которым трудолюбиво ухаживала экономка, поэтому урожай всегда был приличным. Из плодов груши варили компоты, пекли прекрасную выпечку, осенью варили варенье.

– Да, милая! У нас гости! – графиня вновь улыбнулась, удивившись догадливости дочери. Её белоснежная улыбка способна была поднять настроение даже в самую ненастную погоду. В голубых глазах женщины играло солнце, а на лице не было ни единой морщинки. Она была гостеприимной и добродушной, всегда улыбалась и обладала успокаивающим и нежным голосом. Вероника Дориановна обожала готовить, несмотря даже на то, что в доме постоянно присутствовала прислуга. Прислугу, что работала в особняке ныне, звали Эмма – это была молодая, улыбчивая и добродушная девушка двадцати семи лет. Её наняли почти три года назад из-за уезда по семейным обстоятельствам предыдущей прислуги, что занималась в этом доме приготовлением пищи и ведением хозяйства.

Графиня Вероника Дориановна Лето любила свою, несоответствующую возрасту молодую внешность и часы проводила у зеркала, чтобы сделать прекрасный макияж. Её личные стилисты и визажисты были частыми гостями в этом доме, ибо тут было принято и всеми любимо уделять часы своей внешности и создавать себе неповторимый образ для каких-то мероприятий. Сейчас Вероника Дориановна была одета в белоснежное, как её волосы, приталенное шёлковое платье молочного цвета с длинным рукавом. На её шее красовалось рубиновое ожерелье, в ушах сверкали серьги с таким же камнем. Бесподобные губы женщины тоже были окрашены помадой, в точности повторяющей цвет украшений. Кстати, сама графиня была владелицей одного из ювелирных магазинов с

эсклюзивными изделиями, что располагался в Южном А-Ваене. В качестве названия ювелирного бутика выступала девичья фамилия женщины: «Zeiler`s».

– А что за гости? – выводя себя из задумчивости и рассматривая родословное древо своей семьи, коим было оформлена одна из стен в прихожей, поинтересовалась Астрид. К слову, семья девушки приглашала художников в дом всякий раз, когда нужно было внести поправки в это древо. Когда подросла Астрид, её портрет был тут же нарисован на следующей ветке древа. Здесь были её мать, отец, бабушки, сестра и брат одной из бабушек, дедушка – тут были все, с кем проживала девушка в этом доме, а также другие родственники. Здесь были даже те, кого Астрид ни разу не видела в живую. Пока что род останавливался на ней самой, но место до потолка ещё оставалось. Бабушка часто шутила, что ничего не стоит продолжить рисовать древо и на потолке.

Все родственники по линии Вероники Дориановны происходили от того самого Эрвина Зейлера; по линии же отца Астрид – из обыкновенного рода. Естественно, сейчас никто не смотрел на социальный статус и совершенно не обязательно было человеку, имеющему титул, создавать семью с тем, кто тоже имел высокое положение в обществе. Так было и в семье Астрид. Вероника Дориановна вышла замуж за этнографа Бориса Дмитриевича Лето. Они воспитали прекрасную дочь. Смягчение правил, которые царили здесь ещё около сотни лет назад, Астрид считала абсолютно правильным – нельзя позволять законам, думала девушка, рушить судьбы людей. К тому же, у аристократов всегда была точно такая же кровь, как и у тех, кто ими не является, а никакая не голубая.

– К нам приехали Корней Мстиславович и Никита Черновы! – улыбнулась Вероника Дориановна сквозь свою рубиновую помаду. Кстати, Корней Мстиславович не особо нравился Аст-

рид. Это был родной брат её бабушки, матери Вероники Дориановны. Граф Корней Мстиславович Чернов был престранный: Астрид казалось, что одним своим видом он мог нагнать на собеседника такую сильную тоску, будто был пауком, натягивающим на жертву свою паутину. Однако девушка всегда говорила себе же самой, что всё это предрассудки и отучала себя судить людей по внешности. Всё-таки, мы ведь не выбираем, с каким лицом нам родиться. О сыне брата бабушки Астрид могла слышать только краем уха. В живую Никиту она, как ни странно, не видела, а сейчас, видимо, пришло время наконец-то познакомиться.

– А они давно здесь? – поинтересовалась Астрид, виновато улыбнувшись матери.

– Со дня рождения бабушки. Скоро придет ещё один человек – её друг детства.

– Марсель Сергеевич? – Астрид точно знала, о ком идёт речь, хоть и прокручивала в голове миллион воспоминаний о том, как в дом приезжало множество родственников и друзей семьи и их беседы в Обеденном зале продолжались до самого рассвета. Они обменивались новостями, рассказывали друг другу о тех странах и городах, по которым их разбросала жизнь.

– Да-да, Марсель Сергеевич Матвиенко, – ответила мать. – Ты, конечно же помнишь его! – Вероника нежно улынулась дочери, погладив её по плечу.

– Помню! – кивнула Астрид и прижалась к матери, разглядывая суровые лица графов Корнея Мстиславовича и Никиты Корнеевича на родословном древе их семьи.

– Вот и славно, доченька! А теперь, прошу тебя, раздевайся, беги в ванную, а потом немедленно к столу! Чемодан оставляй здесь, Эмма разберёт его и стирает вещи! Я и все мы будем ждать тебя в Обеденном зале! – пропела графиня, и, подмигнув дочери, убежала по направлению к Обеденному залу.

– Мам!.. – крикнула ей Астрид, ожидавшая более тёплой встречи, но всё равно несказанно счастливая. – Я люблю тебя!

Вероника Дориановна обернулась, с любовью посмотрела на уставшую дочь с растрёпанными волосами, подошла к ней и поцеловала в лоб.

– Я тоже, моя дорогая! Ты прости, что не получается уделить тебе должного внимания, но ты ведь сама понимаешь...

– Понимаю, мам! – мяукнула Астрид.

– Ну что ж, а теперь скорее приводи себя в порядок, солнышко! Ты ведь не единственный претендент на пирог! – воскликнула графиня и защекотала дочь.

– Меня два раза предупреждать не нужно! – засмеялась Астрид и, выдохнув дорожную усталость, побежала мыть руки.

Глава XXVIII НОВЫЕ ЛИЦА

Идя по коридору первого этажа, который из-за видневшегося по вечерам из дальнего окна заходящего за горизонт солнца называли в Особняке Ветра Коридором Сумерек, Астрид чувствовала прекрасные запахи, от которых просто текли слюнки: грушевый пирог, утка с яблоками, уйма разных салатов, паста, которую безумно любили в её семье, и другие вкусности, аромат которых смешивался между собой, создавая ощущение праздника и даря девушке безудержную радость от того, что сейчас она находится в максимально родном для неё месте и вся её большая семья в сборе. От этого осознания, в груди медленно разливалось приятное и тёплое нетерпение.

Астрид покинула уборную и, минуя Коридор Сумерек, прошла в просторную арку, ведущую в комнату, являющуюся совмещённой с кухней гостиной и столовой. Это пространство в Особняке Ветра любили именовать – Обеденный Зал. Астрид улыбнулась всем, кто сейчас сидел за огромным столом, что просто ломился от избытка вкусных блюд.

– Привет! – широко улыбнулась девушка.

– Здравствуй, Астрочка! – пропела ярчайшая женщина, сидящая во главе стола – графиня Катерина Мстиславовна Зейлер – мать Вероники Дориановны, бабушка Астрид. Женщина расплылась в ослепительной улыбке, и сама будто бы заблестела. Кстати, назвать эту роскошную графиню бабушкой ни у кого не поворачивался язык. Пару дней назад ей исполнилось пятьдесят пять лет, но даже для этого возраста она выглядела даже слишком молодо: кожа женщины была шелковиста и подтянута благодаря множеству косметических процедур, тратить на которые немалые деньги было её излюбленным занятием. И это действительно того стоило. Графиня выглядела сошедшей с висящих на стенах необыкновенной красоты полотен дамой. Статной. Эле-

гантной. Той, от которой трудно было оторвать взгляд. Катерина Мстиславовна была обладательницей шикарных сероголубых глубоких глаз; тонких, идеально оформленных бровей-ниточек; миниатюрного носа; слегка широкого для её лица рта с великолепным рядом фарфоровых зубов. Её волосы были выкрашены в сияющий каштановый оттенок (ближе к красному) и собраны в потрясающую высокую причёску. Графиня Зейлер была одета в изумительный наряд: белую шифоновую блузку с рукавами-фонариками и расшитым нагрудником и алую летящую юбку в пол. В её ушах красовались висячие серьги с бриллиантами, которые, она, в сочетании с фамильным браслетом из крупных рубинов, надевала на всевозможные праздники и торжества. Ярче неповторимой графини Зейлер, сидящей во главе стола, могла сиять только огромная люстра, что висела прямо над столом в Обеденном Зале. Её привёз из Германии прапрадед Астрид. Она стояла ему целого состояния, но действительно оправдывала бешеные растраты! Диаметр этого чуда достигал почти сто тридцать сантиметров и оформлена люстра была кристаллами сваровски, что позволяло ей отдавать не только свет, но и роскошные блики с радужными переливами. Эта люстра выглядела так сказочно, так грандиозно и торжественно, что по праву сразу же отвоёвывала место в сердце каждого, кто был гостем в Особняке Ветра.

Рядом с Катериной Мстиславовной сидела её старшая сестра – графиня Минерва Мстиславовна Чернова, по плечам которой струились светло-фиолетовые прямые волосы. Они были так густы и длинные, что лежали копной на коленях женщины. Хоть и Минерва Мстиславовна с Катериной Мстиславовной были родными сёстрами, похожи на друг друга, пусть даже и отдалённо, эти женщины не были вовсе. Графиня Чернова предпочитала тёмные образы, а именно – платья в пол и шляпы им под стать. Вот и сейчас она была одета в платье баклажанного цвета

с чёрным кружевом и длинными рукавами, и сидя, словно фиолетовое грозное облако, рассматривала присутствующих и только что пришедшую внучатую племянницу своими маленькими серыми глазами, держа между тонких пальцев, сокрытых в бархатных фиолетовых перчатках, длинный мундштук с сигаретой. Лицо Минервы Мстиславовны было морщинистым, и из-за этого ей всегда давали больше лет, чем ей было на самом деле, однако её это ни капли не волновало. Наряд, в который была облачена женщина, был сделан в единственном экземпляре. Минерва Мстиславовна была потрясающим дизайнером и создавала эксклюзивные платья. В центре города она имела собственный салон «Чёрный Лебедь», куда нередко заглядывали чопорные жительницы Северного А-Ваена, приглядываясь к уже готовым моделям, или же, излагали владелице свои непростые желания, которые, Минерва Мстиславовна искусно и совершенно безошибочно могла воплощать в жизнь, делая таким путём счастливыми своих капризных клиенток. Кстати, графиня Чернова не поскупилась и сшила прекрасное платье из шёлка изумрудного цвета и для своей внучатой племянницы к празднику в честь окончания девушкой средней школы. Сестра Катерины Мстиславовны была огромной ценительницей классической музыки, поэтому в «Чёрном Лебеде» создавалось строгое и утончённое настроение не только благодаря неповторимым платьям, но и произведениям Баха, Бетховена, Шуберта, которые часто играли в салоне фоном, преображая любое настроение в строгую элегантность.

Рядом с Минервой Мстиславовной сидела Вероника Дориановна. Здесь, рядом, по логике, должен был находиться её муж, Борис Дмитриевич Лето, однако этот интересный и весёлый мужчина, занимающийся этнографией – делом всей своей жизни, в данный момент находился в далёкой и длительной экспедиции, которая обещала завершиться к концу декабря. Други-

ми словами – Борис Дмитриевич Лето обещал вернуться в Северный А-Ваен прямо в день новогоднего торжества. Борис Дмитриевич обычно любил общаться с Минервой Мстиславовной. Мужчина делился с ней своими впечатлениями от экспедиций, рассказывал какие-то занятные истории. Женщина находила такие беседы крайне интересными, так как помимо шитья увлекалась ещё и историей, и их с Борисом Дмитриевичем беседы обычно затягивались до глубокой ночи.

На другой стороне стола расположилась Хельга Ивановна Лето – мать Бориса Дмитриевича. Она же – вторая бабушка Астрид по линии отца. Так уж повезло Астрид с бабушками – они выглядели сошедшими со страниц таинственных романов героинями. Их образы были неповторимы и чудесны. Пропитанные духом Северного А-Ваена.

Седые короткие локоны Хельги Ивановны будто искрились в свете люстры; лицо цвета лунной белизны на фоне тёмной одежды смотрелось действительно смертельно-бледным, а стеклярус на чёрном балахонистом атласном платье и таких же перчатках сверкал, словно миллиарды недосягаемых звёзд на необъятном ночном небе. У неё был греческий нос, который, (этот факт в семье шутя считали странным), не передавался по наследству, хотя выглядел безумно красиво и статно на большом лице этой женщины, подчёркивая её образ. Но вот, что было в этой женщине самым необычным: у Хельги Ивановны были огромные, как два фонаря или два солнца глаза, радужные оболочки на которых были аномального, совершенно противоположного оранжевого цвета! Женщина смотрела ими сквозь серебряный лорнет, и можно было подумать, что сейчас же сожгут эти два светила через линзы всё то, что в поле их зрения.

Хельга Ивановна Лето была большой любительницей поиграть в шахматы, а ещё неплохо умела гадать на картах Таро, однако не считала это своё умение чем-то необычным, в отличие

от тех, кто обращался к ней чтобы узнать свою судьбу или ближайшее будущее. Женщина воспринимала это умение как само собой разумеющееся, объясняя свою предрасположенность к картам тем, что таким же самым занятием были увлечены её мать и бабушка. Хельга Ивановна, кроме того, обожала старинные автомобили и предпочитала сидеть за рулём именно такого транспортного средства.

Рядом с Хельгой Ивановной сидел хозяин Особняка Ветра – граф Дориан Альбертович Зейлер – на вид суровый и чопорный пожилой мужчина с недлинной седой бородой. Граф был одет в чёрный костюм с ярко-алой бутоньеркой на левом лацкане и белую рубашку. Густые седые волосы его были зачёсаны назад и закреплены лаком. Дориан Альбертович носил отцовский монокль, показывая таким образом уважение к своему прошлому и почти всегда молчал. Многим здесь казалось, что хозяин вовсе не участвует в семейных застольях и семейных делах и всё время находится в своём кабинете или же в своём мире.

С Катериной Мстиславовной они давно спали в разных спальнях, будто бы совсем не являлись мужем и женой. Нелюдимый по своей натуре, граф предпочитал почему-то даже во время застолий сидеть поодаль от своей жены, и графиня вместе с дочерью были уверены, что Дориан Альбертович замкнулся в себе после смерти своей матери – Рогнеды Егоровны Зейлер. Хоть с этого прискорбного события прошло уже семнадцать лет, траур графа был так велик, что не оставлял его. Астрид, к сожалению, не знала своей прабабушки. Графиня Рогнеда Егоровна не дожила до рождения правнучки чуть меньше года.

Сейчас, Дориан Альбертович не сразу заметил вошедшую в Обеденный Зал внучку, потому что, как и всегда был погружён в свои мысли. Однако спустя пару минут, граф ненадолго вышел

из нирваны и обратил внимание на Астрид, сдержанно улыбнувшись ей и кивнув.

Рядом с графом Зейлером сидел граф Корней Мстиславович Чернов – брат Катерины Мстиславовны. Тот самый, с которым дорогой читатель уже имел честь познакомиться в первой главе. Зоркие зелёные глаза, массивный нос, морщины на лбу, созданные долгими бессонными и напряжёнными ночами, редкие волосы с проседью по бокам головы и большая лысина на макушке. Природа не обделила графа Чернова густыми чёрными бровями с изредка торчащими из них волосами. Брат Катерины Мстиславовны был одет в малиновую рубашку с бледно-серым галстуком, чёрные брюки и лаковые туфли из натуральной кожи. На спинке его стула висел чёрный пиджак. В тарелке у графа лежало бесконечное количество салатов, однако он, почему-то, не притронулся ни к одному из них. Здесь же, на следующем стуле, вальяжно сидел его сын – Никита, молодой человек двадцати трёх лет. С ним мы тоже встречались ранее. Карие глаза, выкрашенные в красный цвет волосы, зачёсанные набок, выбритые виски, бледное лицо с ярко-выраженными впалыми скулами, высокомерный, насмешливый взгляд, которым он смотрел на всех и всё. Молодой человек держал в одной руке бокал с красным вином, а на пальце другой руки крутил от безделья браслет, который обычно носил на своей левой руке. Его пальцы по-прежнему были обрамлены всяческими кольцами, на шее висела массивная цепь, а через бордовую обтягивающую майку были видны его привлекательные плечи. Когда в Обеденный Зал вошла Астрид, Никита осмотрел девушку оценивающим взглядом с ног до головы, не меняя выражения лица, а затем улыбнулся ей, как было свойственно ему – саркастично.

Рядом с Никитой стояло ещё два пустых стула с витиеватыми ножками и красной викторианской цветочной обивкой. Астрид, встретившись взглядом с Никитой Черновым, сразу же

отвела глаза на пустые сидения, сделав вывод, что одно из них предназначалось Марселю Сергеевичу Матвиенко, который вот-вот приедет.

– Дорогая моя! – расплылась в улыбке графиня Зейлер, обращаясь к внучке и поднося к губам бокал с изысканным белым вином. – Какой приятный сюрприз! Но почему же ты не на учёбе?

– В колледже возникли какие-то проблемы, и нас закрыли до самого января! – призналась Астрид.

– Вот и замечательно! – вмешалась Минерва Мстиславовна. – Дома в тысячу раз лучше, чем в общежитии! Наверное, там, кроме своих бутербродов с газировкой ничего не ела? – двоюродная бабушка слегка улыбнулась и в шутку нахмурила брови.

– Нет-нет, Минерва Мстиславовна! – засмеялась Астрид, шутливо отпираясь от забот двоюродной бабушки. – За питанием я следила! – ей было приятно снова видеть их всех, однако девушка была немного расстроена, узнав, что отец будет в экспедиции до самого декабря.

– Она у нас молодец! – улыбнулась Вероника Дориановна, и когда дочь подошла к женщине, та ласково погладила её по волосам. – Совсем уже взрослая и самостоятельная!

– Несомненно! – подтвердила графиня Зейлер и со всей нежностью посмотрела на внучку. На этих словах жены графа Дориан Альбертович тоже смог выдавить из себя заторможенную улыбку. Астрид расценила это, как величайшую честь, ведь дедушка в обычной жизни почти не улыбался.

Астрид видела сына Корнея Мстиславовича первый раз, потому что граф обычно приезжал без него и сейчас, чтобы проявить вежливость, она решила познакомиться с Никитой и даже попробовать начать с ним какой-то разговор, однако сделать ей это было очень трудно, потому что взгляд этого эгоиста был просто переполнен спесью и самовлюблённостью. У девушки

получилось выдавить только: «Привет, я Астрид», на что Чернов-младший усмехнулся, нехотя ответил: «Я знаю. Никита», и сразу же отвернулся, сделав глоток вина из своего фужера. Не стремясь продолжать и так не удавшийся разговор, и, отчаявшись, но не показывая этого, Астрид метнулась обменяться парой слов с бабушкой Хельгой Ивановной, а затем, обойдя стол, и как бы посчитав, что образовавшееся между ней и Черновыми расстояние безопасно, поздоровалась с Корнеем Мстиславовичем, который даже поинтересовался её успехами в учёбе, в отличие от Никиты, что продолжал молча смотреть на девушку всё тем же насмешливым и оценивающим взглядом, допивая своё вино.

Вдруг раздался звонок в дверь. Должно быть, приехал тот самый Марсель Сергеевич, о котором говорила Вероника Дориановна. Открывать побежала прислуга.

Как только Катерина Мстиславовна услышала знакомый голос из прихожей, она тотчас же подскочила со своего места, взяв в одну руку подол своей потрясающей летящей, алой юбки, а в другую бокал с ещё не допитым вином, и, засияв от радости, что одолевала её, когда все дорогие люди находились в сборе в этом прекрасном зале, начала напевать какую-то мелодию, взлетев на алых крыльях своей невероятно роскошной юбки по направлению к прихожей – встречать дорогого друга.

– Это Марсель Сергеевич! – сказала она дочери перед тем, как убежать встречать гостя. – Я пойду, проведу его к нам сюда!

Вероника Дориановна добродушно кивнула.

За столом царил дружественная и тёплая семейная атмосфера. Родственники вели светскую беседу: сейчас их всех интересовала успеваемость Астрид и её впечатления от учёбы в новом месте. Девушка выслушивала вопросы и отвечала на них, а родственники, в свою очередь, вспоминали свою молодость, делаясь аналогично весёлыми историями с ней. Дориан Альбер-

тович пил крепкий чёрный чай с лимоном, будучи, вновь, по максимуму отстранённым от беседы. Он смотрел на очертания оконной рамы, видневшейся из-за бордовых штор, и ничего и никого вокруг себя не замечал. Астрид даже иногда казалось, что дедушки вовсе здесь нет, словно он – неслышный призрак, живая статуя, но он был здесь – близко и далеко одновременно. В глубине души девушка перебирала тысячи вариантов того, почему скорбь по матери никак не может оставить бедного мужчину в покое, но ей всё равно не удавалось этого понять. Все мысли внучки графа Зейлера оставались не доведёнными до конца, сменяясь другими. Наверное, считала Астрид, бабушка и мама тоже постоянно думают об отстранённости мужа и отца и это отягощало.

Видеть тень вместо живого человека всегда тяжело.

Пройдя по Коридору Сумерек, Катерина Мстиславовна зашла в тёмную прихожую, приглушённо постукивая по полу каблуками красных, в цвет юбки, босоножек. В дверях стоял барон Марсель Сергеевич Матвиенко, пальто со шляпой которого убирала в огромный шкаф для верхней одежды Эмма, держа при этом огромный букет цветов, который, казалось, был больше её самой.

– Катя! – громко и мелодично воскликнул, увидев графиню Зейлер, только что пришедший и не успевший отдышаться с дороги мужчина. – Катерина Мстиславовна! – восхищённо воскликнул он, окинув её взглядом с ног до головы и засветился, как высокий и сумасшедше красивый винтажный фонарь. – Дорогая! – барон Матвиенко выхватил из рук Эммы огромный букет из пятидесяти одной алой розы, который давал ей подержать на время, и вручил восхищённой графине.

– О, Марсель! – завопила от счастья Катерина Мстиславовна, и кинулась на шею гостю. – Ты всегда был такой внимательный! Ну, пойдём же к столу! – возбуждённо сказала графиня. –

Ты, наверное, голодный с дороги! Эмма, пожалуйста выбери из серванта большую вазу и поставь цветы на стол! Пусть все увидят эту красоту! – засияла вновь Катерина Мстиславовна, улыбнувшись барону всем рядом своих безупречных зубов.

Войдя в Обеденный Зал, Матвиенко громко и торжественно поздоровался со всеми присутствующими и улыбнулся своей голливудской, блестящей и отработанной улыбкой, сев на свободный стул рядом с Никитой. По Обеденному Залу разлился изысканный аромат парфюма вместе с уверенным, лазурным и сияющим Марселевским взглядом, который коснулся и зажёг каждого присутствующего.

Что же это был за человек, только что сделавший атмосферу этого застолья сверкающей и блестящей? Что это была за вишенка на торте сегодняшнего вечера? Марсель Сергеевич Матвиенко – старый друг Катерины Мстиславовны Зейлер. На вид мужчина был намного моложе своих лет, в чём, собственно, так же преуспевал, как и Катерина Мстиславовна. В волосах барона, густых и белых, как чистый снег, был сделан косой пробор, из-за чего волосы были уложены на две стороны: одна была попышнее, другая менее пышная. Одет мужчина был в двубортный синий пиджак, белую рубашку с синим цветочным узором и такие же белоснежные лаковые туфли – одним словом – поистине с иголочки. Марсель Сергеевич был преуспевающим стоматологом и не мог не позаботиться о внешнем виде такого любимого и уважаемого себя: да, его улыбка была, может быть, и наигранной, однако, это было всего лишь издержкой профессии – барон улыбался каждому своему клиенту, обнажая идеально-белые зубы, и это, разумеется, мотивировало пациентов довериться мастеру своего дела, каким по праву можно было считать Марселя Сергеевича.

Небесно-голубые глаза мужчины светились то ли в свете люстры, то ли от природы были такими яркими; большой, но

идеально ровный нос придавал его крупному лицу ещё большую статность и величие, а тёмным бровям была придана идеальная форма: каждый волосок знал своё место. На лице взрослого мужчины не было ни единой морщинки. Марсель Сергеевич ложился под нож пластического хирурга очень много раз, ведь был готов на всё ради своей красоты.

Астрид, кстати, почему-то, с приходом этого мужчины стала чувствовать себя немного более скованно и не могла исправить это. Сначала скованность была обусловлена присутствием Никиты, а теперь ещё этот Марсель Сергеевич. Всё больше и больше внимание присутствующих отходило от неё и фокусировалось на бароне Матвиенко, и девушка чувствовала, что она будто уподобляется Дориану Альбертовичу – становится бесцветной и неинтересной для родственников. Да, глядя в окно, через которое можно было увидеть осеннее небо со свинцовыми тучами, нависшими над грушевым садом, девушка находила Обеденный Зал уютным и тёплым местечком, покидать которое не хотелось несмотря даже на такое количество людей, однако даже это не могло заставить девушку перестать испытывать нервное напряжение, что ей овладевало.

Ветер безжалостно срывал с грушевых деревьев оставшиеся жёлтые листочки и Астрид совершенно не завидовала им. Кружа листья в бесконечном бешеном танце, ветер никак не мог положить их на землю и дать им отдохнуть. Вскоре, девушка заметила, как по оконному стеклу забарабанил ливень, смывая несмелый выпавший снежок. Прекрасная и дерзкая Северно-Аваенская осень всё больше и больше вступала в свои права.

«Новые лица...» – про себя подумала Астрид, перемешивая вилкой салат. – «Новые лица в моём доме никогда не бывают обычными. Что-то есть во внешности этих людей едкое, броское, яркое, под стать свету люстры и ломающемуся от избытка вкусовностей столу, но совершенно не похожее на натуру этого

дома... Особняк Ветра напоминает дедушку, а торжества, которые здесь проходят – бабушку. Вот только среди буйства этих красок и роскошных нарядов очень трудно увидеть самое главное – цвета душ присутствующих людей.» Сказав это внутри себя и немного утонув в своих мыслях, Астрид вдруг подняла глаза, ощутив на себе пристальный взгляд. Никита Чернов, как ей почему-то показалось, смотрел на неё уже довольно долго и, наверное, будет не против поговорить – а это прекрасный шанс избавиться от волнения, и, пожалуй, сблизиться с родственником. Астрид была рада, увидев, что он смотрит на неё, но всё ещё страшно волновалась и поэтому из её головы пропадали все дельные темы для разговора.

– Ну что ж! – неожиданно обратила на себя внимание всех присутствующих вставшая из-за стола с бокалом вина графиня Зейлер. Астрид вздрогнула и усмехнулась, потому что бабушка то ли спасла её разговора, что никак не хотел завязываться, то ли наоборот, отвлекла. – Наконец-то все мы в сборе! – она вздохнула, окинув присутствующих взглядом. – День рождения у меня был позавчера, – она усмехнулась, – но и Астрочка, и Марсель не могли быть здесь раньше, поэтому я крайне счастлива, что они сейчас с нами! Марселя, конечно, я позвала ещё и для того чтобы он подлечил нашу Эмму, – женщина вновь усмехнулась, – но знай пожалуйста, Марсель Сергеевич, двери нашего дома всегда для тебя открыты! – и тут Катерина Мстиславовна посмотрела на него таким взглядом, каким обычно смотрят не на проверенных временем старых друзей, а словно она влюблённая по уши девчонка. – Я очень рада видеть тебя, друг мой! И тебя я тоже очень рада видеть, внученька! – произнесла она, положив руку на грудь. – И я хочу за это выпить! – торжественно сказала графиня. – Моя дорогая семья! – произнесла она радостно и звонко. – Я хочу поднять этот бокал за приезд дорогих друзей! – после этих слов по Обеденному Залу

разлились мелодичный перезвон бокалов из богемского хрусталя и радостные возгласы гостей.

– Друзей? – воспользовавшись всеобщим отвлечённым вниманием и придвинувшись к Катерине Мстиславовне, вдруг спросил барон, улыбнувшись краем рта и подняв одну бровь. Мужчина явно был не особо доволен тем, как выразилась графиня Зейлер.

– Друзей, Марсель, – процедила графиня и, нервно отмахнувшись рукой, вновь великолепно улыбнулась, когда хрустальный перезвон бокалов смолк, и присутствующие опустошили их, приготовившись к следующему тосту.

Веселье было в самом разгаре. Астрид, кстати, даже начала немного входить во вкус торжества. Да, девушка, кроме того, что волновалась, была уставшей с дороги, но сейчас эта усталость понемногу её покидала, сменяясь радостью. Дома – есть дома, как говорится. Астрид ловила на себе всё новые и новые взгляды Никиты Чернова и стеснительно улыбалась ему в ответ.

Глава XXVII «ВСПОМНИ МОЛОДОСТЬ, КАТЯ!»

Застолье казалось пестрящим яркими красками карнавалом, и когда прислуга стала разливать чай и запах жасмина стал обнимать присутствующих объятиями полусна, Марсель Сергеевич встал из-за стола, выйдя в зону гостиной, где красовался массивный камин и были расставлены удобные и элегантные чёрно-золотые кожаные диваны с витиеватыми спинками, и поставил в музыкальный центр диск с мелодичной танцевальной музыкой. Прибавив громкость и изобразив настроение танцевать, он пригласил на танец Катерину Мстиславовну, подойдя к ней и протянув руку. Графиня Зейлер охотно приняла предложение барона Матвиенко, и они пошли танцевать в просторную гостиную, сверкая улыбками. Вероника Дориановна была приглашена на танец Корнеем Мстиславовичем, который тоже был не прочь потанцевать с племянницей. Никита Чернов с усмешкой наблюдал за происходящим. Астрид набралась смелости и всё же присела на освободившейся рядом с ним стул, надеясь, что Чернов-младший тоже пригласит её на танец.

– Что за цирк они устроили? – язвительно хохотнул парень, обращаясь к Астрид, но не соизволив даже обратиться на неё взгляда. Никита неряшливо и бесцеремонно закинул ногу на ногу и налил ещё вина в свой бокал. Чай он не пил.

– Цирк? По-моему, очень даже мило, – Астрид пожалала плечами, не согласившись с ним и даже не подумала улыбаться.

– Мило? – переспросил Чернов. – Ты что, стебёшься? – он вскинул брови и отпил из бокала. – Да твоя бабуля на глазах у мужа флиртует с другим и даже не боится!

Астрид с отвращением посмотрела на Никиту. Да уж. Видимо тут не только приглашения на танец не добьёшься, но даже и простого разговора, без дерзости и вульгарности.

– Не флиртует она, – процедила девушка, попытавшись невольно оправдаться, сама не понимая почему. – Марсель Сергеевич – её давний друг, – Астрид хотелось защитить бабушку, однако она сама видела, как эти двое друг на друга смотрят. Девушка была уверена, что их связывало или даже связывает нечто большее, чем просто крепкая дружба, однако это, считала Астрид, точно не её дело и поэтому она обманывалась.

– Ну-ну. – с сарказмом кивнул Никита и ещё раз противно посмеялся, поправив огненно-красные волосы. – Надо быть наивной дурочкой, чтобы этого не видеть, – он улыбнулся одним краем рта и ехидно посмотрел на Астрид, намекая, что именно такой наивной дурочкой она сейчас выглядит в его глазах.

Девушка посмотрела на Никиту с ещё большим отвращением и поспешила отсечь на своё место. Этот человек теперь стал ей неприятен, и она больше не хотела искать к нему подход. Сейчас, после разговора с сыном Корнея Мстиславовича, она, конечно, не подавая виду, но и вправду ощутила стыд за бабушку, ведь графиня даже не пыталась скрыть своего восхищения и совладать с пробудившейся в ней пылкостью, которая возникла с приездом барона Матвиенко. Астрид стало не по себе от мысли, что это заметно не ей одной.

Графиня Зейлер всегда вела себя уверенно и раскованно, однако в обществе Марселя Сергеевича в неё втискивалась некая сжатость и скованность, словно у женщины было, что скрывать. Что-то, что было в ней всегда в каком-то обездвиженном состоянии, с приездом барона оживало и забирало покой. Да. Астрид замечала нечто похожее при каждом его приезде.

Девушка чувствовала, как ей становится жаль графа Зейлера, на которого Катерина Мстиславовна не смотрит так, как смотрит на барона Матвиенко. В глубине души девушка была рада, что Дориан Альбертович удалился к себе в кабинет ещё до того, как барон Матвиенко пригласил на танец Катерину Мсти-

славовну. Астрид не желала, всё же, лезть в душу бабушке, ведь очень её любила. Это «мытьё костей», грубо говоря, даже в своей собственной голове было по отношению к графине, считала Астрид, неуважительно. Всё-таки, какая разница, что связывало Марсея Сергеевича и Катерину Мстиславовну десять, двадцать, тридцать лет назад? Какая разница, если эти двое смогли сохранить такие чистые, светлые и тёплые отношения?

Так Астрид Лето себя успокаивала.

Постепенно отвлекаясь от язвительных фраз Никиты Чернова, девушка принялась за чай, что уже начал остывать. Хельга Ивановна и Минерва Мстиславовна о чём-то беседовали, и последняя очень сильно просила погадать ей. Вскоре Хельга Ивановна Лето достала из кармана своего платья колоду карт Таро с потрёпанными краями и наполовину стёртыми пёстрыми рубашками и принялась тасовать их своими руками с длинными пальцами и жёлтыми толстыми ногтями, что-то при этом наговаривая. Минерва Мстиславовна ждала предсказания с каким-то содроганием. Пачка сигарет, принадлежащая сестре Катерины Мстиславовны, опустошалась и опустошалась – видно, женщина очень волновалась и Астрид почему-то тоже ощутила волнение.

– Ну ты чего ушла-то? – сказал вдруг Никита и по своему обыкновению улыбнулся краем рта, опять, с издёвкой.

– Да так... – пожала плечами Астрид. – Не хотела говорить о них, – она кивнула в сторону танцующих пар неподалёку от стола и отпила чай, чтобы занять рот чем-то, кроме разговора.

– Не проблема, поговорим о тебе! – вышел из положения Никита. – Как там твоя учёба?

– Вроде пока не жалуясь, – уклончиво ответила девушка. – А ты учишься где-то или работаешь? – поинтересовалась она.

– Учёба – не моя с*чка! – отмахнулся Чернов и поправил браслет на руке. – У меня свой бизнес, – и на этих словах парень

посмотрел на Астрид так, словно она стояла у подножья горы, а он был на самой её вершине.

– Бизнес? – переспросила Астрид. – Что за бизнес?

– Кальянная, – вкрадчиво и гордо ответил Никита и прищурил глаза. – Милости прошу, если мамка не спалит! – и он залился смехом, отпив из бокала ещё немного вина. Астрид вновь ощутила какую-то душевную горечь. О чём бы она не говорила с этим противным парнем, везде он находил лазейку чтобы как-то её задеть. Он делал это мастерски, и Астрид никак не могла предугадать данную выходку заранее и предотвратить.

Мелодия, под которую танцевали две пары в гостиной, подошла к концу. Корней Мстиславович проводил Веронику Дориановну к столу.

– Последний раз мы виделись пару месяцев назад, – добродушно улыбнулся обожаемой племяннице граф Чернов. – Как быстро летит время, и самое главное: почему же мы, родственники, не находим его чтобы встретиться не по какому-то поводу, а просто потому что мы родственники?

– Действительно! – заметила Вероника Дориановна. – Если честно, то я вообще отчётливо помню только ту встречу и праздник по поводу моего окончания института! – пошутила она.

– Моему сыну тогда было шестнадцать... – вздохнул граф.

– Ох... нелёгкая пора в его жизни, – кивнула с горечью Вероника Дориановна, поняв, что затронула не лучшие воспоминания. – Алиса Николаевна, тогда, кажется...

– О, да, – горестно кивнул Чернов-старший. – Увы, она ушла от нас... Даже не оставив записки... – он пожал плечами.

– Очень непросто потерять мать в этом возрасте... – констатировала Вероника Дориановна.

– Мать непросто потерять в любом возрасте, – ответил ей граф Чернов и нависла пауза. Вероника Дориановна зачем-то

сразу же посмотрела на графиню Зейлер, будто бы удостоверившись, всё ли с ней хорошо.

Марсель Сергеевич Матвиенко, поблагодарив за танец Катерину Мстиславовну, отправился, с её позволения, изучить проблему с зубами у несчастной Эммы. Катерина Мстиславовна радушно позволила ему это сделать. Ей было жаль бедняжку, у которой, к сожалению, от природы зубы были довольно в плачевном состоянии.

Хельга Ивановна закончила гадать на картах графине Черновой и теперь курила крепкие сигареты и ела зефир. Её оранжевые глаза застыли, смотря в какую-то непонятную точку, а рот жевал. Когда Астрид обратила свой взгляд на бабушку, в надежде начать разговор, она поняла, что Хельга Ивановна удалена отсюда ровно на столько же, насколько был удалён отсюда граф Дориан Альбертович. Девушке ещё больше казалось, что одно её желание поговорить с кем-то из родственников заставило бы их оторваться от каких-то своих неотложных дел. Девушка подумала, что стоит избавляться от привычки ходить с кислым лицом, когда вокруг так весело и оживлённо, наконец поддаться этому веселью и веселиться, чёрт возьми! Осадок от разговора с Никитой как-то затормаживал её. Она прокручивала в голове этот недолгий диалог, вспоминая его колкие фразочки. Неловко он с ней обошёлся, невежливо, дерзко. Отпускали эти неприятные мысли её только при взгляде на Катерину Мстиславовну – яркую, сногшибательную, обаятельную, гостеприимную. И, наконец, решив, Астрид заставила себя вздохнуть с облегчением. В самом деле: вся семья в сборе! В колледже наступили внезапные каникулы, длиною в два месяца... что ещё нужно?..

Поток мыслей прервал внезапно появившийся с её спины Никита! Астрид даже не заметила, как он успел удалиться с

места, на котором сидел. Парень стоял, держа в руке маленький серебряный поднос с двумя кружечками свежезаваренного кофе.

– Возьми, – кивнул он на одну из чашек серьёзно, и виновато стиснул губы.

Астрид с недоверием оглянулась на Чернова.

– Бери, говорю! – процедил он.

Астрид взяла чашечку, расценив этот Никитин жест, как знак приношения извинений за грубое обращение с ней во время разговора, но уточнять, в честь чего в нём проснулась вдруг такая обходительность, девушка не стала.

– Спасибо, – поблагодарила Астрид и повернулась за стол.

Никита вернулся на своё место, и тоже принялся пить ароматный кофе, поглядывая на девушку. Астрид вдруг осознала, что теперь её не тревожит совсем ничего! Этот жест действительно был похож на извинение. Не даром же психологи говорят, что не обязательно выражать какие-то чувства словами. Достаточно совершить лишь какой-то поступок, что будет оказывать на человека такой же эффект, как если бы это было вербально.

– Ну а насчёт кальянной... – вдруг снова заговорил Никита. – Хочешь приходи, хочешь не приходи, – он пожал плечами и снова улыбнулся этой насмешливой улыбкой.

– Что-что? – Вероника Дориановна в шутку наострила уши и вклинилась в разговор. – Куда это ты там Астру зазываешь, Никита? – улыбнулась она.

– Мама! – засмеялась девушка. – Никуда он не зазывает!

– Ну а что, и Вы приходите, как захочется подымить! – нашёл выход парень.

Астрид снова улыбнулась.

– А вообще, на количество посетителей я не жалеюсь! – продолжал возносить себя до небес Чернов, поправляя свои алые волосы.

Минут через десять в Обеденный Зал вернулись Марсель Сергеевич и Эмма. Девушка направилась на кухню, а мужчина подошёл к Катерине Мстиславовне.

– Пускай приезжает ко мне в клинику. У Эммы действительно серьёзные проблемы и я за неё беспокоюсь.

Катерина Мстиславовна кивнула.

– Ещё раз спасибо!

Через некоторое время Эмма поставила на стол ещё один расписной чайник с чаем, и принялась разливать ароматный горячий напиток в миниатюрные и изящные антикварные чашечки, сделанные, будто бы, из белой шёлковой ткани, застывшей в определённой позе. Они были настоящим произведением искусства – плодом воображения прекрасного и утончённого мастера, жившего примерно лет двести назад. На чашечки был нанесён восхитительный цветочный рисунок, обрамлённый позолотой, и это вызывало у присутствующих чувство праздника. Астрид знала, что этот сервиз был антикварным и его когда-то Катерина Мстиславовна привозила из Франции. Девушка не переставала удивляться тому факту, что мастеру удалось сделать такой великолепный рисунок, который даже сквозь время люди считают поистине замечательным. Свет изысканной люстры отражался в позолоченных оборках чашечек, и они будто бы беззвучно пели какую-то песенку из прошлого.

Вскоре, Эмма поставила на стол огромный и красивый клубничный торт, заставив пронестись по Обеденному Залу восхищённым возгласам гостей. Торт действительно был шикарен и являлся любимым лакомством Катерины Мстиславовны. Первый раз она попробовала его очень много лет назад, будучи на свадьбе у своей знакомой француженки Николь Полиньяк, и, поразившись воздушностью и лёгкостью сладкого белкового крема в сочетании с тающими во рту песочными коржами и начинкой из свежей клубники, которой поздней осенью хотелось

больше всего на свете, не могла потом не назвать этот торт своим любимым, поручив прислуге готовить его на каждое торжество, что проводилось в Особняке Ветра. И вот уже какое десятилетие клубничный шедевр украшает праздничный стол этого дома.

За окном давно стемнело и в Обеденном Зале стало будто бы ещё уютнее и теплее. Дориан Альбертович, поскольку покинул Зал ещё очень давно, вероятно уже спал. Эмму Катерина Мстиславовна отпустила тоже, похвалив за великолепную еду. Позже, когда стрелки часов уже подбирались к полуночи, отправилась спать и Хельга Ивановна, заняв выделенную ей спальню на втором этаже. Ещё немного поговорив между собой, стали расходиться по комнатам и остальные. Минерва Мстиславовна, Корней Мстиславович и Никита заняли гостевые спальни. Астрид и Вероника Дориановна, пожелав друг другу спокойной ночи, тоже отправились по своим комнатам.

Особняк Ветра будто бы начинал свою мистическую жизнь именно тогда, когда на улице становилось темно, на небо всходила луна, скрипели летучие мыши и ухали ночные филины, голоса которых порой было слышно из приоткрытой оконной рамы. Коридоры в доме освещались свечными бра и были отделаны панелями из тёмного дерева, что создавало загадочную и таинственную полутьму. Заменять свечи на современные лампы запрещал Дориан Альбертович: ему это напоминало о прошлом. Граф часто прогуливался по коридорам, погружённый в свои мысли ровно так же, как и всегда. И да, от свечей света было довольно мало, и любой человек с мистичным мышлением, зайдя в эти коридоры, мог бы ощутить себя путешественником во времени, героем фантастического романа, участником какой-то таинственной истории.

Астрид в детстве иногда было очень страшно ходить по Коридорам Сумерек на первом этаже и Свечей на втором в оди-

ночку. От осознания того, что трёхсотлетний особняк видел так много, сколько за свою жизнь иногда не видят и люди, по телу бежали холодные мурашки. Днём, разумеется, этот страх рассеивался, как туман на заднем дворе, но мрачное великолепие старинного дома, шлейфом предрассветных сумерек не переставало сводить с ума, заставляя Астрид как можно быстрее взбежать по лестнице, открыть дверь своей спальни и запрыгнуть под одеяло. Разумеется, никаких призраков в доме не водилось. Об этом не раз говорили и мама, и бабушка, когда маленькая Астрид очередной раз была напугана скрипом половицы или внезапно открывшейся дверью. Вероника Дориановна и Катерина Мстиславовна считали, что хоть и про город, в котором они живут, сложено столько легенд и леденящих душу историй, чего-то сверхъестественного и близко в реальном мире не существует, однако против собственной воли иной раз содрогались, идя по Коридору Свечей на втором этаже: женщины умалчивали о том, что несколько раз им казалось, что их собственные тени иногда будто отставали от них, уходя по стенам впласть в какие-то невидимые пространства; отражения в зеркалах странно искажались то ли от старости некоторых стёкол, то ли бог знает от чего ещё...

Да и вообще, все уже просто привыкли к гуляющему по дому таинственному холоду, который можно было почувствовать не телом, а душой. Привыкли настолько, что даже не считали нужным повторять это.

Марсель Сергеевич Матвиенко и Катерина Мстиславовна Зейлер просидели в Обеденном Зале до половины второго по полуночи. Сидели они здесь совершенно одни, в тусклом свете ламп, которые располагались словно хороводом на потолке, украшая огромную погасшую люстру, и создавая в помещении небольшой полумрак. Мужчина и женщина долго разговарива-

ли, а сейчас поднимались на второй этаж, будучи на приятной ноте веселья от подействовавшего на них прекрасного итальянского шампанского, полбутылки которого они, сами того не замечая, выпили за этот час. Особенно, когда у них было столько поводов выпить.

Катерина Мстиславовна, наконец, открыла ключом свою спальню. Ключ открывал дверь так громко, что графиня поморщилась, ведь ей совсем не хотелось никого сейчас будить. Женщина устало зевнула, а когда замок поддался ключу, дверь открылась, она довольно быстро скользнула в комнату.

– Доброй ночи, Марсель, – ещё раз зевнув, сказала она.

– Подожди! – остановил барон Матвиенко. – Мы должны побыть вместе!

– Мы достаточно побыли вместе, – с усталой улыбкой произнесла Катерина Мстиславовна. – Я очень устала.

– Ты не поняла! – он начал кричать шёпотом. – Я люблю тебя, Катя! – ещё проникновеннее сказал он, как говорят, обычно, очевидные вещи, которые по какой-то причине отказывается понимать собеседник.

– Не кричи! Лучше зайди. В соседней комнате Вероника, в Теневой Корней и Никита, ещё через комнату Астрид! – свела брови Катерина Мстиславовна. Больше всего ей не хотелось лишнего внимания, направленного на то, что сейчас говорит ей Марсель Сергеевич. – Да и Дориан может услышать! – всплеснула руками графиня.

– Ну и что! Что тебе этот твой Дориан? Такой женщине, как ты, нужен мужчина, который завалит её золотом, цветами и мехами! Позволь мне остаться здесь... с тобой! – взмолился барон Матвиенко.

– Ну ладно, – выдохнула Катерина Мстиславовна, не устояв от обаяния Марселя Сергеевича. – Оставайся, – сказала она, с едва заметной улыбкой.

– Да он даже не ночует здесь! – с негодованием произнёс барон, закрывая дверь изнутри на замок. – Что это за муж такой! Что в нём такого, что так удерживает тебя здесь?

– Семья, – отрезала графиня, посмотрев на барона стеклянными глазами. – Марсель, пожалуйста. Я очень устала! Очень! – женщина опустилась на мягкую кровать, заправленную расписным розовым покрывалом. – Эмма постелила тебе в Бирюзовой спальне. Это дверь напротив моей, если ты вдруг забыл.

Марсель Сергеевич немного замялся, а потом посмотрел на Катерину Мстиславовну глазами, в которых было написано, что барон оскорблён тем, что сейчас говорит ему графиня.

– Ну, вообще-то я планировал провести эту ночь не в одиночестве, а в компании самой любимой и замечательной женщины! – он, дав сам себе второй шанс, улыбнулся снова. И в его глазах не осталось и следа оскорбления.

Катерина Мстиславовнам на этот раз улыбнулась тоже. Она не могла сдержать этой улыбки, ведь тоже хотела провести время с этим человеком. Она оглянулась на оконную раму – темнота. Ночь. Время, когда можно снять все маски: время, которое можно провести в компании приятного тебе человека, особенно, если этот человек – на самом деле твоя первая и единственная любовь.

– Все эти годы я любил тебя, – продолжал барон. Теперь его взгляд был переполнен надеждой, и Марсель Сергеевич, из статного и неприступного мужчины превратился вдруг в ласкового и пушистого домашнего кота. Он присел рядом с Катериной Мстиславовной и обнял её за талию.

– По мне так, всё это просто слова, Марсель, – графиня пыталась заставить себя не верить песням Марселя Сергеевича и попыталась высвободиться из его объятий.

– Ты подавляешь собственные истинные чувства! – не унимался он. – Вспомни молодость, Катя! Я же вижу, ты тоже лю-

бишь меня! – его голубые глаза начинали гореть, а тёплое дыхание, гуляющее по шее графини, заставляло её покрыться мурашками.

Катерина Мстиславовна будто бы только сейчас ощутила, как алкоголь ударил в её мозг, влился в её сознание и взял под свой контроль все мысли и чувства взрослой женщины. Она не выдержала и обняла Марселя Сергеевича за шею, а он приблизился к ней ещё сильнее.

– Что ты делаешь? – выкрикнул, едва слышно, в ней, ещё теплившийся здоровый рассудок.

– То, что не делает твой муж! – с этими словами барон впился в шею женщины, повалив её на кровать.

– Нет! Стой! Я не могу! Не могу! – запротестовала графиня и попыталась встать.

– Не сопротивляйся! – прорычал Марсель Сергеевич, растёгивая пуговицы на блузке женщины. – Дай мне второй шанс! – будто бы взмолился он.

Катерина Мстиславовна после этих слов вдруг нашла откуда-то силы резко и быстро высвободиться из рук Марселя Сергеевича. Она отстранилась от барона, будто бы он был чайником с только что вскипевшей водой, затем встала, поспешно застёгивая уже успевшую немного помяться блузку.

– Второй шанс?.. – сейчас она действительно выглядела, как ошпаренная. Мало того, ещё её причёска примялась и начала немного распадаться от неосторожных движений. – Ты сообщаем, что ты говоришь?

– Да, я сообщаем, Катя, – твёрдо сказал взъерошенный Марсель Сергеевич. – И да, я прошу у тебя второй шанс! – он будто бы не понимал, почему графиня реагировала так дерзко.

– О, Марсель, я думала, не придётся тебе рассказывать! – взмолившись, произнесла Катерина Мстиславовна, до последне-

го надеявшаяся, что не придётся ворошить прошлое. – Но ты вынуждаешь меня.

– Что рассказывать?.. – удивился барон, нахмутив брови.

– Я не хотела тебе говорить... – Катерина Мстиславовна присела на кровать и тяжело вздохнула. Её глаза заблестели.

– Дорогая... дорогая, успокойся! – растерялся мужчина. – Расскажи мне всё! – он обнял графиню за плечи. Она подняла на него полной страдания и надежды слёзный взгляд. – Что тебя тревожит?.. Почему ты так холодна ко мне?

– Тогда, – начала Катерина Мстиславовна. – в тот вечер, в семьдесят девятом, я приехала, чтобы сказать тебе, что беременна, что у нас с тобой будет ребёнок, – глаза Марселя Сергеевича округлились. Слова Катерины Мстиславовны буквально пригвоздили его к кровати. Он ясно вспомнил тот самый день, когда его любовница, Катерина, ещё совсем юная и молодая, приехала к нему в дом в приподнятом настроении, накануне обещав рассказать Марселю что-то очень и очень важное. Но страсть взяла верх над любовниками прямо на пороге дома. Марсель подхватил Катерину на руки и отнёс в гостиную. Они были так увлечены друг другом, что совершенно не заметили, как в дом вошла жена Марселя Сергеевича – баронесса Антонина Фёдоровна Матвиенко, и, заметив мужа с любовницей, устроила скандал. Катерина Мстиславовна выбежала из дома, как ошпаренная. Марсель же Сергеевич тщетно и по сценарию пытался объяснить жене, что это «вовсе не то, что она подумала», но Антонине не нужны были его оправдания: женщина давно знала, что муж изменяет ей.

По прошествии некоторого времени Антонина Фёдоровна тяжело заболела, и Марсель Сергеевич вынужден был сопровождать её на лечение за границу. Там супруги пробыли пять лет, состояние баронессы ухудшилось, и она умерла.

После смерти жены Марсель Сергеевич обосновался за границей, но сердце звало его к Катерине Мстиславовне, в Южный А-Ваен. Конечно, о том, что пять лет назад любовница хотела серьёзно говорить с ним, он давно позабыл.

– Когда я ушла из твоего дома, я твёрдо решила, что не возьму на душу такой грех и не разрушу вашу с Антониной семью, что ноги моей больше не будет рядом с твоим домом, Марсель, – плача, говорила Катерина Мстиславовна. – И в тот же месяц я познакомилась с Дорианом. У него почти сразу возникли чувства ко мне, он не стал медлить и сделал мне предложение, и потом, то, что я должна была сказать тебе, я сказала ему, – женщина опустила голову. Последние слова ей дались особенно тяжело. – Я переехала в Северный А-Ваен. Мы поженились. Позже, я родила девочку, и Дориан назвал её Вероникой. И мы стали жить втроём. Здесь, в Особняке Ветра. Мы ни в чём не нуждались, наша жизнь была замечательной. Я вспоминала тебя, но старалась сразу же забыть, потому что у меня уже была семья. Я запрещала себе думать о тебе! Я не могла, Марсель!..

Через некоторое время, пожив пять лет за границей, барон Матвиенко всё же вернулся в Южный А-Ваен и они с Катериной Мстиславовной совершенно случайно встретились на улице. Он рассказал ей о том, что жена его умерла. Страсть бывших любовников никуда не улетучилась, а только остыла. Для того чтобы воспламенить её, встречи было предостаточно: барон Матвиенко вновь пытался оказывать всё ещё любимой женщине знаки внимания, на которые она сначала отвечала не охотно, стараясь заглушить в себе проснувшиеся чувства, но затем сама не заметила, как их встречи стали происходить всё чаще и чаще, и как между ними, даже спустя годы, вновь, как подснежники весной, стала распускаться любовь. В очередной раз не заметив, как она

это допустила, Катерина Мстиславовна снова стала любовницей барона Матвиенко. Про пятилетнюю дочь графиня молчала.

Однажды, охваченный страстью, Марсель Сергеевич ни с того ни с сего приехал в Северный А-Ваен, в Особняк Ветра, и Катерине Мстиславовне ничего не оставалось, как представить дочери, мужу, и гостившим в Особняке Ветра Корнею Мстиславовичу и Минерве Мстиславовне, нарисовавшегося внезапно любовника другом своего детства. На удивление и счастье, несмотря даже на странное волнение Катерины Мстиславовны, присутствующие совершенно ничего не заподозрили, радушно приняв гостя. Более того, Марсель Сергеевич был польщён, услышав, что граф Дориан Альбертович будет рад видеть дорогого друга своей жены в своём доме. Так иронично и создал муж Катерины Мстиславовны почву для их свиданий с любовником. Графиня Зейлер продолжала умалчивать о настоящем отце ребёнка и это её устраивало.

– Какого чёрта ты молчала?! Какого чёрта ты молчала об этом почти сорок лет?! Моей жены не стало в восемьдесят четвёртом! Я сказал тебе об этом, когда мы встретились спустя пять лет разлуки! – кричал Марсель.

– Не кричи! Ты всех разбудишь! – умоляла, плача, графиня.

– Да мне плевать! Ты ведь прекрасно знала, что у нас с Тоней не было детей, а мне нужен был наследник или наследница! Ты соображаешь, что ты сделала?! Если бы ты тогда, если бы ты всё мне тогда рассказала, мы бы смогли быть вместе и никогда бы больше не расставались! Ты понимаешь, как подло ты поступила, Катя, нагло скрыв правду от меня?! Я всё это время любил тебя! И я бы дал нашей дочери столько, сколько никогда не дал бы ей твой муж! – барон Матвиенко раздражался всё сильнее и его лицо становилось красным от ярости. – Я бы мог ненавидеть тебя сейчас, после того, что ты мне рассказала, но нет! Я не могу! Я всё ещё люблю тебя! – рыдал он.

– Я умоляю тебя, Марсель! – слёзно просила графиня, макиж которой уже начинал литься с лица на белую блузку. – Я умоляю тебя, пускай всё останется, как есть! У моей дочери уже тоже есть семья, я не хочу, чтобы она знала, что ты её биологический отец, пожалуйста! Она всё равно считает отцом Дориана! Она выросла с ним, и другого она не приемлет! – в глазах женщины загорелся страх. Она была будто ошпарена собственными словами. Сейчас, Катерина Мстиславовна ненавидела себя и одновременно чувствовала облегчение: она только что освободилась от недосказанности, которая мучила её при каждой встрече с Марселем Сергеевичем, при каждом взгляде на собственную дочь. Да. Ей несказанно повезло с мужем, ведь он прекрасно видел, что девочка не имеет ни одной общей с ним черты. Он даже порой задумывался, сидя в своём кабинете, что Вероника – не его биологическая дочь, а потом ругал своё невежество за то, что может так думать о родном ребёнке. Но даже эта внутренняя ругань не могла какое-то время отвести от графа Зейлера тяжёлую мысль. Он боялся завести разговор на подобную тему с женой, ведь это совсем подорвёт её доверие к нему, будет выглядывать с его стороны абсолютно бестактно.

– Ой, не смейся! – с горечью произнёс барон Матвиенко. – Ещё скажи, что любишь мужа по-прежнему.

Катерина Мстиславовна вновь заплакала.

– Я тебя люблю, Марсель... – прошептала она, всхлипнув. – Но не ломай жизнь нашей семье! Пусть эта тайна останется между нами, прошу! Умоляю! – она встала на колени в своей прекрасной юбке.

– Ты знала, на что идёшь, когда говорила об этом. Тебя никто не вынуждал и не тянул за язык. Ты мастерски врала почти сорок лет, что мешало мастерски врать и дальше? – издевался Матвиенко, убитый досадой. – Ты права. Не нужно портить жизнь твоей семье. Нужно менять её в пользу твоего счастья.

Нашего счастья, – он сменил тон голоса и вытер слёзы с лица любовницы. – Ты не должна так переживать. Главное, что мы есть у друг друга. Ну, я пойду к себе в комнату.

– Нет, Марсель! Останься, прошу! – взмолилась графиня Зейлер. – Я не усну, если тебя не будет рядом!

– Ну ладно, – он улыбнулся, а затем принялся раздеваться чтобы лечь в постель. Катерина Мстиславовна пошла в ванную, чтобы смыть остатки макияжа, а затем, вернувшись, тоже легла в уютную кровать и выключила ночник.

Она и Марсель Сергеевич почти сразу уснули. Утром, чтобы не вызывать лишних подозрений у домашних, Марсель Сергеевич удалился в спальню, где ему постелила Эмма.

Никита Чернов вместе с Корнеем Мстиславовичем вошли в свою спальню, что называлась в этом доме Теневой из-за того, что проникновению большей части света в эту комнату мешал огромный дуб. Сейчас, осенью, его ветви без листьев действительно напоминали длинные пальцы какого-то мифического создания, и, отбрасывая тень на узорчатый палас в спальне, благодаря лунному свету, нагоняли неприятное чувство уязвимости. Впечатлительному человеку могло ненароком показаться, что длинные хваткие пальцы сейчас же разобьют оконное стекло и устремятся выхватить его ничтожно маленькое, по сравнению с тенью ветвей, тельце, и утащить в огромный рот монстра. Однако природа не наделила Никиту и Корнея Мстиславовича такой обширной фантазией или же какими-то серьёзными проблемами с психикой, чтобы отказываться проводить ночь в Теневой спальне. Напротив – здесь располагались две удобнейшие односпальные кровати, прекрасно подходившие для отца и сына, благородный, выдержанный в тёмно-бирюзовых тонах интерьер, прекрасно подходящий к именно тому стилю, который предпочитали Черновы.

Никита упал на выбранную им кровать, включив тускло-горящий настольный абажур тёмно-зелёного цвета, что стоял на его прикроватном столике и вздохнул:

– Я до сих пор не понимаю, отец, – начал он. – На кой чёрт мы торчим на этой скучной тусовке? Меня уже тошнит от этих Зейлеров! – он показал рукой на горло.

– А тебе что, жалко съездить в гости к родственникам? – дерзко усмирил его Корней Мстиславович, завязывая пояс своего чёрного бархатного спального халата и смотрясь в напольное зеркало в обрамлении из тёмного дерева. – Жалко побыть с отцом у его сестры какой-то месяц-полтора? – он вскинул брови, посмотрев на сына через зеркало.

– Ниферио-Ритио, отец! – Никита, лёжа на кровати поднял вверх руку и тут же опустил её. – Не забывай! – зевнул парень. – Что-то мне нехорошо... – тут же он скривился и схватился руками за свой живот, побледнев.

– Члены Братства каждый день работают над поисками! – вновь строго констатировал Корней Мстиславович. – И мы работаем. Но отдых должен быть даже от дел всей жизни, иначе перегоришь. Мало ли, когда мы найдём Ниферио-Ритио: годом раньше, годом позже. Главное, что ЭТО ИМЕННО МЫ ЕГО НАЙДЁМ.

– Не очень-то и хочется отдыхать, – передёрнул Никита. – такими темпами мы никогда ничего не найдём! – психовал он.

– А ты что-то искал? – вспыхнул граф. – Вот ты скажи мне: ТЫ ЧТО-ТО ИСКАЛ? По мне так, нет. После того, как Шамирам признала тебя тем мальчиком из пророчества, ты не сделал ровным счётом ничего! Ты просто зазнался! Поэтому лучше действуй, а не хавало открывай.

– Не говори так со мной! – Никита чувствовал, как гнев медленно наполняет его вены, но твёрдо знал, что ссоры с отцом случиться у него не при каких обстоятельствах не должно. Это

напоминание было для него какой-то чертой, что горела ярко-красным светом, запрещая через себя переступать. И нет, Чернову-младшему не было страшно или запрещено ссориться с отцом, просто парень какой-то своей частью чувствовал беспрекословное превосходство старшего графа, с которым он не в силах будет совладать. Но наряду с этим чувством, он ощущал сладкое желание сломить это превосходство, поставить под сомнение авторитетность отца, однако парень сам не позволял себе это сделать. Он понимал, что авторитет был необходим ему, именно за эту авторитетность он и уважал графа. Но какая-то часть души младшего-Чернова шептала ему: «Поссориться с отцом, уничтожить его морально – сладкая конфета, которую выросший и непобедимый Никита из будущего оставил на самой высокой полке маленькому Никите, сказав, что это на потом.»

– Ладно, – кивнул граф, басовито и приглушённо рассмеявшись. – Зачем мне тебя пугать, – он хотел продолжить, но ощутил, что Никита скажет ему ещё-что. Буквально через секунду.

– Отец, я... – начал было Никита, но ему резко будто что-то помешало, он кашлянул и приставил ладонь ко рту. Потом поспешно убрал руку от губ, и коснулся браслета – украшение обжигало его руку так, как никогда ранее! Парень побледнел ещё сильнее, но сейчас тоже не смог ничего сказать, потому что к его рту стремительно подступила рвота. Добежать до уборной, которая, кстати, была в двух шагах от их с отцом комнаты, он, разумеется, не успел, и всё содержимое его желудка оказалось прямо на расписном паласе. Парень без сил упал на колени: его бросило сначала в жар, потом тело пронзил озноб, а потом тепло, что находилось в браслете, в раз переместилось в голову. На лбу выступили капли пота, зрачки расширились. Никита тяжело дышал, не в силах осознать происходящее. Корней Мстиславо-

вич смотрел на странное состояние сына, и только хотел очередной раз попрекнуть его в том, что не стоило пить так много вина, как Никита поднял на него свои, налитые кровью глаза:

– Я... оно... оно здесь! – выдохнул, наконец, сын графа и попытался восстановить дыхание. – Я чувствовал небольшое тепло, когда мы только приехали в этот дом и сегодня за столом чувствовал его же... – чуть дыша говорил Чернов-младший, пока ещё не отошедший от происходящего. Он говорил невнятно, съедая слова, но Корней Мстиславовича поражало каждое слово сына почти что прямо в сердце. Граф не верил тому, что он слышал.

– Невозможно... – одними губами произнёс потрясённый отец, качая головой и по-прежнему не веря сыну. – Это очередная опрометчивость!

– Я тоже так думал! – Никите всё ещё удавалось дышать прерывисто и тяжело. – Я думал, как и ты сейчас, я не верил, но потом... потом я дал себе слово, что если произойдёт ещё хоть что-то, что укажет мне на то, что в этом доме действительно есть то, что мы ищем, я расскажу об этом тебе и мы отыщем это! – бешеными глазами он смотрел на отца. Из рта Никиты вытекала слюна, но ему было всё равно. Он стоял на четвереньках, эмоционально рассказывая отцу о своих ощущениях. – И сейчас я в полной уверенности, отец: оно здесь! Ниферио-Ритио!

– Этого не может быть... – Корней Мстиславович побледнел и стал интенсивнее отрицательно мотать головой: состояние сына и новость, которой Никита его только что ошарашил потрясла графа до глубины души. – Ниферио-Ритио здесь? В доме моей сестры??

Никита кивнул.

– Всё указывает на это. Никогда, отец, никогда ещё браслет не был тёплым так долго!

– Бл*дство!.. – выругался граф и вытер пот со лба. – Ну ты и напугал... – он положил руку на плечо всё ещё стоящего на четвереньках сына и покосился на его рвоту.

– Теперь-то ты веришь? – Никита нахмурил брови, но посмотрел на отца с надеждой.

– Да, может и верю, – сухо кивнул Корней Мстиславович. Он не стал больше ничего говорить сыну, но в его голове мигом сложился пазл того, почему с ним произошло именно так и именно сейчас. – А теперь скажи мне, что это за предмет и где он!

– Откуда я знаю? – пожал плечами Никита, поднявшись с четверенек. – Вернее... ПОКА не знаю, – поправил сам себя он. – Но если браслет и дальше будет подсказывать мне дорогу, то мы найдём Ниферио-Ритио быстрее, чем ты успеешь глазом моргнуть! – Никита алчно улыбнулся.

– Этот дом просто здоровенный... – задумался Корней Мстиславович. – Мы не справимся так быстро, как ты думаешь. К тому же здесь слишком много людей. Они могут заподозрить нас в странностях, и это тоже замедлит наши поиски, – забеспокоился он.

– Первый шаг уже сделан! – заверил отца возбуждённый Никита, и, сделав шаг в сторону Корнея Мстиславовича, вступил прямо в собственную рвоту. Он даже без взгляда под ноги, понял, что произошло. Парень зажмурил глаза от неприятного чувства и вытащил конечность из мерзкой субстанции. – Я сейчас, – он попрыгал на одной ноге до уборной, принёс оттуда тряпку, а затем вытер ногу, и, заодно, ковёр. – А ещё вот что: у Дориана на указательном пальце есть перстень. Кажется, с рубином. Так вот, я приглядывался к нему так старательно, как только мог, но сделать удавалось мне это только во время обеда, потому что старик часами сидит в своём кабинете... и вот что: или кольцо и есть то, что нам нужно, или оно может привести

нас к Ниферио-Ритио. Браслет ведь может реагировать ещё и на то, что когда-то соприкасалось с Ниферио-Ритио! – рассуждал Чернов-младший.

– Ты можешь быть и прав, – строго заметил Корней Мстиславович, не меняя своего, теперь уже, серьёзного и укоризненно-задумчивого лица. Он всё не мог осознать и принять того факта, что Ниферио-Ритио уже несколько дней находилось у них под носом. Эта мысль была так недостижима на протяжении нескольких десятилетий, что сейчас, хоть мужчина уже практически ничуть не сомневался в словах сына, не мог сразу же внушить себе, что радиус выполнения данной задачи действительно не слабо сузился. – Нужно ещё раз посмотреть на этот перстень, что носит граф Зейлер. Но завтра. И если даже окажется так, что перстень Зейлера – всего лишь несёт на себе отпечаток Ниферио-Ритио, мы должны это знать. Однако не забывай: нам нужно оставаться незамеченными! – ещё раз подметил граф.

– Поводов для беспокойства мало, – махнул рукой Никита. – ты вообще видел их семью? Они все навеселе! Отец девчонки уехал, муженька твоей сестры вообще можно не брать в расчёт, да и ей самой чихать на всех кроме этого Марсея. Мы предоставлены сами себе, отец!

– Как ты быстро всё рассудил! – усмехнулся Корней Мстиславович. – Но что правда, то правда. Мы должны воспользоваться их отстранённостью и глупостью! – он потёр руки.

– Именно! – хохотнул, алчно, Никита. – Совсем скоро из этого дома пропадёт кое-что, бессмысленное и незаметное для Зейлеров, но такое важное для нас и Братства! Мы войдём в историю! – Никита ядовито улыбнулся своему отражению в чёрном зеркале, и его глаза сверкнули рубиновым огнём.

– О нас напишут кровью на страницах веков, сын! – ликующе и воодушевлённо произнёс Корней Мстиславович. – Мы

обретём славу, о которой мечтали! Мы подарим себе и Братству силу и бессмертие! Мы откроем портал в Мир Магии! Мы познаем миры и вселенные!

– И никакая чокнутая семейка не остановит нас! – добавил Никита, усмехнувшись.

– Естественно не остановит! Зейлеры ничего не смыслят в Магии! В их роду никогда не было никаких магов! – отмахнулся граф, переняв азарт сына, которым сейчас была пропитана вся Теневая Спальня.

...Астрид не спалось совершенно. Она очень и очень глухо слышала обрывки экспрессивного разговора Черновых за стеной. Любопытство девушки взяло над ней верх, и она встала с кровати, вышла в Коридор Свечей и максимально тихо пошла на звуки мужских голосов. Пока ничего внятного она не слышала, а только шла по мраку, медленно переставляя ноги и стараясь не наступить на часть паркета, которая могла бы издать нежелательный и страшный скрип.

Сделав ещё несколько шагов, Астрид остановилась. Голоса всё ещё доносились из Теневой Спальни, где находились Корней Мстиславович и Никита.

– А если мы ищем иголку в стоге сена и это очередная нерешаемая загадка, что выведет нас в никуда? – не унимался граф Чернов. – Что если браслет всё же обманывает тебя? Думаю, мы зря обольщаемся. Ты зря обольщаешься! – он сдвинул брови, не желая, чтобы сын возносил себя до небес.

– Тогда, может, у тебя есть идеи с чего начать? – приподнял одну бровь Никита, недовольный тем, что отец усмиряет его пыл на пути к долгожданной победе.

– Мы подумаем об этом завтра, сын, – кивнул ему граф.

– Я тоже так думаю. А сейчас, я пойду и помоюсь. Не по себе мне от этой блевотины, – голос Никиты приблизился к

стоящей возле двери Астрид, и она поспешила скрыться в тени коридора, чтобы Чернов её не увидел. Дверь открылась, и парень, выйдя из комнаты, направился в ванную. Приняв душ, он вернулся назад в спальню и закрыл дверь. Девушка с облегчением выдохнула, ведь ей удалось остаться незамеченной. Однако тут же Астрид посетило ещё одно напряжение. Она услышала размеренные шаги по лестнице. Кто-то шёл вверх, приближаясь, и нёс в руке канделябр с тремя тускло горящими свечами, огонь на которых дрожал, сопровождаясь тяжёлым дыханием. Тени дёргались на стенах и казались огромными. Астрид понимала, что это кто-то из родственников, а услышав кашель, окончательно поняла, что сюда идёт Хельга Ивановна Лето.

– Почему ты не в кровати, милая? – хриплым голосом спросила она, поддерживая свободной рукой полы тёмного халата. – Не хорошо подслушивать чужие разговоры! – оранжевые глаза, словно ещё две свечи, мерцали в полумраке коридора. Астрид не хотела пугаться собственной бабушки, но у неё мало это получалось. Никто не был виноват в том, что женщина выглядела слегка зловеще и Астрид поневоле слотнула слюну.

– Я не... я уже иду, бабуль. Доброй ночи! – поспешно улыбнувшись, сказала Астрид, и поспешила назад, в свою комнату.

– Вот и хорошо, дорогая, – кивнула женщина. – Доброй ночи! Хельга Ивановна проследила, что Астрид направилась к себе, и скоро сама пошла вниз по лестнице, унося за собой свет свечей и дрожащую тень. Не понятно, зачем она поднималась вверх.

Девушка же, дождавшись, пока Хельга Ивановна уйдёт, утихает скрип лестницы, а ореол тени от канделябра окончательно проплывёт вниз по стене, вновь вышла в коридор, надеясь, что ей удастся услышать нечто более внятное из диалога Черновых, но похоже, они действительно легли спать. Что хотела услы-

шать девушка? Этого она сама не знала. Астрид просто чувствовала, что с этими людьми что-то не так. И пока она не могла разобраться, чем обусловлена эта подозрительность к Черновым.

Теперь в доме окончательно воцарилась тишина. Минуту прислушавшись к ней, Астрид краем уха услышала вдруг мелодичную фортепианную музыку, будто сотканную из тишины. Она была так грустна, так печальна, что по коже девушки пробежался холодок. Когда мелодия закончилась, Астрид вошла назад в свою комнату, залезла под одеяло и стала прокручивать в голове запомнившиеся ей моменты из звучащей музыки. На утро, она пообещала себе, что спросит у бабушки Хельги, которая, вероятно играла её, уединившись в музыкальном зале, как называется эта мелодия и почему она звучит так печально и глубоко.

С этими мыслями Астрид уснула.

Глава XXVI ЗАПАХ ЧЕСНОКА

Тусклое утреннее солнце отчаянно пыталось протиснуть свои ослабленные лучи сквозь толстую пелену октябрьских туч. Астрид Лето открыла глаза и улыбнулась от сладкого и безмятежного чувства, возникшего от пребывания в родном доме. Всю ночь она проспала очень чутко из-за того, что в её голове не переставала играть музыка, которую она услышала вчера ночью, однако это даже не помешало девушке выспаться. Причём, если бы её попросили бы напеть мелодию, Астрид бы не смогла этого сделать: музыка словно звучала у неё в памяти на том уровне сознания, откуда её нельзя было как-то вытащить в мир, воспроизвести. Астрид сладко зевнула, напомнив себе, что непременно поинтересуется у бабушки Хельги насчёт прекрасной мелодии, а затем встала с кровати и решила спуститься в Обеденный Зал чтобы попить немного воды.

– Доброе утро! – Эмма, готовящая утренний кофе для графа Зейлера, заметила Астрид, а затем, поставив на поднос кофейник, ёмкость с молоком и кружку, отправилась доставлять всё это в кабинет Дориана Альбертовича. – Тебе что-то приготовить? – поинтересовалась она.

– Доброе утро! – отозвалась Астрид. – О, нет, я всего лишь за стаканом воды! – улыбнулась девушка.

– О, Астрид! Ты ранняя пташка! – Марсель Сергеевич встретил девушку на лестнице и широко улыбнулся.

– Доброе утро! – сонно кивнула Астрид. – Проснулась и иду назад спать! – хохотнула она.

– Ну иди-иди, – усмехнулся барон и зашагал по лестнице.

Астрид вернулась в комнату, легла на кровать и решила ещё немного вздремнуть. Спустя час она снова открыла глаза потому что проголодалась.

Девушка вновь спустилась по лестнице в Обеденный Зал, по которому был разлит манящий цитрусовый запах лимонного кекса – одного из излюбленных в этом доме лакомств. За столом сидела Катерина Мстиславовна в шёлковом розовом халате с узором, иллюстрирующим белые цветки сакуры. Она смотрела в одну точку и на автомате поедала лимонный кекс, запивая его кофе. Свет в обеденной зоне включен не был, и графиня Зейлер сидела в полутьме, явно погружённая в какие-то собственные тяжёлые мысли, однако увидев внучку, женщина сразу оживилась:

– Доброе утро, дорогая! – как по команде улыбнулась она. – Присаживайся скорее!

– Доброе утро, бабушка! – кивнула ей Астрид. – С тобой всё хорошо? – девушка заметила беспокойство на лице графини и заволновалась.

– Садись-садись! – хлопотливо и нетерпеливо произнесла женщина, проигнорировав вопрос внучки. – Эмма, поставь ещё чаю! – крикнула она. – Как спалось?

– Как и всегда, когда я дома! – сказала ласково Астрид. – Погода, конечно, не радует, но ничего! – девушка улыбнулась. Ей была дорога эта погода точно так же, как и этот дом.

– Ну, Астрид, дорогая, в Северном А-Ваене южной погоды не жди! – пропел заходящий в Обеденный Зал Марсель Сергеевич Матвиенко, на котором был белоснежный махровый халат. Такой же, как и улыбка барона. – Доброго утра! – бодро сказал он.

– Доброго утра! – кивнула Астрид.

– И тебе доброго утра! – Марсель Сергеевич подошёл к графине, что продолжала сидеть и смотреть в одну точку, даже не обращая внимания на мужчину. – Катерина Мстиславовна-а! – нараспев произнёс барон и помахал ладонью прямо перед её лицом. – Твоя бабушка сегодня какая-то заторможенная, Аст-

рид! – заметил барон. – Вот, как на ней сказываются все эти бесконечные праздники и хлопоты! Она же совсем себя не жалует! Выжата, как лимон! Ест и спит одновременно! – театрально произнёс барон Матвиенко.

Катерина Мстиславовна подняла на него свой взгляд, в котором читалось: «перестань нести чушь!»

– Ну правда, – согласилась Астрид, немного подумав над словами барона Матвиенко и обеспокоенно взглянула на бабушку. – Съездили бы куда-нибудь с дедушкой, развеялись, что ли, – предложила девушка.

– Правильно! – поддержал Марсель Сергеевич. – Я ведь давно предлагаю ей съездить на море! Ну послушай хоть внучку, она-то точно плохого не посоветует! – мужчина улыбнулся Астрид. Девушка улыбнулась ему в ответ.

– Спасибо, Эмма, – в никуда процедила сквозь зубы графиня Зейлер, когда прислуга поставила на стол коричневый чайник с ароматным жасминовым чаем, и встала из-за стола. Астрид теперь окончательно сделала вывод, что Катерина Мстиславовна чем-то серьёзно обеспокоена. Причём ещё вчера она не была такой. Значит, что-то успело случиться утром.

– И ты даже не посидишь с нами, Катя? – Марсель Сергеевич не стирал удивлённой улыбки со своего идеально гладкого лица и, посмотрев на собирающуюся уходить из Обеденного Зала Катерину Мстиславовну, поднял одну бровь. Женщина нехотя опустила на свой стул. Через минуту сюда же вошла Вероника Дориановна, кудрявые волосы которой были затянуты в хвост на затылке. Она только что закончила разговаривать с мужем по телефону.

– Доброго вам утра! – пропела она. – Звонил Боря, всем передавал привет!

– Как там папа? – оживилась Астрид.

– Говорит, что экспедиция удивительно богата на занимательные сведения. Обязательно расскажет нам, как приедет! – кивнула женщина.

Через некоторое время в Обеденный Зал вошёл и Дориан Альбертович с кружкой цикория. Он глухо поприветствовал всех, и, глубоко вздохнув, сел на то место, где обычно любил сидеть. Пока Астрид с матерью говорили об экспедиции, в которой находился Борис Дмитриевич, к завтраку подтянулись Корней Мстиславович, Никита, Хельга Ивановна и Минерва Мстиславовна. Эмма заварила всем кофе, заботливо поставила на стол свежее испечённый лимонный кекс в расписном блюде, и, пожелав всем приятного аппетита, удалилась заниматься работой.

– Мам... ты в порядке? – Вероника Дориановна заметила, что её мать не светится от счастья, как это было вчера.

– Со мной всё отлично, – сухо ответила ей Катерина Мстиславовна, однако этот ответ не удовлетворил дочь, но спрашивать мать она больше ни о чём не стала.

– Эмма настоящий мастер! – решила разрядить нависшую вдруг тишину Астрид. – Торт просто замечательный! – девушка пропихивала в себя уже второй кусок и тянулась за третьим.

– Согласен! – Никита Чернов тоже доедал свой ломтик лимонного кекса. – Мне кажется, я уеду отсюда толстым, – он, хотнув, посмотрел на отца, который со вчерашнего дня не снимал свою маску серьёзности. Корней Мстиславович смотрел на сына, как на полного идиота и Чернов-младший сразу присмирел, перестав глупо шутить.

Тишина опустилась на Обеденный Зал вновь, как огромная грозовая тёмная туча. Все молчали.

– Сегодня так пасмурно... – сказала графиня Минерва Мстиславовна. – Хочется уйти обратно в кровать и пролежать так весь день... – она устало улыбнулась. Женщина забрала свои

длинные фиолетовые волосы крабом, и эта причёска придавала её лицу какой-то неуловимой молодости.

– Это точно, – кивнула Хельга Ивановна, взяв в руки кружку с кофе. – Осень – прекрасное время года, но такое ленивое...

Неожиданно где-то в доме послышался грохот. Катерина Мстиславовна отреагировала первой: она ждала предлога чтобы покинуть Обеденный Зал. Женщина вздрогнула, а затем соскочила со своего места и побежала на звук.

Грохот доносился из Музыкального Зала. Эмма вытирала пыль с деревянного стеллажа, на котором стояла любимая антикварная ваза Катерины Мстиславовны. Прислуга, сделав неосторожное движение метёлочкой для уборки пыли, случайно смахнула хрупкую стеклянную вазу, и она с грохотом упала на пол, разбившись на множество цветных осколков. Катерина Мстиславовна пришла в ужас от увиденного. Графиня была безумно зла ещё со вчерашней ночи, но разбитая по вине служанки её любимая ваза стала последней каплей.

– Катерина Мстиславовна... – дико боясь реакции хозяйки, плача прошептала Эмма, увидев разъярённое лицо женщины и уже ожидая встряски. – Катерина Мстиславовна, я правда... я не... – по щекам девушки текли слёзы, её худые руки дрожали. Она осторожно шла к хозяйке, стоящей на пороге Музыкального Зала, уже всем своим видом умоляя её о прощении.

– Пошла вон, – закрыв глаза, и словно почувствовав боль, какую бы испытала эта ваза, если бы была живой, процедила сквозь зубы графиня Зейлер.

– Катерина Мстиславовна, пожалуйста, простите пожалуйста, я не специально, я... – продолжала трястись Эмма. Её голос звучал так, как будто она чуть было не замёрзла до смерти.

– Вон сказала! – рывкнула графиня и служанка сразу же убежала из Зала, испугавшись. – У тебя есть тридцать минут

собрать все вещи. Ты уволена! – сказала женщина вслед убегающей Эмме.

– Подождите, постойте, как это?.. мне ведь идти некуда! – слова Катерины Мстиславовны ввели девушку в ещё больший ступор.

– Мне всё равно, – бросила графиня Зейлер. – Собирайся и уматывай, я сказала. Чтобы ноги твоей не было в моём доме!

Эмме было бы бесполезно что-то доказывать графине. Девушка собралась меньше, чем за данные ей полчаса, и села в такси, что уже ждало её у ворот. Катерина Мстиславовна самолично захлопнула за ней входную дверь.

– Мам, это что сейчас было?.. – Вероника Дориановна стояла за спиной графини, поставив руки на пояс.

– Я уволила эту дрянь, – пожала плечами графиня и улыбнулась, словно ничего не случилось.

– О, господи, зачем?! – всплеснула руками дочь.

– А потому, дорогая, что она портит наше имущество и бровью не ведёт! – не осталась в долгу Катерина Мстиславовна.

– Мама! Какое имущество? – не понимала Вероника Дориановна.

– Она разбила мою любимую вазу! Ту, немецкую! Из цветного стекла!

– Где мы теперь будем искать новую прислугу, мама? Вот это гораздо больше меня волнует! – Вероника Дориановна была в шоке от импульсивных поступков матери.

– Хороший вопрос! Вот возьми и займись этим! – сказала ей мать. – Чем раньше ты найдёшь её, тем лучше. Надеюсь, новая прислуга будет осторожнее и не станет бить мои вазы! – сказала графиня Зейлер и пафосно вернулась в Обеденный Зал. Ей стало легче, когда она выпустила пар, накричав на Эмму, но всё же теперь в глубине души она жалела, что так спонтанно уволила хорошую работницу, вспомнив, каких трудов ей стоило найти

её. Однако сейчас было уже поздно что-то возвращать. Да и Катерина Мстиславовна не желала унижаться. Всё, что ни делается, всё к лучшему, как говорится.

Женщина невозмутимо присела обратно на свой стул и принялась допивать остатки своего кофе.

– Ну что там случилось? – улыбнувшись, спросил Марсель Сергеевич.

– Эмма совсем отбилась от рук! – бросила графиня Зейлер. – Пришлось уволить.

– Ты уволила Эмму? – опешила Астрид. – Серьёзно? – девушка почему-то думала, что графиня Зейлер так любит эту домработницу, что готова простить ей всё, но видимо нет.

– Ну и какие проблемы? – не понимал Марсель Сергеевич. – Найдёте другую! Делов-то.

– Эмма была хорошей, – возразила Астрид и предпочла больше ничего не говорить.

– Ой, я тебя умоляю, девочка! Все они одинаковые! – посмеялся барон Матвиенко. – Не стоит расстраиваться! Прислуга есть прислуга! – махнул рукой он.

Корней Мстиславович и Никита уже доедали свой завтрак и намеревались покинуть Обеденный Зал. Через минуту вошла Вероника Дориановна с телефоном в руках. Женщина, кажется, решила не медлить с поиском прислуги. Она молча села на своё место, не отвлекаясь от экрана.

– Может ты зря всё это затеяла, Катя? – подала голос Минерва Мстиславовна.

– Может и зря... – к графине Зейлер, видимо, понемногу начинало возвращаться здравомыслие.

– Но сейчас уже ничего не вернёшь! – ответил за неё барон Матвиенко. – Не нужно жалеть о том, что сделали и чего не сделали, Минерва Мстиславовна! – сказал он, эмоционально, женщине с фиолетовыми волосами. Графиня Чернова была персо-

ной суеверной и разумеется сочла эти слова Марселя Сергеевича словами «прямо про неё». Она умолкла и принялась обдумывать их.

Наконец, Вероника Дориановна отложила телефон и взяла свою голубую фарфоровую чашечку с уже остывшим кофе и поднесла ко рту с совершенно безмятежным выражением лица. Кандидатка на роль новой прислуги, обменявшись контактами с дочерью графини Зейлер, пообещала приехать и взяться за работу завтра же днём. Женщина только вздохнула с облегчением и хотела спросить, как спалось отцу, но при взгляде на него из рук женщины вылетела чашечка, облив её бледно-сиреневую пижаму крепким напитком.

– О боже!!! Отец! Папа! – она метнулась к Дориану Альбертовичу. Мужчина тяжело дышал, положив руку на свой живот.

– Дедушка! Дедушка, что с тобой?! – испуганно вскрикнула Астрид и, соскочив со своего места, она тоже подбежала к графу. Хельга Ивановна аналогично быстро оказалась возле места, на котором сидел Дориан Альбертович. Из своего недавнего ступора вышла мгновенно и Катерина Мстиславовна. Она подбежала к супругу, лицо её было белое от сильного испуга. Через минуту Дориан Альбертович стал кашлять кровью прямо на стол, с постеленной на него белой скатертью и его кашель сопровождался странными судорогами по всему телу.

– Чего вы стоите! Скорую, скорее! – закричал Марсель Сергеевич.

Никита быстро среагировал и набрал «030» на своём мобильном. Назвав адрес, он положил трубку, продолжив с содроганием наблюдать за происходящим, и его взгляд бегал от перстня графа к его перекошенному от боли лицу.

– Держись, папа! Пожалуйста, держись! – трясась от страха, кричала Вероника Дориановна, но это не помогало. Катерина

Мстиславовна совершенно не знала, что делать и как помочь. Оставалось только ждать врачей, которые смогут предпринять хоть что-то.

– Что это за запах? – спросила вдруг Катерина Мстиславовна, пригнувшись и морщась.

– Я тоже его чувствую! – заявила Минерва Мстиславовна, стоящая рядом. – Похоже на чеснок, но на столе нет ничего чесночного...

– Ну чёрт возьми, где же скорая! – в истерике кричала Астрид.

– Бессмысленно... – одними губами прошептала Вероника Дориановна. – Он нас больше не слышит. – и женщина медленно убрала руку с запястья отца.

– Что?! – опешила Катерина Мстиславовна, на которую облокотился мужчина. Она немного отошла от него и тело его повалилось. В смерти Дориана Альбертовича не было сомнений. Раздался ужасный вопль графини Зейлер. Астрид истерически заплакала, стоя возле матери и двух бабушек.

– Папа... папочка... – голос Вероники Дориановны становился всё тише, она закрыла лицо руками и заплакала. Минерва Мстиславовна стояла в оцепенении, не в силах произнести ни слова. Жизнь научила её беречь слёзы.

– Муж... – в слезах прошептала Катерина Мстиславовна. – У меня умер муж!!! – уже кричала навзрыд она. – Марсель! Марсель, пожалуйста, сделай же ты хоть что-нибудь!!! – женщина в истерике начала бить кулаками в грудь мужчины.

– Тише, тише! – барон Матвиенко пытался усмирить графиню Зейлер, но у него это мало получалось. Вскоре к женщине подошёл Корней Мстиславович и положил ей руку на плечо, не сказав ни слова. Затем приблизилась Минерва Мстиславовна, лицо которой стало таким же белым, как и лицо трупа графа. Женщина обняла сестру, и стала судорожно гладить её по воло-

сам старой дрожащей рукой. В глазах графини Черновой читался огромный страх. Но она не плакала.

Тишину, в которой было место лишь тихим и громким рыданиям нарушил звонок в дверь. Наконец-то приехала скорая. Смерть наступила так поспешно, что прилететь, кажется, не успел бы даже вертолёт. Вероника Дориановна побежала открывать дверь врачам.

Астрид со страхом придвинулась к неподвижному телу девушки, которое всё продолжали поддерживать Катерина Мстиславовна с Минервой Мстиславовной. Они боялись перемещать костенеющее тело графа. Подойдя ближе, Астрид тоже ощутила этот странный чесночный запах. Из носа и рта Дориана Альбертовича кровь уже не лилась. Она приобрела коричневый цвет, засыхая на серой рубашке.

– Наблюдаешь за тем, как он уходит?.. – Хельга Ивановна вдруг возникла прямо за Астрид. Девушка вздрогнула и положила обе ладони себе на грудь, тяжело вздохнув. Астрид не знала, что ответить бабушке.

– А разве за этим можно наблюдать? – спросила она. – Я даже не поняла, как произошла смерть... – на её глазах снова появились слёзы.

– Смерть... – грустно и хрипло усмехнулась Хельга Ивановна Лето. – с годами ты хочешь только отсрочить её, с годами уже не до мыслей о жизни после.

– К чему это ты? – не поняла Астрид.

– Вначале ты не похож на всех, вначале ты индивидуален. Но сколь бы непохожими на друг друга мы не были, после остановки сердца мы все одинаковы, как ни крути: холодные. Бескровные. Безразличные. Со здоровым шрамом на весь живот... – она скорбно вздохнула, прикрыв свои оранжевые глаза-фары, будто бы сама умирала ни раз, а затем подождала сигарету и

отошла от внучки, выдохнув дым. – Ни к чему. Просто так. Мысли.

Медицинский работник в лице мужчины средних лет вошёл в Обеденный Зал в сопровождении Вероники Дориановны Лето. Врач оглядел присутствующих и сразу же поменялся в лице. Катерина Мстиславовна, мгновенно обратив беспомощный взгляд на вошедшего врача, продолжала оплакивать мужа, держа его тело за плечо. Марсель Сергеевич сидел рядом с графиней, на стуле, потупив печальный взгляд на пол. Корней Мстиславович и Никита сидели за столом молча и ничего не говорили, а потом Чернов-младший, сославшись на плохое самочувствие, покинул Обеденный Зал и поднялся к себе в спальню. Корней Мстиславович проводил его подозрительным и осуждающим взглядом.

– Позвольте? – врач обратился к хозяйке, попросив её отойти от тела. Катерина Мстиславовна закивала головой, и, шмыгнув носом, отошла поближе к Марселю Сергеевичу.

– Когда произошла смерть? – спросил доктор.

– Около трёх минут назад, – сказала Вероника Дориановна, пытаясь сдерживать своё отчаяние, дабы конструктивно поговорить с врачом, однако страх и боль были в ней сейчас очень сильны.

– Понятно, – кивнул он.

В дверь снова позвонили. На этот раз это были агенты ритуальной службы «Memento Mori» и сотрудник полиции. В прихожей и Коридоре Сумерек образовалась неуклюже-грязная змейка из мокрых следов вновь вошедших. В Обеденном Зале повисла гулкая пелена голосов. Астрид подошла к приоткрытому окну, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха, но вдруг осеклась: она вновь слышала то же, что слышала ночью – музыку. Грустная мелодия сейчас звучала, будто реквием, провожая душу графа Дориана Альбертовича в последний путь. Откуда

она взялась на этот раз? Неужели Хельга Ивановна сейчас в музыкальном зале? Девушке было, разумеется, интересно узнать, что это за мелодия, но уж точно не сейчас. Горе было настолько сильное, что ей совершенно не хотелось в данный момент ничего выяснять. Ноты плакали и страдали, вынуждая девушку тоже вновь заплакать. Музыка отображала печаль, которая сейчас одолевала присутствующих в этом зале, отзеркаливала всё то, что сейчас здесь происходило. За окном тоже горько плакал осенний ливень, растворяя собой остатки снега.

– Все симптомы отравления, – констатировал врач. – Пока не могу сказать точно, но после вскрытия обещаю.

– Отравления?! – похолодела графиня Зейлер. – ОТРАВЛЕНИЯ??? – ещё громче спросила она. – Вы в своём уме?!

– В своём, – холодно ответил врач. – Не ешьте больше ничего с этого стола, пожалуйста. Я не говорю, что дело в еде, но её нужно проверить. На всякий случай. И пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Это важно.

Волна дикого холода обдала всех присутствующих. Хельга Ивановна только что зашла в Обеденный Зал, но фразу врача она отчётливо слышала. После его слов она нервно закурила. В головах всех присутствующих была мысль о том, что все они, кажется, ели одну и ту же еду! Астрид взяла Катерину Мстиславовну за потную и холодную руку, и вдруг почувствовала, что мелодия, которую девушка слышала теперь уже третий раз, звучит не как прежде, сыгранной на фортепиано, а уже при помощи голоса, будто кто-то пел прямо возле неё, на ухо. Девушка похолодела, ведь Катерина Мстиславовна, Минерва Мстиславовна и даже Хельга Ивановна молчали.

– Вы даже не предположите, что могло стать причиной отравления? – настырно спросил Корней Мстиславович Чернов, прищурился глазами.

– Я не могу сказать точно, я же сказал! – строго ответил врач. – Однако судороги, кашель кровью и запах чеснока, который можно почувствовать, стоя рядом с телом, может говорить об отравлении мышьяком, – констатировал доктор. – Но я не поленюсь повторить, что точную причину назовёт вам патологоанатом, – врач говорил и на ходу заполнял медицинское заключение.

– МЫШЬЯКОМ??? – опешила графиня Зейлер. – Нет, Вы явно что-то путаете!!!

– Я выдвигаю предположение, – холодно сказала врач.

– Не может быть... – прошептала, продолжая не верить своим ушам, Катерина Мстиславовна.

– Сегодня мы проведём судебно-медицинскую экспертизу, а уже завтра вы сможете узнать всё, – предупредил врач.

– Будьте добры предоставить эту информацию сегодня, – процедил сквозь зубы Марсель Сергеевич, держа за плечо Катерину Мстиславовну. – Вы должны понимать, что семья графа Зейлера очень беспокоится. А ещё Вы должны понимать, с какой семьёй Вы всё-таки имеете дело.

– Я понимаю, – произнёс непреклонный доктор. – Я понял ещё тогда, когда выехал на этот адрес. Я поручусь, и Вам позвонят сегодня же вечером.

– Сегодня же днём, – настоял барон Матвиенко.

– Сегодня же днём, – вторил доктор.

– Чудесно, – не меняя выражения лица, кивнул барон Матвиенко. Врач закончил заполнять бланк, а затем в работу включились ритуальные агенты. Они справились со своей задачей весьма быстро и оперативно. Тело погрузили в машину и повезли в морг.

– Я не понимаю... – Катерина Мстиславовна подняла на дочь воспалённые от слёз глаза. – Я не понимаю, я отказываюсь понимать!!

– Я тоже, мам, – Вероника Дориановна обняла мать, тщетно пытаясь её утешить.

Над Особняком Ветра уже около получаса висела тяжело-серая завеса безмолвия и скорби. Когда Дориан Альбертович был жив, в доме не было сильно много веселья, если бы не Катерина Мстиславовна, ведь, как мы уже знаем, последние семнадцать лет граф Зейлер был ценителем тишины и покоя, избегал шумных празднеств, которые обожала устраивать его жена: ради уважения к ней он ненадолго оставался в обществе гостей, а затем, по своему обыкновению, покидал застолье и уединялся в своём кабинете. Дом совершенно не изменился после смерти его хозяина, но тишина и вправду сейчас звучала по-другому. Она приобрела будто бы другую тональность. Оставалась минорной, но теперь этот минор звучал не печально-светло, а скорбно, опустошённо и тяжело, как если бы вдруг выпечка с корицей в раз потеряла бы ни с чем не сравнимый вкус.

После того, как хозяин Особняка Ветра умер, отсутствие корицы в пелене отчаяния сменилось колющим морозцем, что пронизывал тело и души всех находящихся здесь людей. С нетерпением и содроганием, до учащения пульса и дрожи в ногах ждали они все звонка доктора, ибо в голове не укладывалось, каким чудом им всем удалось избежать той участи, которая постигла графа Зейлера? Как могло произойти отравление? А может, это произошло далеко не случайно и у графа есть ненавистники? Ненавистники, того хуже, ещё и присутствующие здесь? От этих мыслей действительно внутри всё холодно сжималось и свербело. Об этом думали сейчас все присутствующие. Каждый из них, буквально, боялся сделать хотя бы один лишний шаг, или же лишний раз окинуть взглядом Обеденный Зал. Разумеется, к столу никто не думал подходить и близко. Дрожь охватывала при одном только взгляде на окровавленную скатерть. Скоропостижная смерть Дориана Альбертовича прокру-

чивалась, прокручивалась и прокручивалась у всех перед глазами, как короткий, но ужасный фильм.

По правую сторону от сидящей на стуле Катерины Мстиславовны стояла дочь, прикладывая ко лбу матери платок, смоченный в холодной воде, а по левую сторону стояли Марсель Сергеевич и Минерва Мстиславовна.

– Почему... – шептала графиня Зейлер. – Почему... кому понадобилось... – она шептала это без эмоционально, одними губами и смотрела в одну точку. Куда-то далеко. Женщина уже выплакала все слёзы. Плакать больше было нечем.

– Ты правда думаешь, что это нужно было кому-то? – спрашивала её, волнуясь, Вероника Дориановна.

– А вдруг это самоубийство? – предположил Корней Мстиславович.

– Корней... какое, к чёрту, самоубийство? – не понимала графиня Зейлер.

– Если это самоубийство, то может быть так, что его к нему кто-то склонил... – выдвинула своё предположение Хельга Ивановна, сидящая на диване возле камина. На её коленях лежала обессиленная от горя Астрид, смотрящая на лепнину на потолке. Женщина гладила внучку по волосам своей холодной и костлявой рукой с жёлтыми ногтями.

– Помилуйте! – возмутилась графиня Минерва Мстиславовна. – Дориан Альбертович не был способен на такой ужасный поступок!

– Вот именно, – согласилась Вероника Дориановна. – Не могло это быть самоубийством!

– И почему же все вы так отчаянно думаете, что это не суицид? – всё-таки решил спросить Корней Мстиславович. Вчера они с сыном так долго разговаривали про графа Зейлера, что невольно граф Чернов стал подозревать в этой смерти себя и Никиту. – Любая версия имеет место быть. А если это ещё и са-

моубийство, к которому кто-то графа склонил, то спешу вам сказать, умелые люди могут заставить любого сделать всё, что угодно, даже свести счёты с собственной жизнью! Мастера убеждений! – он поднял указательный палец вверх. Катерина Мстиславовна, услышав неутешительную догадку брата, вновь заплакала.

– Ладно, хватит, пожалуйста! – остановила их всех Вероника Дориановна. – Догадки вряд ли приведут нас к ответу. Разумно дождаться звонка врача.

И не поспоришь.

– Корней Мстиславович, – процедив сквозь зубы, позвал графа Чернова кивком головы барон Матвиенко. Когда Корней Мстиславович подошёл к Марселю Сергеевичу, барон процедил так же, сквозь зубы, тихо. – Не нужно вгонять ещё большую тревогу в Катерину Мстиславовну.

– Я беспокоюсь за свою сестру и хочу, чтобы она была готова ко всему, – уязвлённо произнёс Корней Мстиславович, как бы понимая, что Марсель Сергеевич взял под контроль данную ситуацию вместо него. Граф отдалился от Марселя Сергеевича на шаг, а затем и вовсе решил уйти из Обеденного зала в Теневую Спальню.

– Ладно! Любая версия может быть в равной степени как правдивой, так и ложной, друзья! – подвёл итог барон Матвиенко. – Для нас сейчас самое главное быть рядом друг с другом, поддерживать друг друга! – произнёс он.

Возражений не последовало.

Тем временем, этажом выше, Никита Чернов, как взмыленный, суетно метался по комнате, в середине которой лежал небрежно брошенный туда открытый чемодан. Парень бросал свой одичавший и обеспокоенный взгляд на разные углы комнаты, и, когда ему на глаза попадались его вещи или же вещи, принадлежащие отцу, Никита судорожно хватал их и швырял в чемо-

дан. Это причудливое занятие прервал внезапно появившийся здесь, в Теневой Спальне, граф Корней Мстиславович Чернов:

– Ну и что это ты делаешь? – в недоумении мужчина поднял одну неаккуратную бровь, наблюдая за странными действиями сына.

– Как это что, отец? – шёпотом «прокричал» Никита в упор Корнею Мстиславовичу. На лбу у парня выступили капельки пота, и причёска была сильно помята: огненно-красные кончики волос были встали дыбом, словно были языками пламени.

– Нет, я в самом деле не знаю, как это понимать, Никита, – строго и недоумевающе произнёс граф Чернов, поставив руки на пояс.

– Не строй из себя идиота! – суетно и одержимо выкрикнул Никита, тяжело дыша и трясая перед отцом смятой футболкой. – Я не убивал его! Клянусь, не убивал! – задыхаясь трондел он.

– Да заткнись ты! – выкрикнул отец, выдернув из рук сына футболку. – Ну разумеется ты не убивал его! – он всплеснул руками, поняв, из-за чего Никита ведёт себя так озабоченно.

– Мы должны непременно уезжать отсюда! Немедленно! Сейчас же! – не меняя своего возбуждённого тона, продолжал парень.

– Позволь узнать, с какой это стати? – вскинув брови, насмешливо и спокойно спросил граф Чернов. Его забавляли суетливость и волнение сына.

– Да как же ты не понимаешь! Сейчас приедут легавые и заберут меня!! – судорожно и раздражённо прошипел Никита, вертя в руках уже другую майку. На шее у парня выступили жилы от напряжения.

– Слушай сюда, баклан, – граф схватил сына за грудки и притянул к себе. – Что за чушь ты несёшь? – процедил он зло, прямо в упор сыну. – Мне совершенно всё равно, убивал Зейлера кто-то или он сам откинулся! Мне глубоко плевать! – рывк-

нул он и откинул Никиту от себя. Парень едва устоял на ногах и чуть не въехал в стеллаж со стеклянными дверцами. – Да даже если это и ты, мне абсолютно всё равно. Главное, вынь немедленно вещи из чемодана, приведи себя в порядок, спускайся вниз и не позорься. И заруби себе на носу: Ты не убивал Зейлера, понял?

– Понял, – кивнул Никита, выводя себя из состояния паники.

– Если ты вдруг забыл зачем мы здесь, я готов напомнить, – прищурился граф Чернов, собираясь выходить из спальни.

– Не забыл, отец, – Никита с готовностью кивнул отцу.

– Вот и славно, – выдохнул граф Чернов и ещё раз подтолкнул сына к чемодану, проводя осуждающим взглядом. – Я буду внизу. Спускайся. Полиция уже в доме. Приехала, когда ты смылся сюда, как последний трус. Будь готов, – на этих словах за Корнеем Мстиславовичем захлопнулась дверь.

Сотрудника полиции звали Виктор Андреевич Рогов. Этот мужчина был широкоплечим брюнетом лет сорока, и по его лицу как-то сразу можно было определить, что Рогов трудолюбив, внимателен и дотошен к своей работе.

– Ну, доброго утра, – начал он, обращаясь ко всем, кто сейчас был в Обеденном Зале. – Простите, – тут же осёкся он, когда словил на себе пару неодобрительных взглядов. – Не доброго. Виноват. Приношу вам свои искренние соболезнования.

– Благодарю, – сказала Вероника Дориановна и вздохнула.

Отвечая на последующие вопросы Рогова, все старались вспомнить как можно больше подробностей с сегодняшнего утра и вчерашнего вечера. Однако это утро словно выпало в какой-то осадок, провалилось на дно подсознания, углубилось в то место памяти, из которого было трудно что-то достать, даже при

всём желании. Это нормально для таких ужасных моментов жизни.

– Больше людей, я так понимаю, в доме нет? – осведомился Рогов. Корней Мстиславович кашлянул.

– Есть ещё мой сын, Никита, – кивнул граф Чернов.

– Отчего же он не присутствует здесь с нами? – спросил полицейский и покосился на графа.

– Сейчас он будет здесь, – уверенно кивнул Корней Мстиславович. – Чувствует себя неважно, вот и пришлось ему прилечь в спальне. Я приведу его сию же секунду.

Полицейский понимающе кивнул.

– Хорошо, приведите.

Разозлённый Корней Мстиславович зашагал по лестнице и через минуту ворвался в Теневую Спальню, с грохотом открыв дверь. Никита всё ещё находился там, в чём граф ни секунды не сомневался.

– Какого дьявола ты не в Зале? – проскрежетал Корней Мстиславович, весь красный от злости.

Никита лежал на полу и держался за собственную ступню, стиснув зубы от боли. Лицо его было красное. Парень едва сдерживался чтобы не закричать. Рядом с ним лежал кованый канделябр. Массивный и тяжёлый. Когда Корней Мстиславович пришёл сюда несколько минут назад, канделябр ещё стоял как ни в чём не бывало на полке стеллажа.

– Я не могу, отец! – выдавил Никита, корчась от боли.

– Враньё! – взревел покрасневший от гнева граф. – Чего ты опять учудил, шенок?! А ну быстро встал!

– Сказал же, не могу! – пропищал Никита.

– Идиот! – плюнул под ноги Корней Мстиславович. – Разве ты не понимаешь, что этой выходкой только привлекаешь к себе излишнее внимание? Было бы куда проще, если бы ты пришёл в

Зал, как я велел и не выкабенивался! Вставай! Живо! – приказал отец.

Кряхтя, Никита встал и, хромя, направился к спуску на первый этаж. Вскоре, они вместе дошли до Обеденного Зала.

– Простите его, – извинился за сына граф Чернов, обращаясь к Рогову, и похлопал едва стоящего на ногах сына по плечу. – Уронил себе на ногу подсвечник, бедолага... – отшучивался мужчина.

– Подсвечник? Ах, да, я понимаю, – повторял полицейский. – Надеюсь, Вас не затруднит ответить на некоторые мои вопросы? Давайте присядем. Вижу, Вам очень трудно стоять.

Никита кивнул. Его бил озноб от страха и по лицу стекали капли холодного пота. Он действительно чувствовал себя неважно. Астрид заметила это и не сводила с него подозревающего взгляда.

Прошло ещё минут тридцать, когда Рогов закончил задавать вопросы Чернову-младшему.

Неожиданно раздался звонок стационарного телефона. Вероника Дориановна молниеносно подбежала к нему, сняв трубку. Это звонил доктор, спешивший сообщить точную причину смерти графа Зейлера. Женщина молча выслушала то, что говорил врач на том конце провода. Её лицо приобретало всё более бледный и бледный оттенок. Смотря на молчащую женщину, присутствующие с содроганием ждали важной и душещипательной информации. Они уже видели, что новости будут именно такие, определяя это по лицу Вероники Дориановны Лето.

– Отравление мышьяком, – одними губами прошептала женщина, повесив трубку. Она сказала это так тихо, но все отчётливо услышали сказанное женщиной. – Мышьяк был найден в напитке отца.

Рогов тяжело вздохнул. Катерина Мстиславовна снова заплакала. Астрид громко охнула и подбежала к матери.

– Как это страшно... – произнесла девушка, обняв мать.

Марсель Сергеевич Матвиенко вдруг поменялся в лице: словно его самый сильный кошмар вдруг ворвался в жизнь. Это и правда было так. Барона Матвиенко только что будто поразила молния. Его осенило кое-что колоссально зверское.

Полицейский продолжил задавать присутствующим вопросы. Очередь теперь дошла и до барона.

– Виктор Андреевич, – обратился барон Матвиенко к полицейскому. – Вы поймите меня правильно, я очень не хочу разговаривать об этом при Катерине Мстиславовне, – умоляюще произнёс мужчина. – Ну Вы посмотрите на бедную женщину. Она столько натерпелась за сегодня! Сами понимаете – потерять мужа...

– Хотите поговорить в другом месте? – с готовностью предложил услужливый полицейский.

– Пожалуй, мы можем отойти в какую-то другую комнату? – спросил барон Матвиенко, обращаясь к Веронике Дориановне и Катерине Мстиславовне. Катерина Мстиславовна кивнула. Вероника Дориановна насторожилась.

– Почему Вы не можете разговаривать здесь? – спросила она с подозрением. – Вы что-то знаете, Марсель Сергеевич?

Никита и Корней Мстиславович сразу же оживились. Астрид тоже напряглась.

– А, впрочем, какая разница... – махнул рукой барон Матвиенко. – Буду говорить здесь!

– Говорите же! – нетерпеливо произнесла Вероника Дориановна. Катерина Мстиславовна не сказала ничего: лишь смотрела на барона широко раскрытыми, блестящими, будто со вставленным в них жидким стеклом, глазами.

– Так вот что, – вкрадчиво начал барон Матвиенко. – Я приехал сюда к Графине Зейлер на юбилей, который был несколько дней назад, но позвала меня сюда не просто чтобы его

отпраздновать, а ещё и для того чтобы я провёл стоматологическую диагностику состояния зубов у прислуги Зейлеров. Девушка жаловалась на зубную боль и Катерина Мстиславовна, как любящая хозяйка, решила дать ей возможность получить консультацию высококлассного специалиста, – он имел ввиду себя. – Так вот. Я взял с собой весь свой врачебный инвентарь, всю свою стоматологическую аптечку, но использовать ничего не стал, так как ситуация у неё с зубами куда хуже, чем я думал: девушке требовалось длительное лечение непосредственно в клинике. Рано утром, когда я отправился в ванную, я достал из аптечки новую зубную нить, чтобы почистить зубы и с ужасом увидел, что баночка с мышьяковистой пастой, которая ещё вечером, когда я проводил осмотр зубов прислуги, была запечатана, сейчас почему-то открыта! Я попытался вспомнить, не открывал ли я её сам? И нет. Не открывал. Зачем мне это было бы нужно сейчас, вне клиники? Значит, кто-то открыл её без моего ведома, пока я не видел. Это зародило во мне ужасные сомнения... но я решил не думать о том, что лезло в голову... – Марсель Сергеевич вздохнул, видя, как внимательно слушают его Вероника Дориановна, Астрид, Рогов, Черновы и Хельга Ивановна. Катерина Мстиславовна, еле дыша, тоже пыталась слушать барона Матвиенко. – Я направился в Обеденный Зал на первый этаж, чтобы выпить чаю, встретил Астрид, которая шла к себе. И прямо с лестницы увидел... Эмму!

– Я тоже её видела! – воскликнула, с ужасом, Астрид. – Она делала дедушке кофе... ещё спросила, нужно ли что-то мне.

– Эмма заходила в кабинет Дориана Альбертовича, который, либо уже проснулся, либо и вовсе в эту ночь не сомкнул глаз, – продолжал Марсель Сергеевич. – И зашла она туда не только с подносом, но и с такой широкой и радостной улыбкой на лице!.. Ну а потом, когда Астрид, вероятно, уже поднялась к себе, я услышал смех, и... ну... – барон замялся.

– Что Вы слышали? – переспросил полицейский, прищурившись.

– Не заставляйте меня краснеть, – сконфузился барон Матвиенко.

– Вы хотите сказать, что граф Зейлер и прислуга состояли в интимной связи? – без каких-либо эмоций спросил Рогов.

Марсель Сергеевич кивнул.

– Ну... она девушка видная, окрутит любого мужчину, – пожал плечами Матвиенко, слегка смущаясь. – Не думаю, что граф Зейлер стал бы исключением.

– Отец не мог!.. – прошептала, запротестовав, потрясённая Вероника Дориановна, которая отказывалась верить в происходящее. Астрид тоже ошеломлённо слушала рассказ Марселя Сергеевича. Катерина Мстиславовна подняла на барона свои блестящие от слёз воспалённые глаза. В ней только что рухнул огромный мир.

– ...Когда я услышал сами понимаете какие звуки, – продолжал Марсель Сергеевич, – В моей голове невиданным образом нарисовалась эта открытая баночка с мышьяковистой пастой... Это всё соединилось в моей голове, породив ужасные сомнения.

– Подождите!.. – засуетилась, трясущаяся от услышанного, дочь графа Зейлера. – Подождите секунду! – женщина побежала открывать дверь в кабинет Дориана Альбертовича, и через пару минут вернулась оттуда с листом бумаги, вытащенным из папки документов. Это было завещание графа Зейлера. Она судорожно, на ходу, начала читать его вслух. – «...Город Северный А-Ваен... Я, Зейлер Дориан Альбертович...» – её взгляд судорожно забегал по строчкам. – «...Всё моё имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чём бы таковое не заключалось и где бы оно ни находилось, я завещаю... Молчановой Эмме Павловне?!...» – Вероника Дориановна открыла рот

и забыла закрыть его. В завещании графа Зейлера была единственная фамилия! Единственная фамилия, принадлежащая Эмме!!! И не одного упоминания о родственниках! – «...текст завещания записан нотариусом с моих слов и до его подписания прочитан мною лично в присутствии нотариуса...» – одними губами читала графиня. Ниже стояла подпись графа Зейлера и печать нотариуса. Женщина отложила лист на стол и села на стул ни жива, ни мертва. Кажется, её голова закружилась.

–..Так он с ней?.. – ожила Катерина Мстиславовна. – Дориан с этой мразью?? – женщину охватил сильнейший шок. Марсель Сергеевич подбежал к ней чтобы попытаться успокоить.

– А где сейчас Ваша прислуга? – Рогов, не в силах скрыть шока от услышанного, обратился к Веронике Дориановне.

– Мама уволила её... Эмма разбила её любимую вазу. Это было ещё до того, как умер отец, – в голове ни у кого из присутствующих не укладывалось то, что рассказал Марсель Сергеевич и то, что абсолютно всё своё имущество граф Зейлер завещал какой-то, по суги, неизвестной женщине... как выяснилось – любовнице.

– Значит нужно срочно её найти! – твёрдо сказал полицейский. – Мы примемся за работу сейчас же, как только изучим отпечатки пальцев на баночке с мышьяковистой пастой! – он кивнул всем, и направился к выходу. – Скоро сюда приедет моя бригада. Думаю, мы ещё увидимся.

– Спасибо Вам, – сказала Вероника Дориановна. Рогов поспешно зашагал в коридор.

– Я провожу Вас, – кивнул Марсель Сергеевич Матвиенко. Мужчины удалились из Обеденного Зала.

Рогов вышел из дома на крыльцо, и барон Матвиенко оставил его прямо там.

– Витя, – обратился Марсель Сергеевич к полицейскому. – Ты мой старый и надёжный друг. Пообещай, что к моим словам

ты отнесёшься с пониманием! – барон смотрел прямо в глаза Рогову. – То, что произошло между прислугой и графом, и я уверен, происходило все эти годы, что она тут работала, может запятнать авторитет графини. Пообещай, что об этом знать никто не будет. Расследование не должно длиться долго, Витя. Курва окрутила графа, и он переписал на неё весь этот огромный дом! Никакой пощады. Никакой.

– Да уж... – вздохнул полицейский. – Я незамедлительно отправлюсь за ней!

– Она не уйдёт далеко! – посмотрев куда-то на дорогу, прищурился, произнёс барон Матвиенко.

– Не уйдёт, – согласился Рогов.

– И вот ещё: мерзавка должна быть найдена и наказана завтра же.

– Но... Марсель Сергеевич, а как же судебные разбирательства? А изучение отпечатков?.. – начал было Виктор Андреевич.

– Завтра же, – твёрдо процедил сквозь зубы барон Матвиенко, сунув следователю только что вытасченную из кармана приличную пачку денег. – Я не могу рисковать здоровьем Катерины Мстиславовны. Суд?.. Говоришь о суде... – задумался барон. – Хорошо. Но пусть на него тоже не будет убито большое количество часов.

– Я всё понял, – строго кивнул полицейский, сунув пачку денег себе в карман. – Негодяйка будет поймана и заключена в тюрьму завтра же.

– Вот и славно. А за убийством графа, у неё, кажется, найдётся ещё парочка зверских убийств, так? – подняв одну бровь процедил Матвиенко.

– Каких убийств? – забегал глазами Рогов.

– А таких! – проскрежетал барон и достал из кармана ещё одну не менее большую пачку купюр. – Она – известная разби-

вательница сердец, и то, что она сделала с графом Зейлером – не первая, но, к счастью, последняя её шл*ханская выходка.

– А! Да! Да, разумеется! – осенило вдруг полицейского. – Всё будет так, как Вы сказали, – Мы найдём Молчанову и ей будет грозить очень серьёзное наказание.

– Вот и славно, – кивнул барон. – Наш разговор можно считать законченным, Витя. Мы будем ждать твоих ребят. Удачи тебе в поимке страшной убийцы.

Глава XXV

СЛЁЗЫ И РУБИНОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ

День, словно какая-то резина, дотянулся до вечера. Все в доме были словно наэлектризованы. Неожиданные и шокирующие откровения барона Матвиенко окончательно заставили всех думать, кто совершил ужасное убийство и каков был мотив. Обессиленная Астрид уснула в Обеденном Зале, в зоне гостиной. Хельга Ивановна накрыла её пледом и предпочла уединиться с книгой в спальне, в которой жила эти несколько дней. Вероника Дориановна и Катерина Мстиславовна в сопровождении Минервы Мстиславовны, Корнея Мстиславовича и Марсея Сергеевича углубились в воспоминания, очень тихо разговаривая при свечах в Обеденном Зале. Они пили успокаивающий жасминовый чай, стараясь хотя бы как-то абстрагироваться от напряжённого и поистине мрачного дня. Никита сидел в Теневой Спальне, прикладывая к ушибленной опухшей ноге пакет со льдом. Парень смотрел в одну точку, не думая совершенно ни о чём, однако в одну секунду его вдруг передёрнуло и обдало волной холода, ведь больше он совершенно не чувствует тепла в своём браслете! Тепло безвозвратно исчезло! Чернов-младший громко чертыхнулся от того, что со всей этой суетой совершенно не успел проследить, в какую минуту тепло от присутствия Ниферио-Ритио или того, что было когда-то в контакте с таинственным предметом, перестало им ощущаться. Парень совершенно не засёк этот важный момент! Теперь Никита ругал себя, ведь пропажа тепла в браслете могла значить только одно: Ниферио-Ритио из этого дома исчезло. Молодой граф сначала хоть и винил себя, потом всё же переметнулся на волну здравого смысла, ведь единственное, что пропало из этого дома сегодня – граф Дориан Альбертович Зейлер. Следовательно, Ниферио-Ритио, вероятно, пропало с ним.

Похороны хозяина Особняка Ветра состоялись утром следующего дня. Катерина Мстиславовна, Вероника Дориановна, Астрид, а также все те, кто присутствовал в доме на момент смерти Дориана Альбертовича, облачённые в траурные чёрные наряды, чёрные шляпы и перчатки, вышли из машины. Жена и дочь приняли решение не приглашать ещё каких-то людей на похороны Дориана Альбертовича. Не было сил на общение с кем-либо. Слишком тяжело далась утрата.

Кладбище располагалось в той части города, где начиналось Северолесье, и выглядело, словно находилось не на окраине города, а на окраине мира. Серый утренний туман лениво стелился над надгробными камнями, а острые чёрные ветви массивных деревьев, растущих на территории кладбища, напоминали костлявые и холодные пальцы трупов, восставших из могил и норовивших пронзить туманную завесу. Яркоранжевые листья придавали этому месту какую-то несвойственную и не характерную праздность ещё ранней осенью, но кладбище держали в полном порядке и строгости, своевременно проводя на нём уборку. Здесь не позволялось быть в ярком наряде даже деревьям. Тихо. Почти безлюдно и сумрачно. Конечно, приезжали люди, чтобы навестить своих родных или друзей, но всё это происходило безмолвно, будто приезжавшие лишались голоса, оказавшись здесь. Живым нечего было делать на этом кладбище. Оно лишь для покоя мёртвых людей, мёртвых деревьев, мёртвых цветов. Это кладбище, как и любое другое, не было предназначено для того чтобы предаваться воспоминаниям – они не живут на кладбищах. Воспоминания живут в том, к чему прикасались родные руки, когда ещё были тёплыми.

Гроб с Дорианом Альбертовичем поставили рядом с погребальной ямой. Катерина Мстиславовна вновь, увидев мужа, не смогла сдержать рыданий. Астрид обняла бабушку, тяжело вздохнув, обратив взгляд на бездыханного графа, облачённого в

чёрный костюм и бардовую рубашку. Марсель Сергеевич Матвиенко положил на плечо графине Зейлер свою руку.

Никита и Корней Мстиславович Черновы, не говоря ни слова, стояли по другую сторону от гроба. Граф Чернов поднял воротник своего пальто и кутался в него, щуря глаза от колючего, холодного ветра. Погода сегодняшним утром и вправду была какая-то даже морозная, не октябрьская. Земля была мёрзлая, а при дыхании или разговоре изо рта шёл пар.

Никита Чернов вдруг ощутил, как тепло стало его запястью, на котором располагался браслет. Тут же он вспомнил про свои и отцовские догадки про перстень графа. (Сейчас рубиновое кольцо по-прежнему было на пальце Дориана Альбертовича.) Хищный взгляд Чернова упал прямо на этот палец.

– Отец! – тихо процедил Никита, пихнув Корнея Мстиславовича плечом. – Я уверен, кольцо – это Ниферио-Ритио! – шепнул он.

– Уверен?.. – переспросил отец так же тихо и строго.

– ДА! – кивнул Никита. – Вот же! Смотри! – он поднял рукав своего пальто, чтобы отец смог прикоснуться к браслету. Только дотронувшись до украшения сына, Корней Мстиславович отдернул руку, потому что, если бы он подержал её ещё немного на раскалённом браслете, ожога было бы не избежать, и выпучил глаза от шока, что им овладел. Никита сделал небольшой шаг в сторону гроба и поймал на себе взгляды родственников.

– Нет, – притормозил его отец. – Не вздумай! – процедил граф, проскрежетав зубами.

– Но, а когда!? – шёпотом прокричал Никита, недоумевая.

– Цыц! – Корней Мстиславович заткнул сына. – Сейчас нам нужно быть со всеми! – строго сказал он.

Прощание завершилось, гроб стали погружать в яму. Катерина Мстиславовна и Вероника Дориановна плакали. Астрид

стояла в рядом с Хельгой Ивановной, кутаясь в её длинный плащ, и хлопала носом. Минерва Мстиславовна смотрела своими перманентно-печальным взглядом куда-то вдаль, явно ища определённую могилу. Никита бросал раздражённый взгляд то на отца, то на уходящий под землю закрытый гроб, всё больше и больше чувствуя, как безнадежно под землю уходит то, что он так долго искал. Корней Мстиславович наотрез отказался как-либо сейчас пытаться предпринять нечто чтобы украсть кольцо. Чернов-младший несусветно злился и не понимал, что задумал отец. Можно было предположить, что граф Чернов решил вдруг в кое-то веке проявить уважение к сестре, выразить сострадание её горю и забросить свою великую затею, но это было совсем не похоже на него и парень ни за что бы в это не поверил! Никиту просто распирало от негодования: ну вот же! Вот тот самый предмет, что столетиями искало Братство Полной Луны! Он был готов на всё, что угодно: даже осквернить память родственника и навсегда потерять доверие своей семьи, взамен на получение долгожданного магического артефакта, но Ниферио-Ритио вместе с гробом стремительно уходило под землю, оставляя всё меньше шансов на то, что Никита смог бы снять с пальца графа Зейлера желанное кольцо с рубином. Внутри парня всё клочкотало, а в рёберной клетке будто бы бился десяток птиц, мечтая скорее выбраться! Браслет на его руке постепенно остывал. И сопровождаемый постепенно нарастающим холодом или же жаром, словно реквиемом, рушился его внутренний мир. Никита не представлял, как теперь добыть драгоценное украшение. Всё его существо сейчас выражало один огромный и жирный вопросительный знак по отношению к отцу, чего нельзя было сказать о графе Чернове, в голове которого уже созрел безупречный план, но никак не отпечатывался на его лице: оно всё так же оставалось бескровный, бледным, напряжённо-спокойным и уверенным.

Похороны завершились поминальным обедом, приготовленным только сегодня пришедшей прислугой – Маргаритой – пышной женщины средних лет с румяными щеками. Вся она напоминала мягкий бисквитный ванильный кекс и мило улыбалась, однако жители Особняка Ветра, исходя из последних событий, совершенно не желали улыбаться ей в ответ.

Если разговоры за столом сейчас и были, то это были краткие реплики членов семьи. За окном сгустились тёмные тучи, и в Обеденном Зале, присутствующие, облачённые в траурную чёрную одежду, тоже напоминали гроззовые облака. Еда слабо лезла в рот, потому что души были так наполнены скорбью, что мозг думал, что грусть и горе – тоже пища, которой можно вдоволь насытиться.

У Никиты, разумеется, скорбь была по абсолютно другому поводу. Он смотрел в одну точку, а перед его глазами всё прокручивалась картина того, как он, мечась между отцом и гробом, так и не добился того, к чему долгие годы так яро шёл. Он был в половине шага от Ниферио-Ритио – сильнейшего магического артефакта, он был готов сам прыгнуть в яму вместе с гробом! Но отец... отец, главный напарник своего сына, решительных действий которого Никита ждал всем своим существом, даже не повёл бровью! Может, он всё-таки воспринял предложение Чернова-младшего, как недостоверную, ложную информацию? Может, старый граф уже не доверяет молодому? Никите оставалось только гадать. Корней Мстиславович ни в доме, ни на кладбище не проронил ни слова и всю дорогу упорно молчал. Он был ужасно зол на отца, но злость эту, решил сын, он выльет, непременно выльет на отца вечером! Терпеть уже не было сил!

Астрид тоже была погружена в свои мысли. Она не понимала, как Эмме Молчановой, работающей в этом доме три года, пришло в голову совершить такой омерзительный поступок.

Ещё утром Астрид убеждала себя в обратном, но вид мёртвого дедушки, совершенно изменившегося за ночь, заставлял внучку покойного графа презирать и ненавидеть прошлую домработницу. Однако, остыв в самую малость, Астрид поняла, что всё равно не может до конца поверить в то, что это сделала Эмма. Что-то здесь было не так, но пока девушка не решалась углубляться в эту мысль.

Поток её рассуждений в очередной раз прервала уже знакомая музыка. Вновь та, которую девушка слышала и вчера, и позавчера. Когда Астрид прислушалась к мелодии в этот раз, она вдруг поняла, что слышит её с самого начала обеда, просто не отдаёт себе в этом отчёт, как не отдаёт себе отчёт в своём ежесекундном дыхании или моргании любой человек. А может, музыка играла и играет здесь всегда? Просто все настолько к ней привыкли, что считают тишиной? Тишиной, характерной только для этого дома? Девушка не собиралась спрашивать у родственников об этом сейчас, ведь не исключено, что мелодия не доносится из Музыкального зала, а по непонятным причинам просто звучит в её голове... а если это так, то все вопросы только к Астрид. Поэтому, она просто принялась слушать мелодичную и очень грустную песню, что напевал ей, как она предпочла думать, старинный Особняк Ветра. Однако потом девушка развеяла собственные иллюзии – в Музыкальном зале находилась Хельга Ивановна.

День уныло перетекал в вечер. Катерина Мстиславовна, словно пропитанная немим стыдом за то, что это был один из её действенных способов избавления от тяжести горя – выпила немного вина и осталась в Обеденном Зале до самого вечера. С ней здесь осталась Минерва Мстиславовна. В полумраке тускло-светящихся маленьких светильников сёстры тихо разговаривали об ушедших родных. Изредка их речь прерывалась тихим плачем. Графиня Чернова словно была сшита из обрывков таких

разговоров. Каждая морщинка на её лице, каждая слеза, упавшая из её усталых глаз – всё это были будто бы те, кого она потеряла за свою жизнь. И к сожалению, судьба у этой женщины была терять больше, чем обретать. Муж изменил ей, спустя лишь пару лет после их свадьбы и уехал с любовницей в Париж. Больше о своём муже Графиня Чернова не слышала. Тогда женщина осталась совершенно одна с годовалым ребёнком на руках. Безусловно, она скучала по мужу и растить ребёнка ей было вовсе не просто. Женщина не раз порывалась вернуть мужчину, любовь к которому затаилась глубоко в сердце, которое ещё только начинало каменеть, однако вспоминая его бесчестный и отвратительный поступок, останавливала себя и лишь вспоминала два года счастливого брака... хотя... трудно было назвать счастливым их союз. Графиня Чернова, хоть ей было это и неприятно, не раз думала, что бы было, если бы муж жил бы с ней, но продолжал ходить к любовнице. Всякий раз она приходила к выводу, что будь оно так – было бы ещё хуже. Хорошо, что правда не заставила себя долго ждать. Спустя время, Минерва Мстиславовна стала считать, что муж умер, потому что внушить это себе – было единственным способом перестать хотеть возвращать его. Так, постоянно с готовностью «обрубая» себе кисти рук, Графиня Чернова поняла, что одиночество – её единственный друг и самая большая любовь. Сын... что сын? Он погиб двадцать лет назад. Самоубийство – попадание под колёса огромного грузовика.

– Ну что ж, сестрёнка... – хлюпая носом произносила она. – У нас у обеих теперь умерли мужья... – и устало улыбалась. Графиня Чернова считала своим долгом говорить с кем-то о потерях. Она была как ворона, что обычно живут на кладбищах и провожают мёртвых в последний путь. Она словно имела в руках книгу в чёрном переплёте и незримыми чернилами записывала туда имена умерших людей. Да, она горевала, но это горе

было её излюбленной эмоцией: самой правдивой. Самой яркой. Единственной эмоцией, которую графиня Чернова умела испытывать с потрясающе выработанным годами мастерством.

Тусклый свет ночников горел в Теневой Спальне Корнея Мстиславовича и Никиты Черновых.

– Я не понимаю, отец, – Чернов-младший сидел на краю своей кровати, облокотившись головой на ладони. – как мы могли упустить это чёртово кольцо? – он процеживал каждое слово. – Тогда, всего одно мгновение, которое могло бы отвлечь их, и я бы содрал с Зейлера перстень, но ты не позволил мне ступить ни шагу! А СЕЙЧАС-ТО, ЧТО ДЕЛАТЬ?! – он выходил из себя.

– Не трынди, с*кин ты сын! – прошипел граф Чернов, совершая кончиками пальцев вращательные движения на висках. – Из-за тебя голова раскалывается! – он взял лежащую на тумбе упаковку таблеток, закинул в рот две штуки и шумно проглотил. – В тебе есть хоть капля мозгов? Ты совсем не подумал о том, что семью, в которой кто-то умер, вряд ли чем-то можно отвлечь во время похорон? Мне интересно, как ты собирался провернуть свою аферу? Ну-ка? – граф ядовито усмехнулся. – Просто содрать кольцо при всех? Интересно, что бы ты сказал им в своё оправдание! – отец посмотрел на сына, словно Никите уже пришлось оправдываться за такой нелепый поступок, и злорадно рассмеялся. – Может быть ты бы содрал перстень вместе с пальцем, трупы ведь безразлично, не так ли? – издевался он.

– Они не заметили бы ничего, если бы ты их отвлек! – проскрежетал Никита, не желая отказываться от своей идеи. – Нам ведь везло, отец! Я никогда не чувствовал такого жара в браслете, повторю, никогда! – с пеной у рта трындел Никита, пытаясь вогнать в твердолобого отца каждое своё слово, но всё равно

неизменно чувствовал себя рядом с ним беззащитным мальчишкой. Только с ним.

– В чём это нам везло? – усмехнулся Корней Мстиславович.

– Да в том, что за убийство посадят эту Эмму! – прошептал Никита, вкрадчиво.

– Так это сделал ты? – граф с удивлением вскинул густые брови и зло улыбнулся. – Что ж, это было неожиданно. Не думал, что ты действительно способен на многое, ради своей цели!

– Отец, это не... – начал было Никита.

– Что? – переспросил граф Чернов.

–...У тебя нет какого-нибудь плана? Над нашей добычей два метра земли, или, может, ты решил, что сейчас его достать реальнее, чем утром? – Никита сказал совсем не то, что хотел. Сделал он это потому что заметил, что отец сейчас смотрит на него, как на равного. Не этого ли добивался Чернов-младший? Да! Ему нужно было именно отцовское признание! Только что он получил его, и совсем не важно, что для этого буквально подтвердил собственноручное убийство графа Зейлера. Парень был несказанно рад увидеть в глазах отца гордость за себя и не посчитал нужным что-то менять. Слишком сладка для Никиты была эта гордость.

– Намного реальнее, – кивнул строго и холодно Корней Мстиславович. И в момент рассеялся тот взгляд, который был так нужен Никите. Граф вновь смотрел на него надменно и свысока. – По крайней мере я знаю, как сделать это, не привлекая излишнего внимания и не вызывая подозрений. А ты, пустая бошка, совсем это не учиываешь. Не всё в этом мире для тебя! – пригрозил он.

– О чём ты? – сын всё ещё не понимал, что имеет ввиду отец.

– Я уже обо всём позаботился, – довольный собой, сказал граф Чернов. – Мы вернёмся на кладбище в два часа по полуночи, – прищурился, вкрадчиво говорил Корней Мстиславович в лицо сыну, бросая в него каждое слово, словно обжигающие капли раскалившегося на сковороде растительного масла. – Там, на кладбище нас будут ждать двое надёжных людей. Они и достанут то, что по праву наше! – это заставило глаза Никиты округлиться.

– Копать могилу?! – парень опешил и обрадовался одновременно.

– Именно, – кивнул удовлетворённо граф. – Я согласен, это несколько неприятно, но заметь, я же не заставляю тебя пачкать руки.

Глава XXIV БЕГЛОЕ КОЛЬЦО

Никита всё ещё находился в полном недоумении от слов отца, однако они полностью пришлись ему по душе.

Когда стрелки часов подоברались к двум часам по полуночи, отец и сын почти беззвучно вышли из Особняка Ветра. Сделать это у них получилось без труда, потому что заботливая сестра вручила Корнею Мстиславовичу связку запасных ключей от дома, чтобы тот мог выходить и входить сюда в любое нужное время и при всяком случае. (Разумеется, на тот временной отрезок, на которой Черновы приехали погостить.) И вот сейчас этот случай настал.

За забором Черновых уже ждала машина. Перед тем, как войти в неё, Никита с какой-то опаской оглянулся на особняк, вдохнув свежий ночной холодный воздух, перемешанный с хвойным ароматом. Огромный дом с подозрением смотрел на Чернова-младшего своими потухшими окнами. На улице было прямо сказать морозно: снег, что ещё утром растаял, сейчас вновь выпал, укрыв землю белоснежной марлей. В некоторых домах поблизости, в отличие от Особняка Ветра, свет ещё горел, и Никита оглядывался, думая, как бы кто ненароком не посмотрел в окно и не заметил его.

Наконец, двери в чёрной, сливающейся с ночью, машине захлопнулись, и отец с сыном в сопровождении молчаливого и доверенного водителя графа Чернова, направились на кладбище. Чёрная иномарка мигом домчала их до нужного места. Корней Мстиславович, подняв ворот своего пальто, поручил сидящему за рулём мужчине ждать их здесь.

Кладбищенский сторож крепко спал в своей сторожке: ему и дела никакого не было, что сюда успели проникнуть люди. Кроме того, Черновы заехали сюда никак не с главного входа. Когда отец и сын дошли до могилы графа Зейлера, там их уже

ждали двое крепких по телосложению парней, как и та машина, сливавшихся с чёрной ночью. Никита кутался в своё легкое пальто, пытаясь согреть замёрзший кончик носа, и оглядывался по сторонам, переступая с ноги на ногу.

– Ну и что? – бросил один из наёмников. – Эта могила? – он небрежно кивнул на свежее захоронение.

– Да, верно, – сухо сказал граф. – Ну же, приступайте, живо!

– Ну уж нет! Деньги вперёд! – язвительно ухмыльнулся, обнажив свои неприятные на вид зубы другой парень.

– Какие деньги, козёл? – замахнулся явно волнующийся Никита.

– Ну ты нас за идиотов-то не держи! – буркнул наёмник.

– Ты сначала выкопай, падла, а то никаких денег не получишь! – пригрозил Чернов-младший. В ответ наёмник лишь ядовито усмехнулся.

– Да что ты в самом деле! – Корней Мстиславович отодвинул сына и протянул наёмным рабочим приготовленные деньги. – Приступайте, парни.

– Вот это другой разговор! – довольно ответил молодой человек с плохими зубами и противно заржал во весь рот. Затем он плюнул себе на обе ладони и взялся за лопату. Товарищ его сделал точно так же. Наёмники принялись энергично копать свежую могилу. Атмосфера на кладбище накалялась. Черновым уже не терпелось взять в руки находку. Ладони у Никиты от нервозности мёрзли, потели и тряслись. Но его волнению, безусловно, суждено было смениться радостью от достигнутой цели! Наёмники извлекли из-под ещё не успевшей застыть земли гроб и, устойчиво поставив его рядом с раскопанной ямой, достали из чёрной грязной сумки свои личные причудливые причиндалы для того чтобы открыть его. Разумеется, кольцо было цело и невредимо. Да и куда оно могло подеваться, в самом де-

ле? Возбуждённый Никита едко улыбнулся, и, буквально раздвинув локтями наёмников, в миг оказался возле гроба. И руки его сию же секунду согрелись. Ещё бы! Ведь браслет, являвшийся для него своеобразным компасом, «чуйкой» для поиска энергии Ниферио-Ритио, сейчас просто горел на его запястье! Серебро вот-вот бы вскипело прямо на руке!

– Вот оно, отец... – прошептал Никита и крупный рубин, находившийся в перстне, отразился кроваво-красным светом в глазах молодого графа. Корней Мстиславович предпочёл не ликовать в присутствии двух неосведомлённых наёмников. В самом деле, радоваться уверенно и открыто он себе не позволял.

– Прекрасно, – произнёс, твёрдо, граф Чернов, когда Никита, сняв перстень с трупа и надев его на свой указательный палец, победоносно поднял руку вверх, чувствуя абсолютную эйфорию. – Я всё же надеюсь, что ты не ошибёшься.

– Он очень горячий, – сказал Никита. – Я точно прав, отец! – браслет действительно съедал запястье парня своим жаром, но Никите было даже приятно ощущать этот обжигающий огонь. Корней Мстиславович продолжал смотреть на сына с подозрительностью и неохотой верить в успех, однако всё же стал медленно подпускать к себе мысль о том, что возможно, парень только что надел на палец настоящее Ниферио-Ритио, а пророчество, в которое так верила Шамирам – действительно сбывается на глазах. Мысль была так далека и эфемерна, что граф Чернов не мог испытать полноценную радость, хоть и с осторожностью начинал ощущать, что в руках у его сына – желанный магический предмет, который ищет уже много веков Братство Полной Луны.

Энтузиазму и неумоимости Никиты можно было только позавидовать, чего нельзя было сказать о Корнее Мстиславовиче. За свою жизнь граф Чернов участвовал в множестве безрезультатных ритуалов, проведённых в ночь полнолуния с десят-

ками причудливых колец, камней, картин, книг и даже предметов старинной одежды. Все эти, казалось бы, никак не связанные между собой предметы тоже несли сильную энергию Ниферио-Ритио, но ни один из них не был нужным магическим артефактом. Всякий раз Братство ошибалось в своих находках. И на месте графа почти всякий человек бы уже отчаялся и потерял веру в свои силы и силы других членов группы. Корнею Мстиславовичу тоже иной раз казалось, что скоро он потеряет все остатки своей веры, но он не позволял себе этого сделать, потому что на Братство было потрачено много лет его жизни, а внутреннюю пустоту, которая образуется на месте утраченной веры, вряд ли будет возможно заполнить чем-то ещё.

Неутомимым людям из Братства приходилось воровать желаемые предметы, брать у друзей и у родственников, придумывая самые нелепые оправдания, вытаскивать из грязи и даже покупать за немислимые деньги. Ко всем этим рискованным действиям вела их, конечно, не без доли личного безумства, энергия. Энергия Ниферио-Ритио, что была на всех этих предметах и внутри членов Братства. Другими словами – энергия в телах людей тянулась к похожей энергии в предметах. После неудачно проведённых в полнолуние обрядов, члены Братства как правило, рационализировали свою неудачу и упадок сил, (постепенно ведущий, разумеется, к полной потере магического чутья), говоря, что наличие нужной энергии говорит о том, что данные предметы когда-то были в личном контакте с самим Ниферио-Ритио. И, безусловно, есть надежда на его наитие. Особенно, когда предмет обнаружит мальчик из пророчества. И вот, когда мальчик, спустя долгие годы появился, у Братства открылось второе дыхание и новая волна надежды и упорства.

Никита за своё пребывание в Братстве, хоть и за ним закрепилась роль того самого мальчика из легенды, нашёл всего лишь один предмет с помощью своего браслета. Это была старинная

малахитовая статуэтка, стоявшая на столе у администратора в его кальянной. Браслет Никиты, служивший индикатором, внезапно раскалился на его руке и он, не раздумывая схватил статуэтку, принадлежавшую девушке и мигом принёс её Шамирам. Но, когда был проведён обряд, выяснилось, что статуэтка далеко не Ниферио-Ритио. Доверие к Никите совсем немного поколебалось, но вскоре эта неудача забылась, дав ему второй шанс. И вот, второй шанс, кажется, увенчался грандиозным успехом. Теперь Никита знал, что не подведёт.

– Чего вы стоите, идиоты! – крикнул граф Чернов на наёмников, что тоже уставились, словно зачарованные, на потрясающей красоты старинный перстень. – Верните тут всё на место, живо!

Парни сразу же принялись закапывать.

– И чтобы всё было так, словно вас тут не было! – наказывал Никита.

– Завтра мы будем вынуждены оставить наших простодушных и горюющих родственничков, сын, – зловеще улыбнувшись изрёк Корней Мстиславович. Никита кивнул ему в ответ, не отрывая взгляда от кольца со зловещим рубином.

С этими словами Черновы покинули кладбище, скрывшись в машине, что и привезла их сюда.

– И откуда у Зейлеров то, что, буквально, может уничтожить весь этот мир? – спросил Никита, продолжая разглядывать кольцо и передвигать серебряный браслет то вверх, то вниз. Ощущения на коже были уже не из приятных – теперь браслет полыхал.

– Понятия не имею, – пожал плечами Корней Мстиславович. – Любят они всякие антикварные побрякушки, – несмотря на то, что сын полностью уверен в том, что на его палец сейчас надето Ниферио-Ритио, граф Чернов всё же не был так же возбуждён. Он, конечно, понимал, что может ошибаться, и сын всё

правильно обнаружил, но не спешил радоваться наивно и безудержно. Никита отлично видел эту реакцию, и это отзывалось неприятным зудом в его грудной клетке – он вновь считал, что не удовлетворил отца.

– Ну вот, и во всяких бесполезных вещах можно, оказывается, найти что-то ценное, – подытожил парень. – Надо просто знать, с какого угла посмотреть. И я этот угол нашёл! – с гордостью за себя сказал Никита.

Переутомлённый граф промолчал и нехотя кивнул.

– А если Зейлеры знали о кольце? – судорожно протарахтел Никита, словно вдруг поражённый молнией.

– Зейлеры? О кольце? – переспросил граф Чернов, подняв уголок рта в едкой усмешке. – Да не смей ты! Никто из знающих людей не стал бы закапывать в землю... – он перешёл на шёпот, покосившись на водителя. – ...такой ценный артефакт.

– А маги в их роду были? – спросил Никита.

– Маги? Нет. Род Зейлеров, конечно, очень древний и очень денежный – один из самых первых в Северном А-Ваене, но Зейлеры всегда были опрометчивы, глупы и тщеславны. Кроме того, недавние предки наших Зейлеров были ярыми противниками оккультных орденов, кланов, клубов. Когда меня и тех, кого ты знаешь ещё не было в Братстве, на него охотилась группа противников. В 1950-х они часто совершали набеги, и Братству приходилось постоянно менять место встреч. Та группа занималась истреблением людей с магическими способностями и её возглавляла мать графа Зейлера, прабабка девчонки. Её клан назывался «Чёрные Рыбы», Шамирам рассказывала тебе о нём.

– Да, но она говорила мало... – припоминал Никита. – Ты знаешь что-то ещё?

– Чёрные Рыбы очень яростно расправлялись с магами и оккультистами. Они убивали не слышно – вешали или душили, выслеживая людей по ночам, или же врывались прямо в место

сборов магов. Разумеется, много сильнейших людей покинуло Братство во имя собственных жизней и жизней своих детей, а потом разбрелось по миру. Эта утечка магов сильно ослабила Братство, а также осталось совсем мало сведений о Ниферио-Ритио. Для клуба это несусветная утрата и боль, – промолвил Корней Мстиславович. – Поэтому, в роду этих поганых Зейлеров априори не могло быть магов, Никита. Хотя бы потому что маги не могут быть такими спесивыми, жестокими и не могут желать смерти себе подобным.

В Особняк Ветра им посчастливилось вернуться уже через пятнадцать минут, и войти никем не замеченными. В этот раз под ногами отца и сына не скрипнула ни одна половица.

Зайдя в Теневую Спальню, Черновы устало разлеглись на своих кроватях. Никита заботливо снял со своей руки браслет и кольцо, разместив их на прикроватной тумбочке, и тут же уснул без задних ног.

...Астрид сегодня не спалось. До двух часов ночи девушка просидела в библиотеке особняка, а теперь вернулась в свою комнату в надеждах уснуть, но сон не шёл. Она всё думала о том, что Эмма – девушка, которую она считала близким человеком, всё это время бесцеремонно пользовалась доверием жителей Особняка Ветра. Особенно Дориана Альбертовича. Чем прислуга могла так околдовать графа Зейлера, что тот завещал всё своё дорогостоящее имущество этой, едва появившейся в его жизни девушке? Да. Астрид многократно оправдывала Эмму Молчанову, не верила, что она состояла в каких-то романтических, а уж тем более в сексуальных отношениях с графом Зейлером.

Что-то в этой истории было нечисто, размыто, недосказано – девушка ясно это поняла, и даже завтра, когда все остальные члены семьи отправятся на суд по этому делу, сомнения у Астрид по-прежнему не пропадут.

Позапрошлой ночью девушка сосредоточила усиленное внимание на брате Катерины Мстиславовны и его сыне. Да, быть может, это заставила её сделать мрачная, отталкивающая внешность графа и язвительность Никиты, но даже отбросив густые, вечно стиснутые к носу брови Корнея Мстиславовича и дерзость Никиты, в глазах Астрид эти двое продолжали рисоваться, всё же, очень подозрительными личностями.

Полночные рассуждения девушки прервал звук слегка щёлкнувшего дверного замка, донёсшийся со стороны соседней спальни. Спящий бы вряд ли услышал звук, но Астрид не спала и поэтому быстро среагировала. Соседняя спальня – Теневая. В ней как раз жили персонажи её недавних рассуждений. Этот щелчок дверного замка, пришедшийся ровно на эти рассуждения, словно сдвинул невидимый индикатор этой самой подозрительности к Черновым на самый максимум. Астрид выждала ещё несколько минут, а затем приставила ухо к сообщающей комнаты стене. Было совсем тихо. Однако кто-то из них точно зачем-то выходил из комнаты, и девушка не спешила оправдывать этот выход естественной нуждой посетить уборную. Всё гораздо сложнее, думала она.

Выждав ещё минут пять, Астрид встала с кровати и направилась по лестнице вниз. Дойдя до прихожей, она накинула на пижаму своё пальто, зашнуровала тёплые ботинки, невероятными усилиями беззвучно повернула дверной замок и вышла на задний двор Особняка Ветра. Туда, куда выходили окна её спальни и спальни гостей-Черновых. На улице было очень тихо, холодно и темно, однако воздух был свеж и чист. Девушка вдохнула его полной грудью, посмотрев на сияющую в чистом осеннем небе луну.

Как раз по середине, между этими окнами располагалась голая и устрашающая тёмная крона огромного дуба, давно потерявшая свои золотые листья. Астрид, когда была маленькая,

часто забиралась по этому дереву, усаживалась на ветку и смотрела в окна своей комнаты: отсюда всё было прекрасно видно – и ей казалось это очень занимательным. Сейчас девушка решила посмотреть в окна комнаты Корнея Мстиславовича и Никиты. Она потёрла руки и принялась вскарабкиваться по дереву. Поняв, что навык мягко говоря утрачен, девушка слезла и попробовала ухватиться за ствол поудобнее. Астрид поёжилась от осеннего холода, в очередной раз осознав, что она переоценила свою способность к лазанию по деревьям... Спустила ещё пару попыток, у неё, наконец, получилось взобраться на ту удобную ветку, с которой в детстве было так интересно смотреть в окна дома. Теперь ей мог открыться прекрасный обзор на спящих Корнея Мстиславовича и Никиту, к её счастью не опустивших на окна тёмно-бирюзовые тяжёлые портьеры. Что-то внутри Астрид в этот момент только хотело утихомириться, и девушка уже было собралась слезть с дерева, как вдруг её взгляд упал на ярко-алый камень, в одном из граней которого отразился лунный свет и привлёк её внимание. Камень лежал на прикроватной тумбочке около Никиты. Приглядевшись, Астрид с ужасом поняла, что это... дедушкин перстень!!! Дедушкин перстень, с которым, он, ещё сегодня же утром отправился в свой последний путь. Астрид не ошиблась, хотя думала, что мозг обманывает её, но да, именно этот перстень она видела на пальце Дориана Альбертовича каждый день! Теперь в голове девушки всё окончательно спуталось. Она ещё долго всматривалась в этот рубин, и волнение с каждой секундой переполняло её всё больше и больше. В ушах словно звучали некогда сказанные графом Зейлером слова: «Этот перстень достался мне от моего прадеда, и сделан он в единственном экземпляре!»

Внезапно перевернувшийся на другой бок Никита, заставил Астрид мигом начать слезать с дерева и скорее возвращаться домой. Девушка неслась в дом, по его коридорам и лестнице,

находя мысль о «беглом» кольце совершенно жуткой, несурзкой и даже страшной. Но увиденное только добавило ей ещё больше уверенности в том, что брат её бабушки и его сын – странные персоны, с которыми нужно держать ухо востро. ЗАЧЕМ, А ГЛАВНОЕ, КАК ОНИ ДОСТАЛИ ПЕРСТЕНЬ ГРАФА?..

Забежав в свою спальню, Астрид запрыгнула в кровать, сразу же залезла под одеяло, и ещё минуты две переводила дыхание. Потом она закрыла глаза, стала засыпать, но вдруг почувствовала, что ощущает эффект присутствия кого-то прямо рядом с ней. Девушка посмотрела в окно, которое находилось по той же стороне, что и кровать, а по другой почти соприкасалось с ветвями дерева, на которое залезала Астрид. И да, она не ошиблась: на неё уставилась пара огромных ярко-оранжевых глаз – глаз жителей Северного А-Ваена – филинов. Астрид уже хотела было напугаться, но филины часто прилетали в их двор по ночам и им, по всей видимости, нравилось сидеть на этом дереве. Иногда, толстые и нагоняющие жуть голоса этих птиц могли вызвать испуг, но в основном, конечно, наблюдать за этими большими, статными и пушистыми птицами, которых принято считать символом мудрости и знания – было одним удовольствием. Филин ещё немного посидел на дереве, а затем, провожённый сонным взглядом Астрид, улетел в неизвестном направлении.

Девушка сама не заметила, как провалилась в сон.

Всё-таки, утром, за завтраком, все уже выглядели не то чтобы преспокойно, но начинали потихоньку оправляться после вчерашней трагедии. Лицо Катерины Мстиславовны хоть и было опухшим от слёз и выпитого на ночь вина, всё же сейчас было не настолько наполнено страданием. Сегодня ожидался суд над Эммой, на котором, кстати, все, кроме Астрид окончательно удостоверятся в её виновности.

Марсель Сергеевич Матвиенко, сидящий рядом с графиней Зейлер, заботливо намазывал тост из душистого и хрустящего белого хлеба тонким слоем сливочного масла и клал на тарелку Катерине Мстиславовне. Минерва Мстиславовна ела омлет с грибами, бросая на присутствующих какие-то взгляды, переполненные осторожностью. Маргарита приготовила прекрасный завтрак, и, подав его к столу, удалилась в комнату, что была предназначена для неё. Вероника Дориановна хоть и понимала, что никакого второго отравления быть уже не может, тоже ела с большой опаской. Женщина, как и все присутствующие здесь, невольно автоматически подозревала во всём новую прислугу, однако тут же называла себя бестактной по отношению к бедной женщине, старающейся от всей души, и начинала успокаивать себя тем, что Эмма уже поймана и никто в этом доме более никого не отравит. Но, безусловно, всех волновало ещё то, что согласно завещанию, которое писал граф – всё его дорогое и огромное имущество должно остаться Эмме, после того, как девушка выйдет из-под ареста. Марсель Сергеевич был вне себя от этого, предлагая любой ценой сделать так, чтобы имущество покойного графа перешло во владения его жены, ведь так быть и должно – никак иначе! Барон Матвиенко видел, как от несправедливости, увиденной вчера в завещании одурманенного влюблённостью в прислугу графа Зейлера, страдает вся его семья. Он обещал заняться этим вопросом, и, следовательно, это вынуждало его осесть в Северном А-Ваене на неопределённое время. Вероника Дориановна считала, что приезд барона Матвиенко пришёлся на нужное время: мужчина брал на себя заботу о её матери, вызываясь решать какие-то сложные проблемы. Это был уважаемый, и, что немаловажно – душевный и понимающий человек. Именно такой необходим Катерине Мстиславовне – думала заботливая дочь. Да, барон Матвиенко выглядел довольно самолюбиво. Кроме того, его самолюбие проявлялось

и в тоне его голоса, взгляде, стиле одежды... но всё это, считала Вероника Дориановна, ничто по сравнению с тем, что Марсель Сергеевич делает для их семьи, а главное для её ранимой и впечатлительной матери.

Хельга Ивановна сегодня, прямо утром, не дождавшись завтрака, уехала к себе в дом, ещё раз выразив соболезнование семье Зейлеров и Катерине Мстиславовне. На суде она, разумеется, появилась.

Корней Мстиславович и Никита Черновы тоже сегодня не завтракали с остальными и сонная Астрид, пришедшая в Обеденный Зал уже почти под его конец, вспомнив свои вчерашние ночные похождения и догадки, изрядно заволновалась.

– Доброе утро! – произнесла она всем присутствующим, заметив, что число людей, пребывающих в их доме, в разы уменьшилось.

– Доброе утро, милая! – устало улыбнувшись, произнесла Катерина Мстиславовна. – Что-то ты припозднилась сегодня, – сказала она, кивнув на большие часы.

– Ну что ты с ней так, поспать что ли ребёнку нельзя? – улыбнулся Марсель Сергеевич, в шутку строжась на графиню Зейлер.

– Доброе утро, доченька! – Вероника Дориановна вышла из прострации и улыбнулась. – Садись скорее!

Из своих раздумий вышла и помешивающая крепкий кофе без сливок и сахара Минерва Мстиславовна:

– Как ты, милая? – тихо и хрипло спросила она.

– Да, лучше... – соврала девушка. Она решила, что никого не будет посвящать в свои догадки, которые, кстати, вполне могут оказаться ложными. – Да, лучше. Правда, – повторила она, и, выведя себя из задумчивости, убрала взгляд с опустевших стульев, на которых вчера сидели гости. – Ну а как у вас?

– Ну, что делать, внучка... – пожала плечами Катерина Мстиславовна. – Нужно жить дальше... без дедушки... – она тяжело вздохнула, но плакать не начала.

– Поверь, пока мы вместе, мы сможем помогать друг другу справляться с горем, – дружелюбно добавил барон Матвиенко.

– Всё так, если будем поддерживать друг друга, – улыбнулась, продолжая мысли Марсея Сергеевича, Вероника Дориановна.

– Вы правы, – Астрид сначала задумалась, вновь посмотрев на места, где вчера сидели Хельга Ивановна, Корней Мстиславович и Никита, а потом позволила себе еле заметно улыбнуться.

– Садись, кушай, – повторила Вероника Дориановна. – Всё остывает!

Астрид взяла себе порцию омлета с грибами и принялась есть свой завтрак. Она, кстати, тоже считала барона Матвиенко очень самовлюблённой персоной и её это напрягало. Однако сейчас, когда он вёл себя столь приветливо, производя впечатление отнюдь не чужого человека, а доброго друга, Астрид стала менять своё мнение о Марселе Сергеевиче.

– А где Никита с Корнеем Мстиславовичем? – поинтересовалась как бы между прочим Астрид.

– Уехали в Южный ещё утром. Выразили благодарность за гостеприимство и сказали, что у них есть какие-то неотложные дела, – пожала плечами Вероника Дориановна. – Кроме того, им тоже нужно успеть к суду.

– А бабушка? – не унималась Астрид.

– Хельга Ивановна уехала домой, – сказала хриплым голосом Минерва Мстиславовна.

– Да. Сказала, что не хочет на стеснять, – добавила Катерина Мстиславовна. – Вот уж нашла кого стеснять! – усмехнулась она.

– Это же безразмерный дом! – пошутил барон Матвиенко. – Да что уж там дом, это же дворец! – восхищённый внушительными размерами Особняка Ветра, скандировал мужчина, вскинув обе руки кверху.

Аппетит у Астрид вдруг пропал. Корней Мстиславович и Никита исчезли! Ниточка за ниточкой, вроде бы, никоим образом не связанные между собой факты складывались в единый пазл, заставляя улыбку девушки уходить с её лица. Астрид чувствовала, как от избытка информации всё внутри клокочет и хочет вырваться наружу! Девушка поняла, что хочет во что бы то ни стало поделиться своими странными догадками с хорошей подругой. Подругой из колледжа, жившей с семьёй тоже здесь, в Северном А-Ваене. Оставив омлет почти целым, Астрид поспешно удалилась в свою комнату, заставив всех проводить её недоумённым взглядом. Девушка неслась к телефону чтобы договориться о встрече вечером, после суда, с Дашей Серовой – так звали её подругу. Поднявшись на второй этаж дома, Астрид на всякий случай дёрнула ручку Теневой Спальни и действительно – там никого не было. Катерина Мстиславовна закрыла комнату на ключ после уезда брата и его сына. Астрид была уверена: такая спешка связана с кольцом графа Зейлера, невесть как оказавшимся в Теневой Спальне вчера ночью. Но как именно связана? В голове девушки был уже большой список вопросов.

Астрид набрала номер подруги. У той, к счастью, не было на сегодня никаких планов, и Серова с радостью согласилась встретиться с Астрид сегодня вечером.

Как только закончился суд, на котором, как уже было сказано, вина Эммы подтвердилась и Зейлеры вернулись домой, Астрид предупредила о своём уходе мать и бабушек, и отправилась на встречу. Осенняя погода оставляла желать лучшего: снег на дорогах уже не таял. Небо было затянуто мрачными тучами,

ели и сосны, синхронно качающиеся под мелодичную и тоскливую песню северного ветра, нависали над головами прохожих, словно великаны-телохранители. Северолесье, соединяющее Северный А-Ваен с Южным, приглушённо и сурово шумело вдалеке, виднеясь отсюда остроконечным чёрным пятном. В домах и на дорогах горел свет. Было видно, как люди включают телевизоры, готовят еду, пьют какао, закутываются в свои клетчатые пледы и берут в руки книги. От такой погоды хотелось в тепло, да и на улице людей было невероятно мало. Машин было больше, чем людей.

Многие сейчас находились и в уютных кофейнях Северного А-Ваена, которых здесь было очень много. В одну из таких кофеен направлялась сейчас Астрид.

В помещении приглушённо играла какая-то современная музыка, витал запах сладких сиропов для кофе и чая. Приветливые официанты в ярко-оранжевых одеяниях сновали туда-сюда, словно маленькие трудолюбивые муравьи, а на потолке висели, перетянутые с одной стороны помещения на другую, маленькие лампочки в виде тыковок, а также жёлтые и фиолетовые круглые фонари, похожие на светящиеся бусинки.

Даша Серова сидела за вторым от входа столиком, украшенным ярко-красной скатертью в клетку. Длинные, до поясицы, иссиня-чёрные волосы девушки струились из-под вязанного красно-жёлто-оранжевого берета; голубые глаза отражали свет многочисленных ярких ламп, которыми была украшена вся кофейня к предстоящему Хэллоуину, а улыбка появилась на лице, как только девушка увидела Астрид. Она сразу же оторвалась от своего какао с маршмэллоу, встала из-за стола и позволила подруге утонуть в своих объятиях из безразмерного жёлтого вязанного свитера с большим горлышком и до безумия длинными рукавами.

– Ну что у тебя там стряслось? – выпуская Астрид из объятий, поинтересовалась Даша Серова, поражённая той серьёзностью и озадаченностью, с которой подруга бесцеремонно влетела в кофейню.

– Даша! – воскликнула Астрид. – Я не понимаю, что происходит! Мне кажется, моя голова сейчас взорвётся! – пожаловалась девушка.

– Да не беспокойся ты так! – Серова положила руку на плечо подруге.

– Ох, нет, повод беспокоиться есть! – обречённо возразила Астрид.

– О чём ты, рассказывай скорее! – нетерпеливо произнесла подруга.

– Ваш зелёный чай с кленовым сиропом! – словно соткавшаяся из ярких лампочек, запахов сиропов и музыки официантка, приветливо поставила на стол подруг две маленькие чашечки из которых шёл приятно пахнущий, согревающий пар. – Приятного вечера! – девушка улыбнулась и тут же убежала по своим делам.

Астрид тоже улыбнулась Даше в знак признательности и продолжила.

– У меня умер дедушка, – с досадой произнесла Астрид. И по её спине прошёл тот самый неприятный и грустный холод, несущий опустошение. – Его отравила наша прислуга, – шёпотом сказала она.

– Какой кошмар, прости меня, забудь обо всём, что я говорила тебе минуту назад! Я беру свои слова обратно! – эмоциональная Серова засуетилась, испуганно приставила ладонь ко рту, а второй сжала руку подруги.

– Но дело вот в чём, Даш, – продолжала, смотря в глаза подруге Астрид. – Мой дед всю жизнь носил на своём пальце рубиновый перстень, что был сделан в единственном экземпля-

ре очень-очень давно. Другого такого больше нет! Точно! Он был похоронен с этим кольцом...

Серова кивала головой, в знак того, что осознаёт причинно-следственные связи, озвученные подругой.

– А ночью, вчера, после прощальной церемонии, я вдруг увидела кольцо лежащим на тумбе в комнате, где ночевали брат моей бабушки и его сын! (Они приехали недавно погостить.) Понимаешь, я не могла ошибаться! – воскликнула Астрид и на её глазах выступили слёзы. – Я не знаю, что и думать... может, мне показалось... – её голос стал тихим. А может, может эти люди заодно с нашей прислугой, если это вообще сделала она? А может, о боже, может всё это подстроено? Но если так, то зачем?! – Астрид стала нервно выкрикивать слова. Слёзы то увеличивали громкость её голоса, то наоборот уменьшали, а то и вовсе забирали его. – Понимаешь, Даш, я смотрю на домашних, а они будто не видят, насколько брат моей бабушки – Корней Мстиславович и его сын – Никита, скрытные и странные! – плакала девушка. – Может, конечно, я не права, но я чувствую, чувствую, что с их приездом в наш дом всё изменилось!

– Слушай, – Даша выслушала подругу, взяла её холодные ладони в свои руки и посмотрела прямо в заплаканные глаза. – Если ты видела кольцо дома, это совсем не значит, что это ТО кольцо, что принадлежало твоему дедушке. Это не значит, что нет других колец с рубином! Как ты его увидела?

– Через окно, – шмыгнула носом с надеждой Астрид.

– Шутишь... ну конечно это было не оно! – вдруг, с души Серовой упал камень, и она улыбнулась. Девушка стремилась теперь заверить подругу в том, что её слова не имеют весомости, а догадки совершенно беспочвенны. – Если твоего дедушку отравила ваша прислуга, её обязательно посадят в тюрьму, я уверена, она получит по заслугам! – девушка легонько ударила по столу кулаком. – Но кольцо... знаешь, подруга, я думаю, твоя

психика отказывается воспринимать смерть дедушки, вот и рисует тебе такие картины для того чтобы как-то смягчить и чем-то объяснить чувство горя и утраты. Это нормально.

– Ты серьёзно? – Астрид не ожидала, что подруга ей не поверит. – Я своими глазами видела дедушкино кольцо в комнате этих людей! – повысила голос девушка, от накатывающейся злости выделяя каждое слово. – Ты отказываешься мне верить?

– Нет-нет, ты что! – испугалась Даша, судорожно поправляя свои волосы.

– Тогда почему ты обесцениваешь каждое моё слово? – взмолилась Астрид. – Я ведь рассчитывала на твою поддержку! – всплеснула руками девушка.

– Я бы... я бы стала делать выводы, будь у меня больше фактов, – запинаясь, размышляла Даша. – Ты потом видела это кольцо ещё?

– Нет, – пожала плечами внучка графа Зейлера. – Корней Мстиславович и Никита уехали сегодня утром. Собрали вещи и уехали! Поспешно как-то, мне кажется. И это странно! Это кольцо им для чего-то нужно. И мне нехорошо от этой догадки! – напрягаясь, прошептала Астрид. – Но сегодня был суд...

– И?

– Он постановил, что вина есть лишь у Эммы. Всё именно так, но я не верю, понимаешь! Не верю, а домашние будто успокоились! – недоумевала Астрид. – Я ума не приложу, как соотносится Эмма, мой дедушка и это кольцо! – раздражалась девушка. – Мы все не видим чего-то очевидного!

– Хм... – задумалась Серова. – Если это, каким-то чудом то самое кольцо, которое носил твой дедушка, то, вероятнее всего, они уехали из-за кольца, да. Может, они хотели продать его? – предположила девушка в ярком берете.

– Не думаю. Корней Мстиславович занимает высокую должность в мэрии Южного А-Ваена. Они не бедствуют. У Ни-

киты свой бизнес... им не нужны лишние деньги... но зачем тогда кольцо?.. – озабоченно проговорила Астрид. – Я не знаю, какую роль оно здесь играет, но я не могу перестать связывать факт их уезда с этим украшением! И знаешь... – Астрид перешла на шёпот. – Я не откажусь от своих слов: Эмма – не убийца.

– Ты всё-таки сомневаешься? – переспросила Серова. – Расследование ведь уже провели.

– Конечно я сомневаюсь! В завещании дедушки стоит только её имя! Мне в это совсем не верится, он бы указал в завещании родственников! Это чистой воды подстава! – Астрид ударила кулаком по столу, и кружки с чаем чуть было не подпрыгнули. Пара людей, сидящая за соседним столиком недоверчиво оглянулись на стол, за которым сидели девочки.

– А что говорят следователи по поводу этого завещания? Почему там лишь она?

– Что дедушка и Эмма были любовниками.

Даша открыла рот и забыла закрыть его.

– Фу! На что только не идут люди ради денег... – скривилась Серова.

– Да каких денег! – всплеснула руками Астрид. – Эмма получала прекрасную зарплату, я никогда не видела их вместе с дедушкой!

– Но ты ведь не знаешь, что там на самом деле было. Ты ведь не следила за ними! – сказала Даша.

– Не следила... – согласилась Астрид. – Но я всё же ничего не понимаю. Кольцо... завещание... отравление... Эмма, брат бабушки и его сын... Мы должны разузнать хоть что-то о Корнее и Никите! С них ведь всё это началось! – Астрид даже пугала подругу своей импульсивностью, серьёзностью и решимостью. – Я никогда, слышишь, никогда не откажусь от того, что это престранные личности!

– Ну... хорошо! – подвела итог Даша. – Раз уж ты так сильно хочешь начать своё независимое расследование, то я буду участвовать в нём с тобой! Уж слишком много нитей и все будут бы разношёрстные. В одиночку такой клубок не расплетёшь! – она пожала плечами и улыбнулась.

– Да! И без шуток! У меня такое чувство, что за спинами моей семьи плетутся какие-то интриги, а мы и знать об этом не знаем! – возмутилась Астрид.

– И тот, кто их плетёт, делает это с огромным мастерством! – констатировала факт Серова. – Он не хочет, чтобы ты об этом узнала! – она свела брови. – Но мы найдём способ и всё непременно разузнаем! – девушка хитро прищурила глаза. На фоне своей яркой одежды она была похожа на маленькую лису и улыбалась. Улыбалась несмотря на то, что совершенно не знала, с чего начать помогать подруге, и не знала, удастся ли им вообще что-то найти и до чего-то докопаться. Серова смотрела на решительную Астрид, не зная, какой совет ей дать, на какую дорогу натолкнуть. Однако несмотря на отсутствие плана действий, девушки оставались подругами, готовыми ради друг друга на многое.

– Спасибо, Даш, – добродушно улыбнулась Астрид, шмыгнув носом. Она чувствовала, что сейчас их только двое. Но если постараться, это маленькое и шаткое строение из двух кирпичиков вырастет в большой и красивый дом. Нужно время.

– Пока не за что! А теперь, детектив Астрид Лето, допивай свой чай и вытирай слёзы. Подумаем, что можно сделать.

Глава XXIII

РИСТАЛЬ УНГОЛЬД

Улицы прекрасного Южного А-Ваена, купающегося в объятиях осеннего вечера, мерцали в свете многочисленных огней. Работники ресторанов и кофеен украшали свои заведения к грядущему Хэллоуину, многие люди вешали причудливые гирлянды и пугающие наклейки на окна. Возле клубов и баров висели яркие и манящие вывески, стояли джек-фонари, вырезанные из тыкв. Погода позволяла сегодня долго гулять, ветер стих и людей на улицах было очень много.

Никита и Корней Мстиславович направлялись ко входу в кинотеатр «Синий Луч», который по-прежнему был окутан светом фонарей, напоминая при этом причудливый свадебный торт, покрытый нежно-голубым кремом. Людей здесь всегда было много – внутри и снаружи. К тому же, сейчас возле здания расположилось масса палаток ярмарки, в которых продавались различные вещи: начиная с детских светящихся игрушек, поделок из бересты и глины, заканчивая мёдом на любой вкус и сорт. Разумеется, людей из-за приехавшей ярмарки сейчас здесь было больше, чем обычно. Видя всякий раз огромные толпы народу, Никита ловил себя на вопросе: «почему Братство не найдёт для своих встреч место поукромнее, побезлюднее?», однако он отдалённо понимал, почему клуб собирается именно здесь. Есть очень хорошая фраза для обоснования этого факта: если хочешь что-то спрятать, положи это на самое видное место.

Перед глазами уже не только Никиты, но и Корнея Мстиславовича Чернова горел ярчайший соблазн скорее оповестить Братство о том, что Ниферио-Ритио наконец-то найдено! Зная, что встреча с его членами намечена на сегодняшний вечер, граф с сыном быстро спустились по лестнице вниз, и, преодолев коридор, вошли в тёмный клубный зал. Там уже находились все

члены Братства. Как только Черновы ступили на порог зала, слышалось мелодичное пение прозрачной, как фата, Шамирам.

– Доброго вам вечера! – она была бела, как светящаяся лунным холодом пыльная моль на фоне тьмы зала. Скрип колёс её коляски был словно аккомпанементом к песне голоса. Её окутывала, как и всегда мертвенная ледяная аура, что обычно не свойственна простым людям.

– Поприветствуйте победителей! – лихорадочно проорал Никита, широко расставив обе руки. Он уже предвкушал, как высок станет голос Шамирам, когда он передаст ей долгожданный артефакт. Чернов принялся расстёгивать чемодан, на самое дно которого было упрятано священное кольцо.

– О, я вижу, вы в приподнятом настроении, – Шамирам улыбнулась и стала медленно сводить тонкие брови, опуская их всё ниже к пустым глазам.

– Да, – произнёс Корней Мстиславович. – Мы нашли его.

По столу, за которым расположились остальные члены Братства, пробежался вкрадчивый шёпот. Все мигом перевели ошарашенные взгляды на приехавших только что Черновых.

– Бред! – выкрикнул граф Морис Петрович Гордиенко. – Этого не может быть! – и он ещё сильнее вздёрнул свой птичий нос, поправив пёстрый салативо-сиреневый галстук.

– Вы так уверены? – на лице серьёзной и сдержанной графини Ирины Николаевны Барановой не дрогнула ни одна жилка. Она всего лишь приподняла одну бровь.

– Да покажите же вы уже, что привезли! – не выдержала графиня Лилия Львовна Пурис, всплеснув руками.

– Я прошу вас, тише! – прошептала Шамирам, сделав жест рукой и сосредоточив всё внимание на действиях суетно роющегося в чемодане Никиты. – Не портите мальчику вечер, позвольте ему самому рассказать вам обо всём!

«Не портите мальчику вечер!» – передразнила графиня Пурис, обращаясь к Рогволоду Геннадьевичу Бьёрку. – Как же она трясётся над своим Никитой! – брезгливо буркнула худая Лилия Львовна.

Тот нервно кивнул женщине в знак согласия:

– Ведёт себя, как несостоявшаяся мать. Нашла сыночка, – поморщившись, произнёс беловолосый и длинный мужчина.

Граф Чернов сделал пару шагов назад, но глаз с сына не спускал. Он знал, что Шамирам боготворит Никиту и ему это льстило. Однако льстило не потому что он был искренне рад за Никиту. Льстило, потому что он был ЕГО сыном, а значит, принадлежал ЕМУ. Поэтому, если Шамирам хочет услышать сладкую новость от Никиты – пускай так и будет, однако не всё внимание, считал граф, в итоге достанется лишь мальчишке.

– Мы нашли его, Шамирам! Ниферио-Ритио теперь у нас в руках! – Никита извлёк из чемодана шкатулку, в которую вчера упрятал найденное в могиле графа Зейлера кольцо с рубином.

– Что это? ЧТО ЭТО? Покажи его нам, Никита! Покажи скорее! – взвизгнула белая женщина, чуть было, не подпрыгнув в своей коляске.

– Вот! – Чернов-младший обратил шкатулку видным местом к сидящим за столом членам клуба и открыл её перед всеми. – Настал момент истины! – в воздухе зависла тишина.

–...Ты издеваешься? – каким-то недопонимающим тоном спросила Лилия Львовна. – Там ведь ничего нет! – она с готовностью закатила глаза и сразу же отвернулась.

– Как нет?! – Никита, готовый уже праздновать победу, в ужасе заглянул в шкатулку. Корней Мстиславович подлетел к сыну, словно ошпаренный.

– Где кольцо?! – рявкнул граф Чернов, испепеляя сына взглядом.

– Я не знаю! – засуетившись, вскрикнул Никита, чувствуя, как на него уставился, словно голодный и озлобленный волк, отец.

– Так это было кольцо? – прошипел длинный Бьёрк. – Что это было за кольцо, если оно вообще было?

– Кольца просто не было, – согласилась графиня Пурис и снова закатила свои тёмные глаза, взмахнув густо накрашенными тушью ресницами.

– Как ты надоел, Никита, – вздохнул Морис Петрович и покачал головой, зло на него смотря. – Скажи лучше прямо – кольца не было?

– Нет, кольцо было! – оправдывался Никита. На его лице выступили маленькие капли пота.

– Кольцо было, – подтвердил граф Чернов. – Оно принадлежало мужу моей сестры – графу Дориану Зейлеру, – добавил Корней Мстиславович, с дикой досадой за вновь осрамившего его и себя сына.

– Зейлеру? Ого! Так он ещё и твой родственник! Как я могла забыть! – произнесла Лилия Львовна с насмешкой.

– Родственник, – холодно кивнул граф Чернов. – но лишь на словах.

– И этого человека больше нет, верно? – спросила белоглазая Шамирам своим ангельским голосом и поднесла пальцы ко рту, задумавшись.

– Да, он умер, – глухо отозвался Никита. – вчера, – добавил он.

– Но если вы хотите сказать, что вам каким-то чудом удалось украсть фамильную драгоценность – тогда чего вы удивляетесь её пропаже из чемодана? – усмехнулся граф Гордиенко. – Наверняка, кто-то очень пронырливый проследил за вами и уличил момент, в который кольцо можно было достать из вашей сумки и вернуть на место в шкатулку, или где оно там лежало?

– Зейлер был похоронен прямо с кольцом, – изрёк Никита. – Нам пришлось копать могилу для того чтобы достать его! – канючил он, с чувством глубокой утраты. – Браслет вскипал у меня на руке! Это точно было оно! – с пеной у рта трещал Чернов-младший, стараясь убедить всех в том, что Ниферио-Ритио уже найдено и он уже держал его в руках, – В доме Зейлеров я начал ощущать приливы тепла к руке! А на кладбище, когда я находился рядом с гробом, я думал, что моя рука просто сгорит заживо! – эмоционально бросал Никита.

– И тогда он решил, что Ниферио-Ритио – именно это кольцо! Ночью мы поехали возвращать нашу вещь нам, – продолжил Корней Мстиславович. – Невозможно, чтобы кто-то следил за нами в это время.

– Это и вправду маловероятно, – Лилия Львовна поменялась в лице и сменила тон голоса с авторитетного на понурый. Она начала верить им. – А ещё, очень странно, что кольцо каким-то ироничным образом оказалось в доме, где раньше жила истребительница магов и колдунов, – она нервно передёрнулась. – Но может быть, и сейчас кто-то из них продолжает её дело, чувствует энергию кольца и хочет его уничтожить?

– Не думаю, – покачала головой Шамирам, пытаясь успокоить графиню Пурис. – Этим занимались «Черные Рыбы» во главе с матерью того самого Зейлера, но никак никто другой. Вряд ли современным Зейлерам нужно кольцо. Они далеки от оккультизма. А о Братстве могли знать лишь понаслышке – в одно ухо влетело, а из другого вылетело.

– Я подозреваю младшую девчонку Зейлеров! – проскрежегал, вдруг Никита. – Уж очень она пронырлива! Видела бы ты, как она подозрительно пялилась на меня, когда мы сидели за столом! – пожаловался он.

– Не спешి делать выводы, дорогой, – усмирила его пыл белая женщина с тонкой шеей, положив ледяную и тонкую ла-

донь Никите на плечо. – Для этого нужно проверить её намерения, чем ты займёшься позже. Ведь столько лет, получается, кольцо находилось на руке Дориана Зейлера, или, по крайней мере, в этом доме. Под какой такой защитой могло быть украшение, являющееся Ниферио-Ритио, что даже ты, с теми способностями, что даровал тебе Ристаль Унгольд не мог отыскать его? – спросила Шамирам.

– Под защитой? Думаешь, я не смог бы справиться с этой защитой? Просто тогда у Ристаля не было так много сил, да и я последний раз был в Зейлеровском доме, когда ещё не украл из музея браслет, и... – Никита стал штамповать оправдания, словно бешеный принтер, и вдруг поймал себя на мысли, что пора перестать тарыхтеть и узнать больше о том таинственном создании, которое выбрало его своим доверенным лицом. Остальные разом уставились странным и беспокойным взглядом на Шамирам.

– Да, – отозвалась мессия. – Как ты можешь помнить, Ристаль Унгольд, чтобы вновь вернуться в этот мир после смерти, отдал в залог память, тело и дух. И сто пятьдесят с лишним лет он, в образе маленького рубинового сгустка энергии блуждает, не в силах вспомнить то, что сделал сам, тщетно кидается на любые понравившиеся ему предметы, оставляя там толику своей энергии – эти предметы мы и путаем с Ниферио-Ритио. Ристаль «опечатывает» эти предметы. В них хоть и не такая сильная его энергия, но она всё же есть, и привлекает и нас, и Ристаля. Однако ты знаешь, что чем больше нами проведено ритуалов для обнаружения того, Ниферио-Ритио это или нет, тем меньше сил у нас остаётся. Полнолуния для нас губительны! – на высоких голосовых нотах говорила Шамирам, явно боясь сказать что-то лишнее. Это немного пугало Никиту.

– Ну и что? – прокричал, нервно, Никита. – Сколько ещё предметов я должен буду притаранить сюда? Что за бред! Рис-

таль уже должен окрепнуть и помочь мне найти настоящее Ниферио-Ритио!

– Это не бред, а крик о помощи, – в диалог вклинилась, поражённая халатностью и самолюбием Никиты, Ирина Баранова. – Ристаль даже не может выйти с нами на контакт! А ты просишь, чтобы он вот так сразу взял и показал тебе Ниферио-Ритио! – усмехнулась она. – Наивно.

– Я никогда не задавал вопроса, как выглядел Ристаль... – задумался, присмирив немного, Никита. –...когда был живым. – добавил, подумав, он.

– Ристаль был очень интуитивно и расплывчато описан в проштудированных прошлыми поколениями Братства справочниках, что были написаны теми, кто был в клубе ещё раньше, до зверств «Чёрных Рыб», – произнёс Рогволод Геннадьевич.

– Мы знали Ристаля только по этим заметкам прошлых членов Братства, разумеется, информации у нас мало. «Чёрные Рыбы» уничтожили наше древнее достояние, однако кое-что у нас, всё же, осталось, – сказала графиня Пурис.

– Это был широкоплечий, крепкого телосложения мужчина, правый глаз которого был бордово-карим, а левый красным, словно фонарь светофора! Его лицо было бледным, с огромным шрамом на левой его половине, а волосы ярко-красными, словно языки пламени. Голос его звучал, как гром и он был наделён способностью летать, – описывала, не скрывая ликования Шамирам.

Когда Никита услышал, что у Ристаля были красные волосы, его обдала волна жара, ведь он тоже, связавшись с клубом, внезапно захотел покрасить свои волосы в тот же цвет. Такое совпадение показалось ему странным и зародило в нём будто сызнова взошедшие зёрна приятного превосходства и уникальности. Но больше приятного и притягательного возбуждения пронеслось по телу Чернова-младшего, когда он услышал, что

левый глаз мага был похож на красный фонарь. Такая устрашающая внешность пришлась парню по вкусу, и он даже стал ассоциировать себя с Ристалем.

– Ты сказала у вас что-то осталось! Что? – спросил возбуждённый Никита у Лилии Львовны.

– Сейчас найду! – кивнула графиня Пурис и, встав из-за стола принялась рыться в одном из набитых оккультными книгами шкафу.

– Но, а если... – тон голоса Никиты вдруг стал напоминать голос обиженного мальчика, что вот-вот заплачет. – ...если, все эти силы и это чутьё на самом деле не моё, а его!? Вдруг, это не я так могущественен и силён, а он? Вдруг, это не он наделил меня способностями, и они крепнут ни во мне, а в нём! Просто проявляются через меня... – Лилия Львовна, роющая в шкафу, остальные, сидящие за столом и Корней Мстиславович, в страхе усталились на Чернова-младшего. Эти сомнения едва зародились в Никите пару минут назад, когда он услышал о цвете волос Ристаля. Чернов-младший, сначала, не хотел ничего спрашивать, но этот вопрос, прямо сказать, встал костью в его горле.

– О, мой мальчик! – спустя затянувшееся молчание, закричала белоглазая Шамирам так горько и так навзрыд, словно только что обидела Никиту и сейчас безумно была зла на саму себя. – Мы думали, что, узнав это, ты отвернёшься от нас! Сочтёшь нас за кучку фанатиков! Мы хотели, чтобы вера в себя помогала тебе и придавала уверенности! – она мигом подъехала на коляске к ничего не понимавшему Никите и принялась гладить его по руке.

– Я ведь всегда думал, что это мои силы! – заканючил Чернов-младший. – Что это всё я, я!!! Я чувствую Ниферио-Ритио! Но ты, отец! Почему ты не мог рассказать мне? – Никита обиженно смотрел на Корнея Мстиславовича.

– Всею своё время, – холодно изрекал отец, невзирая на интонацию сына. – К тому же, Ристаль сейчас слишком слаб. Он не человек, он всего лишь сгусток энергии, а твоём браслете живёт её частичка и изредка активизируется.

– Верно, – согласилась, судорожно кивая, Шамирам и взволнованно подняла на Корнея Мстиславовича свои белые, как снег, глаза. – Поэтому это всё, безусловно, твоё чутьё! Твоя сила, Никита! Ристаль оставил сгусток энергии, что теперь заключена в... твой браслет. И это не он тебе помогает, дорогой мой! Это ты ему помогаешь: помогаешь найти творение всей его жизни и открыть, наконец, портал в мир, ключ к которому он искал в течении всего своего существования здесь! – заверила парня Шамирам. – Его энергия просто сидит рядышком с тобой, и совсем немного помогает тебе найти верное направление. Направляет, словно компас тебя к месту, где хотя бы немного чувствует похожую энергию! Но даже Ристаль не наделён такими возможностями в этом мире, какими наделён ты!

– Нашла! – отозвалась, наконец, графиня Пурис, которая до сих пор копалась в шкафу. Присутствующие с облегчением вздохнули, поняв, что внимание Никиты сейчас переключится. – Вот он, Ристаль Унгольд, – женщина положила, развернув большой, свёрнутый в трубочку лист бумаги на стол и продолжала придерживать его углы, чтобы он заново не скатался в трубочку. Стол обступили сидящие. Никита подбежал скорее сюда же, чтобы рассмотреть того, кто сейчас, тем или иным образом, находился в его браслете.

Ристаль Унгольд был изображён статным мужчиной с огненно-красными волосами, забранными в неопрятный хвост на затылке, чёрной, едва заметной щетиной и широкими чёрными бровями, стиснутыми к переносице. Взгляд его выражал тяжесть и агрессивность, а один глаз, как и было сказано, был похож на яркий фонарь, пылающий алым огнём. Внушительных размеров

нос мага был похож на клюв хищной птицы, а на лице зиял огромный шрам, рассекающий левую бровь, минуя глаз-фонарь и идущий до самого подбородка. Такой изъян придавал мужчине ещё большую воинственность и агрессивность. В портрете присутствовал только ярко-красный, словно художник намеренно сделал акцент на этот цвет, поразившись, насколько много его в Ристале. Внизу был написан год, в который был нарисован Унгольд: 1996. Двадцать один год назад.

– Кто его нарисовал? – очарованно прошептал Никита, не в силах отвести глаз от великолепного портрета.

– Мой друг, – отрывисто произнесла Лилия Львовна и засмущалась. – Но сейчас он мёртв, – больше, она, видимо, ничего говорить не хотела, либо боялась.

Корней Мстиславович и остальные покосились на женщину с недоверием.

– Редкостный псих, а не друг, – процедил граф Чернов, как бы поправив.

– Однако, он единственный видел Ристалю, – возразив, констатировал Рогволод Геннадьевич. – Один раз.

– Не понятно, как так получилось, – пожала плечами графиня Пурис.

– А почему он умер? – поинтересовался Никита, всё ещё рассматривая картину.

– Убежал из психушки, попал под колёса, – усмехнулся Корней Мстиславович. – Я же говорю – редкостный придурок.

– Хм, – замялся Никита. – И он что, общался с Ристалем?

– Нет, – покачала головой графиня Баранова. – Ему была известна только его внешность. Он видел его... он вообще много чего видел... – задумалась она.

– Но единственное дельное, что он сделал для клуба – единоразово увидел Ристалю, – Корней Мстиславович подозрительно агрессивно оборвал графиню Пурис, надменно на неё посмотрев.

рев. Когда эта тёмная и по своему характеру надменная женщина встретилась взглядом с графом, она присмирела.

– Рискованный был человек, в общем, – выдавила графиня Пурис.

– Да уж, – согласился Рогволод Геннадьевич. – Ему не составило бы труда выдать Братство, рассказать о его деятельности. Хорошо, что возникла причина, чтобы он нас наконец-то покинул и позволил нам выдохнуть спокойно, – промолвил он. Корней Мстиславович тем временем пристально наблюдал за грустью, что разливалась по лицу Лилии. Такой грусти на её лице он не видел двадцать один год.

– А почему он лежал в психушке? – не унимался Никита.

– Он сошёл с ума! – пропела Шамирам, как-то даже, с нотой не понятно откуда взявшейся торжественности. – Он был членом нашего Братства, видел сущностей вроде Ристалья, сущностей с «той» стороны, но галлюцинации, вскоре, начали жить в симбиотической связи с его даром, заставив его попрощаться со здравым рассудком. Болезнь его духа помешала ему оставаться с нами и далее. Он был полезен нам, но увы, не смог сохранить в себе эту полезность. Сознание его спуталось, и мы боялись, что он выдаст нас людям.

– Да и вообще он оказался бесполезен, – поставил точку граф Чернов. Никита понял, что отцу, почему-то, очень неприятна тема этого человека.

Некоторые сидящие осторожно кивнули на это в знак согласия. За исключением, конечно, понурой Лилии. Она была всё ещё преследуемая строгим соколиным взглядом Корнея Мстиславовича.

Задумчивость не пропадала с лица Никиты. Сегодня он узнал столько всего нового для себя. Ристаль... теперь Чернов-младший чувствовал его ещё сильнее, внутри своей души, словно ишиопага, близнеца-паразита. Никита ощущал, что эта сущ-

ность, эта энергия, какой её с осторожностью называли здесь, в Братстве, начала приобретать черты лица того, кто был на портрете. Или это было самовнушение возбуждённого парня? Всё это вместе, этот шквал эмоций, эта страшно привлекательная для него внешность Ристаля Унгольда, заставляли Никиту бросаться в холодный пот и чувствовать, как кровь его становится одной на двоих с рубиновым духом мага, перетекая внутри его тела, словно песок в песочных часах или вода в водных.

– Ты задумался о том, как вернуть кольцо, мой мальчик? – певучий голос молниеносно вывел Никиту из задумчивости. – Ведь нельзя полностью отказываться от него. Ему, как и всем предметам, опечатанным Ристалем, нужно быть здесь, у нас!

– Да... – не найдя ничего лучше для ответа, сказал, поспешно Никита. А ведь правда. Он ведь совершенно забыл о кольце! – Куда оно могло деться? – зачем-то спросил сам у себя он.

– Как мы говорили, оно может по-прежнему быть в доме Зейлеров! В том доме, откуда ты сегодня приехал. Если ты вернёшься туда, то Ниферио-Ритио найдётся! – холодная и дрожащая белая конечность Шамирам со вспухшими венами проникла в волосы Никиты и кожа его головы почувствовала лёд её руки. – Ниферио ли это Ритио, или же просто очередная вещь, опечатанная энергией Ристаля, служившая некогда ему жилищем, как ракушка для краба – ты должен вернуть её сюда, в нашу коллекцию! – она кивнула на шкаф с теми предметами, с которыми уже был совершён ритуал на проверку. Ничего из этого не оказалось искомым артефактом. На полках шкафа ютились вазы, ножи, урны с чьим-то прахом. – Мы когда-то тоже без сомнения верили, что там заключена несокрушимая сила. А сколько находили наши предки? – теперь она стала гладить Никиту по спине, как бы успокаивая.

– Мой дед убил собственную мать и сестру, потому что думал, что Ниферио-Ритио – весь его дом, в котором они все вместе жили! – услышав разговор мессии с Никитой, подала голос Ирина Баранова. – Но у дома, как выяснилось, совсем не было магического потенциала. Мой дед просто был одержимым и фанатичным человеком.

– Среди нас были сумасшедшие фанатики, но всё это – во благо. Каждая смерть не напрасна! Каждая смерть приближает нас к бессмертию! – подвела итог белая женщина на коляске. – Сотни лет Ниферио-Ритио прячется от нашего Братства! Ты не должен корить себя за то, что твоя находка – ускользает от тебя, это лишь доказывает её возможную огромную силу! У тебя есть это! – женщина коснулась серебряного браслета Никиты. – И успех будет на твоей стороне, помни, мой дорогой. Мощь Ниферио-Ритио не сравнится ни с какой жалкой человеческой жизнью, и если во имя поиска этого артефакта тебе придётся забрать у кого-то жизнь – забирай, не задумываясь! – Шамирам свела брови и её голос превращался в причудливую хроматическую гамму, сыгранную на расстроенном рояле в самой высокой октаве. – Ты должен найти Ниферио-Ритио любой ценой, помни это! Ты описан в пророчестве Ристаля! Он сам надеется на тебя, он твой покровитель! Я знаю, все мы знаем, ты молодой и тебя не удастся остановить! Я уверена, что, вернувшись назад, в дом Зейлеров, ты вновь обнаружишь кольцо! Ты возьмёшь его в руки, и браслет на твоём запястье разгорится вскипающим смехом Ристаля! – словно зачарованная, говорила женщина, смотря пустыми глазами в глаза Никите и вскидывая худые белые руки кверху, точно птичьи кривые лапы. Напевный голос мессии можно было пить, как воду, слушать, как нервную музыку. Он вводил в транс.

– Мы должны вернуться к Зейлерам прямо сейчас, отец! – не отрывая взгляда от глаз Шамирам, обратился к графу Черно-

ву Никита, а потом резко к нему повернулся. – За кольцом! Мы достанем его, даже если нам ещё раз придётся копать могилы! – серьёзно и строго промолвил Чернов-младший. Шамирам действовала на него очень и очень вдохновляюще. Никита становился крепче, увереннее, а его голос делался грубее и твёрже.

– Возвращайтесь, Корней, мальчик прав, – наставляла Шамирам. Граф кивнул и пообещал всем, что они будут здесь завтра же утром. Белая женщина пожелала отцу и сыну удачи, и дверь за Черновыми захлопнулась.

– Я уверен, отец, – сведя брови, процедил Никита. – кольцо украли прямо из чемодана! – в глухой темноте коридора Никита сделал довольно очевидное заявление.

– Значит, ты думаешь, что среди Зейлеров есть кто-то, кто тоже заинтересован в его поисках? – задумался граф Чернов. – Это действительно создаёт нам проблему.

– Я уверен, – пробасил Никита. – Хотя бы Астрид, эта гнусная девчонка, или, может быть, её мать? Они – прямые потомки той бабки из «Чёрных Рыб». Ты видел, как внучка твоей сестры и Зейлера подозрительно пялилась на нас?

Граф Чернов усмехнулся.

– Мне, всё-таки, кажется, что ты преувеличиваешь. Думаешь, она что-то смыслит, эта Астрид? Нашёл противницу, то же мне. Я ни за что не поверю, что эта солопетка в курсе всех наших дел! – Корней Мстиславович не желал иметь такого лёгкого врага. – Да и откуда бы ей всё это знать?

– Я тоже не воспринимал её всерьёз, но после убийства Зейлера она стала так коситься на нас, чуть ли не испепелять взглядом!

– Считаешь, девчонка думает, что мы убийцы? – тихо спросил Корней Мстиславович, подняв одну бровь. – Она должна была уже знать, что постановил суд.

Никита пожал плечами.

– Чёрт знает, что она там думает, – отмахнулся, наконец, Чернов-младший. – Но, если я ещё раз замечу что-то подобное, если я ещё хоть раз увижу этот навязчивый взгляд, я заставлю её отдать мне кольцо, даже если его у неё нет и никогда не было! – злился Никита.

– Ты что, можешь бороться только с маленькими девочками? – посмеялся граф Чернов. – На больших мальчиков силёнок не хватит? – и он покатился со смеху.

Никита плюнул под ноги.

Однако Корней Мстиславович отлично понимал, о чём говорит сын: кольцо не могло пропасть просто так. ближайшая комната к их спальне – спальня Астрид Лето. Ей было бы быстрее всего украсть кольцо. Да и вообще – думать о ком-то, как о воре, можно было только на тех, кто был в доме в этот день, ибо больше нигде Никита с Корнеем Мстиславовичем не были.

– Тогда возвращаемся, – перестав смеяться, наконец, подвёл итог граф Чернов.

– Прямо сейчас же! – добавил Никита. – По-хорошему, мы вообще должны обшарить её комнату: я готов поспорить, нет, я уверен, что с пустыми руками мы из спальни девчонки не уйдём!

– А не лучше будет сделать это, когда её просто не будет дома днём? – спросил граф Чернов. – Лучше будет выехать утром.

– Когда она уже передаст кому-то наше кольцо? – переспросил Никита.

– Почему она обязательно кому-то должна его передать? – не понимал Корней Мстиславович. – Может, она просто украла его для того чтобы сдать в ломбард и выручить карманные деньги на какую-нибудь свою девчачью ерунду? – поморщился граф.

– Внучка Зейлера? Дочь хозяйки ювелирного магазина? Наконец, девчонка, живущая в самом богатом доме Северного

А-Ваена? Ты издеваешься, отец? – невесело усмехнулся Чернов-младший. – Дело заходит куда более глубже!

– Да я никогда не поверю, что девчонка может знать о чём-то, что тщательнейшим образом спрятано от посторонних глаз! – огрызнулся граф. – А те, кто работает крысами-доносчиками сразу же уничтожаются! Такие мрази долго не живут! – сухо сказал Корней Мстиславович. – Не в клубе, не в этом мире, – добавил он. – Крысы вообще распознаются ещё до того, как начинают пищать в другую сторону.

– Ты говоришь о том человеке, что рисовал Ристаля? – спросил Никита.

– В том числе.

– И много таких крыс было ещё? – поинтересовался сын, едко улыбаясь и представляя, как отец самолично разбирается с предателями, зверски их убивая.

– Хватало, – уклончиво ответил граф. – Ну а теперь, пойдём перекусим в ресторан, и домой, – он посмотрел на наручные часы. – Выедем из Южного утром, а уже к полудню будем в особняке Зейлеров. – сказал Корней Мстиславович.

Глава XXII

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Когда слабые солнечные лучи прорвались через тонкий промежуток в соприкосновении двух плотных портьер из малинового бархата, Катерина Мстиславовна открыла глаза и потянулась. Её спальня, выполненная в стиле позднего барокко в бело-малиновых и золотых оттенках, озарилась ярким, каким-то даже весенним светом. Это ознаменовалось хорошим началом нового дня.

Графиня Зейлер вдруг почувствовала, что скорбь начинает постепенно покидать её, а очень яркое для конца октября неожиданно появившееся солнце, внушало ей радость и счастье за то, что рядом находятся живые и яркие люди, поддерживающие её и одаривающие вниманием. Катерина Мстиславовна ещё немного полежала в потрясающе-удобной кровати с балдахинном, ибо она действительно позволяла растянуться и утонуть в мягком матрасе и подушках, одетых в наволочки с приятным узором малиновых вензелей на белом фоне, а затем встала с кровати и выглянула в окно, раздвинув шторы. Из окна был виден весь двор: отключенный огромный каменный фонтан, дорожки, засыпанные снегом, и остальные дома – много домов, почти до самого Северолесья, едва виднеющегося вдалеке. Прекрасный Северный А-Ваен с его тёмными строениями смотрел на неё как-то мило и недоумённо, укутанный в белую пелену первого снега, словно маленький ребёнок, завернутый в шаль заботливой матери. Город щурился от такого сильного и непривычного для него солнца, всё равно, что, если бы человек, большую часть жизни проводивший в темноте, вдруг вышел бы на совершенно чуждый ему свет. Слегка нелепо, но чёрт! Как же красиво выглядел сейчас этот исторический старый город!

Снег очень обрадовал графиню Зейлер. Он вызвал у неё желание сделать, образно говоря, новый вдох, поменять свою

жизнь, или же, если не поменять, то посмотреть на неё под другим углом, с другого ракурса. Катерина Мстиславовна вновь чувствовала себя моложе, чем она была. Её наполняли поистине юношеские силы, а душа её пела совсем не голосом пятидесяти пяти летней женщины. Графине хотелось жить дальше, узнавать себя с других сторон. Жить с любопытством, которое проснулось в ней с появлением в Особняке Ветра барона Марселя Сергеевича Матвиенко. Этот мужчина связывался в её голове с молодостью, сильными эмоциями и большими жизненными перспективами. Когда барон Матвиенко был рядом, Катерина Мстиславовна, статная, богатая женщина, чувствовала себя молодой и беззаботной. И это было соблазнительно для неё, ведь чопорность и молчаливость покойного ныне мужа заставляли её как бы заперать в себе свою эффектность, яркость и обаяние, дабы быть под стать графу. Марсель Сергеевич же, напротив, восхищался в Катерине Мстиславовне именно этими качествами, и это было крайне важно для женщины – с ним она могла ещё сильнее возвращать в себе свою ослепительность и купаться в ней.

Глубоко погружившись в свои собственные размышления, графиня Зейлер не услышала сразу, как в дверь её спальни кто-то уже как полминуты точно стучал.

– Войдите! – взволнованно воскликнула она, выйдя из нирваны. Дверь открылась и в комнату зашёл барон Матвиенко в своём белом халате и такого же цвета мягких тапочках. В руках у него был серебряный поднос, на котором чудом умещались: миниатюрный антикварный кофейник, чашечка со сливками, тарелка с горячими блинчиками, две розетки с лимонным и клубничным вареньем и пара маленьких чашечек для кофе. Всё содержимое подноса издавало прекрасный аромат, который мигом пробудил аппетит у графини Зейлер.

– Доброе утро, Катерина Мстиславовна! – произнёс барон Матвиенко и поставил поднос на прикроватный столик.

– Марсель! – восхищённо воскликнула графиня, убеждаясь в том, что все её мысли об этом человеке находят подтверждение в его поступках и отношении к ней. – Что за чудо!

– Я решил порадовать тебя! – улыбнулся Марсель Сергеевич. – И не только завтраком! Мне удалось поговорить с нотариусом насчёт завещания графа. Пришлось, конечно, подключить множество людей, никоим образом не нарушать закон, но мне почти удалось то, что я обещал! Можешь считать, что завещаемое Дорианом Зейлером имущество теперь принадлежит тебе! Совершенно законно и совершенно по праву!

Катерина Мстиславовна словно загорелась глазами от счастья.

– Боже! Боже, Марсель, ты волшебник! Спасибо тебе! – воскликнула она и кинулась ему на шею.

– Пока тебе ещё не за что благодарить меня. Знай, что я подключил лучших людей и прекрасных специалистов. А они уж точно справятся со своей задачей блестяще, – улыбнулся он и обнял графиню в ответ. – А теперь, ешь пожалуйста! Не так же просто я выгнал с кухни Маргариту и сам приготовил для тебя блинчики! – усмехнулся он.

Катерина Мстиславовна рассмеялась и ощутила приятное тепло, разливающееся по телу. Она поцеловала барона в щёку. От него пахло кремом после бритья и дезодорантом. Графиня почувствовала, что ей совсем не хотелось отрываться от гладко-выбритой щеки.

– Надеюсь, я угодил Вам, Ваша Светлость! – шутливо произнёс барон.

– Спрашиваешь! – женщина уже доедала блинчик. – Присоединяйся! – позвала она. Марсель Сергеевич взял себе блинчик и налил кофе.

– Ты выглядишь значительно лучше, – заметил барон Матвиенко.

– Всё благодаря твоей поддержке и участию, – кивнула графиня. – А также поддержке внучки и дочери. Так замечательно, что вы все есть... не знаю, как бы я без вас...

– О, поверь мне, дорогая! Это самое малое, что я могу сделать для тебя.

– Ты замечательный, Марсель, – графиня расплылась в улыбке, словно шарик вишнёвого мороженого в летний зной. – Я безмерно счастлива от того, что ты сейчас рядом со мной! – сказала женщина, восхищённо, и сделала глоток ароматного кофе. – Сначала поддержка, потом ты взял на себя ситуацию с завещанием...

– Я тоже счастлив находиться здесь и сейчас с самой прекрасной женщиной во Вселенной! – произнёс мужчина, обнажив свои белоснежные зубы. – Но был бы ещё счастливее, если бы женщина моей мечты всегда была бы рядом со мной, и нам никогда не пришлось бы больше расставаться! – будто бы взмолившись, обратился к женщине Марсель Сергеевич, положив её дрожащую от волнения руку в свою тёплую ладонь.

– О чём ты? – на самом деле Катерина Мстиславовна отлично понимала, к чему клонит барон Матвиенко, однако почему-то бессознательно всячески пыталась отсрочить момент, когда Марсель Сергеевич скажет ей заветные слова.

– Катя, – начал вновь барон. – ты такая взрослая, богатая, мудрая, но рядом со мной ты превращаешься во влюблённую дурочку! – он усмехнулся. – Это мило. Однако тебе бы стоило подумать о том, что слишком долго мы бегали от судьбы. Слишком. Прошли годы. Годы, которые обоих нас не пощадили. И все эти чёртовы годы мы упорно делали вид, что всё хорошо и что периодические встречи вполне устраивают нас обоих! Но мне всегда было больно слышать, как за тем столом ты называ-

ешь меня своим другом. Ещё больше мне было называть подружкой тебя, ведь больше всего на свете мне хотелось называть тебя своей женой! – слёзно заявлял Марсель Сергеевич.

– Но я... – начала было Катерина Мстиславовна. Тронутая до глубины души и чувствовавшая то же самое, она начинала плакать.

– Нет! Дай мне закончить! – требовал барон, глаза которого тоже блеснули, а лицо приобрело багровый оттенок. – Я не понимаю твоей привычки постоянно лишать себя счастья! Мы слишком долго прожили той жизнью, которой не хотели жить: ты с нелюбимым мужчиной, я с нелюбимой женщиной, но во имя чего, в самом деле?! Кому в карман сыпется то счастье, которое мы с тобой упускаем, Катя? Кому?! – лицо барона Матвиенко всё больше наливалось кровью. – Я всю жизнь любил только тебя одну! – плакал мужчина. – Я знаю, ты тоже любила меня и любишь, но... сейчас-то зачем нам бежать от самих себя? – эмоционально спросил он. – Да. На наших путях было множество преград! Мы оба были в браках, мы виделись и могли быть друг с другом, но всё это нужно было делать так кропотливо и так осторожно, чтобы никто не увидел лишней взгляд, лишнее прикосновение. Для любви времени не оставалось! Мы вынуждены были тратить его на прятки, чтобы избежать лишних оправданий и не запятнать нашу честь! Но сейчас-то что нам мешает быть вместе? Я не понимаю!

– Марсель... мы уже не молоды, к чему эти официально-сти... к тому же Дориан... – всхлипывала Катерина Мстиславовна, мысленно соглашаясь с каждым словом любимого человека, но всё же почему-то не стремясь закончить внутреннюю борьбу с самой же собой.

– Что Дориан?! – обиженно переспросил Матвиенко. – Ну вот что Дориан? Дориан мёртв!

– Да как ты можешь это говорить?! – возмутилась графиня.

– Говорить, что? Правду? – поднял одну бровь Марсель Сергеевич. – Я уверен, он бы был всеми руками за твоё счастье. Подумай, наконец, о себе! Мёртвым уже вряд ли что-то нужно в отличие от живых! Я ведь люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, Марсель, – через паузу прошептала графиня Зейлер. – Но, если сейчас мы станем жить вместе, это осквернит память моего мужа! – как могла уклонялась Катерина Мстиславовна, не зная, почему.

– Знаешь, что всегда оскверняло твоего мужа, Катя? Что ему было наплевать на собственную жену! И что наша дочь на полном серьёзе считала его своим отцом, в то время, как он для неё был совершенно чужим человеком!

– Если бы я рассказала об этом Веронике, я бы сломала ей жизнь! – испугавшись, возразила Катерина Мстиславовна. – Ей не нужно знать это!

– А мне ты жизнь не ломаешь? – съязвил барон. – Я хочу назвать её дочерью, я хочу обратиться к ней, как к дочери, потцовски обнять её, но ты не даёшь мне сделать этого! Ты не даёшь мне сделать этого, даже когда твой муж ушёл в небытие! – Марсель Сергеевич был вне себя от досады. – Ты сейчас ставишь мёртвого, бесчувственного человека вровень с живым, способным на чувства! Ты вводишь себя в заблуждение, Катя.

– А ты себя в заблуждение не вводишь, Марсель? – Катерина Мстиславовна стала выходить из себя.

– НЕТ! – возразил Матвиенко. – Я лишь увидел, что судьба радушно дала нам последний шанс после тысячи шансов, что были нами упущены! Мы могли бы поменять нашу жизнь в нашу же пользу на любой нашей встрече! Но я не делал этого, потому что любил тебя, а ты просила ждать и говорила, что всё у нас ещё будет, помнишь?! Я сидел и ждал годы, как преданный пёс! Но ты так ничего и не решила, тебе было достаточно встре-

чаться со мной, а потом на этой же кровати спать с собственным мужем! Тебе было комфортно иметь двух мужчин!

– Ты не прав...

– Я прав, Катя, – Марсель Сергеевич стал говорить тише. – Но я не зол. Я лишь вижу, что судьба, как я уже сказал, даровала нам последний шанс. И я хочу воспользоваться им. Я хочу, чтобы моя женщина была со мной. Я хочу, чтобы моя единственная дочь знала, что я её отец. Я не хочу быть только лишь дорогим гостем в этом доме. Я хочу, чтобы всё наконец стало так, как должно было стать ещё давно! – вновь взмолился Марсель Сергеевич. – Милая моя Катенька. Я прошу тебя, стань моей женой! – слёзно пропел барон Матвиенко, и, достав из кармана халата маленькую красную шкатулочку, открыл её и протянул её Катерине Мстиславовне.

Женщина увидела в коробочке прекраснейший перстень, отделанный бриллиантами и пришла в восторг.

– Боже, Марсель! Какая прелесть! – удивлённо вскрикнула графиня Зейлер. – Знаешь, кажется, я действительно всякий раз упускала что-то очень важное, но только сейчас мне вдруг удалось поймать это и рассмотреть вблизи! – говорила она, не отрывая взгляда от уже красующегося на пальце бесподобного кольца. – Я очень тебя люблю! – закричала Катерина Мстиславовна и вновь поцеловала барона Матвиенко. – И да, я согласна! Конечно я согласна! Только...

– Только что?

– Мне бы хотелось заключить наш брак не раньше середины ноября. Чуть меньше, чем через месяц.

Барон Матвиенко добродушно кивнул любимой женщине и влюблённые принялись доедать свой завтрак.

Спустившаяся в Обеденный Зал к полудню Вероника Дориановна Лето удивилась тому, что Маргарита таинственным образом улетучилась с кухни, но не стала звонить ей и искать в

доме. Женщина деловито надела свой любимый розовый фартук на домашний костюм и решила приготовить завтрак самостоятельно. Только она принялась допекать заведённое Марселем Сергеевичем тесто для блинов, как в дверь позвонили. Это были Корней Мстиславович и Никита Черновы.

– Здравствуй ещё раз, Вероника, – немного виновато, как ему было совсем не свойственно, поздоровался граф Чернов. Никита сонно кивнул.

Вероника Дориановна удивлённо улыбнулась.

– Что-то случилось? – побеспокоилась она.

– О, нет-нет, ты что! – успокоил её Корней Мстиславович. – Мы ведь не собирались уезжать совсем надолго. Так, пустяки, по делам Никитиной кальянной.

– Там что-то случилось? – не унималась Вероника Дориановна.

– Да пустяки! – отмахнулся Никита. – Завалился вчера ночью какой-то алкаш и разбил окно. Ездили с отцом оценить ущерб, – отговорился Чернов-младший. Графу Чернову эта отговорка понравилась. Звучало правдоподобно.

– Ну что ж, тогда проходите! Вы как раз к завтраку! – как всегда приветливо сказала женщина. – Мама будет очень рада снова вас видеть! – и она убежала следить за блинами.

– Где девчонка? – шёпотом спросил у отца Никита, как только Вероника Дориановна убежала на кухню.

– Да здесь она, ещё рано ей куда-то торопиться, – кивнув на большие часы, показывающие двенадцать часов тридцать минут дня, сказал Корней Мстиславович. – И если она пойдёт сегодня куда-то, то мы... – он умолк, потому что услышал шаги, которые доносились с лестницы. Граф начал снимать обувь, а подняв голову, увидел, как спускается с верхнего этажа Марсель Сергеевич Матвиенко.

– Доброе утро! – барон удивлённо улыбнулся. – А что привело вас сюда вновь? – выражая латентное недовольство приездом Корнея Мстиславовича и его сына, спросил мужчина.

– Доброе утро, – нехотя произнёс Никита. – Мы решили остаться погостить ещё.

– Доброе, Марсель Сергеевич, – Корней Мстиславович пожал руку барону Матвиенко. – Я должен быть рядом с сестрой в непростое для неё время.

– Солидарен, – кивнул Марсель Сергеевич, выдавив из себя подобие улыбки, и, оставив вернувшихся Черновых раздеваться, порхнул в Обеденный Зал, где хлопотала Вероника Дориановна.

– Доброго утречка! – пропел Матвиенко. – Это ты там мои блинчики допекаешь? – поинтересовался он, сев за стол.

– А, так это Ваши? – приветливо отозвалась Вероника Дориановна. – Да-да! – Отпустили Маргариту?

– Мои! – кивнул мужчина. – Отпустил. Хотел сам приготовить завтрак и порадовать твою мать.

– Как Вам спалось, Марсель Сергеевич? – поддерживала диалог с другом матери Вероника Дориановна, тепло улыбаясь.

– Сегодня – чудесно! – пропел барон. – Твоя мать, кстати, постепенно оживает от траурного события. И я очень рад этому, слава богу.

– Я тоже, – кивнула Вероника. – Во многом – это Ваша заслуга! – она поставила перед мужчиной тарелку со свежесдобными блинами и грушевым вареньем. – Постепенно скорбь станет светлой печалью, я уверена. Спасибо Вам, что не оставляете маму! – она доверчиво взглянула на мужчину.

– Я как раз хотел сказать тебе о том, что теперь я вряд ли когда-то оставлю её! – на этих словах барона, лицо Вероники Дориановны приобрело капельку недоумения.

– Что Вы имеете в виду? – не поняла дочь Катерины Мстиславовны.

– Я сегодня сделал предложение твоей матери! – ликующе произнёс Марсель Сергеевич и откинулся на спинку стула. – И она согласилась!

На лице Вероники Дориановны появилась едва заметная беспокойная и нервная улыбка, выражающая совершенное непонимание происходящего.

– Вы... Вы это серьёзно? – решила на всякий случай уточнить женщина.

– Разумеется! Куда уж серьёзнее! – барон эмоционально всплеснул руками, явно будучи обиженным от того, что женщина заставила повторить, на его взгляд, совершенно обыкновенную и самой собой разумеющуюся фразу, будто, не поверив в первый раз. – Но свадьба будет не сейчас. Катерина Мстиславовна настояла отпраздновать её в середине следующего месяца.

Это немного успокоило Веронику Дориановну, и она шумно вздохнула. Женщина чуть было не подумала, что мать по какой-то причине стала наплевательски относиться к смерти Дориана Альбертовича. Обручиться с Марселем Сергеевичем через пол месяца было, конечно, довольно опрометчиво и чересчур быстро, но, переубеждать свою мать, которой, несомненно, было важно присутствие этого человека рядом и внимание, которым барон одаривает графиню, Вероника Дориановна не стала бы. Марсель Сергеевич был вполне подходящей парой для Катерины Мстиславовны. А быстро это... не быстро... дело, разумеется самих молодожёнов – они взрослые люди, сами способные разобраться в ситуации.

– Наконец-то мы будем жить, как семья! – мечтательно пропел Матвиенко.

– Получается, что так... – всё ещё недоумённо пожала плечами Вероника Дориановна. Однако женщина чувствовала, что Марсель Сергеевич выбрал такой момент и пришёл в Обеденный Зал не только для того чтобы объявить о том, что сделал

предложение Катерине Мстиславовне. У него точно было что-то ещё. В воздухе, наряду с запахом блинов, висел терпкий аромат пугающей таинственности. Вероника Дориановна ждала почему-то чего-то страшного.

– А знаешь, моя дорогая, почему, как семья? – возбуждённо, сверкая глазами, со светящимся в них голубым пламенем, спросил у женщины барон, бурно жестикулируя.

– Почему?.. – сердце Вероники Дориановны громко забилося. Вот оно! Вот то, что она как-то неволью ожидала услышать от мужчины. Женщина чувствовала, как этот червь медленно подбирается к самой сладкой части фрукта, и самой ей, будто бы открывается вид на совершенно другую, доселе неизвестную ей часть чего-то очень знакомого.

– Потому что я – твой родной отец! – гордо выдал Матвиенко. – Да! твоя мать боялась тебе об этом рассказать, да и в этом не было особого смысла, ведь раньше ты бы наотрез отказалась поверить в подобное, ибо считала отцом Дориана Альбертовича! – вещал мужчина. Вероника Дориановна вся побледнела от услышанного. И тут же в Обеденный Зал вошли Черновы. На сковороде уже сторало всё масло, однако Веронике Дориановне было сейчас совсем не до этого. Марсель Сергеевич почувствовал запах гари и поспешил отставить сковороду на соседнюю конфорку, а потом повернулся к дочери.

– Что Вы такое говорите?.. – Вероника Дориановна прошептала это куда-то в пустоту, как только к ней вернулся дар речи.

– Правду, Вероника. Дориан Альбертович – не твой родной отец! – как будто вгоняя информацию под кожу женщине тонким стоматологическим сверлом, говорил Марсель Сергеевич. Вероника Дориановна опустила на стул, не в силах более стоять на ногах.

– Да что за бред Вы говорите! Какое право Вы имеете?! – едва сдерживая шквалом хлынувшее отчаяние, воскликнула вдруг Вероника Дориановна, чем заставила выпучить глаза Черновых. Они никогда не видели её в гневе, но сейчас ей было совершенно всё равно на их присутствие. Женщина совершенно отказывалась воспринимать всерьёз сказанные бароном Матвиенко слова, ведь и вправду считала своим отцом графа Зейлера всю свою жизнь. По абсолютно понятным причинам её мозг считал, что это всё, что она только что услышала – абсурд. Вероника Дориановна, ещё несколько минут назад, будучи благодарной барону Матвиенко за участливость в жизни матери и их семьи, сейчас совершенно поменяла свою точку зрения насчёт этого человека: в её глазах он резко предстал мастером отвратительных, совершенно аморальных и неуместных шуток. Теперь она смотрела на него злостно, враждебно и непонимающе.

– Какое право я имею? – авторитетно переспрашивал Марсель Сергеевич. – Да полное право я имею! – взрывался он. – А ведь знаешь, ДОЧЕНЬКА, я ведь и сам узнал об этом совсем недавно! Все свои претензии и вопросы оставь-ка Катерине Мстиславовне! – по-родительски наставлял он, как бы тренируясь учить «ребёнка», которому, на минуточку, было почти сорок лет. Марсель мечтал о детях, и, получив сведения о существующей дочери не так давно, он мигом стал быстро пополнять, невзирая даже на то, что это совершенно неуместно, коллекцию родительских нравоучений. В Веронике Дориановне, разумеется, это пробудило настоящее раздражение и гнев. Она почувствовала себя вещью, а не живым человеком.

В самый «ответственный момент» по лестнице вниз стала спускаться Катерина Мстиславовна, которую все здесь так сильно ждали.

– Мои дорогие! – пропела графиня Зейлер, увидев на кухне брата, его сына, Марсеся и дочь. – Доброго утра всем! – она по-

дошла к горке готовых блинов и взяла ещё один. – А чего ты не поставила тарелку с едой нашим гостям? – обратилась она к Веронике, и, наконец, принесла блины на стол.

– Мама! – крикнула дочь. – Какая к чёрту еда?! – взревела она.

– Вероника! Солнце! Что случилось? – поражённая дерзостью, с которой говорила дочь, испугалась графиня Зейлер.

– Иди-ка сюда, – проскрежетала женщина. При взгляде на мать, что была сейчас какого-то виноватого вида, Веронику Дориановну вдруг заживо начало жрать то чувство, которое она долго замалчивала и подавляла в себе: чувство недостатка материнского внимания. Мать никогда не относилась к дочери с надлежащей серьёзностью, никогда не проводила с ней столько времени, сколько требовалось. Всё у Катерины Мстиславовны было через ехидную, лебезящую улыбку. Прекрасную, всё же, но так осточертевшую Веронике Дориановне! Улыбку, являющуюся для дочери Катерины Мстиславовны чем-то, что уже, казалось бы, заросло и больше не болит, однако сейчас, из этой самой раны, нанесённой сияющей, острой улыбкой матери, хлынула кровь, жаждущая вырваться из Вероники Дориановны годами.

Обида вновь набрала свою силу. Обида ожила.

– Что такое, милая? – не понимала всей этой серьёзности Катерина Мстиславовна.

– Марсель Сергеевич Матвиенко – мой отец? – выделяя каждое слово, проговаривала Вероника Дориановна и продолжала сверлить мать надменным взглядом. Никита, что действительно сильно хотел есть, украдкой стащил из тарелки один блин и принялся беззвучно его нажёвывать, не отрывая глаз от происходящего.

Графиню Зейлер словно пронзила молния. Она испуганно посмотрела на Марсея Сергеевича, преспокойно развалившегося

ся на удобном стуле и наблюдающего за разбирательствами матери и дочери, что были для него сладостными. Вероника Дориановна почувствовала себя маленькой девочкой, в жизни у которой, всё же должен был состояться такой разговор с родителями. Он должен был состояться, когда Вероника была ещё подростком, но очевидно, запоздал на несколько десятков лет. И, запоздав, приобрёл совершенно язвенный и девиантный характер. Вероника Дориановна почувствовала себя очень уязвимым и незащищённым ребёнком, будто бы в раз обесценив всю свою жизнь и в раз почувствовав, что вся эта жизнь была прожита в сплошном обмане и лжи. Женщина ощутила, что свербящее время от времени сердце, наконец-то извергло из себя то, чего она так боялась и не хотела.

– Доченька, послушай, – графиня Зейлер, сначала, с безмолвной надеждой и бледным от шока лицом, умоляла взглядом Марселя Сергеевича проявить и здесь своё умение находить выход из любой ситуации, но мужчина упорно делал вид, что находить выход из данного лабиринта ей придётся так же умело и прытко, как она в этот лабиринт и зашла. Зашла несколько десятков лет назад. Катерина Мстиславовна, может, могла бы и подумать, что Матвиенко отыгрывается, мстит ей за то, что она скрывала от него правду, однако женщина стала корить себя, винить в собственных ошибках и превозносить Марселя Сергеевича, словно он – кара, что снизошла на неё с небес. И она должна искупить свою вину перед этими небесами. Необходимо было как-то попытаться выпутаться из сложившейся ситуации без вреда для всех.

– Я хочу знать, мама, – надменно и строго продолжала Вероника Дориановна. – Он или не он?

Графиня Зейлер с грустью посмотрела на Марселя Сергеевича, и, всё-таки не дождавшись от него какой-то словесной по-

мощи, решила выдать всю правду дочери. Больше откладывать было нельзя. Уж слишком она завралась.

– Да. Марсель Сергеевич – твой настоящий отец, – с горечью прошептала она и так же горько заплакала. Матвиенко еле-виднo удовлетворённо улыбнулся краями губ, и тут же стёр улыбку со своего лица. Никита чуть было не подавился вторым блином, съеденным в сухомятку, а Корней Мстиславович округлил свои глаза, до лба вскинув неопрятные брови.

– Чтооо... – прогнусил было Никита, как ладонь графа Чернова прилетела ему прямо под затылок.

– Замолчи, – буркнул Корней Мстиславович.

– Я не могу в это поверить, мама! – качая головой и действительно отказываясь верить в то, что сказали мать и Марсель Сергеевич, говорила Вероника Дориановна. Её губы еле-еле шевелились, и она глотала слова.

– Чтобы поверить, нужно время, – успокаивал её Матвиенко, опять же, по-родительски.

Женщины плакали. Отчаяние сжимало в тиски их тела и души. Вероника Дориановна чувствовала отдаление от этих людей и неприязнь к ним. В особенности к вравшей столько лет матери. Теперь и грядущая свадьба воспринималась Вероникой Дориановной крайне нежеланно. Её даже посетила мысль о расторжении этой свадьбы.

– Почему ты мне не рассказала?.. – Вероника Дориановна желала понять хотя бы это. – Почему ты скрывала, обманывала? – от обиды выкрикнула она.

– Я не... – начинала Катерина Мстиславовна.

–...Она не обманывала тебя! – продолжил-таки за графиню барон Матвиенко, слегка повысив голос, и начиная вновь строжиться. – Нужно было узнать раньше, ты бы узнала раньше. Не терроризируй мать. Прими это молча. Такова твоя судьба и её уже не поменяешь! – он буквально упивался вот этим вот ка-

рающе-родительским тоном разговора. Он ждал сладкого мгновения, когда можно будет ТАК с кем-то поговорить.

– Зачем?.. – не унималась Вероника Дориановна, не обращающая внимания на сказанные мужчиной слова.

– Я не думала, что всё так повернётся, Вероника! Я не думала, что отец... – графиня Зейлер осеклась, посмотрев на Марселя Сергеевича. – ...что Дориан Альбертович умрёт... – поправила саму себя она.

– Ты не заставишь меня называть его отцом! – вся красная от гнева, словно спелая слива, проскрежетала Вероника Дориановна, отрицательно качая головой. Казалось, если бы она была хищным животным, то прямо сейчас прыгнула бы на мать и разорвала бы её на мелкие кусочки. – Моим отцом всегда был и будет единственный человек! Дориан Альбертович Зейлер, поняли?! – обратилась она к Марселю Сергеевичу. – Решили жениться? Женитесь на здоровье! Только не нужно строить из себя любящего отца, Марсель Сергеевич! Вы меня не знаете! – женщина сверлила взглядом ненавистных родителей. Через секунду, она не выдержала больше здесь находиться. Женщина скинула с себя фартук, швырнув его на пол, и поспешно удалилась из Обеденного Зала.

– А завтракать?! – крикнула вслед убежавшей дочери обеспокоенная Катерина Мстиславовна. Дочери уже и след простыл.

– Марсель... – выдохнула, закрыв глаза, графиня Зейлер. – Я ведь просила тебя не говорить ей об этом! Она сама уже взрослый семейный человек, у неё уже СВОЯ взрослая дочь! А эта новость только разрушила её привычную жизнь! У неё внутри перевернулся целый мир! В сорок лет допускать такое опасно! Почему ты проигнорировал мою просьбу, мою ИСКРЕННЮЮ просьбу и поступил совершенно бестактно и самонадеянно?! – слёзно и ноюще взмолилась женщина.

– Всё это лишь из лучших побуждений, Катенька! Настоящий отец лучше знает, как поступить в такой ситуации. Поверь мне, нашу дочь тоже можно понять! На неё свалилось слишком много душеспасительных событий! Но согласишься, не скажи бы я это ей сейчас, она бы не восприняла как подарок судьбы то, что не успел один отец умереть, как тут же появился другой! Настоящий! Поверь мне, Катя! Она поймёт! Она мало того, поймёт, так ещё и попросит у меня прощения! И у тебя, конечно. Скоро мы действительно будем жить, как семья! Только не торопи события, Катюша! – барон обнял невесту. А она прижалась к груди барона Матвиенко и вновь обратила взгляд на потрясающий перстень, что он подарил ей утром.

Корней Мстиславович едким взглядом сверлил влюблённую парочку.

– Вы поступаете опрометчиво, Марсель Сергеевич. Во всём, – решил укоризненно высказать своё мнение граф Чернов.

– В любом случае, это не Ваше дело, Корней Мстиславович, – сквозь зубы и остро произнёс барон. – Я прошу Вас, не лезьте не в своё дело! – попросил он столь же тактично.

На этом их короткий диалог закончился. Похоже, эти двое действительно начинали друг друга недолюбливать.

Через пару минут в Обеденный Зал спустилась проснувшаяся Астрид. Вновь увидев Корнея Мстиславовича и Никиту, девушка почувствовала, как по её телу пробежался холодок. Они обменялись недоверчивыми взглядами с Никитой.

– Ну привет! – вкрадчиво и с ехидной улыбкой, бросил Чернов-младший. Корней Мстиславович что-то буркнул себе под нос и кивнул девушке.

– Привет, – Астрид с таким же недоверием кивнула в ответ. И только завидя девушку, Никита вдруг снова ощутил ту эйфорию, которую ощущал ночью на кладбище, когда взял в руки кольцо. Это чувство посетило его именно в момент, когда сюда

вошла внучка графа Зейлера, чуть ли не заставив Никиту накинуться на девушку с бесцеремонными расспросами о пропавшем из их комнаты рубиновом перстне графа. Однако Чернов понимал, что сейчас этот разговор, каким бы срочным он не был – неуместен. Кроме того, здесь присутствовало куча лишних ушей. Взгляд Никиты хищно загорелся и Астрид, словно по команде, отсела от него подальше.

– Доброе утро, Астрочка, – вытирая остаток слёз, шмыгнула носом Катерина Мстиславовна, пытаясь выйти из нирваны. – Что-то... что-то у нас беда какая-то с завтраком... где Маргарита? – засуетилась графиня Зейлер и достала из кармана халата телефон, чтобы набрать номер прислуги.

– Я же отпустил её сегодня! – остановил женщину Марсель Сергеевич. – Сейчас быстро сделаю тосты сам! – ободряюще запел он.

– Или можно заказать еду, – предложила Астрид, наливая себе в чашку чай из заварника.

– Какая догадливая у меня внучка! – воскликнул барон Матвиенко и Корней Мстиславович снова покосился на него уже не то чтобы с недоверием, а по-настоящему зло. Никиту позабавила данная ситуация: он наблюдал за всем происходящим, как за фильмом, уплетая один за другим блины. Его по-настоящему забавили эти семейные драмы Зейлеров. Астрид немного не поняла, что имеет в виду бабушкин друг.

– Что Вы сказали? – переспросила девушка. – Внучка?

– А мы с Марселем Сергеевичем... – начала Катерина Мстиславовна, потом прервалась, глянула на барона, тот кивнул, позволяя ей продолжить фразу, и она продолжила. –...мы решили пожениться в середине следующего месяца! – весело и торжественно выпалила она, глубоко вздохнув по окончании фразы, но у Астрид эти слова вызвали совершенно противоположную реакцию. Девушка пришла в ещё больший шок.

– По...пожениться? – ещё раз переспросила она, потому что ей очень хотелось понять, что она всего лишь ослышалась.

– Верно! Теперь мы будем, как семья, ведь я – биологический отец Вероники, а значит и по совместительству – твой дедушка! – улыбнулся Марсель Сергеевич и подмигнул ей. – Скоро я стану членом вашей семьи! – говорил он, одновременно набирая номер ближайшего ресторана. – Катенька, что бы ты хотела съесть в качестве второго завтрака? – утончённо пропел барон, обращаясь к невесте.

– Господи... что?.. – себе под нос мямлила Астрид, ничего не понимая. Аппетит и вовсе пропал.

Катерина Мстиславовна только пожала плечами, с грустью смотря на внучку. Она явно тоже не одобряет их решения: как и дочь, как и брат. Для женщины было важно мнение родственников, и её удручала нынешняя ситуация. Дорогие люди сегодня действительно отстранились от неё, отвернулись и были обижены.

– А куда делась мама? – спросила Астрид. – Я, кажется, слышала её голос.

– Она немного расстроилась и ушла в себя... ой, к себе, – лихорадочно произнёс Марсель Сергеевич, дожидаясь ответа оператора. Его оговорка была по Фрейду. Услышав слова барона, Астрид тоже вышла из-за стола.

– Астрид, быстро сядь на место! – воскликнула Катерина Мстиславовна с безнадёжной строгостью в голосе, пытаясь силой «переманить на свою сторону» хотя бы внучку, раз не получилось по-другому.

– Да знаешь, бабушка, что-то мне совсем расхотелось есть, – небрежно и язвительно бросила девушка, а затем яростно задвинула стул, и тоже покинула Обеденный Зал.

– Вот так и все от тебя отвернутся, сестрёнка, – пробасил граф Чернов, шумно вздохнув.

– Я Вам говорю: в конце концов, прекратите лезть туда, куда Вас не просят! – вспыхнул барон Матвиенко.

– Разумеется. Всё это Ваши личные семейные истории, – саркастично произнёс граф, и, кивком головы позвав за собой Никиту, двинулся на второй этаж, в Теневую Спальню.

Глава XXI

НОЧЬ ОРАНЖЕВЫХ ГЛАЗ

Марсель Сергеевич Матвиенко был, по мнению Астрид, незаменимым человеком для её бабушки, хорошим другом, надёжным плечом, но никак не новоиспечённым дедом для неё и отцом для Вероники Дориановны. Когда девушка думала о бароне Матвиенко в роли мужа Катерины Мстиславовны – Марсель Сергеевич становился в её глазах не хорошим другом семьи, а каким-то гнусным мужчинкой, не понятно на каких правах живущим в их доме. Астрид неожиданно поняла, как много всего свалилось вдруг на её голову: вернулись зачем-то Корней Мстиславович и Никита; Марсель Сергеевич сделал предложение её бабушке и уже ведёт себя как полноправный её муж, кроме того – этот мужчина биологический отец Вероники Дориановны, а следовательно – родной дед для неё самой... – всё это начинало выводить девушку из себя, и она поднялась на второй этаж чтобы вновь вернуться в кровать и переварить информацию. Кроме того, ей было интересно, куда могла деться мать. И только Астрид подумала об этом, как увидела, что Вероника Дориановна тоже находится в своей спальне и лежит на кровати, бездумно смотря в потолок.

– Мам?.. – вопросительно произнесла Астрид, заходя в родительскую спальню, которая носила название «Золотая».

– Не сейчас, Астрид, – оборвала Вероника Дориановна, не обратив ни одного взгляда на дочь. – Оставь меня на некоторое время, хорошо?

– Л-ладно... – с нерешительным пониманием кивнула девушка и поспешила закрыть дверь. Мать редко была в таком отрёпленном состоянии. Видимо, пока Астрид ещё спала, барон Матвиенко рассказал Веронике Дориановне и про то, что она – его настоящая дочь, и про то, что у них с графиней Зейлер скоро свадьба... Разумеется, Астрид хотелось сейчас поговорить с Ве-

роникой Дориановной об этих нелюбезных событиях, но раз она не хочет – не стоит.

– Доченька! – только девушка закрыла дверь, как из-за неё подала голос мать. – ...Ты же что-то хотела!

– Я... – начала было Астрид, вновь открыв дверь. – Я хотела позвать к нам с ночёвкой Дашу Серову, можно? – не найдя ничего лучше, выпалила Астрид, будучи уверенной, что сейчас всё же не лучшее время чтобы что-то обсуждать с матерью.

– Дашу? Да, разумеется, Астрид, – Вероника Дориановна устало улыбнулась. – Зови! – и, не дождавшись, пока дочь закроет дверь, она заплакала.

– Мам, – Астрид было невыносимо больно смотреть на измученную мать. – И ты зови меня, если захочешь поговорить, хорошо? – пролепетала она.

– Спасибо, моя родная, – кивнула мать, шёпотом, потому что слёзы душили её. – ну иди, иди.

И Астрид вышла. Её настроение сейчас было настолько подавленным, что следить за какими-то Корнеями Мстиславовичами и Никитами у неё не было сил, не желания. С отсутствием рвения всё это вряд ли увенчалось успехом. Резко, все амбициозные речи, которые она пыталась с несусветным пристрастием преподнести подружке в кофейне потеряли смысл. Астрид ощущала, что дом их, за несколько дней совершенно перестроился и перестал быть похожим на тот Особняк Ветра, который она любила. Он переставал быть просто трёхсотлетним домом, а становился страшным, с чуждой и непривычной атмосферой. Это было похоже на то, как если бы перед Астрид сейчас лежала какая-нибудь очевидная подделка, а ей с пеной у рта доказывали, что это – неповторимый оригинал. Вот этот некто, кто это доказывал, почему-то сейчас представлялся девушке человеком с лицом и манерами Марселя Сергеевича Матвиенко – и от этого на душе невыносимо скребли кошки. Астрид думала, что до-

казывающий оригинальность подделки человек сам прекрасно знал, что это подделка и плакал в глубине души. Девушку душило чувство суррогатности, лжи и недосказанности. Чувство того, что каждый человек, что есть сейчас в этом доме, имеет множество скелетов в своих шкафах. Даже такой любимый Особняк Ветра увиделся Астрид сейчас не её родным домом, в котором она родилась и провела всю жизнь, а замком, с огромным количеством ловушек и опасностей, о которых не подозревают даже те, кто здесь живёт.

Пригласив подругу, Астрид позвонила в пиццерию, дабы заказать на вечер какой-нибудь еды, потому что ей самой не хотелось выходить не то что даже на улицу, а спускаться в Обеденный Зал.

Вечер медленно опускался на окаймлённый тесьмой из елей Северный А-Ваен. Даше Серовой удалось немного вывести Астрид из хандры, а когда девушка с чёрными волосами спросила у неё о Корнее Мстиславовиче и Никите, Астрид отмахнулась.

– Они приехали назад, но я устала думать об этом! – говорила она, откусывая кусок гамбургера. – Хочу отдохнуть. Нет, правда.

Даша прекрасно понимала, что из-за произошедшего сегодня (Астрид уже рассказала подруге и о новоиспечённом отце и деде, и намечающейся свадьбе её бабушки) мозгу и психике нужен отдых.

– Ну тогда давай что-нибудь посмотрим? – предложила Даша, указав подруге на ноутбук.

– С удовольствием! – кивнула Астрид. Встреча с подругой и вправду отвлекала её от тяжёлых мыслей и ощущения полной безысходности. Посмотрев какой-то комедийный фильм, девушки решили, что пора бы уже ложиться спать. Астрид расстелила свою большую кровать, погасила свет, и подруги, накрыв-

шись одеялом, запрыгнули в неё, однако сон резко куда-то пропал у обеих.

– Ну не могу я представить этого человека в нашей семье! Он хороший, но представить я его не могу! – вздохнула Астрид. – Эта его жуткая манерность... будто бы есть только он один и больше никого! – девушка передёрнулась. – Фу.

– А может быть он только сейчас так рисуется? – предположила Серова. – А потом увлечётся домашними делами и перестанет показывать свой характер? Узнает вас всех получше, подстроится немного под вас?

– Не знаю, может быть ты и права, – пожала плечами Астрид. – Мама днём была такая подавленная и много плакала. Боюсь даже представить, как на ней скажется то, что выдал этот самовлюблённый бабушкин дружок...

– Ох, подруга, мне кажется, у тебя есть склонность многое преувеличивать. Да, то, что барон – на самом деле отец твоей матери – конечно, трудно принять, но поверь, твоя мама сдержанная и мудрая женщина. Она взвесит всё в своей голове и придёт в норму! – Даша улыбнулась в темноте. – Расслабься. Всему нужно время.

– Ну да. А ещё я так переживаю за грядущую свадьбу, будто Марсель мне предложение сделал, а не бабушке! – невесело усмехнулась Астрид.

– Они, небось, не маленькие. Сами разберутся! – сказала Серова. – Конечно, не очень всё это, ведь твой дедушка умер считанные дни назад... не удобно, по отношению к нему. Но раз они так решили – их дело.

– Не понимаю я этой странной спешки, – вновь задумалась Астрид, смотря в окно из кровати.

– Ну, это уже точно их личное дело... – произнесла Даша. – Кстати, а всё-таки, что до Никиты и Корнея? Ты говорила, они спят в соседней комнате? – поморщилась подруга Астрид.

– Да! В соседней! – шепнула девушка. – Сегодня, когда мы пересеклись с Никитой в Обеденном Зале, я ощутила такой злобный и пронзительный его взгляд, будто бы он готовился испепелить меня глазами. Мне стало страшно: я подумала, может, он не спал в ту ночь и видел, как я смотрела в их окно с дерева и наблюдала за ними?

– Быть может, он догадывается о твоих подозрениях? – изложила своё предположение Серова. – Кольца ты больше не видела, да?

– Нет, не видела. И я тоже нахожу это странным! Вот куда они его увезли? – Астрид задала вопрос в пустоту.

– М-да. Как нам это выяснить? – осведомилась Даша.

– Проблема в том, что я даже не знаю, с чего начать! – с негодованием сказала Астрид. – В интернете про них – ничего. Только про Корнея Мстиславовича немного... что-то про его политическую деятельность в Южном А-Ваене... но это мало интересно. Ну и про кальянную Никиты. Но это тоже совсем не важно.

– Сложновато, – кивнула Серова. – а ведь всё из-за какого-то кольца! – всплеснула руками девушка.

– Извини, – Астрид встала с кровати. – душно немного, я ненадолго открою окно? – спросила она. Серова кивнула. Астрид открыла тяжёлое арочное окно настежь и девушки залезли под тёплое одеяло, потому что в комнату проникло холодное дыхание осенней ночи. Астрид сладко зевнула. Её глаза начали закрываться, и она сама не заметила, как её тепло и нежно обнял сон. Даша же, закутавшись в одеяло посильнее, тоже чувствовала, как постепенно начинает засыпать. Уже через несколько минут, подруги спали без задних ног. Сквозь сон им слышались отдалённые редкие уханья сов, а морозно-осенний воздух исторического города напевал беззвучные песни о прошлом.

Но вся эта безмятежность в миг нарушилась, когда Астрид почувствовала, что неожиданно ей на бедро приземлилось нечто цепкое и тяжёлое. От испуга девушка вздрогнула, покрылась мурашками и тут же проснулась. На её бедре, укрытом одеялом, сидела огромная... сова! И смотрела на неё своими круглыми, словно два оранжевых фонаря, глазами. Астрид испуганно вскрикнула и соскочила с кровати, спугнув птицу. Сова подлетела вверх, а затем снова уселась, только теперь уже на изножье кровати. Даша проснулась от криков подруги и опешила.

– Бог ты мой, откуда она? – в страхе прошептала Серова, натягивая на себя одеяло и не сводя глаз с сидящей напротив птицы.

– С улицы...может...залетела...случайно... мы же не закрывали окно... – Астрид, конечно, понимала, что бывает всякое, но она не раз оставляла окна открытыми настежь и не одна сова ещё не залетала к ней в комнату! Девушка встала с кровати и медленно попятилась к окну, чтобы открыть его шире и выпустить птицу на волю. За то время, что они проспали с открытым окном, комнату мягко говоря, выстудило. Астрид ощущала это своими босыми ногами и часто переступала.

– Ну и что нам с ней делать? – вновь шёпотом спросила Серова, в ужасе рассматривая крупную птицу.

– Попытаться выгнать, что же ещё! – всплеснула руками Астрид, однако сова не думала никуда улетать. Птица расхаживала по изножью кровати, переводя свой светящийся взгляд то на Астрид, то на Дашу.

– Улетай скорее! – шикнула Астрид, показав в сторону открытого окна, но сова лишь повертела головой и принялась чистить своё пёстрое коричневое оперение, а в перерывах между этим действием, смотрела на подруг оранжевыми глазами, периодически поочерёдно ими моргая. – Окно там! – твердила Астрид, но безуспешно. Птица не реагировала.

– Ты ведь случайно сюда залетела! По ошибке! Ты же хочешь домой! – присоединилась к разговору с совой Даша и принялась делать выгоняющие жесты. Сова ещё пару секунд недоумённо смотрела на подруг, а потом вдруг заявила самым, что ни на есть, человеческим голосом:

– Ну вообще-то не по ошибке.

Астрид взвизгнула и открыла рот от удивления. Даша опешила. Они только что услышали, как сова опровергла их слова. Подруги стояли ни живы, ни мертвы. Астрид, конечно, была удивлена в разы сильнее, потому что голос, которым только что говорила птица, был не просто обычным женским голосом. Этот голос был знаком ей с детства!

– Ба...бабушка?! – недоумевая от собственных догадок, прошептала Астрид.

– Астрид! – шёпотом крикнула Даша, ещё более недоумённо. Она подумала, что у её подруги со всеми этими кольцами, Марселями, Никитами и Корнеями случился сдвиг по фазе. – Ты чего?..

– Да ничего! – ответила за девушку сова и рассыпалась на тысячу перьев на глазах у подруг. От совы не осталось ничего, но зато через секунду на них уже смотрела Хельга Ивановна Лето, одетая в старое драповое красное пальто с белым мехом на воротнике и алые кожаные полуботинки. – Очень рада познакомиться с тобой, Даша! – сказала женщина абсолютно тем же голосом, которым секунду назад говорила сова и протянула испуганной и удивлённой до чёртиков Серовой свою костлявую руку с длинными жёлтыми ногтями. Рука эта и вправду напоминала птичью лапу. Глаза Хельги Ивановны светились ярко-оранжевым светом. – Ну, не бойся! Меня зовут Хельга Ивановна! – приветливо улыбнулась женщина-сова. Серова мелкими шажками подошла поближе к женщине.

– Бабушка... – начала Астрид. – Я... я не верю своим глазам! – Астрид то ли хотела заплакать, то ли засмеяться. – Скажите мне, что я сплю! Что, чёрт возьми, всё это значит?! – она недоумённо вскинула брови и поспешила закрыть окно. Холодный воздух ещё сильнее заставлял её дрожать.

– Ну... как тебе объяснить, внучка... – задумалась мать отца Астрид. – Это моя способность! В моём роду, очень давно, были те, кто умел превращаться в сов. Долгие-долгие годы назад. Это передалось и мне. Отсюда и этот цвет глаз, который я называю своей генетической аномалией! – улыбнулась бабушка Хельга, пожав плечами. – Да, может быть, вам пришлось узнать об этом слишком быстро и резко, но не вините меня за это! – она добродушно вздохнула и обняла Астрид, поправив другой рукой заколку с бордовым тканевым цветком в волосах – антикварная вещица.

– Почему же ты раньше не рассказывала об этом? – не понимала внучка. – Я уверена, если бы в нашей семье кто-то знал, что ты так можешь... сейчас было бы всё совсем по-другому!

– Об этом никто не знает, и я не хочу, чтобы кто-то знал, – кивнула оранжевоглазая женщина. – я бы не стала рассказывать об этом даже тебе, если бы в этом не было необходимости! – вкрадчиво усмехнулась она и кашлянула два раза.

– А сейчас что, возникла необходимость? – влезла Даша.

– Ты права, Даша! – кинула седая женщина.

– Так какая же?! – Астрид до сих пор не верила тому, что она сейчас увидела. Её переполняли чувства и эмоции, ведь о подобном она читала только на страницах книг. Происходящее и правда было из ряда фантастики.

– Слушай, может мы спим, а? – вдруг задала вопрос подружке Даша и поёжилась.

– О, нет, девочки! – вкрадчиво и хрипло прошептала женщина-сова, сверкнув оранжевыми глазами. – Будь это вашим

сном, я бы вряд ли смогла показать вам это! – с этими словами Хельга Ивановна достала из кармана перстень Дориана Альбертовича! То кольцо, что видела Астрид на полке в комнате у Корнея Мстиславовича и Никиты! Девушки опешили.

– Но как ты... – начала было Астрид. – Откуда?..

– Я украла это из их чемодана, когда они уезжали в Южный А-Ваен.

– Из чемодана Черновых? Серьёзно?! – поспешно и нетерпеливо воскликнула внучка.

– Да.

– Вы что, тоже за ними следите?! – изумилась Серова.

– Так вот почему тебя тоже не было в тот день! – догадалась девушка. – Что они хотели сделать с этим кольцом? Отвезти его куда-то?

– В Южный А-Ваен, – кивнула, строго, Хельга Ивановна. – в день их уезда, я трансформировалась в сову и влетела в окно, когда их не было в комнате, а чемодан уже был собран и забрала кольцо.

– А как Вы узнали, что кольцо у них? – спросила Серова, прищурив глаза.

– Я проследила за ними до кладбища. В день похорон Дориана Альбертовича эти двое сговорились с какими-то людьми и раскопали могилу, достав оттуда украшение... – печально сказала бабушка Астрид.

Девушки не верили своим ушам.

– Так, погодите, они серьёзно взяли и вырыли могилу?! Ума не приложу! – переспросила Даша.

Хельга Ивановна грустно кивнула.

– Но зачем им это кольцо? – осведомилась Астрид. – Не пойму!

– Давайте присядем, – предложила женщина-сова. – Видимо, кусочками фраз, вырванных из контекста, тут не обойтись! –

вздохнула женщина. – Мне и вправду придётся рассказать вам сложную, длинную, запутанную и очень странную историю про Корнея и Никиту Черновых. Она полна подводных камней, загадок и тайн.

Внимание подруг значительно обострилось. Отдалённо Астрид желала, конечно, быстрее во всём этом разобраться, чем бы «это» не оказалось, но в то же время девушка чувствовала и понимала, что быстро сделать это вряд ли получится.

– Ну что ж, – кивнула Хельга Ивановна, приобняв сидящих по обе стороны от неё девушек. – Никита и Корней Мстиславович сейчас здесь и вернулись они сюда потому что кольцо пропало из их чемодана, – прищурился глаза-фонари, сказала женщина. – и они будут обшаривать всё, пока не найдут его.

Астрид эти слова заставили вздрогнуть.

– Зачем?! Зачем им это кольцо? – нетерпеливо ёрзая на месте, спрашивала она.

– Корней Мстиславович и Никита состоят в секте, что именует себя «Братство Полной Луны». Ныне, как и ранее, оно состоит из тех людей, что уже около ста пятидесяти лет любой ценой стремятся найти предмет, который имеет магическое название: «Ниферио-Ритио». Однако никто не знает, как выглядит этот предмет, его только чувствуют, когда он в непосредственной близости.

– Ниферио-Ритио? Почему оно так интересно членам этого Братства? – поинтересовалась Даша.

– Братство считает, что этот предмет дарует сверхъестественную силу и бессмертие владельцу, а также открывает портал в удивительный магический мир! – говорила Хельга Ивановна также вкрадчиво и вертела перстень графа Зейлера между длинных костлявых пальцев.

– А откуда они вообще узнали о Ниферио-Ритио, если даже не знают, как оно выглядит? – вырвалось у Астрид.

– Всё это идёт с давних времён... – пожала плечами женщина-сова. – у них, определённо, есть какое-то чутьё...

– Значит, члены Братства могут подумать, что это самое Ниферио-Ритио – практически что угодно? – переспросила Серова.

– Возможно, – кивнула Хельга Ивановна.

– А Никита и Корней Мстиславович подумали, что это дедушкин перстень, да? – громко спросила Астрид, догадавшись.

– Да! Это было и моей догадкой тоже! – ответила седая женщина. – Но никто из нас не может сказать точно, Ниферио-Ритио это или нет. Ни у кого из нас нет магического чутья такого рода.

– А у Никиты и Корнея есть? – скривилась Даша.

– Скорее всего. Они же члены этого Братства, – предположила Хельга Ивановна. – хотя... отец Корнея Мстиславовича, а соответственно Катерины Мстиславовны, насколько я знаю, не состоял в этой секте. Корней сам нашёл это Братство и вступил в него.

– Но разве всё ограничивается просто чутьём? Каким-то образом они поняли, что это именно вот это кольцо и украли его аж из-под земли? – недоумевала Астрид. – Нормальные бы люди на такое не пошли!

– Вот-вот. Они точно сумасшедшие фанатики! – шепнула, противясь, Даша. – И были наверняка уверены в своей находке! Значит, возможно, это кольцо вызвало у них слишком сильную реакцию...

– Я чувствую магическую энергию, но не так сильно, как, возможно, Черновы. Однако если кольцо всё-таки Ниферио-Ритио – его просто необходимо спрятать! – строго произнесла Хельга Ивановна. – Братство – секта фанатиков, как ты правильно и сказала. Им ничто не помешает исполнить свои цели, какими бы кровавыми они не были.

– Так, значит, это они убили дедушку?! – выпучив глаза от собственной догадки, воскликнула Астрид. – Если это так, то всё встаёт на свои места! И Эмма не виновата, а просто подставлена ими!

– Астрид, милая, я не знаю, – охладила пыл девушки женщина-сова, печально сверкнув оранжевыми глазами. – Быть может, конечно, это они, но все улики указывали на Эмму... я тоже не верю, что всё это могла проверить в одиночку эта молодая девушка, но мы пока не можем ничего доказать! – плачевно произнесла Хельга Ивановна.

– Но... а если Никита или Корней и впрямь чувствуют это кольцо, а сейчас, как мы знаем, они спят в соседней комнате, значит, по сути, они могут прийти сюда? – в ужасе прошептала Даша, указывая на стену, что была общей для спальни Астрид и Теневой Спальни Черновых.

– Поэтому я и говорю, что у нас мало времени! – подтвердила шёпотом Хельга Ивановна.

– Но, а если... если вдруг Никита и Корней Мстиславович вновь получают кольцо? – решила спросить Астрид. – Что тогда?

– Как я уже сказала вам, Братство – секта фанатиков. Они алчны и злы и за их спинами много смертей. Если и приобретённое Ниферио-Ритио дарует им неограниченную магическую силу, и они используют эту силу в собственных целях... ох, боюсь, это будут абсолютно негуманные и корыстные цели! Они захотят чего-то немыслимого, огромного и разрушающего! Нельзя позволить им сделать это, чем бы оно не являлось!

– погоди, бабушка! – Астрид подняла вверх указательный палец и закрыла глаза, усердно прислушиваясь.

– Что такое? – встрепелась Хельга Ивановна. Даша удивлённо посмотрела на подругу. В глазах Серовой тоже вырисовывался вопрос.

– Я опять...я опять слышу эту музыку! – Та...та-та-та... – принялась напевать Астрид, но тут же сбивалась: не получалось допеть фразу до конца. Эта мелодичная музыка, будто бы, не хотела быть воспроизведённой из уст Астрид. – Я слышу, кто-то снова играет внизу! – она закрыла глаза и едва заметно кивала в ритм мелодии. – А иногда я слышу, что её кто-то напевает... Я всегда думала, что это ты, бабушка! – удивлённо призналась девушка.

– Астрид, я ничего не слышу! – недоумённо произнесла Даша, взглянув на подругу.

– И я не слышу, – кивнула, подтвердив, женщина-сова.

– Тогда почему слышу я?! – растерялась Астрид. – Это что, у меня в голове? – испугалась она и побледнела.

– Я же говорю, ты сошла с ума! – пошутила Даша.

– Похоже... – пожала плечами девушка.

– Может быть, ты слышала эту мелодию раньше, в детстве, например? – предположила бабушка Хельга. – И сейчас ты испытываешь какие-то сильные ностальгические чувства и твоё сознание и проецирует их в мир этой музыкой?..

– Нет... – покачала головой Астрид. – Я стала слышать эту мелодию, как только приехала сюда, считанные дни назад. Иногда я слышала её днём... иногда ночью... и мне почему-то так всё это не нравится... – и тут же музыка прекратилась. – Всё. похоже, всё! – сказала Астрид. – Больше ничего не играет. – девушка шумно вздохнула и приставила указательные пальцы к обоим вискам.

– Странно, всё же, что это слышишь только ты, внучка, – задумалась женщина-сова.

– Ну, а может всё-таки в памяти что-то всплывает, ну же, подруга, ну вспомни! – настаивала Даша.

– Это просто мелодичная песня без слов. Иногда, кстати, её напевает женский голос. И нет, Даш. Я не слышала её никогда

раньше! Мы отвлеклись. Думаю, музыка, что я слышу не так важна, как история о Братстве. Бабушка, расскажи нам об этом что-то ещё! – попросила Астрид.

Через небольшое молчание, Хельга Ивановна продолжила:

– Нам нужно любой ценой уберечь кольцо, потому что, возможно, оно – Ниферио-Ритио!

– Кольцо всё время было у дедушки. Он ведь не снимал его! – вспоминала Астрид. – Он тоже был каким-то магом?

– Я хоть и не очень хорошо знала Дориана Альбертовича чтобы говорить с ним о чём-то подобном, но могу сказать точно, что его мать, твоя прабабушка – Рогнеда Егоровна – была членом своеобразной террористической организации, которая занималась истреблением магов. Под руку «Чёрных Рыб» – (так они себя называли) – попали в пятидесятых годах и члены Братства. Как раз, когда в Братстве состояли ещё молодые родители нынешних участников, Чёрные Рыбы были в рассвете своих зверств и повесили всех их. О том, что Рогнеда Егоровна была одним из участников этой организации, стало известно только после её смерти. Её немалые деньги помогли ей откупиться от обвинения. Но после того, как женщина умерла, полиция раскрыла её родственникам эту тайну. Остальные участники Чёрных Рыб были отправлены в психиатрические лечебницы, там они и умерли. Всех подробностей этой истории я не знаю и поэтому боюсь выразиться не верно.

– Господи, какой ужас! – поёжилась Даша.

– Мне трудно во всё это поверить... – вздыхала Астрид, хватаясь за голову.

– Поэтому, – продолжала женщина-сова, – я думаю, что Дориан Альбертович не мог знать о магии ровно ничего, как и специально держать в своём доме какие-то магические вещи, потому что его мать их просто не терпела. Кстати, надо сказать, что после смерти Рогнеды Егоровны (она умерла от неожидан-

ного приступа), Дориан Альбертович стал сам не свой: ты это знаешь, Астрид, по рассказам матери и бабушки. Когда твой дед потерял свою мать, его здоровье резко ухудшилось и его увезли в больницу. Там он пробыл довольно долго, а когда вернулся, то будто бы лишился голоса, здоровья, обаяния, что было свойственно ему, гостеприимства, обыкновенных человеческих чувств и эмоций. Будто всё это из него куда-то ушло! – говорила Хельга Ивановна с подозрительностью и вкрадчивостью в голосе. – Он был привязан к матери и так поменялся после её смерти... семнадцать лет назад. Ты, Астрид, уже не застала Рогнеду Егоровну. И по самый последний день, долгих семнадцать лет, всем нам было больно и страшно смотреть на нелюдимость твоего деда. Мать была для него всем, отца он, кажется, не помнил. Альберт Альбертович слишком рано умер.

– Чёрные Рыбы... прабабушка-террористка... господи! Всё так сложно и сурово одновременно! – ужаснулась Астрид. – О чём ещё молчит моя семья??? – вздохнула она, поражаясь услышанному.

– Конечно же, твоя семья пытается забыть это прошлое! Как только они узнали о том, что Рогнеда Егоровна принадлежала такой страшной организации – стали радоваться, что узнали об этом только после её смерти, избежав каких-то отпущений от непонятно кого (мало ли).

– Но если мой дедушка не маг... откуда тогда у него магический предмет?

– Возможно, конечно, Дориан Альбертович, сам того не зная, носил это кольцо... – пожала плечами женщина-сова. – В Северном А-Ваене куча всяких редкостей и антиквариата... а в доме, в трёхсотлетнем доме, – она с опаской осмотрелась. – Должно быть, этого антиквариата видимо-невидимо, а чем старее предмет – тем длиннее и запутаннее его история. Тем больше количество людей, что взаимодействовали с ним. Да и Рог-

неда Егоровна, хоть и не любила магические предметы и магию в целом, к антиквариату дышала не ровно. Посещала аукционы, ярмарки... после её смерти в вашем доме даже проводили аукцион. Там было продано очень много её вещей.

– Все? – переспросила Астрид.

– Да нет конечно, – ответила Хельга Ивановна. – ещё что-то передали или отдали. Много чего выбросили.

– А зачем вообще устраивали аукцион? – не понимала Серова.

– Катерина Мстиславовна, бабушка Астрид, думала, что если избавиться от вещей матери, по которой так скорбит её муж, то сможет вывести его из этой затяжной депрессии. Она думала, что если вещей будет меньше, то они меньше будут напоминать ему о покойной матери.

– Но видимо не получилось, раз он так и был в депрессии... – выдохнула, с грустью, Астрид.

– Не получилось, – кивнула Хельга Ивановна.

– А насчёт аукциона. Там были какие-то подозрительные люди? Или люди из Братства? – осведомилась Даша, строя какие-то логические цепочки у себя в голове.

– Корней Мстиславович был на этом аукционе! – сказала женщина-сова. – он внимательно рассматривал товар и даже кое-что приобрёл.

– Что? – насторожилась Астрид.

– Я не помню! – сожалеюще вздохнула Хельга Ивановна. – Но кто знает, может всё то, что он приобрёл – доставили в место, где собирается Братство, предполагая, что что-то из этого может являться ценным артефактом или даже Ниферио-Ритио.

– Но... если Черновы вновь здесь и им интересен перстень Дориана Альбертовича, можно побиться об заклад, что ни один из предметов, приобретённых Корнеем на аукционе – не являлся тем, что ищет Братство! – сделала вывод Даша.

– Верно, – осмыслила Астрид. – И всё-таки... я уверена, что в убийстве бабушки замешены именно Черновы. Они ведь не могли просто так взять и содрать кольцо с его пальца! Да ещё и при этом вырыть его могилу!.. Это безумие!

– Но, а убивать... зачем? – не понимала Даша. – Можно было бы просто лишить человека сознания и украсть кольцо. Зачем им лишние жертвы? Зачем им ставить на уши всю вашу семью?

– Ты права. У них мог быть ещё какой-то мотив. Ну а свалить всё на ни в чём не повинную Эмму – это типично. Такие люди не пачкают свои белые руки кровью! – констатировала факт Астрид. – Они всегда либо подставляют кого-то, либо же обращаются за помощью к третьему! Но завещание... – тут же осеклась она. – завещание нотариально заверено тем нотариусом, что был доверенным у моей семьи и хорошо её знал... Выходит, бабушка сам переписал на Эмму всё имущество? Но как ей удалось этого добиться? Я ничего не понимаю! Голова идёт кругом! Столько вопросов!! – суетилась Астрид.

– А если это вообще не Черновы? – оборвав ход мыслей подруги, предположила Даша.

– Если мы на минутку отойдём от Черновых... – рассуждала женщина-сова. – Даша натолкнула меня на одну мысль... есть один тип... хозяин бара в центре Южного А-Ваена. Зовут, кажется... Алишер. Они с Дорианом Альбертовичем когда-то были хорошими друзьями и часто играли в покер на деньги. И какая-то у них была ссора на фоне тех денег, которые этот Алишер проиграл Дориану. Сумма была большая и такой, кажется, у него не водилось. Тогда Алишер нанял каких-то двух парней, и они взломали Особняк Ветра, вынеся оттуда много ценных вещей, когда никого не было дома... не знаю, что произошло дальше... но почему-то мне кажется, что этот человек вполне мог мстить! – строила нехитрые догадки Хельга Ивановна.

– Как давно это было? Я не помню! – спросила Астрид, не переставая удивляться тому, насколько история её семьи была и остаётся богатой на насыщенные события.

– Лет пять-шесть назад, – ответила женщина.

– Думаешь, спустя столько лет?.. – подняла одну бровь Астрид. – Хотя...

– Не знаю. Это просто предположение.

– Вы знаете, где именно этот бар? – поинтересовалась Даша.

– Да.

– Может стоит приехать туда завтра, встретиться с этим хозяином и поговорить? – предложила Астрид.

– Проверить, убийца он или нет? – уточнила Серова.

Астрид кивнула.

– Чтобы исключить Алишера из списка подозреваемых, – одобрила Хельга Ивановна. – но мы не должны сводить взгляд с Никиты и Корнея.

– Верно. А то полиция как-то подозрительно быстро успокоилась! – с недоверием кивнула Астрид.

– Ну, а сейчас мне нужно будет улететь к себе: чем дальше магическая энергия, тем труднее её почувствовать! Завтра мы встретимся и втроём поедem в Южный А-Ваен – на встречу с этим хозяином бара. Если, конечно, он всё ещё хозяин этого бара... – скривилась женщина-сова. – Ну что ж, наверное, теперь, моя душа, хоть и не в целом, но спокойна. Я должна была поделиться этим с вами.

– Я, если честно, с самого своего приезда стала думать, что Черновы очень странные и скрытные люди! Мы говорили об этом с Дашей недавно. Я рассказала ей о своих подозрениях, и мы хотели проверить их, но не знали, с чего начать! – призналась Астрид. – Ты и вправду вовремя, бабушка! – она слегка

улыбнулась. Слегка, потому что осознавала, сколько ещё загадок и интриг им предстоит распутать и разгадать.

– Может, это прозвучит странно, но нам нужно спасти наши города от зверств и безрассудства Братства! – сказала Хельга Ивановна. – А теперь, ложитесь спать! Завтрашний день обещает быть непростым! – она улыбнулась и кашлянула. – Приходите завтра ко мне домой. Мы поедем оттуда! – сказала женщина и стала открывать окно.

Подруги кивнули, и Хельга Ивановна снова на их глазах рассыпалась грудой перьев. Обернувшись прекрасной совой, и, сверкнув на прощание глазами-фонарями, женщина вылетела в окно, навстречу осенней луне и звёздам.

Подруги всё ещё не могли до конца переварить то, что сегодня узнали. Они долго смотрели в след летящей над особняками Северного А-Ваена сове, пока она не превратилась в едва заметную точку, которую потом забрала в свои объятия темнота ночи. Снег выпал ещё сильнее, одев мрачные дома со шпильями и коньками на крышах в белые пуховые шапки.

Северный А-Ваен спал, потому что не в одном доме, которые могли видеть Астрид и Даша из окна, не включался свет.

Глава XX ВОДОЛЕЙ

Неудивительно было подумать, что Астрид с Дашей не сомкнули глаз до рассвета. Усталость и сонливость, конечно, давали о себе знать, но были ничем, по сравнению с тем потрясением, которое им пришлось пережить ночью. Подруги не раз пытались уснуть, однако нервное возбуждение сделать этого не позволяло. Сон просто не шёл. Глаза открывались сами собой.

Прилёт Хельги Ивановны в облике совы, буквально, разделил жизнь девушек на до и после. И в этом «до» они читали о людях, способных превращаться в птиц, только на страницах фантастических книг. Сейчас их сознание искренне пыталось найти хоть какие-то логические соответствия и навести порядок в осмыслении происходящего, но факт о бабушке-сове и о секте Братство Полной Луны никак не поддавались рациональности. Такие вещи под призмой этой самой рациональности рассматривать просто было нельзя.

Наступало раннее октябрьское утро. Вероника Дориановна уснула только пару часов назад, но спала всё равно так беспокойно, что решила лучше спуститься вниз на кухню и отвлечь себя от тяжёлых мыслей приготовлением бодрящего и ароматного кофе. Она забрала свои белоснежные волосы в конский хвост на затылке, надела бледно-сиреневый шёлковый халат и пошла по лестнице вниз.

Погода за окном ещё сильнее вгоняла в апатию: непроглядный туман, словно сборище приведений, стелился за окном. Были видны только шпили высоких особняков и макушки елей. Тяжёлые часы с маятником, стоящие на полу в Коридоре Сумерек, показывали восемь часов тридцать минут утра. Особняк Ветра казался хмурым и спящим, дышащим морозным утренним ветром при помощи изредка покачивающихся штор. Такое апатичное чувство возникло бы, кажется, в любом из домов Се-

верного А-Ваена. Старинные особняки могли быть весёлыми и сияющими только если в них кипела яркая и пёстрая жизнь их обитателей.

Сварив себе крепкий сладкий напиток, Вероника Дориановна, вздохнув, присела на один из стульев, ощутив, как ни странно, что вместе с воздухом, что она выдохнула, исчезло и большинство тяжёлых мыслей, оставшихся со вчерашнего неприятного известия. Женщина чувствовала себя значительно лучше: эмоции в ней утихали, сменяясь рациональностью: всё-таки, если подумать, ничего же не изменилось, когда она, взрослая женщина, узнала, что её отец – на самом деле не тот человек, кого она им называла. Но разве она выбирала себе отца и человека, кто выполнял его роль? Неважно ведь, кто твой биологический отец, когда тот, кто выполнял его роль, был с тобой во все важные моменты твоей жизни. Она знала, что её дочерняя любовь была отдана лишь одному мужчине. А барон Марсель Сергеевич Матвиенко, каким бы уважаемым и серьёзным человеком не был – всегда будет для неё другом семьи, и, если угодно, мужем матери.

Что насчёт его свадьбы с Катериной Мстиславовной? Если они и вправду не раздумают жениться в ближайшее время, то пускай будут счастливы. Вероника Дориановна, как любящая дочь, не могла позволить себе разрушить радость матери.

Никита и Корней Мстиславович тоже спали достаточно плохо. Как и почти все в эту ночь, по разным причинам. Часа примерно в два или три за полночь, Никита проснулся в холодном поту от того, что ему вдруг почудилась непосредственная близость Ниферио-Ритио, но потом она резко перестала его мучать и в итоге пропала совсем, дав Чернову ещё немного поспать. В полусне ему не хотелось бежать куда-то. Конечно, ис-

пугавшись, он разбудил отца, но тот выругался, и, не дав сыну более ничего сказать, перевернулся на другой бок и уснул опять. Потом Никита просыпался от воспоминаний об этом моменте и во сне этот момент будто бы повторялся несколько раз, выдавая себя не за сон, а за явь – это были игры его сознания, которым удалось утомить его. Всё больше в сознании Никиты Чернова вырисовывалась, странным образом, причастность Астрид ко всей этой истории с Ниферио-Ритио. Сначала Корней Мстиславович отрицал данную догадку сына и смеялся над ним, но вскоре тоже стал настороженно смотреть в сторону Астрид, поняв, что не стоит недооценивать внучку Зейлера.

Когда уже рассвело, Никита вновь начал разговор с отцом о кольце, подстрекая его нагрязнуть в комнату Астрид. Он чувствовал очень сильную эмоциональную зависимость от реакций и слов графа: это проявлялось каким-то внутрентелесным зудом, который, мало того, что был похож на движения роя каких-то насекомых внутри тела, так ещё и этот зуд невозможно было как-то унять. Фантомные насекомые двигали там своими незримыми лапками, щекоча стенки внутренних органов Черновамладшего. Конечно, ему невероятно противно и гадко было испытывать это ужасное ощущение, вызванное такой болезненной зависимостью от отца, но эта зависимость вместе с этим была для Никиты чем-то незаменимым. Она была тем, что подогревало его поступки, давало уверенность для тех слов, что будут сказаны в будущем и действий, что будут выполнены тогда же. Никита, вроде бы и понимал, что одобрения графа Чернова – не мера, которой целесообразно на протяжении всей жизни определять, что нужно делать, а чего лучше избежать, но на этом понимании всё и заканчивалось: из такой болезненной и раздражающей зависимости он выхода не искал. Не потому что не знал, в каком направлении двигаться, а потому что, изначально

не желал сепарироваться от своего отца, обладавшего поистине диктаторским и властным характером.

Граф Чернов считал Никиту чем-то, что вечно должно подвергаться «очистке», чем-то изначально грязным и дефектным. Разумеется, Никита не был похож на человека, которому нужна любовь, однако каждому нужна любовь. Просто мы в разной степени даём понять это. И Никита тоже желал этой отцовской любви, но поскольку граф Чернов не проявлял её практически никак, сыну ничего не оставалось, как искать любовь отца в той вечной ругани и унижениях, которые, полагал Никита, нужны для того, чтобы превратить его из гадкого утёнка (каким сына считал граф Чернов) в прекрасного чёрного лебедя. Как на логотипе одноимённого салона дизайнерского платья Минервы Мстиславовны.

– Я уверен, отец, – сказал Никита Корнею Мстиславовичу. – сегодня ночью я чувствовал: кольцо возвращалось! – нервно проговаривал он.

– А не значит ли это, что кольцо просто никуда не исчезало? – поинтересовался граф, надменно подняв одну бровь.

– Нет! Сейчас я снова не чувствую его! Я уверен, что бы это ни было, тут замешена девчонка! Это она его стащила, потом вернула назад, а потом снова куда-то дела! Она играет с нами!

– Ты мог бы проверить это, но почему-то не проверяешь, – пожал плечами Корней Мстиславович. – Только не забывай, что Братство теряет к тебе доверие так же медленно, но верно, как падает одна песчинка за другой. И всё это происходит, пока ты занимаешься ерундой! – строго предупредил граф, взяв со стеллажа Теневой Спальни массивные песочные часы. Никита задумался, но потом ответил:

– Братство не станет сомневаться во мне! Они будут ждать столько времени, сколько мне будет нужно! Я чувствую кольцо,

отец, и знаю, что именно оно – тот самый предмет, что мы ищем! И я выведу девчонку на чистую воду, дай мне только время! – твердил Никита с азартом.

– Если бы не Ристаль, ты бы вообще ничего не чувствовал! – гаркнул граф. Он знал, как приструнить сына.

– Всё не так... – тихо сказал Никита, исподлобья глядя на отца взглядом подраненного животного.

– Всё так, – опровергнул граф, заставив сына вновь запеть гнев внутри себя.

Катерина Мстиславовна Зейлер, увидев, что дочь уже в Обеденном Зале, предвосхитив дружественный разговор, подошла к ней и обняла. Вероника Дориановна не сразу заметила мать, ибо была погружена в собственные раздумья.

– Доброе утро, доченька! – запела своим привычным голосом графиня Зейлер.

– Доброе утро, мам, – кивнула ей дочь.

– Ты... ты давно уже проснулась? – спросила очень аккуратно графиня, виновато улыбаясь.

– Нет, недавно, – ответила Вероника и снова замолчала, продолжая медленно потягивать уже остывший кофе, смотря в одну точку, потому что всё же перегруженный мыслями и рассуждениями мозг не давал её взгляду стать осмысленным.

– Милая... – начала опять Катерина Мстиславовна. – Ты ведь больше не злишься на меня? На меня... на нас с Марселем? – она поспешила поправить саму себя.

– Нет, я не злюсь, – процедила Вероника Дориановна, шумно вздохнув. Катерина Мстиславовна, хоть и слышала в этом, пассивно-агрессивном вздохе, что у неё всё ещё есть неприятный осадок от вчерашнего разговора, закрыла на это глаза и решила не акцентировать на интонации голоса дочери своё внимание. Она знала, что Вероника помирится с данным фактом

– у неё ещё много времени для того чтобы это как следует осознать. Однако, безусловно, графиня Зейлер продолжала чувствовать в нынешнем состоянии Вероники Дориановны свою вину. – Пусть всё будет так, как ты считаешь нужным, мам, – добавила Вероника и устало улыбнулась, сделав последний глоток кофе. Женщина думала, что если мать спешит быть счастливой – то пускай будет уже сейчас, если чувствует, что готова к счастью. Скоро обида улетучится. – Я поддержу тебя, ведь я всё-таки твоя дочь, – и на этих словах женщины обнялись.

– Я так счастлива, что ты у меня выросла такая добрая, чуткая и понимающая, Вероничка! – воскликнула графиня Зейлер. Её глаза заблестели от слёз счастья.

Диалог женщин закончился чаепитием с клубничными кексами, которые Маргарита только что достала из духовки и поставила на стол.

Позже, в Обеденный Зал спустился барон Матвиенко в своём белом махровом халате. Он, видимо, почувствовал, что атмосфера здесь не такая уж напряжённая, а даже наоборот, и поэтому натянул на лицо свою голливудскую улыбку и пожелал невесте и дочери доброго утра.

– Доброе утро, Марсель Сергеевич! – улыбнулась Вероника Дориановна. Она совершенно поменялась в лице, решив не впутывать в остатки своей обиды мать и её нового избранника.

– Моя дорогая! – вздохнул барон. – Надеюсь, я всё-таки дождусь момента, когда ты назовёшь меня папой!

– Марсель, ну не торопи ты её, господи! – бросила Катерина Мстиславовна, ткнув барона Матвиенко локтем в бок.

Вероника Дориановна обратила недовольный взгляд на мужчину и стала молчать. Ей вовсе не хотелось сейчас ругаться, но в очередной раз барон Матвиенко сыграл на её чувствах. Назвать его папой? Он ведь совершенно не был близок ей, чтобы она вдруг стала так к нему обращаться! И, наверное, любой ра-

зумный человек понял бы, что называть так чужого человека, спустя короткий промежуток времени с момента смерти того, кого ты любила дочерней любовью – просто беспардонно! Марсель Сергеевич не был похож на слабоумного или одержимого, однако вот эта фраза вновь была брошена им без предварительного осмысления.

Вероника Дориановна считала, считает и будет считать своим отцом Дориана Альбертовича. Женщина изо всех сил пыталась прятать подальше в себя свои негативные чувства к торопливости Марселя Сергеевича, потому что не желала становиться причиной конфликтов и разладов барона Матвиенко и графини Зейлер, и поэтому сейчас, собрав волю в кулак, процедила:

– Приятного аппетита.

И поспешно удалилась к себе наверх.

На этот раз она решила съездить в свой золотой магазин потому что со всеми своими делами совершенно не находила времени чтобы посетить его, как это полагается своевременно делать начальству. Женщине хотелось отвлечься, направить свою энергию в работу. Вероника Дориановна поспешно сделала макияж, надела кремового цвета брючный костюм, накинула на себя алое драповое пальто, наскоро расчесала волосы перед большим зеркалом в прихожей и, выскочив во двор, запрыгнула в свой красный автомобиль, направившись в Южный А-Ваен.

– Она привыкнет, – провожая дочь взглядом из окна, кивнул, спокойно Марсель Сергеевич, держа в руке клубничный кекс. Как только женщина скрылась за поворотом, он отпустил штору.

– Ты слишком быстро пытаешься установить с ней родственные отношения, Марсель! – заметила Катерина Мстиславовна. – И ей это не очень нравится, ты же видишь!

– О, моя милая Катерина Мстиславовна, много ты понимаешь! – улыбнулся барон Матвиенко. – У нашей дочери просто не было подросткового бунта, а я даю ей возможность наверстать упущенное, ведь бунт – неизбежная стадия взросления любого из нас! – он откусил кусочек кекса.

– Может ты и прав, – вздохнув, кивнула графиня Зейлер, хотя в глубине души она не была согласна с женихом.

– Конечно прав! Она сейчас переживает те эмоции, что не пережила, когда была подростком! Катя, радуйся! – вещал барон. – Наша дочь наконец-то выработает в себе сильный характер!

– погоди, ты считаешь Веронику слабохарактерной? – тут уже женщина не могла сдержать своего возмущения.

– Ну вот опять ты слышишь только то, что хочешь! – всплеснул руками мужчина. – Она просто... мягкотелая! – чуть заметно скривился мужчина.

Катерина Мстиславовна задумалась и предпочла промолчать.

С минуты на минуту в Обеденный Зал спустились Астрид и Даша. Они не стали задерживаться здесь на завтрак: Астрид просто хотела предупредить бабушку о том, что сейчас они отправятся в гости к Хельге Ивановне и свиснуть со стола пару кексов, чтобы съесть их на пару с подружкой в сухомятку в дороге.

Вскоре, Маргарита закрыла за девушками входную дверь. Это, кстати, были идеальные время и возможность для того, чтобы Никита смог проникнуть в комнату Астрид, однако делать он этого не стал – энергия Ниферио-Ритио перестала быть им ощутима ещё ночью и более так ярко не проявлялась. Это и заставляло Чернова-младшего снова ничего не предпринимать – он был уверен, что предмет из дома Зейлеров исчез.

Астрид и Даша шли по направлению к дому женщины-совы по осенним улочкам мрачно-любимого Северного А-Ваена, затерявшегося в конце редющего Северолесья, что отделяло друг от друга два таких разных города. Дул неприятный пронизывающий ветер. Прохожие кутались в свои яркие шарфы или поднимали тёмные воротники пальто. Над городом серой тяжестью нависало небо.

Немного времени спустя, девушки дошли до дома Хельги Ивановны. Этот дом был выполнен из тёмного кирпича, и, создавая образ каких-то стражей или суровых охранников, рядом с ним росли две старых чёрных липы, листья с которых облетели, обнажив древесный скелет. Здесь же ранней осенью находились разросшиеся тыквенные плети – Хельга Ивановна разводила в своём дворе множество видов растений семейства тыквенных – они, словно оранжевые фонари, просто изумительно смотрелись на фоне мрачного двора. Изнутри окна дома были завешены бардовыми плотными шторами с каким-то чёрным узором. Рядом с забором, обрамлявшим маленький двор, стоял тёмно-зелёный ретро-автомобиль, любимец Хельги Ивановны, на котором она и передвигалась.

Астрид часто гостила у бабушки, когда ходила в школу, но с переездом в общежитие при колледже это стало невозможным. Она была рада вернуться в знакомое место.

Девушки поднялись по небольшой скрипучей деревянной лесенке, которой давно требовался ремонт и позвонили в дверь, в которую было вставлено плотное расписное стекло – фиолетово-зелёно-красный витраж.

– А, это вы! – Хельга Ивановна радостно открыла девушкам дверь и из темноты маленького коридорчика сверкнули её глаза. – Проходите пока что в комнату, а я скоро закончу с работой! – девушки не успели ничего ответить женщине, потому что

она поспешно юркнула в темноту: в подвал, еле-заметная лесенка в который, тоже чудом здесь умещалась. Этот подвал был «кабинетом», в котором работала Хельга Ивановна.

– Ну и темень, – поёжилась Даша, осматриваясь по сторонам. На фоне этого поистине мрачного помещения, Серова, с её разноцветным шарфом, яркой шапкой и жёлтым пальто, выглядела, как маленький светлячок. Астрид, кстати, была одета в серую куртку – она не была любительницей броской одежды.

Маленькая прихожая с винтажным зеркалацем, вешалкой для верхней одежды и небольшим столиком, на котором было наложено множество разных украшений и побрякушек на любой вкус, переходила в кухню, рядом с которой находилась гостиная. Дверь в этом доме была только в уборную. Где-то в уголке располагалась ещё одна маленькая лесенка, но ведущая уже на второй этаж, где была спальня женщины-совы. Дом внутри был невероятно маленьким: здесь было натолкано всё, что только можно было себе вообразить – этакая чёрная дыра, будто бы, сосредоточившая в себе все потерянные вещи горожан.

Здесь были маленькие тумбочки, месяцами не выбивавшиеся настенные гобелены-пылесборники, комоды для кухонной утвари и платяной шкаф. Где-то здесь, создавая тепло и уют, ютился малюсенький камин, с трещащими в нём щепками. В углу комнаты обращал на себя внимание своим шипением старый патефон, бормочащий голосами двух мужчин какую-то простую американскую песенку конца тридцатых годов. Рядом с камином стоял бархатный красный диван, устеленный разноцветным и невероятно тёплым вязанным одеялом. Освещала комнатку и кухню маленькая тёмная люстра, а также напольный бардовый торшер. Здесь же были прибитые к стене книжные полки, ломившиеся от старых книг с потёртыми корешками, немало старых фотографий, а на ещё одном малюсеньком столи-

ке находилась тарелка с крошками от черничных пирожных – сегодняшнего завтрака Хельги Ивановны. Всё в этом домике – и ковры, и мебель, и пол – намертво пропахло огромным количеством видов варенья, которое варила каждую осень Хельга Ивановна из всего, из чего только его можно было варить. Тут же, заботливо собранные в аккуратные пучки ещё летом и отбрасывающие свои причудливые запахи, словно тени, сушились травы Северолесья для того чтобы можно было зимой заваривать из них ароматный и целебный чай.

– Ну да, здесь мрачновато, – соглашалась Астрид. – Но так уютно! – с любовью произнесла девушка.

– Не поспоришь, – кивнула подруга. – Дом такой маленький по сравнению с твоим.

– Сравнила! – хохотнула Астрид.

– А что там твоя бабушка? – поинтересовалась Серова.

– Видимо, у неё клиенты, – сказала Астрид, пожав плечами.

– Клиенты? – подняла одну бровь подруга.

– Да. Она делает всяческие расклады на Таро, немного занимается хиромантией... в общем, шаманит, – посмеялась девушка. – Но, как мне всегда казалось, это не столь магическая работа, сколько просто психологическая, – шепнула она подруге.

– Ничего себе! – воскликнула потрясённая Серова. – А клиенты твоей бабушки знают, что она сова?

– Да тише ты! – прикрикнула Астрид, поспешно приставив палец ко рту. – Конечно не знают, я уверена!

Вскоре, маленькая лесенка, ведущая в подвал, стала поскрипывать под тяжестью шагов. Хельга Ивановна закончила свой сеанс и девушки, наконец, увидели её клиентку: это была женщина средних лет, печально-бледная, кутавшаяся в невзрачно-коричневую, и наверняка, колючую шаль. Её лоб был покрыт глубокими морщинами – она была явно чересчур напряжена и

не уставала благодарить тихим шёпотом Хельгу Ивановну, часто произнося её имя с каким-то тяжёлым вздохом. Женщина-сова только кивала ей вслед, а проводя до двери, поспешно её за клиенткой закрыла.

– Ну а теперь можно ехать! – бабушка Астрид развернулась к девушкам, и, ободряюще вздохнув, стала снимать со своих тонких рук бархатные длинные чёрные перчатки. Затем она кинула их на стоящий здесь столик с украшениями и подправила волосы, посмотревшись в зеркало.

– Я вчера упустила эту деталь и не рассказала вам, но тот, к кому мы направляемся, был довольно частым гостем в вашем доме.

– Но, а если, всё-таки, это не он убил графа? – спросила Даша. – Тогда мы просто потеряем время!

– Он... не он... – протянула Хельга Ивановна, сосредоточившись на вдевании в волосы старой и наполовину сломанной заколки с в форме, что было символично, совы. – Мы всё равно должны будем поговорить с человеком, что когда-то был другом Дориана Альбертовича.

– И дальше продолжим следить за Никитой и Корнеем, – продолжила фразу Астрид.

– Разумеется, – подтвердила женщина-сова. Никак не уходило из их голов подозрение Черновых. Надев своё пальто, она позвала девушек во двор. Хельга Ивановна села за руль своего прекрасного ретро-автомобиля, включив джазовую мелодию на хриплой магнитоле. Подруги разместились на заднем сиденье.

Когда они доехали до Южного А-Ваена, машинка Хельги Ивановны припарковалась рядом с тем самым баром, хозяина которого звали Алишером. Бар назывался «Водолей» и вывеску над входом в заведение, в темноте вечерних сумерек нельзя было не заметить. Она, как и множество других вывесок, привлекала внимание любителей азарта и алкоголя. На ней ярко-

голубым неоном светилось название, а рядом с названием весело подмигивал знак водолея. Тот, что рисуется рядом с астрологическим прогнозом для его представителей. Всё панно было окружено множеством ярких диодов, переливающихся на любой лад.

Южный А-Ваен зажигал множество своих огней. В Северном А-Ваене такого не увидишь! Из «Водолея» доносилась громкая музыка, а когда приехавшие зашли внутрь, увидели яркую барную стойку и множество танцующих людей – здесь было просто не протолкнуться! Хельга Ивановна, словно освещая путь своими глазами-фонарями, направилась вместе с девушками к барной стойке, дабы поговорить с барменом. Молодой парень поспешно наливал разные коктейли людям, пришедшим к барной стойке за ними. Хельга Ивановна протиснулась между двумя сидящими за стойкой дамами в блестящих нарядах.

– Добрый вечер, – поздоровалась она так громко, как обычно приходится разговаривать в таких заведениях, перекрикивая музыку. Бармен только повернулся, и его будто бы ударило током при взгляде на появившуюся женщину с суровым, да ещё и плюс к этому, светящимся взглядом. Девушки, сидящие здесь же, оглядывали женщину с подобным недоверием.

– Здравствуйте, – кивнул бармен. – Чем я могу помочь? – он старался не подавать виду, что испуган.

– Мне нужно поговорить с вашим начальством, – не меняя серьёзного выражения лица, сказала Хельга Ивановна.

– С Алишером Владимировичем? – замялся парнишка, и его лицо стало наливать краской, потому что он, почему-то, вдруг представил, что будто из неоткуда появившаяся женщина, требующая разговора с начальником – жаждущая разборки родительница какой-нибудь семнадцатилетней девчонки, что пришла домой на двадцать минут позже обещанного.

– Да, – кивнула женщина. – Он сейчас на месте?

– Ну да, он у себя, – сказал парень. – Пойдёмте, – и он, выйдя из-за барной стойки, повёл Хельгу Ивановну в компании Астрид и Даши в кабинет того самого Алишера. Преодолев небольшой, плохо освещаемый коридор, бармен постучался в тёмную, деревянную дверь. Через минуту из комнаты вышел тот, кого хотели видеть посетители: коротко остриженные волосы с проседью; надменный взгляд; нос с множеством лопнувших сосудов; лицо, слегка покрытое рубцами от юношеских высыпаний и уже давно заживший небольшой шрам на щеке. Алишер был одет в тёмно-красный костюм с чёрной водолазкой под пиджаком. На шее у него висела крупная серебряная цепь, а между зубов вульгарно умещалась зубочистка. Вместе с Алишером вышел, видимо, его охранник – лысый амбал с мясистым, лоснящимся лицом, одетый в чёрный костюм с фиолетовым галстуком. Девушки передёрнулись – не слишком ли много было огромных мужиков на всего лишь девочек-подростков и пожилую женщину?

Хозяин «Водолея» с недоверием осмотрел своих посетителей, будто уже ненавидя их за его потраченное драгоценное время.

– У вас пара минут. Чем обязан? – протянул он басом и прищурил усталые глаза, что выдавали, определённо то, что он давно не высыпался. – Иди работай, – бросил он бармену. Тот убежал.

– Дело в том, Алишер Владимирович, что Вашего друга, Дориана Альбертовича Зейлера, не стало несколько дней назад. – начала говорить Хельга Ивановна, взявшая разговор на себя, потому что Астрид с Дашей говорить не решались. Алишер Владимирович удивился, выпучил глаза и кивком головы предложил женщине продолжить говорить уже в его кабинете, однако поскольку здесь, в коридоре никого не было, Хельга Иванов-

на предпочла говорить в коридоре. Девушкам тоже не хотелось никуда уходить. – Несколько дней назад он был отравлен.

– Чёрт возьми, и вы считаете, что это я? Да мы не общались лет десять! – грустно усмехнулся владелец, вынув зубочистку из зубов кривыми и неаккуратными пальцами. – Если бы я захотел убить, я бы сделал это по-другому. – он показал посетителям висящую у него на ремне кобуру с пистолетом. – Отравление – это женский способ убийства, – с насмешкой сказал он.

– Ещё нам известно то, – всё же начала говорить Астрид, – что у вас с Дорианом Альбертовичем был конфликт, кажется, на почве игры в покер. Вы были должны ему большие деньги, и поэтому послали двух воришек обокрасть его дом, – сказала девушка, хотя говорить с этим типом ей было очень страшно.

Алишер шумно вздохнул.

– Да, такое было. И было ДАВНО, – выделив последнее слово, произнёс хозяин «Водолея». – У меня ещё не было «Водолея», я был простым мелким торгашом, а долг возвращать было нужно. Нашлись люди, которые мне в этом помогли.

– Могли бы Вы поподробнее об этом рассказать? – вмешалась Даша.

– Мне, конечно, не в падлу, но девчонки, зачем вам всё это? – усмехнулся вновь мужчина бандитской внешности.

– Мы родственники Дориана Альбертовича Зейлера, – сказала Хельга Ивановна. – Я – мать мужа его дочери, а это – его внуки, – соврала женщина-сова.

– А, ну тогда понятно, чего вы удумали ворошить прошлое, – кивнул он. – Ну, что было то? Мы с Дорианом часто играли в покер на деньги. Мне всегда везло, а потом, однажды, я, войдя в кураж, проиграл ему довольно большие бабки. Такие, которые тогда мог видеть только во сне. Я, как и кто угодно в такой ситуации, конечно, подогнался, и видел только один способ заполнить деньги – украсть. У кого? Долго думать не пришлось. У

Дориана огромный дом, он и не заметит пропажи каких-нибудь цапек или ещё чего. И я приказал сделать это двум подросткам – они ещё тогда были мелкими школьниками и им был интересен любой заработок. Вломились в дом Дориана. Вынесли пару брюликов. Принесли мне – я продал. Но кража была учинена ими совершенно не профессионально! – скривился мужчина, будто знал, как правильно её совершать. (хотя по нему можно было смело сказать, что да.) – Поэтому, Дориан, конечно, обо всём догадался, и их быстро поймали менты. Украшения, которые они вынесли, Дориану вернуть не удалось. (Почему же?) – он ядовито улыбнулся. – Когда всё утихло и я возвращал ему долг, мне удалось придумать одну слезливую историю про то, где и как я достал деньги. Мы продолжили общаться, играть и это дело забыли. А ребята сели.

– И где сейчас эти парни? – спросила Астрид.

– Аскольд, я знаю точно, работает в супермаркете неподалёку, – сказал Алишер и показал влево зубочисткой. – А второй, кажется, кони двинул прямо в тюрьме.

Девушки вздрогнули.

– Что за супермаркет? – поинтересовалась Хельга Ивановна.

– «Красная долина», – бросил владелец. – Слушайте, вам серьёзно всё это интересно? Мой вам совет: ищите женщину! Его отравила женщина! Жен-щи-на! – и он повернулся к присутствующим спиной и повернул ручку двери своего кабинета. – Всё, беседа закончена, – твёрдо сказал он. – Олег, проводи их, – приказал он охраннику, что неподвижной и молчаливой стеной стоял рядом.

– Нет-нет, спасибо, мы дойдём сами, – отказалась Хельга Ивановна, и они с девушками поспешно вышли из служебного коридора, а затем и из бара. Олегу не пришлось их провожать.

– Жуткое местечко, – сказала Астрид, передёрнувшись.

– Вот-вот, – кивнула Даша. – Этот Алишер походит на какого-то бандита, что крышует район.

Астрид согласилась.

– И что, мы теперь едем искать того парня из «Красной долины»? – спросила она у бабушки, глаза которой светились в вечерних сумерках.

– Ну да, – отозвалась женщина-сова. – Отравил Дориана Альбертовича точно не Алишер. А если он ещё и сказал правду про этого Аскольда, то его вообще нечего подозревать.

Проехав пару кварталов, Хельга Ивановна завернула к магазину. Её машина подъехала к месту, где располагался служебный вход в супермаркет. Рядом с этим входом стоял парнишка лет двадцати четырёх, в расстёгнутой серой куртке, через которую можно было заметить жилетку, что носили сотрудники торгового зала, и курил, ёжась от неприятного холода. Женщина и девушки вышли из машины, и направились прямо к парню.

– Может быть, это тот, кого мы ищем? – предположила Хельга Ивановна.

– Ты уверена? – переспросила внучка.

– Нет. Мне всего лишь показалось. Я могу ошибаться.

– Добрый вечер, – поздоровалась Даша. – А Вас случайно зовут не Аскольд?

Парень устремил на пришедших слегка недоумённый взгляд. Его давно не стриженные русые волосы перебирал сильный ветер, и из-за этого на голове было чёрте что. Парень шурился от пронизывающего ветра и горького дыма.

– Ну да, Аскольд, – потушив сигарету об стену супермаркета, пожал плечами молодой человек и поправил растрепавшиеся во все стороны патлы, оголив лоб, немного покрытый высыпаниями. – А что?

– Дело вот в чём, Аскольд. Нам нужно с тобой поговорить, – продолжила Астрид.

– По поводу? – недоумевал он и его серые глаза от этого недоумения, делались будто бы, ещё больше, чем были, а широкие и тёмные брови лезли прямо на лоб.

– Мы хотели спросить о том, заявлялся ли ты ещё раз в Особняк Ветра в Северном А-Ваене, когда отсидел срок? – бесцеремонно бросила Серова.

– Даша! – крикнула на неё Астрид, которой хотелось говорить с парнем как можно более ненавязчиво. – Простите, пожалуйста, – извинилась она.

– Больные какие-то, – плюнул под ноги парень и принялся уходить, но его остановила Хельга Ивановна.

– Аскольд! – звонко произнесла она. – Нам очень нужно поговорить с тобой. Это дело крайней важности!

– И зачем мне вам отвечать? – повернувшись, прищурился он.

– Я – внучка графа Зейлера, что жил в Особняке Ветра. Меня зовут Астрид. Это моя бабушка, Хельга Ивановна и моя подруга, Даша, – произнесла девушка. Аскольд отошёл от двери.

– Ну и откуда вы такие? – всё ещё с недоверием спрашивал он, смотря и смотря на женщину со странным и неестественным цветом глаз.

– От Алишера, – кивнула Даша. – Это он тебя нам сдал!

Аскольд выпучил глаза от удивления.

– Чёрт, я думал, что забыл это имя навсегда.

– Извини, но нам нужно узнать, что произошло в тот день, когда вы с приятелем вломились в Особняк, – мягко сказала Астрид. – Дело в том, что хозяина не стало несколько дней назад и нам нужно удостовериться в том, что...

– ...В том, что это не я его прикончил что ли? – спросил Аскольд.

– Ну да, – кивнула Астрид.

– Это не я. Всё, – и он снова приоткрыл дверь.

– Пожалуйста, парень! – вновь хрипло попросила Хельга Ивановна. – Расскажи, что было в тот день. Это очень важно.

Аскольд раздражённо выдохнул.

– Блин, ну как вам объяснить, что повторный срок на зоне отмазывать, да ещё и за убийство, я как-то, знаете, не горю желанием! – он нервно и невесело посмеялся, и снова повернулся, желая на этот раз уж точно уйти из этой странной компании. – Стойте, а... – осёкся вдруг он. – А что, хозяйина серьёзно кто-то убил?

– Очнулся! – закатив глаза, прошептала, обращаясь к Астрид, Даша.

– Подойди поближе, – позвала Хельга Ивановна, вкрадчиво прищурившись.

Аскольд с тем же недоверием подошёл.

– Хозяйина отравили, – тихо произнесла Астрид, наблюдая за реакцией Аскольда.

Аскольд удивился.

– Да уж. Сочувствую, – кивнул он. – И вы, как я понял, ищите того, кто отравил его?

– Ну да, – отозвалась Астрид.

– Но уж кому-кому, а вот мне это совсем не сдалось, – вновь стал лихорадочно отнекиваться молодой человек.

– Уверен? – подливала масла в огонь Серова, подозрительно смотря на парня.

– Я ж его в жизни не видел, а вы уже говорите, что я его убил! Да зачем мне это, блин! – распалялся Аскольд. – Я вообще всё время, что просидел в тюрьме, чувствовал нереально сильную вину перед этим человеком: лица не видел, зато дом обокрал!

– А может ты притворяешься или тебя опять Алишер подговорил? – задавала каверзные вопросы бесцеремонная Серова.

– Ой, не смейся, – передёрнулся, раздражённо, парень. – Если бы я смог вернуться в прошлое, я бы с превеликим удовольствием отказался от того, что он мне тогда предложил! – выдохнул, с досадой, Аскольд. – Тюрьма лишила меня юности, а вы тут стоите и думаете, что я сейчас вот так просто возьму и наступлю на одни и те же грабли, да? Я конечно бываю идиотом, но в пределах разумного.

– Ты всё ещё не рассказал о том дне! – настаивала Серова.

– А. О том дне... ну... с Алишером мы были знакомы давно, я тогда подворовывал в его магазинчике, будучи ещё детдомовцем... там он меня и поймал. Давал иногда приют, а потом, когда, вот, понадобилась помощь, позвал и предложил хорошую сумму. Мы с другом и пошли на дело. В Особняке тогда никого не было и всё было предельно просто. Вытащили какие-то украшения, отдали Алишеру. Он заплатил, как и обещал... а потом – суд, тюрьма и друг не выдержал, повешался прямо в камере. Будь проклят этот Алишер! – выругался парень.

– То есть с Алишером у тебя сейчас никаких связей? – допрашивала Даша.

– Да никаких, никаких! Ну чего ты так тупишь! – нервничал Аскольд. – Вот если бы вы сейчас не пришли не понятно откуда и не напомнили мне про него, я бы и думать забыл! – он передёрнулся. – Не самые, знаешь, приятные воспоминания.

– Тогда мы полностью потеряны в наших догадках, – с досадой вздохнула Астрид.

– А вы не пробовали подключить сюда полицию? – поднял одну бровь Аскольд.

– А тебе всё поди да расскажи! – прикрикнула Даша.

– Полиция уже нашла отравительницу, и она отбывает своё наказание. Однако мы уверены, что это не её личный мотив. Есть кто-то ещё. Кто-то, кто себя не показывает! – констатировала Хельга Ивановна.

– В смысле? – не понял парень. – Вы хотите сказать, что граф кому-то мешал? Хотя... это вполне очевидно, ведь у богатей, обычно, много недоброжелателей.

– Именно! Мешал! – кивнула Астрид. – Есть ещё двое подозреваемых, и видимо, все ниточки действительно идут к ним! – она посмотрела на Дашу и Хельгу Ивановну. – Всё же теперь у нас под прицелом Корней Мстиславович и Никита. И Братство, конечно. Братство Полной Луны!

– Да что это за люди? – осведомился Аскольд.

– Ну это уже конфиденциальная информация! – сказал Даша.

– Как скажете. Я могу идти? – спросил он.

– Можешь, можешь! – пропела Серова.

Однако уходить, судя по взгляду, Аскольд не хотел. Сейчас внутри него возникло очень сильное противоречие: он не понимал почему, но его вдруг завлекла эта странная история, произошедшая с графом Зейлером. Какие-то тайны, козни, интриги, ещё эта женщина со странными глазами, светящимися, словно фонари. Всё это было так маняще, так интересно и явно отличалось от дня сурка, в котором уже несколько лет жил Аскольд. Кроме того, он ощутил какое-то, будто уже давно в нём жившее, но только сейчас проснувшееся, щемящее чувство раскаяния в том, что много лет назад он согласился вынести из дома совсем не знакомого графа Зейлера какие-то вещи, для того чтобы получить за это деньги, и сейчас ему хотелось помочь этим людям. Чтобы искупить свою вину.

– А что, если... – начал он, замаявшись. – А что, если я помогу вам искать настоящего отравителя? – он надеялся, что странная компания согласится. – Перед графом Зейлером я уже вряд ли свою вину искуплю, разве что там, – он показал указательным пальцем на небо. – Но, а вам, как его родственникам, – его укоризненный взгляд упал на Дашу, что немного раздражала

его своими колкими фразами и не являлась родственницей графа. – А вам помочь я могу.

– Ну уж нет, – проскрежетала Серова, которая явно проявляла нежелание общаться с этим парнем.

– Ну... в принципе... – задумалась Астрид.

– Почему нет, – завершила Хельга Ивановна. – Надеюсь, у тебя в голове нет каких-то недобрых намерений и мы сможем тебе доверять! – строго спросила она.

– Я что, так подозрительно выгляжу? – скривился парень, закатив глаза.

– Я должна была это узнать. Ты правда хочешь нам помочь? – спросила женщина-сова.

– Правда! – взмолившись, изрёк Аскольд, уже уставший от допросов.

– Ну, хорошо! – Хельга Ивановна хлопнула его по плечу и улыбнулась. – Нам нужны такие волевые парни! Но не спеши радоваться. В этой истории есть много странного! – она вкрадчиво прищурилась. – То, чего не поймёт обычный человек. Всё, что ты узнаешь, нужно держать в строжайшем секрете.

– Ничего страшного, – кивнул Аскольд. – Я умею хранить тайны.

– Умеешь, говоришь? – переспросила женщина-сова. Аскольд смотрел в её глаза, словно загнипнотизированный. – Ну что ж, парень, я тебе верю.

– Ну так расскажите, что там такого странного и непонятного! Не терпится узнать! – он стал ещё раз осматривать необычных гостей. – Только быстрее, мне пора закрывать смену.

– Нет-нет. Быстро не получится, – сказала Астрид.

– Она права, – кивнула Хельга Ивановна. – Ты иди, закрывай свою смену, а мы будем ждать тебя в машине. Там и поговорим.

– Добро, – согласился Аскольд. – Только никуда не уезжайте! Я скоро! – он молниеносно зашёл в магазин, продолжая рассчитывать появление родственниц Дориана Альбертовича, как шанс реабилитироваться и исправиться. Аскольд стал неожиданно воодушевлён и настроился очень даже решительно.

Через обещанные несколько минут он вышел из магазина со своей сумкой и зашёл в машину Хельги Ивановны, сев на переднее сиденье.

– Ну что ж, Аскольд, – приготовилась говорить женщина-сова. – А теперь, слушай внимательно...

Глава XIX ЛУННЫЙ СЫН

За столь долгим разговором, время, разумеется, пролетело незаметно, а на улице стемнело совсем – часы показывали семь часов вечера. Аскольд внимательнейшим образом выслушал историю, что ему рассказали Хельга Ивановна и девушки. Конечно, в ней было ещё множество пробелов, и никто не знал, чем их заполнить, но Аскольду за глаза хватило этой информации чтобы сойти с ума от удивления. Женщина сова-оборотень; какой-то клуб одержимых фанатиков под названием Братство Полной Луны; Корней Мстиславович и Никита – подозрительные родственники, укравшие кольцо графа Зейлера прямо из его могилы. От услышанного, у парня просто волосы вставали дыбом! Сначала он не мог поверить в это и думал, что рассказчики сбежали из психушки и держат его за дурака. Так бы подумал любой. Но с другой стороны, где-то в самой глубине души Аскольд верил, что когда-то его жизнь круто повернётся и полностью поменяется. Наверное, этот момент настал именно сейчас.

На оставшийся вечер знакомые попрощались: Аскольд, поделившись с новой компанией номером своего телефона, ушёл домой, а вот Хельге Ивановне и девушкам нужно было ещё добираться до Северного А-Ваена. Вернулись они к восьми часам вечера. Завезя домой Дашу Серову.

В гостиной зоне Обеденного Зала Катерина Мстиславовна, Марсель Сергеевич, Вероника Дориановна, Минерва Мстиславовна, Корней Мстиславович и Никита, устроив вечер воспоминаний, сидели за семейными Зейлеровскими альбомами, обернутыми в кожаные обложки и украшенные величественными позолоченными узорами, и вспоминали добрым словом графа Дориана Альбертовича Зейлера. В зале очень вкусно пахло горячим мясом и картофельным гарниром – еда готовилась на зав-

трашний день. Маргарита хлопотала на кухне, вполголоса напевая какую-то весёлую мелодию, а рядом с сидевшими на удобных диванах родственниками потрескивал большой статный камин, создавая невероятный уют. Было тепло и душевно.

– А вот и вы! – оживилась графиня Зейлер, увидев внучку в компании Хельги Ивановны и тут же перевела взгляд на графа Чернова, который, похоже, на минуту ушёл в собственные мысли или был чем-то обеспокоен, озабочен. Женщина волновалась за брата, не раз интересуясь природой его отрешённого состояния, на что Корней Мстиславович ссылался на периодически возникающие у него головные боли. – Чего вы так поздно! Садитесь, скорее. Мы тут альбомы смотрим! – и она жестом позвала присесть пришедших. В этом жесте было что-то такое, что показывало то, что Катерина Мстиславовна будто бы боялась нарушить какую-то особенную, тонкой плёнкой нависшую над присутствующими, атмосферу этого вечера с присущей ему тишиной, в музыке которой можно было вспоминать ушедших в мир иной.

Никита лениво смотрел в пол, периодически грызя ногти. Ему было не сильно интересно, что там обсуждают родственники. Увидев же Астрид, Чернов тут же оживился, для приличия, кивнув девушке в знак приветствия, проводив её до дивана подозрительным взглядом. В голове парня будто немного оседала пыль: он чувствовал, что невероятно зол и полон энергии на то чтобы грызть зубами землю, стекло, кости и вернуть, наконец, перстень, однако в то же время отец, что как-то странно замолчал и залёг на дно, одним своим видом останавливал Никиту. Почти так же, как останавливал его не красть кольцо прямо на кладбище. Чернов-младший невероятно сильно раздражался от того, что незримые кандалы, что надел на него отец, будто бы держат его и не дают ничего сделать, если перед этим не было кивка головы старшего графа. Но от одного парень не отказы-

вался: место нахождения Ниферио-Ритио – Северный А-Ваен. Нигде в другом месте магического артефакта быть не могло. В это, кстати, граф Чернов охотно верил. А ещё Корней Мстиславович считал, что Ниферио-Ритио настолько близко, что для того чтобы взять его в руки, достаточно просто отойти на пару шагов назад.

Вероника Дориановна, кажется, решила более не обсуждать тему предстоящей свадьбы Катерины Мстиславовны, а также, разговаривать на семейные темы с Марселем Сергеевичем. Женщина ловила себя на мысли, что отныне отстранилась от этой мысли полностью. Марсель Сергеевич Матвиенко, как только она вернулась из своего магазина, стал проявлять свои хозяйские качества: заботливо напоил её травяным чаем и даже намекнул на то, что сожалеет о сказанном. Барон как по маслу вливался в беседы, журча своим голосом, точно весенний ручей, потому что являлся другом этой семьи довольно долгое время, и Вероника Дориановна сделала вывод, что такая участливость для неё очень важна: именно эта участливость заставила её закрыть глаза на то, что произошло сегодня утром. Этим вечером дочь графини Зейлер даже поймала себя на мысли, что та вспышка гнева, что заставила её сорваться и уехать в Южный А-Ваен, была совершенно абсурдной, опрометчивой, и, как назвал его позже барон Матвиенко – подростковой. Женщина теперь ближе присмотрелась к отношениям Марселя Сергеевича с её матерью: именно такого мужчину она и желала видеть рядом с ней. Да, безусловно Марсель Сергеевич – не замена дорогому отцу, однако барон Матвиенко сделал одно очень важное дело – завещание, что не понятно будучи в какой прострации написал Дориан Альбертович, Марселю Сергеевичу невесть какими усилиями, но, как утверждал сам мужчина, совершенно законно, удалось исправить: теперь наследством графа могла распоряжаться графиня Зейлер. Этот поступок говорил о многом, за-

ставляя дочь Катерины Мстиславовны возложить свои тёплые чувства к алтарю доверия барона Матвиенко.

Минерва Мстиславовна Чернова, по своему обыкновению внимавшая знакам, что иногда даёт нам жизнь, когда мы осту-паемся, сбиваясь с пути, смотрела на виднеющуюся луну, огромным жёлтым оком светившую в окна Обеденного Зала, пробираясь меж седых ресниц бровей снеговых облаков, и думала, думала, думала. Она то тяжело вздыхала, заправляя прядь своих длинных, неестественно-фиолетовых волос за ухо, а то просто смотрела в холодный глаз луны, с надеждой улыбаясь всем своим морщинистым лицом. И было ли возможно разглядеть то в её голове, что заставляло эту неясную женщину менять своё выражение лица так часто, так неуместно и так невольно? Когда речь заходила о Дориане Альбертовиче, она снова, будто бы, набрав в лёгкие воздуха, погружалась в скорбь, из которой состояла её жизнь, сделавшая графиню Чернову рыбой, плавающей в грязном, глубоком и холодном океане мрака.

– Живым – жить, – произнесла Минерва Мстиславовна в ответ на слова сестры и закурила. – Если бы можно было повернуть время вспять, мой сын, мой Константин бы сейчас смотрел на меня... – и графиня Чернова снова нырнула в свой океан, видно, не ждав совершенно никакой реакции от присутствующих. Скорбь по мужу и сыну превратила Минерву Мстиславовну в графин с льющимися через верх слезами. А потом слёзы начали высыхать, лишив женщину способности кричать и плакать. И она стала переживать скорбь так, будто это была не скорбь вовсе. – Благо, – неожиданно оживилась графиня Чернова, продолжив говорить. – Корней обеспечил ему лечение, а потом, сопроводил его в последний путь. Достоинно. И я не устану благодарить тебя за это, Корней! – она посмотрела на брата пре-

данно, словно мать-кошка, котёнка которой не утопили, а приютили.

– Я бы не позволил тебе жить рядом с этим чудовищем! – строго сказал Корней Мстиславович, ничуть не размякший от взгляда сестры и не тронутый им. Слова графа заставили Астрид и Никиту одновременно с удивлением уставиться на него. Минерва Мстиславовна кивнула молча и также молча призналась себе в том, что согласна с каждым словом старшего брата. Иногда графиня Чернова мечтала о том, чтобы вернуть сына, однако после того, как в её грёзы о Константине врывался Корней Мстиславович, сестра графа Чернова тут же начинала себя убеждать в том, что сейчас ей живётся гораздо спокойнее, а такому чудовищу, каким был её сын – действительно следовало бы оставаться мёртвым, а может быть, даже и вовсе не появляться на свет.

– Почему же Вы так настоятельно утверждаете, что Константин был чудовищем? – поинтересовался Марсель Сергеевич, сооротив совершенно неподходящую сюда, любознательную улыбку, будто речь шла не о человеке, а о научном эксперименте. Вопрос барона Матвиенко оживил память тех, кто ещё застал сына графини Черновой живым.

– О, у Константина был собственный маленький мирок, заключённый между четырьмя стенами дома, затерявшегося в Северолесье... – вздохнула женщина.

– Смутный Дом! – конкретизировала Катерина Мстиславовна, посмотрев на Марселя Сергеевича. – Дом в глуши Северолесья, – пояснила тут же графиня. – Достался Минерве от нашего дядюшки, Леонида Николаевича. Она ухаживала за беднягой, когда он остался совсем один и тот пообещал, что после смерти Смутный Дом будет принадлежать ей. Так и случилось.

– Там я обосновалась и туда привела мужа. И там у нас родилось наше Лунное Дитя.

– Лунное? – не поняла Вероника Дориановна.

– Муж называл меня своей Луной, а сына – Лунным ребёнком, – сказала Минерва Мстиславовна и замолчала, словно дав время присутствующим для того, чтобы они разглядели в этих словах такой же грустно-романтичный символизм, который вкладывала туда женщина с фиолетовыми волосами.

– И ты всё никак не поймёшь, что эти, как ты считаешь, красивые слова, символизируют только отдаление твоего мужа от тебя и ребёнка, – процедил Корней Мстиславович. – Твой муж бросил тебя с маленьким сыном, не забывай этого, пожалуйста! – будто отчитывал сестру граф.

Женщина с фиолетовыми волосами потушила сигарету и ничего не ответила. Она просто посмотрела на брата, и в её глазах читалась усталость от его то ли холодной заботы, то ли заботы горячеей, как крутой кипяток, но доходящей до строгости и проявляющейся уже по привычке – словно в память о времени, когда Минерва Мстиславовна боролась со своим отпрыском.

– Так почему Константин был так страшен? – спросила заинтересованная Астрид.

– Как Катя сказала, Смутный Дом стоял в глуши, и до Южного А-Ваена, где работал мой муж было около двух часов езды. – продолжала Минерва Мстиславовна. – Муж часто оставался в городе по работе, чтобы не ездить туда-сюда, а я проводила время с книгами. Константина нечем было заинтересовать во все. Он не читал, не занимался каким-то творчеством или спортом... не занимался ничем. Всё детство. Но когда пошёл в школу, я ликовала, будучи в радостном предвкушении того, что всё изменится. Теперь, думала я, мой сын будет, как все в его возрасте: найдёт друзей, первую любовь, но... всего этого не случилось. Шло время, а он его будто бы не ощущал! И я стала желать, чтобы его взаимодействие с людьми происходило хотя бы посредством конфликтов или драк, не важно как, но уже хоть

как-нибудь! Однако мой сын не проявлял никакой инициативы даже таким образом, и никто не налетал с кулаками на него. И я стала так страдать, что когда он засыпал, я искала на его теле хотя бы один синяк в доказательство самой себе, что мой сын хотя бы как-то взаимодействует с окружающими. Я верила, что если увижу хоть одну ссадину на его теле и пойму, что он общается посредством этих падений хотя бы с землёй, то поверю, что Константин – такое же дитя этой планеты, как и все дети, но не Лунное дитя, каким его нарекал отец. Однако я всё больше убеждалась в обратном. Он был именно Лунным ребёнком.

Вскоре, Константин понял, что в школе ему не место и забрал документы. Я думала, что моё сердце не выдержит того, что, уйдя из школы, он окончательно отсоединился от людей. Теперь он просто целыми днями оставался дома, только в некоторые вечера уходил в лес и возвращался к утру следующего дня. Но однажды, мне подумалось, что моим материнским страданиям суждено, наконец, закончиться: Константин сказал мне, что к нему должны прийти какие-то друзья! Конечно, я безумно обрадовалась тому, что наш дом, затерянный в чаще, наконец-то навещают какие-то люди с поверхности елового океана Северолеся. Я с самого утра хлопотала на кухне – готовила манный пирог, Костя очень его любил.

– И что это были за друзья? – спросил Никита у двоюродной бабушки. Чернов тоже явно был заинтересован – особенно реакцией отца на слова его сестры. Уж больно остро граф Чернов отвечал. Значит, его это очень задевало, а это было уже интересно.

– Когда друзья Константина пришли, он провёл их на кухню. Это были трое девушек и один парень, – вспоминала графиня Чернова. – Я всё ещё готовила манный пирог, а сын сказал: «мама, познакомься!» И ту долю секунды, которую я поворачивалась от стола к стоящим за моей спиной людям, я использова-

ла на то чтобы искренне возрадоваться спустя долгие годы страданий. Наконец то, думала я, я услышу дружеские шутки, смех. Представляла, как буду наслаждаться времяпрепровождением сына в этой компании и как узнаю о Константине что-то из уст таких же подростков, как и он сам: посмотрю на сына с другой точки, с какой, обычно, могут видеть человека только его друзья. Я скорее мечтала постичь эти таинства, мечтала ЗНАТЬ своего сына. Я молилась о том, чтобы у него появился хотя бы один друг, а он привёл в дом целых четырёх! Я сладостно воображала, как буду рассказывать друзьям Константина о том, как переживала, что сын на всю жизнь останется нелюдимым, и как мы будем все вместе пить чай с манным пирогом. И вот, наконец, я слышу «мама, познакомься!», поворачиваюсь, и вижу Константина, указывающего мне на... пустоту. «Это какая-то шутка, сын?» – спрашиваю я, чувствуя, как в глазах моих от нервного перенапряжения всё становится сизо-фиолетовым. «Ну какая-же шутка, мам?» – не понимает бедняжка. Если я не ошибаюсь, одну из его подруг звали Дарьей. Видно, я правильно сделала, что забыла, ведь если бы там эта Дарья была! А там не было никого! Он просто показывал мне в воздух! Он сошёл с ума, и заставлял меня сойти с ума вместе с ним! Он тянул меня в свой омут! И этот день стал для меня точкой невозврата. Тогда я поняла, что я – Лунная Мать Лунного Сына и по-другому уже никогда не будет. Всё остановилось: моя надежда, развитие моего сына, время в нашем доме. Мы не стали сходить с ума, мы уже сошли с ума, мы были сумасшедшими изначально! – слёзно говорила Минерва Мстиславовна. – И чем сильнее я убеждала своего ребёнка в том, что я никого не вижу, тем раздражительнее он становился. В конце концов тесто для манного пирога вместе со стеклянной посудой полетело на пол и разлилось по нему, словно белые слёзы из лунных, стеклянных, мёртвых глаз, уставших плакать. Сын закатил скандал и «проводил своих дру-

зей до лучших времён», а потом, Лунное Дитя поднялось в свою комнату на второй этаж дома и долго плакало. Я чувствовала свою вину, но не понимала, почему я её чувствую: то ли потому что я слепа и не вижу его гостей, то ли потому что я дала жизнь такому несчастному человеку, обрекая его тем самым на полное непонимание и непринятие этим миром.

Я чувствовала и знала, что самый коварный убийца не тот, кто пырнёт ножом ночью в богом забытом квартале, а родная мать, что родит в этот мир ребёнка, место которому в нём нет. Мать, что родит Лунного Ребёнка, которого на Земле обидно назовут «шизиком».

– Выходит, тех, кого он привёл в дом на самом деле не существовало? – спросила Хельга Ивановна, удивлённая такой странной историей.

– Разумеется не существовало, – оборвал ещё даже не начавшую говорить графиню Чернову Корней Мстиславович. – Щенок играл на чувствах матери, неужели не видно? Он издевался над ней, а теперь она винит себя! И будет винить всю оставшуюся жизнь!

– Не думаю, что ему хотелось издеваться, – вступилась Астрид.

– Ну как это не хотелось! – всплеснул руками граф Чернов. – Начать нести такую бредятину, заставлять мать поверить в существование каких-то выдумок? – вспыхнул он. – Уму непостижимо! – выругался Корней Мстиславович.

Минерва Мстиславовна несмело кивнула брату.

–...Вот поэтому, когда у Константина усилились подобные странности, а сознание его окончательно стало мутным, Корней смог найти для него Никаса Владимировича – опытного психиатра, и выбить для сына место в прекрасной психиатрической клинике, доверив его здоровье первоклассному специалисту.

– Именно, – гордо и горячо заявил Корней Мстиславович.

– И что с ним в итоге-то было? – спросил Никита у отца.

– Шизофрения, – стал загибать пальцы Корней Мстиславович, сделав при этом такое лицо, будто он повторял эти диагнозы очень и очень много раз и ему это уже очень надоело. – Плюс, парень, как оказалось, сидел на игле.

– Подожди, отец! – встрепенулся Никита и глаза его округлились. Он чувствовал поразительное сходство между покойным сыном Минервы Мстиславовны и тем другом графини Лилии Львовны Пурис, который единственный мог видеть Ристаля. – Неужели, это тот, про которого вы мне... – и Корней Мстиславович выражением своего лица мигом заставил сына закрыть рот.

– Да, это он, – обратился лишь к Никите граф. – Это тот, о ком ты подумал.

–...Для меня, как для матери, его наркотическая зависимость была сильнейшим шоком! – призналась Минерва Мстиславовна. – Но это объясняло его вечерние уходы и возвращения под утро, – Слава богу, что сын потом оказался в больнице.

– А дальше?... – спросила Астрид.

– А дальше... – начала было графиня Чернова.

– А дальше, Константин, по своей глупости, решил оттуда бежать, попал под грузовик и, естественно, умер, – строго сказал Корней Мстиславович с такой интонацией, с которой, обычно, злятся на детей, что колобродят до полуночи, однако им уже несколько часов требовалось бы спать.

– Он умер в пять часов утра, седьмого октября девяносто седьмого года. И после смерти сына я оставила Смутный Дом. Просто оставила... – вздохнула Минерва Мстиславовна.

– Оставили? – скривился Марсель Сергеевич. – Его же можно было продать, Минерва!

– Мне этого не хотелось. Мне осточертела глушь, и я хотела избавиться от неё как угодно, лишь бы быстро и всерьёз.

Астрид помолчала, вздохнув. Хельга Ивановна наблюдала за состоянием внучки: ей показалось, что Астрид вновь стала сильно подозревать графа Чернова, и кстати, женщина-сова тоже уловила это чувство подозрения: окончания фраз брал на себя, почему-то, именно Корней Мстиславович, не дав договорить сестре. Либо брат Минервы Мстиславовны пытался что-то скрыть, либо же почему-то ненавидел Лунного ребёнка и желал быстрее от него избавиться. Астрид поняла одно: на плечах графа Корнея Мстиславовича Чернова, несомненно, много смертей.

– О, прошло уже двадцать лет, дорогая! – Катерина Мстиславовна вклинилась в образовавшуюся тишину, решившая немного поддержать сестру, скорбящую от своего неумения скорбеть. Графиня Зейлер положила на плечо графине Черновой свою ладонь и тяжело вздохнула, встретившись с её усталым взглядом.

На довольно печальной ноте и закончился этот вечер. Хельга Ивановна отправилась домой, но Астрид, словно вовлечённая в рассказанную Минервой Мстиславовной странную историю о Константине не переставала делиться с матерью своего отца мыслями и чувствами от услышанного. Кроме того, девушка не сомневалась, что к смерти Константина очень может быть причастен Корней Мстиславович. Чаша подозрений, упавших на этого человека уже была переполнена. Девушка всё больше полагала, что граф Чернов – не тот, за кого себя выдаёт и от этого становилось не по себе. Почему он так обрывал фразы Минервы Мстиславовны? Чем Константин так не нравился графу Чернову? А может, сын женщины с фиолетовыми волосами очень мешал ему проворачивать свои тёмные дела?

Что же до Никиты? Никита – «несозревший продолжатель дел своего отца», тот, кто переймёт его змеиный характер и жажду крови. Никита – не менее опасен.

У Хельги Ивановны тоже назрели вопросы, и все они также сводились в сторону Черновых. Единственным способом разрешить противоречия в собственных догадках, считала женщина-сова, было отправиться вместе с внучкой, Дашей и Аскольдом, которому, кажется, придётся ещё немало всего рассказать, в психиатрическую клинику, где провёл остаток своей жизни Константин Чернов, найти его лечащего врача, и, понадеявшись на его участливость, поговорить с ним. Конечно, были и камни преткновения: вдруг, доктор не захочет говорить с ними или же вовсе уже не работает в данной больнице. Кто знает? Константина не было в живых уже двадцать лет. За это время всё могло очень круто развернуться и поменяться.

Проводив бабушку домой до завтра, Астрид отправилась в кровать. Уснула девушка, перелистывая предполагаемые ею тёмные страницы книги тайн графа Корнея Мстиславовича Чернова и его сына. И страницы были исписаны неразборчивым почерком кровавыми чернилами.

Это было не удивительно.

Следующим утром Астрид поднялась очень рано. Быстро собравшись и засунув в рот наскоро приготовленный бутерброд с сыром и колбасой, она умчалась сначала за Дашей, а потом девушки вместе отправились уже в знакомый Серовой дом Хельги Ивановны. Втроём они добрались до Южного А-Ваена и встретились с Аскольдом. Парень дожидался их возле супермаркета, в котором на сегодня уже отработал. По дороге к психиатрической больнице, разумеется, Астрид и Хельга Ивановна рассказали Даше и Аскольду про то, что возможно, Корней Мстиславович как-то причастен к смерти странного и таинственного сына своей сестры, что видел каких-то людей, которых не видела его мать и наверняка был не совсем обычным.

Психиатрическая лечебница располагалась довольно далеко от центра города, как это и полагается больнице такого назначения. Мрачное здание из красного, тоскливого и приевшегося взгляду кирпича, с высоченными колоннами возле главного входа и клетчатými, решётчатыми окнами. Тоска и боль, сдавленные грязно-серым снежным небом. Никакой причины чтобы улыбнуться и желания чтобы сделать хотя бы ещё один шаг вперёд, однако необходимо было преодолеть этот душевный натиск. Возле шлагбаума, что разделял мир душевнобольных и мир людей с ясным сознанием, компанию встретил недружелюбный охранник, напоминающий по внешности толстую и злую дворовую собаку, в жизни которой нет большей радости, чем огромная острая говяжья кость.

– Что вам нужно? Читать не умеете? – гаркнул он и показал на надпись, что висела на шлагбауме: «вход строго по пропускam».

Обернувшись на надпись, Хельга Ивановна кивнула мужчине.

– Умеем. Нам нужно поговорить с одним из врачей больницы, – сказала она.

– Не положено, – безэмоционально отозвался охранник и отвернулся, направившись в свою сторожку. – Уходите! – буркнул он.

– Мы не уйдём, пока нам не дадут поговорить с врачом, – настаивала женщина-сова.

Послушайте, мне всё равно, – охранник вновь подошёл чуть ли не вплотную к Хельге Ивановне. На лице его было написана одна лишь злость на всё вокруг.

– Чёрт! – шепнула Даша Аскольду и Астрид. – Видимо, мы ничего здесь не добьёмся.

С территории больницы выезжала чёрная машина и охранник на некоторое время перестал смотреть злобным взглядом на Хельгу Ивановну – прервался на то, чтобы открыть шлагбаум. Машина не спеша выехала.

– Мы должны поговорить с Никасом Владимировичем! – продолжала женщина-сова, сверля охранника оранжевым взглядом.

– Послушайте, дамочка, Вы такая настырная! – злился он. – Это не-воз-мож-но! Я же Вам ясно сказал.

– Я – Никас Владимирович Браун, – стекло проезжающей под шлагбаумом машины опустилось вниз, и на Хельгу Ивановну из салона посмотрел лысый мужчина лет шестидесяти пяти с опрятными усами-абажур. Серо-голубые глаза его были насто-роженно прищурены, а правая рука, запястье которой было обрамлено большими наручными часами, уверенно лежала на руле. Врач остановил машину. – Я могу быть вам чем-то полезен?

Охранник, плюнув под ноги, отошёл от странной компании, бурча себе под нос что-то нецензурное.

– Как здорово, что это Вы! Здравствуйте! – поздоровалась Хельга Ивановна. – Мне нужно поговорить с Вами по поводу одного Вашего пациента, нашего родственника.

– Какого? – осведомился Браун.

– Он лежал в этой больнице двадцать лет назад.

– Пф, – пропыхтел доктор и закатил глаза. – Вы думаете, я всех помню, что ли? Вы бы ещё вспомнили кого-то из мединститута! – возмутился он, а потом обмяк. – Ну ладно, назовите хотя бы того, кто Вам интересен.

– Константин Чернов.

От услышанного имени Никас Владимирович выпучил свои глаза, а густые брови доктора прямо подскочили ко лбу и вызвали на нем появление трёх крупных, длинных и глубоких горизонтальных морщин. Можно было думать, что если бы у

него были волосы, они бы начали вставать дыбом. Лицо доктора не спеша белело.

– Да. Я лечил этого человека, – тихо произнёс он и вздохнул так, словно ему не хватало воздуха.

– Не могли бы Вы рассказать побольше о Константине? – вмешалась Астрид, заглянув в машину доктора Брауна. – Что Константин был за человек?

– Такой же, как и все, кто сюда попадает, – процедил Никас Владимирович, вытирая выступивший пот со лба и явно жалея, что ввязался в этот диалог. Врач заметно заволновался. Этого было не скрыть.

– А можно немного поконкретнее? – попросила Хельга Ивановна.

– Я всё сказал, – бросил доктор. – Информация, которую вы хотите знать – конфиденциальна. Я не имею права её разглашать! – оправдывался психиатр.

– А Корней Мстиславович Чернов Вам случайно не знаком? – продолжала давить Астрид.

– Нет, – сказал он строго. – Я ничего не знаю об этом человеке. И о Константине Чернове тоже.

– Но Вы же были его лечащим врачом! – уловив несоответствие, всплеснула руками Даша.

– Не морочьте мне голову! Только время зря потерял! – раздражённо бросил Браун.

– Но, погодите! Должно быть, в больнице есть документ, в котором прописана история его болезни! – вмешался Аскольд.

– Двадцать лет назад в картотеке случился пожар. Сгорело всё, – бросал слова психиатр. – Нет никаких документов ни о том, кто вас интересуется, ни о том, кто лежал в больнице в это время! Ясно? А теперь, простите, Вы зря потратили моё время! – с этими словами он с силой и невероятной злостью нажал на газ, и его чёрный автомобиль умчал.

– Он что-то скрывает, я в этом уверена, – сказала Астрид, сведя брови.

– Это видно, – согласилась Даша. – Может, он был в сговоре с Корнеем Мстиславовичем?

– Мне тоже пришла в голову мысль о сговоре! – кивнул Аскольд. – Я видел, как он заволновался, когда Хельга Ивановна назвала ему имя Чернова.

– Если Константина и вправду сюда определил Корней Мстиславович, то на это, пожалуй, найдётся ещё какая-то причина, кроме того, что он выводил из себя мать... – задумалась женщина-сова. – Вчера Корней постоянно прерывал Минерву Мстиславовну, когда она рассказывала о Константине.

–...Всячески стараюсь прекратить разговоры о нём! Будто бы ненавидел Константина всей душой! – горячо произнесла Астрид, желая негласно защитить сына графини Черновой.

– Значит, все они что-то недоговаривают... – сделал вывод Аскольд. И вывод был не утешительный.

– И как тогда нам узнать что-то о Константине и Корнее, если информацию из людей нужно, буквально, выдавливать? – скривилась Даша.

– Минерва говорила, что Смутный Дом, в котором они жили с сыном, заброшен со дня его смерти, то есть уже двадцать лет стоит в Северолесье пустым! – рассуждала Хельга Ивановна.

– Ого, она просто так ушла оттуда? – изумился Аскольд. – Наверное, крутая сейчас заброшка, если там оставалось всё нужное.

– Что, мозг вора активировался? – подколола парня Даша, ехидно усмехнувшись. Аскольд сначала состроил недовольное лицо, а потом посмеялся, оценив меткую, чёрно-юморную шутку Серовой.

– Ну да, она просто покинула дом и начала жить заново, – кивнула женщина-сова. – Дом заколотили. Да и в целом, о его существовании мало кто знает, ведь он стоит в глухой лесной чаще.

– Эх, жалко, что я не смогла там побывать! – выдохнула Астрид.

– Я думаю, это вряд ли бы случилось, даже если бы ты родилась лет на пять раньше, чем Минерва покинула этот дом. Она никогда не собирала там родственников... – призналась бабушка Хельга.

– Сколько помню, Минерва Мстиславовна всегда приезжала к нам сама, – вспоминала Астрид.

– А её сын, мне кажется, просто не получал достаточно её внимания, – подметил Аскольд, вспоминая рассказ Астрид о вчерашней истории графини Черновой. – Поэтому те, с кем он будто бы общался – были единственные. Ему было просто одиноко. Бедняга... – вздохнул парень и скривился в грустной улыбке.

– Эх, был бы он сейчас жив... – вздохнула Астрид. – Вы представляете, что он бы нам мог рассказать про Корнея Мстиславовича! – задумалась девушка.

– Ну что ж, раз он мёртв, нам придётся самим искать всю информацию, – положив руку на плечо подруги, произнесла Даша.

– Жизнь не для всех, ребята, – грустно улыбнувшись, изрекла хриплым голосом женщина-сова и достала из кармана пачку сигарет. Астрид посмотрела на бабушкины оранжевые глаза, и они показались девушке ещё более грустными и осоловелыми. – Если никто не сможет рассказать о Константине, есть кое-что, что может поведать нам о нём больше, чем любой человек! – зачарованно произнесла женщина-сова.

– Дом... – догадавшись, произнёс, вкрадчиво, Аскольд, осознав, насколько это метко и правдиво сказано.

– Точно! – воскликнули девушки в один голос.

– И мы отправимся туда сейчас же! – сказала бабушка Хельга, и, не докурив, поспешно зашагала к машине.

– Минерва Мстиславовна имеет какое-то поверхностное представление обо всём произошедшем; Корней Мстиславович упорно стоит на своём, а врач... – начала Астрид.

–...А врач вообще какой-то странный тип! – закончила за подругу Даша.

– А проникнув в дом, мы сможем заполнить хоть и не все, но хотя бы часть пробелов в этой истории! – сказал Аскольд. – Во всяком случае, хоть какие-то белые пятна в ней перестанут быть белыми!

Все четверо сели в машину. Астрид и Даша разместились на заднем сиденье, а Аскольд устроился рядом с Хельгой Ивановой на переднем.

– Ты знаешь примерную дорогу? – спросила Астрид, высунувшись между двумя передними сиденьями.

– Разумеется знаю, – отозвалась женщина-сова, не сводя оранжевого взгляда с заметённой снегом дороги. – Но помните, дом стоит в лесу и нам в любом случае придётся довольно долго по нему идти. Пешком.

И правда. Северолесье было действительно огромным. Смутный Дом, что принадлежал Минерве Мстиславовне и Константину, был одной маленькой песчинкой на его фоне. Песчинкой холода, одиночества и сильнейшей отрешённости от мира.

Глава XVIII ПРИЗРАК СЕВЕРОЛЕСЬЯ

Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд добрались до Северолесья, когда и без того тусклое солнце стало приобретать холодный вечерний оттенок, что и светом-то было трудно назвать. Небо розовело, постепенно сменяя свой цвет с холодно-фиолетового, на таинственно-синюю, почти ультрамариновую вуаль.

Оставив машину на дороге, что вела к Северному А-Ваену и предусмотрительно достав из багажника довольно большой по размеру фонарь, женщина-сова вместе со своими спутниками, вошли в мрачные объятия обители вечнозелёных елей, закутанных в фантомные туманные шали. В лесу было намного темнее, чем в городе и, отходя всё дальше от машины, ребята сильнее и сильнее начинали чувствовать дискомфорт и страх, которые с каждым шагом пробирали всё глубже и глубже, под кожу. Им казалось, что они заходят в пасть к хищнику, а не в лес.

– Странно, наверное, было жить в лесу, – изредка вздрагивая то от холода, то от светящихся в темноте глаз Хельги Ивановны, к которым ну просто невозможно было привыкнуть за такое короткое время, сделала вывод Даша. Женщина-сова, согласившись с Серовой, кивнула.

– Почему дяде Черновых вообще понадобилось строить этот дом в такой глуши? – никак не понимала Астрид.

– Леонид Николаевич не любил шумных улиц и не мог жить среди них, – объяснила Хельга Ивановна. – В этом, пожалуй, была его главная причуда. Он просто жил в своём особняке, и никто ему там не докучал... – говорила она и из её рта облаками выплывал тёплый пар.

– Неужели он жил там всю жизнь? – изумился Аскольд, кутаясь в свою лёгкую и износившуюся старую серую куртку.

– О, нет. Сначала Леонид Николаевич строил этот дом в качестве дачи, чтобы нет-нет да приезжать летом, но потом перебрался сюда с концами. Когда он умер, дом достался Минерве Мстиславовне, так как именно она ухаживала за дядюшкой, когда тот болел. Графиня Чернова и жила там с сыном, словно отшельница-мать со своим пропавшим ребёнком! – отвечала Хельга Ивановна, с горечью вздыхая.

– А ещё удивляются, откуда у этого Константина взялись проблемы с головой! – возмутился Аскольд. – А всё дело-то в расположении этого дома. Они б ещё в тайге поселились! – негодовал парень.

– Мы ведь не можем знать этого точно, Аскольд, – охладила его пыл Астрид. – Мало ли, что было в голове у Константина...

– Да мы вообще теперь не сможем узнать, что было на самом деле в его голове, – вздохнула Хельга Ивановна, грустно улыбнувшись. – Дом – наша единственная надежда.

– Ну а если нет и дома? – спросила Даша. – Что, если его снесли?

– Дом цел и невредим, – кивнула женщина-сова. – Я это знаю наверняка.

Прошло ещё около сорока минут их пути, но никакого дома впереди и в помине не было. Только осенние сумерки сгущались, постепенно сжимая в чёрные, еловые тиски идущих к своей цели четырёх путников. Великаны-ели смотрели своими макушками то на небо, на котором из-за туч, как на зло, не было ни единой звезды, то на четырёх людей, которые невесть как оказались в месте, куда крайне редко ступала нога человека. Деревья недоумевали: что этим людям было нужно там, где нет ни одной живой души? Лес постепенно готовился ко сну, вдалеке завывали голодные волки: этот отдалённый вой и скуление

хищников нагоняли ещё больший страх, холодные мурашки и желание проснуться дома в тёплой постели. Тревожно ухали совы и шумели макушки хвойных деревьев, напевая какую-то свою колющую, пронизывающую до самых кончиков, грустную песню-легенду.

Когда стемнело совсем, Хельга Ивановна включила свой фонарь и четыре силуэта в раз отбросили тени на мёрзлую лесную землю.

– Я устала! – закутавшись в свой цветастый шарф, заканючила Даша. – И мне очень страшно! Вдруг мы вообще идём не туда? – опешив от собственных слов, Серова даже присела на корточки, отчаявшись.

– Нет-нет! – ободряюще покачала головой Хельга Ивановна. – Если бы мы шли неверно, я бы уже это поняла, ведь прекрасно знаю все эти леса! – заверила ребят она, и они, конечно же, поверили ей.

Птица не могла не знать леса.

Наконец, путники набрали на небольшое болото, которое, словно обод, обрамляло собой старый двухэтажный особняк. Найдя небольшой, хлипкий деревянный мостик через чёрную, ледяную, вязкую воду, издающую пренеприятный запах, Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд осторожно двинулись по нему по очереди. Маленькая, невероятно непрочная, деревянная, и явно гнившая от времени конструкция, шаталась и скрипела так сильно, что казалось, ещё мгновение, ещё один единственный шаг, и всё это обрушится вниз и навсегда исчезнет в болотистой бездне, в этом непроглядном чёрном обсидиановом зеркале, в чёрной дыре, что таит в себе еле видные очертания отражения страшного дома. Смутного Дома. Наконец, путники остановились у того входа, что наверняка раньше считался главным: доски с окон и этих дверей были неаккуратно выломаны и

брошены прямо здесь же: из них торчали острые ржавые гвозди и на них было очень просто наступить и ранить себе ногу. Едва-сохранившиеся, серые от сырости и времени полуколонны, обрамляющие входную дверь, поросли замёрзшим мхом в тех местах, где не было видно серого бетона из-за сколов. Стёкол в окнах почти не было – все они были либо в трещинах, либо выбиты вовсе. Дом, кажется, был выкрашен в тёмно-зелёный, но краска отставала от влажности, снегов и дождей, и поэтому цвет дома нельзя было назвать однозначным: он был как старое одеяло из многочисленных кусочков разной ткани. На строении виднелись пара неприличных вандальских надписей, оставленных здесь какими-то людьми. Крыша местами обвалилась и, вероятно, из-за этого в доме сейчас очень влажно и сыро. Рядом с домом небрежно лежала куча досок и разбитого стекла. Обрамляли некогда существовавший двор высокие чёрные деревья. И где-то здесь бежал какой-то ручей, что тоже, как и болото, ещё не до конца замёрз и сейчас пел щекочущую журчащую песню, напоминающую смех злобного карлика. Рядом с ручьём виднелась расколотая дорожка из плитки, почти полностью вросшей в грязь.

Всё это и был Смутный Дом. Тот самый. И в нынешнем его состоянии он соответствовал своему названию как нельзя сильно.

– Это здесь они жили? – шёпотом спросила Астрид, поражённая увиденным.

– Здесь, – кивнула женщина-сова, таким же тихим шёпотом.

– Ничего себе! Он всё-таки существует! Прямо дом-призрак! – воскликнул, восхищённо, Аскольд.

– Должно быть, внутрь не раз пролезали люди! – предположила Даша.

– Похоже, ты права, хотя здесь мало, кто ходит. Вернее, почти никто, – женщина-сова показала девушке на надписи и выбитые окна.

Здесь было невозможно тихо, и тишина этого леса была какая-то особенная. Казалось, царство елей могло убить своим молчанием всех, кто посмеет зайти в него: здесь пел свою песню только ручей и изредка булькала вода в болоте. Здесь, над территорией дома словно висел какой-то купол, заглушающий все звуки леса: не слышно было ни волков, ни сов, ни шума деревьев. Это пугало: дом будто одновременно находился здесь, видясь четырём пришедшим более чем реальным, и вместе с этим был словно в потустороннем мире. Даже холод здесь в этом месте отличался от холода во всём остальном лесу. А ещё, казалось, что до того, как сюда пришли четверо путников, здесь кто-то говорил, дышал, моргал, а потом, вдруг заподозрил скорое появление людей и приставил себе указательный палец ко рту и замолчал, съел, проглотил назад все свои произнесённые доселе слова, запер поглубже все свои мысли, чтобы они, ни дай бог, не долетели до тех, кто сюда направляется! Этот кто-то закрыл глаза, погасил, словно лампы, все до одной звёзды на небе, перестал дышать, затаился в самом укромном месте, чтобы только на него, ненароком, не упал чей-то любопытный взгляд или хотя бы один луч света.

– Чёрт! – вдруг воскликнула Астрид, явно испугавшись, и приставила себе похолодевшие ладони ко рту.

– Ты чего?! – обеспокоенно и нервно воскликнул Аскольд.

– Свет! – дрожащим голосом продолжила Астрид. – Я только что видела свет! Вот там! – девушка показала на одно из окон второго этажа дома своей дрожащей рукой.

– Да брось ты! – отмахнулась Даша. – Какой там свет! Электричества в доме нет!

– Да нет же! Свет, как от свечи! Сначала я его увидела, а потом он резко погас! – девушка выпучила свои глаза, смотря на дом. Ей становилось не по себе. – Там кто-то есть! – бросила Астрид.

– Может быть, там кто-то пережидает ночь? – предположила Хельга Ивановна, обняв испуганную внучку и глядя её по спине.

– Не думаю, – пожал плечами Аскольд. – Возможно, Астрид это просто почудилось. Всё-таки место жутковатое и волей-неволей сам себе напридумываешь...

Вдруг и Даша издала пронзительный визг.

– Там точно кто-то есть!!! – дрожащим голосом произнесла она. – Я видела!!

– Да что с этим домом! – прищурился, строго и не показывая страха, единственный парень в этой компании.

– Спокойно! Там правда может кто-то ночевать! – настаивала Хельга Ивановна, чтобы хоть как-то успокоить девушек.

– Да ну, нет! Вы видите, какие дыры в крыше? Весь потолок обвалился, там же дубак! – сказал Аскольд. – С таким успехом и на улице не грех переночевать!

– Этот дом только делает вид, что мёртв! – тихо и преспокойно сказала Хельга Ивановна, вглядываясь в грязные остатки окон второго этажа. – Он жив, но жив как-то по-своему. Жизнь для этого дома НЕ то же самое, что для всего остального. Для этого дома есть своё понятие жизни. Но мы не узнаем, что это за понятие, если не зайдём.

– Предлагаете зайти внутрь? – поднял одну бровь парень, поражённый храбростью женщины-совы.

– Да! – кивнула бабушка Хельга.

– Ну Вам легко говорить, Вы же, блин, сова! – всплеснул руками Аскольд. – Захотели – улетели. А с ними что предлагае-

те делать? – он показал рукой на стоящих в обнимку дрожащих и замёрзших подруг.

– Мы должны посмотреть, что там осталось. Вдруг, сможем найти какие-то записи или личные вещи Константина! – объяснила женщина-сова.

– Бабушка! Ты что, с ума сошла? – воскликнула Астрид. – А вдруг там какой-то маньяк?

– Максимум, кто там может быть, так это бомж, – безэмоционально изрекла Хельга Ивановна, сделав индифферентный взгляд.

– Ну, раз уж ты настаиваешь... – Астрид начала было прогонять свой страх и уже двинулась в сторону входа в дом, осматриваясь по сторонам.

– Я домой хочу... – прошептала, поёжившись, Серова, словно маленькое жёлтое солнышко, возле которого сгущались холодные и тёмные тучи. – И плевать мне уже на всяких Константинов и Корнеев!.. – она с испугом осматривалась по сторонам, то дыша в ладони, то потирая их, чтобы хоть как-то согреться.

– Мы не должны бояться! – прошептала ей Астрид, хотя девушке тоже было страшно. – Нам нужно войти в дом, не зря ведь мы проделали весь этот путь!

– Вот и правильно! – похвалила внучку за смелость Хельга Ивановна. – Пойдёмте скорее! – женщина-сова позвала ребят жестом и, взявшись за дверную ручку, отворила дверь в дом. Дверь поддалась с ужасным скрипом, заставив, словно, содрогнуться всё обветшалое строение, будто оно было человеком, что долго-долго спал в одном положении, и только теперь нехотя проснулся, чтобы перевернуть на другой бок своё затёкшее, грузное тело.

Перед присутствующими предстал большой тёмный, местами обугленный холл, с небольшими диванчиками с цветочной

обивкой, (что теперь выглядела грязно-ржавой, а красные георгины напоминали теперь не цветы, а лужи крови); плетёным креслом; стеклянным журнальным столиком, стекла в котором осталось не так много чтобы туда можно было что-нибудь положить и кирпичным камином, что не зажигался уже двадцать лет и вместо щепок держал в себе кучу разного мусора. Обои, что были наклеены на стены гостиной, тоже когда-то были красивыми, и кажется, на этих обоях были изображены какие-то маленькие букеты полевых цветов на нежном, персиковом фоне. Сейчас эти обои тоже напоминали засохшие кровавые пятна на ржавых подложках. На стенах висело много картин, заключённых в старые и массивные, гниющие деревянные рамки. С них недоверчиво и спесиво смотрели в комнату неизвестные присутствующим строгие и чопорные мужчины и женщины: в свете фонарика Хельги Ивановны, выцветшие от времени и вымокшие от дождей и влажности фото, выглядели, как фотографии мёртвых, которые делали в Викторианской Англии в 19 веке. Хельга Ивановна и Астрид внимательно рассмотрели странные портреты, однако не понимали, кем могли быть эти люди и зачем они здесь?

Прямо в гостиной стоял рояль, оставшиеся клавиши которого были затянuty паутиной и вздулись от большой влажности и дождей. Краска с инструмента слезала большими чёрными лепестками. Крышка рояля была нагружена обвалившимся потолком. Над роялем зияла огромная дыра в потолке, через которую была видна одна из комнат второго этажа дома.

Здесь же рядом находилась и кухня: слегка обугленный, грязный, но вполне себе сохранившийся гарнитур; поломанный в нескольких местах обеденный стол с какой-то грязной цветочной скатертью и пять стульев, что тоже были не в лучшем состоянии. Над столом на цепи висела большая, стеклянная, на половину разбитая люстра в виде цветов, и, разучившись излу-

чать свет, она просто тихо покачивалась с пугающим скрипом от проникающего в дом из всех щелей и выбитых окон ветра.

Паркетные доски ужасно сильно вздувшись, гнили, источая неприятный запах. Гнили узорчатые ковры, цветочные обои, стены. Лестница, скрытая в объятиях темноты и ведущая на второй этаж, тоже прогнивала, пропуская через себя, сквозь дыры и разломы, какие-то небольшие щуплые, вьющиеся, иссушенные, колючие кустарники.

От каждого шага скрипели половицы.

– Вы тоже это чувствуете? – прошептала, обращаясь к ребятам женщина-сова, водя взад-вперёд своим фонарём.

– Что? – не понял Аскольд.

– Сначала я думала, что слова Астрид и Даши – простое самовнушение, но теперь... – она на секунду умолкла и её оранжевые глаза вспыхнули, словно не две луны, а две сверхновые звезды, а указательный палец припал к губам. – ...но теперь я чувствую то же самое!

– Да что?! – теперь в глазах Аскольда был виден страх.

– ...Жизнь! – прошептала, вкрадчиво, женщина-сова, вздёрнув указательный палец вверх.

– Да чёрт Вас возьми, Хельга Ивановна! – чертыхнулся испуганный парень, плюнув под ноги. – Умеете же пугать! – Аскольд, не рассчитав равновесия, случайно споткнулся обо что-то массивное. Это были настенные часы с круглым циферблатом, под которым находились окошечки, где отображались число, месяц и год. Аскольд поднял механизм с пола и стёр со стёкол толстый слой грязи. – Пять часов, седьмое октября, одна тысяча девятьсот девяносто седьмой год. – прочитал он. Примерно в ту же минуту, Даша разглядела невесть как сохранившийся на стене пожелтевший календарь тысяча девятьсот девяносто седьмого года с бегунком-окошком. Окошко было тоже остановлено на седьмом октября.

– Седьмое октября... – произнесла Серова.

– День и время смерти Константина! – испугавшись от собственных слов и ощутив волну дикого холода, воскликнула Астрид и в это же время на верхнем этаже что-то издало гулкий лязг. Все четверо закричали от испуга, что холодным жаром обдал сейчас каждого.

– Пойдёмте отсюда, а... – прошептала Даша, когда наступила долгожданная тишина, но отвратительный и страшный лязг в ушах и голове продолжал отчётливо слышаться. – Я не могу тут находиться!!!

– Нужно проверить, что там! – строго сказала Хельга Ивановна. – Пошли!

– Угомони свою чокнутую бабулю! – бросил Аскольд, обращаясь к Астрид, но девушка ответила, что Хельга Ивановна, хоть и бывает немного не от мира сего, но ещё никогда ни в чём не ошибалась. Ей стоит верить. Верить, несмотря на страх.

Тем временем женщина-сова уже поднималась по скрипучей, еле-дышащей деревянной лестнице и свет фонаря постепенно покидал ребят, что до сих пор стояли в комнате. Это вынуждало их поторопиться, хотя Даша всё ещё стояла возле пугающих картин. Ей казалось, что все эти люди давно мертвы, но сейчас ожили и наблюдают за ней, желая прогнать из своей обители.

Когда все четверо поднялись по лестнице, то заметили, как ясный лунный свет проникает в маленький коридор второго этажа сквозь одно из выбитых полностью окон, а место скола лукаво бликует, претендуя на право называться срезом драгоценного камня. Рядом с этим окном был небольшой проём, где предполагалась дверь, но остались от неё лишь торчавшие заржавевшие петли. Тут же располагалась и та самая дыра, через которую был виден рояль, стоящий на первом этаже. Эта дыра выглядела, словно многослойный бутерброд в разрезе. Комната,

в которой не было двери была... насколько можно было это понять... библиотекой. Тут стояли старые деревянные вместительные стеллажи с запылёнными ветхими и покусанными насекомыми-книгоедами книгами, в разноцветных, потускневших и обремкавшихся переплётках. Пара книжек в открытом виде с незапамятных времён лежала на подоконнике, уже привыкнув быть открытыми на данных страницах и намертво отсырев в этих позах. Под слоем пыли и грязи не было даже видно того, что было написано на страницах. Множество порванных и вымокших книг валялось на полу и в беспорядке лежало на книжном столике, что тоже стоял здесь рядом с креслом, что когда-то было бархатное, а теперь стало колючим, с торчащими во все стороны ржавыми пружинами. Ещё на столике находился небольшой подсвечник со стоящей в нём белой свечой и маленький грязный блокнот. Для удобства, Хельга Ивановна достала из кармана спички и зажгла эту свечу. Астрид взяла подсвечник в руки, обратив внимание на маленькую затёртую записную книжку, на которой, в отличие от лежащих здесь же книг, слоя пыли не было. Будто бы эту книгу кто-то принёс сюда из внешнего мира, (ибо в доме был свой собственный мир, внутренний). Девушка потянулась к находке, показавшейся ей странной, и остальные пристально наблюдали за её рукой, обступив стол с одной его стороны.

Увлечшись первой своей находкой, которая, казалось, могла рассказать им хоть что-то, Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд не заметили, как перед ними, вырисовавшись на освещаемом свечой стеллаже, закрывая собой пыльные книжные груды, выросла огромная чёрная тень.

– Положи на место! – угрожающе воскликнула она мужским голосом и все четверо синхронно похолодев, обернулись назад. Едва сумев разглядеть странный, подёрнувшийся в полутьме мужской силуэт, все они пулей и с криками выбежали из

библиотеки, чудом избежав и не провалившись в дыру в полу. Они забежали в другую комнату, в спальню, плотно закрыв за собой облезшую деревянную дверь, заставив трещину в стене, что, кажется, остановила свой путь, решив закончить разрушать здание, очнуться и продолжить своё деструктивное дело. И только все вчетвером отдышались, как за ними вновь что-то возникло.

Что-то хрипло дышащее.

Что-то...живое?

Первой обернулась Хельга Ивановна. За ней смелость проявили Аскольд и девушки. Перед ними, теперь, стоял человек, держащий в руке тот подсвечник, что от страха обронила Астрид. И чёрт бы знал, как этот мужчина здесь оказался! Это был неприятный и неприметный на вид тип, что словно соткался из всей пыли и грязи, скопившейся в этом доме за двадцать лет. У него были длинные с проседью волосы, жирными склеившимися патлами висящие по бокам. Сзади на затылке был неаккуратно завязан хвост. Зубы во рту были жёлто-коричневые, гнилые. Глаза мужчины были маленькие, как видневшиеся во тьме незабудки, едва-голубые, напряжённо-усталые, с болезненной желтизной в белках, но видно, зоркие. На неаккуратном курносом носу, сдвинутом немного странным образом набок, (словно он неправильно сросся при переломе), сидели круглые очки с одним выбитым стеклом. На лбу виднелось несколько глубоких морщин, а лицо было покрыто пятидневной серой щетиной. Одежда мужчины со свечой тоже была престранная: какой-то нелепый клетчатый, то ли длинный пиджак, то ли халат; под ним сероватая-зелёная, тоже в клетку, рубашка; мятые брюки тёмно-зелёного цвета и убитые чёрные туфли, когда-то давно бывшие, наверное, лаковыми. Одежда и обувь словно приросла к мужчине: создавалось чувство, что он не снимал её никогда.

Кто это был? Человек? Призрак? Галлюцинация? Этот вопрос сейчас был в голове у каждого из четырёх присутствующих.

– О, стоит тебе умереть и людям сразу есть до тебя дело! – вздохнул, с неуместной к данной фразе улыбкой мужчина и пламя свечи осветило его неровные, жёлто-зелёные зубы.

– Это...это Вы?.. – вглядываясь в полумрак, в котором, словно тусклая луна через тучу, пыталось просвечивать лицо незнакомца, удивлённо пролепетала Астрид, не зная даже, кого она имеет в виду.

– Это я! – с готовностью кивнул мужчина в клетчатом пиджаке, будто бы ждав того, что кто-нибудь когда-нибудь спросит у него именно это.

– Что?! Но как?.. – Хельга Ивановна, кажется, сломав всю свою внутреннюю логику, смогла понять, кого она видит перед собой, и это заставило её выпучить свои совиные глаза-фары, и уставиться ими в человека, что стоял перед ними. Конечно, длинные волосы и щетина отводили все странные догадки, не давая им прийти в соответствие, но что-то чертовски знакомое, что было не скрыть ни щетиной, ни другой причёской, ни временем, будоражило женщину изнутри и больно резало по её завядшей по этому человеку памяти.

Это был никто иной, как Константин Чернов.

Сын Минервы Мстиславовны!!

Тот, что умер двадцать лет назад!!!

– ...Ходишь-ходишь сам к себе на могилу, каждый раз внушая себе самому, что умер! А вот осознать... не осознаёшь! – Константин хлопнул в ладоши, (опять же, совершенно неуместно). – Поверьте, на кладбище я нахожусь чаще, чем в этом доме! Кладбища – очень занятные, не находите? – улыбнулся он. – Подземное метро для душ, которые некуда больше запрятать. И только там ты начинаешь дружить со временем! Только будучи

на кладбище, представив себя надгробной плиткой, понимаешь, как важно подружиться с ним! И нет иных мест для этой дружбы! Когда живёшь обычной жизнью, время для тебя не более, чем просто бумажный кружочек с цифрами, загнанный под такой же кружочек из стекла и названный часами. Абсурд и детские сказки для тех, кто не вообразит себя горсткой костей! – изрёк он.

Девушки и Аскольд, скривившись, посмотрели на этого престранного мужчину, хищно обнажавшего свои ужасные зубы при каждой, не очень понятно сказанной фразе. В маленьких его глазках, словно в светящихся дуплах, вспыхивали искорки голубого пламени и тут же угасали.

– Взгляды людей блуждают по моему надгробию, царапая и кусая колючими своими шипами и клювами горло этих же самых людей так, что хочется сплюнуть! – и он плюнул под свои ноги. У них общее горло! У всех скорбящих общее горло, ибо говорят они одно и то же!

– Вы... вы призрак?.. – спросила Даша, всё ещё мало что понимающая.

– Я – мёртвое гнилое тело! – преспокойно изрёк Константин, пожав плечами. – Не говори мне, что не видишь опарышей, что заботливо откладывают свои яйца в моих органах и тканях! – он сымитировал что-то страшное и когтистое.

– Ну да, я не сомневаюсь... – чувствуя резкий запах плесени и мочи, идущий от Константина, произнесла тихо Даша. Она остолбенела и почувствовала, как от возникшего в её голове неприятного образа обилия белых червей, к её горлу подкатила рвота. Что не так было с речью и мировосприятием этого человека? Ничего. Просто у него была своя речь и своё мировосприятие, далёкое каждому, кто не был им. Только и всего.

– Вы говорите, что ходите к себе на могилу... – думал вслух Аскольд. – Как это вообще понимать, если Вы находитесь здесь?

– А ты не думал, что тебе это только кажется? – усмехнулся, вновь, сверкнув глазами, Константин. – Я привидение! У-у-у! – он снова сымитировал что-то когтистое.

Аскольд скривился.

– Да ну тебя, – резко, лицо Константина приобрело самый нешуточный оттенок: дикая улыбка покинула лицо, сменившись серьёзностью. – Двадцать лет хожу, представь! – у этого человека сложно было что-то спросить и дождаться прямого, точного и конкретного ответа. – Но я вам всем вот что скажу! – он прищурил свои глаза, оглядевшись по сторонам с невероятной подозрительностью, словно в доме кроме них (хотя, как знать), была ещё толпа народу. – Не пугайте детишек мёртвыми! Пугайте их живыми! Этому миру не будут страшны монстры и восставшие мертвецы, пока в этом мире есть люди! – шепнул, вкрадчиво мужчина. – Люди – волки в овечьих шкурах; розы, с ядовитыми шипами; светлячки с огромными кварцевыми лампами вместо глаз! – с пеной у рта, будто что-то доказывая, произносил он, увеличивая громкость своего голоса.

– ..Люди? – переспросила Даша.

– Именно так называются существа, что закопали меня в землю! – ликующе заявил Константин и пожал плечами, опять с каким-то престранным и несуразным ликованием.

Всё становилось ещё более непонятно. Даша всё-таки решила продолжать думать, что Константин – призрак; Астрид оставила этот вопрос открытым, а Аскольд предпочёл никак на него не отвечать. Хельга Ивановна не переставляла вглядываться в лицо, заросшее густой растительностью, словно театральной ширмой, скрывающей сказочных героев.

– Костя!.. – наконец, воскликнула женщина-сова, осознав, наконец, в полной мере, что мужчина, стоящий перед ней, всё-таки, Константин Чернов! – Но что же с тобой произошло?!..

– Ну а это весьма занимательная история! – мужчина хлопнул в ладоши и снова расплылся в дикой улыбке с привкусом гнилых, жёлто-зелёных зубов. – И я непременно расскажу вам её за чашкой ночного чая! – неожиданно Константин прямо-таки засветился обходительностью и гостеприимностью. – Если, конечно, вы все соблаговолите вдохнуть несуществующий аромат гниющих цветов моих воспоминаний, что в клумбах моего сознания цветут, словно ядерные глаза сверкающих звёзд, утопающих в сияющих ресницах хвостов комет! Если вы захотите пройтись по тропинке, где не было доселе следов человеческих, где растут диковинные растения и прячутся в тени деревьев яркие птицы!.. Идите за мной, и тогда обнажите вы в глазах своих то, что другим не дозволено! Пойдёмте, пойдёмте! – звал, возбуждённо, Константин, протягивая грязную шершавую ладонь всем, как истуканам, стоящим гостям. Его голос был плавающим и похожим на звучащие хроматические гаммы, сыгранные на расстроенном рояле. – Я напою вас чаем, раз вы пожаловали таким визитом! – из этого грустного призрака, Константин превратился в гостеприимного хозяина, у которого немного не все дома, и побежал по лестнице, выждав, пока гости тоже выйдут на лестничную клетку, чтобы начать спускаться. Когда, наконец, все они преодолели скрипящий спуск вниз, с растущими сквозь него кустарниками, Константин достал из какого-то шкафчика маленькую двух конфорочную плитку, ржавый красный чайник в белый крупный горошек, несколько каких-то душистых веточек и пару грязноватых корней. Затем, мужчина набрал в чайник воды из маленького таза и, кинув туда вкусно пахнущие веточки, зажёл огонь.

– Может, свалим, пока не поздно? – шепнула Даша Астрид.

– Подожди! – остановила её подруга. – Мы ведь ещё ничего не узнали! Бабушка! Ты действительно думаешь, что это Константин? – насторожилась девушка.

– Ну конечно это Константин! – ответил за Хельгу Ивановну хлопчущий на кухне мужчина, который, кроме зорких глаз, по всей видимости, имел ещё и очень острый слух. Присутствующие передёрнулись.

– У меня голова от вас кипит! – обратился к Константину Аскольд. – Может Вы уже перестанете ломать комедию и всё нам расскажите? – взмолился он.

– Что-то я не вижу, чтобы твоя голова была сейчас на плите! – с серьёзным лицом, произнёс мужчина.

– В смысле? – не понимал Аскольд.

– Ну ты говоришь, что она у тебя кипит, а пока кипит только чайник!

Парень умолк.

Дохлый был номер что-то говорить этому Константину. Однако, несмотря на странное его поведение, мужчина, кажется, шёл на контакт и его, в принципе, можно было разговорить чтобы что-то выяснить. Однако спешить не стоило. Константин продолжал хлопотать, следя за тем, как в ржавом чайнике кипит странно-ароматный, сладкий чай с грязными корнями и сухими ветками.

– Ну что ж, присаживайтесь! – гостеприимно предложил он, указывая головой на грязные и мокрые диваны, и умудряясь нести в руках чайник и пять разноцветных полуживых чашек.

– Куда, сюда? – поморщилась Серова. – Пальто жалко.

– Ну, можешь на пол, – бросив чайник с чашками на разбитый стол, произнёс Константин. – Даша, я всегда знал, что ты привередлива!

Серова остолбенела.

– Откуда он знает моё имя?.. – прошептала она, с испугом.

– Понятия не имею, – Астрид тоже была удивлена.

– Ну а ты, Астрид? – улыбнулся гостеприимный Константин Чернов. – Уже нашла ноты той замечательной песни, что поёт тебе Особняк Ветра?.. – поинтересовался он так, словно говорил о совершенно бытовых вещах. Над Астрид словно ударил гром. Она слышала музыку в Особняке Ветра... неужели Константин знает, что это за музыка? А если да, то откуда?..

– Да откуда Вы всё это знаете?! – не выдержал Аскольд.

– Ну как же откуда! Вы ведь сами мне обо всём рассказывали! – мужчина заботливо разливал душистый чай по чашкам. – Только не до конца, мама была против вашего прихода, и вы ушли! Жаль, только, что не смогли попробовать её манный пирог! Он у мамы получается просто волшебно! Ну и напугала она вас тогда! Опрокинула тарелку с тестом прямо на пол!

Астрид и Хельга Ивановна с непонятым ужасом понимали, что Константин сейчас говорит в точности о том дне, про который рассказывала Минерва Мстиславовна! Вот, кем были четверо друзей, что пришли к Константину! Он видел их! Их, но сквозь время! От осознания данного странного факта, их бросило в жар, потом в холод. Происходящее с трудом укладывалось в голове!

– Стоп, так в каком времени Вы вообще живёте? – задала вопрос Астрид.

– Я? Я живу во времени, в котором брошенные машины без колёс растят крылья, учатся летать и улетают! – ответил Константин, опять же с улыбкой.

– А мы тогда в каком? – спросила Даша, сама того не зная зачем.

– А вы... а вы в том, где эти машины отдают себя на металлолом, ржавеют и загрязняют подземные воды! – пожал плечами мужчина, с видимой жалостью к задающим вопросы. – Пейте чай, скорее! Он же остынет! – воскликнул, живо, Константин, и

взял себе чашку. Присутствующие, хоть и с недоверием, но тоже потянулись к кружкам, потому что очень хотелось пить, да и аромат по дому был разлит уж очень соблазнительный и сладкий. Чай, к счастью, оказался вкусным и ничуть не ядовитым. Константин сам пил его, усевшись в плетёное кресло из лозы. Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд уселись на диваны, которые, почему-то, уже не казались ни одному из них мокрыми, гнилыми и грязными. По всему дому всё сильнее разливался приятный, обволакивающий и сонный аромат согревающего травяного напитка.

– Так Вы один живёте? – спросил, зачем-то, Аскольд.

– Я не один, – произнёс Константин, и из дальнего угла комнаты тут же донёсся чих какого-то мужчины. Уставившись в темноту, ребята и Хельга Ивановна могли увидеть небольшое облачко пыли, поднявшееся прямо рядом с очертанием одной из картин.

– ...Прошу прощения! – донёсся оттуда же мужской голос.

Аскольд опешил. Он ясно увидел, как прямо в рамке, где висел один из портретов, шевельнулось чьё-то лицо, и поспешил скорее отвести взгляд.

– Константин! – Астрид обратилась к жителю Северолесья. – Но что же с Вами случилось на самом деле? Мы же ничего не понимаем!

– И связано ли это всё с Корнеем Мстиславовичем? – добавила Даша.

Лицо Константина на этих словах девушек поменялось и приобрело совершенно мрачный и понурый оттенок. Оно будто даже стало каким-то тёмно-зелёным.

– ...Откуда вы его знаете? – ужаснулся он.

– Я его родственница, – ответила Астрид. – Так что же с Вами сделал Корней Мстиславович?..

– О, не произносите это имя! – он приставил указательный палец ко рту, засуетившись. – Этот человек сделал всё, чтобы о делах Братства Полной Луны не узнала ни одна душа, которая была бы не приятна ему! – на этих словах Константина, веточки плетёного кресла стали обвивать руки и ноги мужчины. Они, медленно и почти беззвучно передвигались по его конечностям, словно змеи, при этом давая ему свободно жестикулировать. Живое, как оказалось, кресло, непонятно как образовало симбиотическую связь с в нём сидящим.

– Что именно он сделал? – прищурилась Хельга Ивановна, отхлебнув немного чая. И в этот миг, каким-то тоже, мало понятным образом, присутствующие стали оглядываться назад и по сторонам, потому что все разом почувствовали, будто находятся внутри у живого существа. Было слышно сердцебиение, своевременно доносящееся от всех стен, пола и потолка, и дыхание, вперемешку с северным ветром, свозящим из щелей и дыр.

Это начинал жить Смутный Дом.

– Убил меня! – со своим привычным странным ликованием произнёс Константин и засмеялся, сверкая своими зубами, которые сейчас уже светились неестественным неоновым-жёлто-зелёным светом. Дом, кажется, засмеялся в ответ. – Брат моей матери ужасный человек, кровожадный маньяк! Но он бы не добрался до меня, если бы в один из дней я не встретил Лилию!

– Лилию? – переспросила, настораживаясь, Астрид.

– Да! Лилию! – возбуждённо вещал Константин, жадно хлебая чай. – О, моя прекрасная и моя чудесная Лилия! Я носил ей белые цветы, созвучные с её именем, но они каждый раз умирали, когда я возвращался к ней вновь. Должно быть, у неё уже целое кладбище лилий.

Неожиданно, откуда-то с улицы, вместе с пронзительным ветром, влетела мелодичная, похожая на виолончельную, музы-

ка. Присутствующие обернулись почти синхронно и увидели, как в оконную раму, сквозь почти полностью выбитое стекло, просунул свою огромную морду невероятной красоты синий лось! Между огромных и тяжёлых рогов его были небрежно и хаотично натянуты струны, а в них, беснуясь и запутываясь ещё сильнее, крутились во все стороны, пытаясь выбраться, маленькие светящиеся синеватые звёзды. Так и получалась музыка, которую вряд ли когда-то можно было услышать где-то ещё. Лось долго стоял, просунув свою лазурную морду в окно: давал странной красоты концерт, сам, того, может быть, не понимая. Наконец, звёзды выпутались из струн, и, провожённые удивлёнными взглядами гостей Константина, устремились прямо в комнату. Пара из них зажгли свечную люстру, а ещё пара упала в камин и разожгла его. Музыка прекратилась, навсегда став воспоминанием. В доме стало невероятно уютно и светло. Теперь это место напоминало логово лесного волшебника. А синий лось, ещё немного постояв, обратился вначале ночью голубой птицей, затем голубой зимней бабочкой, а потом и вовсе голубой снежинкой, вопреки законам физики, поднявшейся через пару секунд в ночное небо.

Звёзды вернулись из камина в комнату, умножились, и растелились сказочным ковром там, где должен быть потолок, что сейчас куда-то исчез, сменившись необъятным, словно августовским, звёздным небом, с огромными цветными планетами, сверкающими вдалеке: спящим на боку голубым ураном, лунами Юпитера, что светились, как самоцветы в бусах Минервы Мстиславовны.

Выбираясь со скрипом из-под гнилого паркета, в полу начали прорастать и расцветать удивительной красоты небесно-голубые незабудки, а по стенам стала ползти сизо-лазурного цвета виноградная лоза, издавая мелодичные переливы, словно

где-то в растениях прятались маленькие серебряные голосистые колокольчики.

Из-под лестницы, утопавшей теперь в море из синих незабудок, выбежал бело-перламутровый трёхглазый кот и запрыгнул на колени к Константину. Два глаза его спали, а третий бодрствовал, переливаясь всеми цветами радуги. Мужчина принялся гладить животное своей шершавой тёплой и грязной ладонью.

Всё, что сейчас происходило было из ряда фантастики, из ряда самых таинственных и психоделических снов, из того, что обычно описывают в своих галлюцинациях наркоманы, но никто из присутствующих в этом невероятном доме не находил происходящее тут странным и не задал ни одного вопроса: четверо пришедших просто продолжали пить свой чай, наслаждаясь всей этой странной и несуразной красотой, словно не было ничего естественнее, чем всё это.

–...Лилия была так похожа на меня! – мечтательно протянул Константин, встретившись своим взглядом с радужным оком трёхглазого кота. – Она понимала то, что другие не понимали, видела то, чего другие не видели! Там, где остальные называли меня психом, она называла меня архитектором вселенных. Однажды она сказала мне: «хочешь, я отведу тебя туда, где нас, таких, как мы с тобой, больше?» – Константин произнёс эту фразу чистым женским голосом, при этом совершенно не изменившись в лице. Это, как поняли присутствующие, прорвался через его голосовые связки голос той самой Лилии. – И тогда, я, человек, прошедший по пути одиночества и вечного поиска своего мира, вынужденный зализывать свои невидимые простому глазу глубокие раны с запёкшийся в них голубой кровью в безопасном месте, каким для меня всегда был этот дом, услышал от любимой женщины, что она вот-вот покажет мне мир, общину, где мы сможем существовать не как изгой, а как свои! Вот-вот

она покажет мне дорогу в наш с ней собственный мир. В мир, где есть лишь бесконечное счастье, солнце и почва для развития наших способностей, нашего нестандартного зрения, а не серая реальность, похожая на безразмерную тюрьму, где время ползёт старой, уставшей жить черепахой – я так же как она устал в нём жить!

В то время, как люди, искавшие смысл своих жизней здесь, умирали, не желая уже ничего знать, я умер, когда родился: я пришёл в этот мир уже зная его вдоль и поперёк и давился от накотившей рвоты, а на глазах моих были мозоли. С убеждением того, что жить в этом мире – пытка для меня, я плыл по небу, ведь земли для меня было мало. Я светил никем не воспринимаемым чёрным солнцем, и только Лилия... только Лилия вдохнула в меня жизнь и любовь! Счастливым ли я стал тогда? Да знаете, как я выздоровел и воспрянул?! Знаете, какая прекрасная белая, словно ровно и медленно льющееся молоко, лилия, расцвела у меня в сердце? А вот, что там сейчас! – Константин резко разорвал у себя на груди рубашку. И тут даже кот, двумя глазами уснувший на коленках у женщины, а третьим, радужным, продолжая наблюдать за происходящим, испугался и, гневно мяукнув, прыгнул на пол. Присутствующие ужаснулись: вместе со своей рубашкой, странный человек распорол свою грудь. Из груди Константина теперь рекой лилась кровь, которую источала завядшая, начинавшая чернеть и плесневеть, белая лилия, забившись в рёберной клетке. Цветок нехотя сокращался, словно настоящее сердце, и источал из себя всё больше и больше крови. И тут же, мигом, Константин запахнул рубашку. Глаза ребят и Хельги Ивановны округлились – огромная рана исчезла, будто её там и не было. – Так вот, – продолжал житель Северолесья. – Лилия и привела меня в Братство Полной Луны.

Глава XVII

СНЕГОПАД ИЗ ЛЖИВЫХ СЛОВ

Словно белые тюли, гонимые сквозняком, по комнате беззвучно пролетали тени, оставляя за собой шлейф ледящего ветра. Это были мужчины и женщины, дети и старики. Они плавно входили в стены и выходили из стен, водили хороводы, проходили друг через друга: дом оживал и жил своей ночной жизнью, жизнью магической, а не земной.

– ...Сначала я был уверен, что в Братстве и есть мой мир, – продолжал Константин. Кот снова запрыгнул ему на колени, и, продолжив мурлыкать, уснул двумя глазами из трёх. – Однако потом я понял, что Братство – это всего лишь гнусная кучка фанатиков! Фанатиков, которыми руководит такой же фанатик, но только из другого мира!

– Кто ими руководит? – переспросила, сдвинув брови к переносице, Астрид.

– Ристаль Унгольд, – ответил Константин.

– Ри... кто? – не понял Аскольд, скривившись и абсолютно не поняв двух, сказанных Константином слов.

– Ристаль Унгольд! – звонко повторил житель Северолесья. – Братство – это клуб, что стремится почти две сотни лет найти Ниферио-Ритио – магический артефакт, что должен, по преданию, наделить всех членов клуба неограниченной властью и силой! Ристаль Унгольд – магическая сущность, в которую, после своей физической смерти обратился сам создатель этого магического артефакта! И я... я единственный смог узнать, как он выглядит! Я единственный, кто видел его и смог нарисовать портрет Ристаля для Братства! Это демон с красной светящейся зияющей дырой вместо левого глаза, с дырой, из которой брызжет рубинового цвета пламя! И от Братства Ристаль хочет только одного – тела! Тела, как и любой дух! Ещё Ристаль хочет подчинить себе мир людей и уничтожить его! И я это знал. Я

знал это, и за свою бдительность и осторожность был изгнан из клуба! Именно тогда я осознал, что они слышат только то, что сами хотят. И правда для них не важна! – вздохнул Константин, со злостью и сожалением одновременно.

– Значит, сейчас, этот Ристаль на свободе? Без тела? – решила уточнить Даша.

– И почему он не может найти то, что создал сам? – не понимала Астрид.

– Ристаль был на свободе двадцать один год назад, – отвечал Константин. – А сейчас он уже нашёл себе тело и стремительно движется к исполнению своей цели.

– Нашёл?! – ужаснулась Хельга Ивановна.

– Видите, как произошло: когда Ристаль совершенно внезапно умер на Земле (около двухсот лет тому назад), он стал бессмертным духом, но для того чтобы обрести это бессмертие и вернуться на Землю из Небытия хотя бы каким-то способом, ему нужно было пожертвовать собственной земной памятью: таким образом, Ристаль просто забыл, как выглядит Ниферио-Ритио, забыл, что оно вообще существует и принадлежит ему. Ристаль странствовал по миру в своём посмертии в виде рубинового сгустка энергии, он не был таким, как при жизни: с красными, словно фонари, глазами и будто бы птичьим носом. Этот сгусток энергии мог бы просто схлопнуться и погибнуть. Тогда ни о каком Ристале и ни о каком Ниферио-Ритио никто бы и помыслить не смог, однако проворный дух нашёл, как продолжить своё существование. Он селился в разные предметы, печатывая их своей энергией, что очень напоминает энергию Ниферио-Ритио. Такие предметы уже три поколения Братства, часто путали и путают с настоящим магическим артефактом и приносят в клуб, однако всё это – ошибки. Ристаль жил в этих предметах недолго, а потом находил другие, более пригодные для жилья. И долго он не задерживался ни в какой вещи, потому что любая

земная вещь имеет свойство выгонять чужеродную душу из себя, словно это паразит. Таким образом, проводя некоторое время в спокойствии, Ристаль мог восстанавливать немного своих сил и памяти и уже переходить на поиск, собственно, тела. Предметы, которые служили для Ристаля жильём на протяжении долгого времени и, следовательно, пропитаны его энергией сильнее всего – могут служить для членов Братства своеобразными компасами для поиска Ниферио-Ритио. Такие предметы притягивают знакомую энергию.

– Вы говорите, что Ристаль уже нашёл тело, – напомнила Константину Астрид. – А чьё это тело?

– Я не могу этого знать, Астрид, – пожал плечами Константин. – Но я могу сказать одно: на конечном этапе, когда Ристаль полностью завладеет выбранным человеком, этот человек приобретёт черты лица Ристаля и у него появится несокрушимая сила и способность летать.

– Какой ужас... – прошептала Даша, кутаясь в пальто.

– Именно от этого я и предостерегал Братство! Я увидел Ристаля во время своего ведения, (перед тем, как нарисовать), и мне открылись истинные его планы. Я чувствовал, что словно проник в глубины подсознания этого коварного демона, украл витиеватый кованый ключ от замысловатых замков его отравленного разума! И я понял всё: он не будет награждать этих людей своей силой, когда обретёт тело и получит из их рук найденное ими же Ниферио-Ритио! Он просто сотрёт их с лица этого мира, словно они – мелкие мошки.

– И ты им об этом рассказал? – забеспокоилась женщина-сова, сделав глоток чая.

– Вот именно! – кивнул, с жаром, Константин. – Вот именно, что я сказал им об этом! Я предупредил их о том, что они обманывают себя все эти сотни лет! Ниферио-Ритио – то, что

приведёт их к гибели, и что они слишком наивны, раз верят, что злой демон может наградить их чем-то!

– Они Вас не поняли, да? – догадался Аскольд.

– Они сказали, что я специально несу несусветную чушь и что я хочу просто присвоить себе и Ниферио-Ритию, и забрать «награду» Ристаль сам, не делаясь ни с кем... – вздохнул Константин Чернов. – Они были обижены, на меня за то, что я хотел их спасти! Они сказали, что я подл и глуп, что я опасен для них, для Ристаля... и что меня необходимо изгнать.

– Тогда Ристаль ещё не обрёл тело, верно? Это было тоже двадцать один год назад? – решила уточнить Астрид, сводя брови к переносице от тяжести построения сложных логических временных цепочек в своей голове.

– Нет. Тогда он был ещё на свободе. Духу Ристаля и телу человека, что он выберет для себя в качестве «гнезда», нужно время чтобы соединиться, и тогда к Ристалю вернётся его земная память! Тогда он сможет сам найти Ниферио-Ритию! И сейчас, говорю же, сейчас уже у него есть это тело! Теперь, он просто выжидает, крепнет и растёт! – безумным голосом воскликнул Константин.

– Но боже, в кого же он мог вселиться... – запаниковала Даша, вертя в руке прядь своих волос и продолжая оглядываться на танцующие вокруг них прозрачные тени.

– В Братстве верят в легенду, что когда-то туда придёт мальчик, и поможет всем им найти Ниферио-Ритию. Они верят, что ребёнок, которого они имеют ввиду, будет «помечен Ристалем», благословлён, но я... я уверен, что соль здесь в том, что Ристалю просто выгодно выбрать тело ребёнка или подростка для того чтобы ВСЕЛИТЬСЯ в него! – предположил житель Северного Леса. – Ведь именно в ребёнка проще вселиться и с ним проще расти. С ним проще сплестись воедино и связь будет

крепче. Тело ребёнка не воспримет духа, как нечто чужеродное, а по истечению времени не отличит эту часть от своей.

Испуганный и шумный вздох пронёсся по компании слушающих.

– Сначала в Братстве считали, что я – тот человек, отмеченный Ристалем, но после того, как я узнал истинные планы этого кровожадного демона – от меня отказались. Ко мне перестали относиться, как к человеку, потому что, как я уже объяснил, я сказал не то, что они хотели слышать! Я потревожил и подверг сомнению их сектантские, прогнившие мозги! – сказал Константин, сведя к переносице свои густые и неопрятные брови-гусеницы. – Они уверены, что он отблагодарит их со всей своей щедростью, но он не даст им никакую силу в знак благодарности, потому что все они – всего лишь ничтожные букашки для бессмертного и обзлётного духа! Он убьёт их всех, хотя они полностью уверены в обратном! Я понял это и хотел обезопасить этих людей. Я хотел предупредить их о страшной опасности, которую для них готовит дух Ристаля, что на тот момент был ещё пока бестелесный! Члены Братства стали сгущаться надо мной, словно тучи, а Лилия обзлилась на меня и сказала, что больше меня не любит. Это было самым сильным потрясением для меня!

– А Корней Мстиславович?.. – с ужасом спросила Астрид.

– Он упёк меня в психушку, сказав членам Братства, что у меня всего лишь шизофрения, что я одержим, и поэтому говорю такие «ужасные вещи» о Ристале и о деле всей их жизни! Моей несчастной матери он сказал то же самое и добавил ещё, что я употребляю наркотики и опасен! – пожал плечами житель Северолесья.

– Вот уж ничего себе! – удивился Аскольд, раздув ноздри от бешенства.

– Теперь мне страшно вспомнить, что я сидела с этим человеком за одним столом! – призналась Астрид, вздрогнув.

– А что потом было?.. – с содроганием спросила Даша, жаждущая продолжения странной и запутанной истории.

– А потом вот что было! – вновь приобретя какую-то несуразную ноту неуместного веселья, сказал Константин и встал с кресла. Лоза, что обвивала его, мигом отпустила, медленно возвращаясь на место. Мужчина допил остывший чай и жестом позвал за собой своих гостей. Подойдя к стене, он пару раз постучал по ней костяшками руки. Стена неожиданно отодвинулась с сильным грохотом. Константин шагнул в образовавшуюся темноту, позвав за собой своих спутников. – Сейчас вы сами всё увидите! Смелее, заходите! – сверкая зубами, звал он их в крошечную темноту.

И почти не раздумывая, присутствующие сделали шаг навстречу чёрной материи. За последним зашедшим Аскольдом стена захлопнулась. Сначала, около минуты, они слышали лишь гулкое завывание теней и душ, что до сих пор водили свои потусторонние хороводы в комнате, за стеной, но потом оказались в... больничной палате с решётками на окнах.

Молодой парень с едва заметной щетиной спал в своей кровати, свернувшись калачиком, словно голодный брошенный пёс. Вглядевшись в лицо парня, можно было сразу понять, что это – Константин Чернов. Возле входной двери стояли очень знакомые люди! Один из них был ещё не совсем лысым доктором Никасом Владимировичем Брауном, что наотрез отказался поговорить с Хельгой Ивановной о Константине сегодня утром, а другой никем иным, как Корнеем Мстиславовичем Черновым собственной персоны! Граф сейчас тоже был не сильно седым, и волос у него было гораздо больше. Корней Мстиславович стоял перед психиатром в малиновом костюме, тёмно-зелёной, наде-

той под пиджак, рубашке, и очень серьёзно скрежетал ему прямо в лицо:

– Никас Владимирович, Вы ведь понимаете, что сами тянете резину, продолжая держать этого опасного пациента в больнице? Вы понимаете, под какой риск Вы ставите жизни других, менее безобидных пациентов, что выйдут отсюда и заживут счастливой жизнью нормальных людей? – брови графа Чернова были всё такими же неаккуратными и торчащими во все стороны. Он изредка оглядывался на спящего племянника. Тот спал непробудным сном.

– Видите ли, Корней Мстиславович, – замялся доктор Браун. – Вы ведь сами приказали вводить этому пациенту наркотик. Теперь же Вас не устраивает его непредсказуемые действия и состояния! Я Вас не понимаю, ей-богу!

– Не делайте из меня дурака! – с дерзостью произнёс граф. – Я ясно Вам сказал, Никас Владимирович, что этот пациент должен выйти из этой больницы не иначе, чем в катафалке, и чем раньше, тем лучше. Прошёл уже месяц, а Вы всё медлите, словно улитка!

Хельга Ивановна, Астрид, Даша, и Аскольд, стоящие, будучи совершенно не замеченными прямо рядом с говорящими, ужасались зверству графа Чернова. Астрид, не желая верить в этот беспредел, поражённо мотала головой и всё больше думала, что это – не первая жертва Корнея Мстиславовича. И не первый его кровавый договор. Хельга Ивановна поняла, почему Браун не хотел с ней разговаривать. Всё потому что он был продажным подставным лицом графа Чернова.

– Я сказал Вам один раз и больше повторять не буду, – пробасил, подведя итог, Корней Мстиславович, укоризненно уставившись на доктора Брауна.

– Вы хотите, чтобы я убил своего пациента?! – напрямую, ужаснувшись, и будто только сейчас поняв посыл слов графа Чернова, возмутился психиатр.

– Да, верно, – кивнул головой Корней Мстиславович, мигом сменив тон разговора на преспокойный. – Я хочу, чтобы Вы убили Вашего пациента! – хладнокровно улыбнувшись, изрёк граф Чернов. – А Вы быстро учитесь, Никас Владимирович! – ядовито усмехнулся мужчина.

– Я.. я не стану! – попятился назад доктор, которого бросило в жар от слов заказчика, которые ранее звучали, похоже, лишь завуалировано, не прямо. – Я согласился поддержать его здесь до определённого срока, Корней Мстиславович! Я согласился колоть его запрещёнными препаратами за Ваши никчёмные деньги, будь они неладны, но я всё ещё врач, а не наёмный убийца! – рассердился Никас Владимирович.

– Тогда Вы сядете в тюрьму за убийство ни одного, а, скажем, пятерых пациентов! – засмеялся, ещё более ядовито, граф Чернов. – Пойдёте под суд, как серийный убийца: вообразите себе, какие только будут заголовки в газетах! А самое главное, Вы вообще никогда не увидите белого света, Никас Владимирович! Так и сдохните в тюрьме! – и Корней Мстиславович залился громким смехом. Запуганный врач не знал, что ему сказать.

– Вот же гад! – не выдержала Даша, замахнувшись на «героев живого фильма». Астрид её остановила и стала наблюдать далее.

Корней Мстиславович ушёл из палаты, яростно хлопнув дверью. Дальше действие перенеслось в кабинет Никаса Владимировича. Он сидел, судорожно постукивая пальцами по столу. За окном было осеннее ранее утро. Утро седьмого октября тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Уже знакомая дата для ребят. Ещё не рассвело. Через минуту в кабинет врача зашёл тот

человек, в палате которого они с Корнеем Мстиславовичем находились «в прошлом отрывке».

– Можно? – спросил худой, синюшный и очень изнеможённый Константин, в неопрятной грязной рубашке, клетчатых штанах, серых тапках и с растрёпанными чёрными жирными волосами.

– Заходи, Костя, – кивнул, обречённо, доктор Браун. – Я хочу сказать тебе кое-что.

– Что? – выпучил бешеные глаза Константин и уголки его рта ринулись к низу. Он совершенно не здоровым взглядом бурлил своего лечащего врача.

– Я больше не лечу тебя, – заключил он. – Ужасный человек – твой дядя! – Никас Владимирович встал из-за стола и принялся расхаживать взад-вперёд по кабинету, не в силах сидеть на месте. – Он хочет убить тебя, а я этого не хочу, понимаешь, Костя? – на глазах врача выступили слёзы. – Я не хочу этого!!! – взмолился он и, зарыдав, упал на колени. – Ты должен бежать отсюда! Ты должен бежать, слышишь, бежать, пока не поздно, и будь, что будет! Ты можешь вести нормальную жизнь, как и все люди, тебе просто нужен тот, кто тебя поймёт и полюбит! Он заставлял меня колоть тебе наркотики! Он заставлял меня говорить твоей матери, что ты агрессивный наркоман, что её нельзя допускать к тебе, и он платил мне за это деньги! Я не врач, Костя! Я продажный ублюдок! – Браун плакал и рвал на себе остатки волос. Слёзы душили его. – Но я не убийца, Костя! – красное от слёз лицо врача с выступающими на висках жилами кривилось в гримасах страха и раскаяния. – Я не убийца, я хочу спасти тебя от смерти!!! Все слова, каждая буква, что написана в этой карте, – Браун помахал толстой медкартой Константина. – каждое слово, что составлено из этих букв – всё это ложь! – доктор ещё сильнее затряс медицинской картой. – Всё это ложь: эта липовая шизофрения, эта липовая наркотическая зависи-

мость, бред, галлюцинации – ничего этого нет! Всё это – самая наглая ложь, которую я сюда написал! Я!!! – взревел Никас Владимирович, осознавая, что ему никому и никогда в своей жизни не приходилось так врать. – Давай! – он протянул Константину карточку в своей дрожащей руке. – Давай разорвём её вместе, и ты убежишь отсюда навсегда! Пусть снег выпадет раньше, и это будет снег из лживых слов! – умолял доктор, сходящий с ума.

Константин Чернов встал из кресла, посмотрев на Брауна своим осоловелым взглядом: очередная доза наркотика почти вывелась из его организма, и он мог понять всё, о чём говорит врач.

– Вы... Вы это серьёзно? – нелепо улыбнулся Константин не очень адекватной улыбкой из крупных зубов.

– Серьёзно, – шмыгнув носом, кивнул доктор и принялся вновь нетерпеливо протягивать ему карточку, не заканчивая плакать. И следующие несколько минут в кабинете психиатра, словно в стеклянном шаре, шёл белый снег из лживых слов. Кусочки бумаги, на которых в бешеных танцах танцевали обрывки слов, терявшие отныне всякий смысл, находясь в таком хаосе, плавно опускались на пол. Пациент и доктор плакали и смеялись нервным смехом, сидя на полу на коленях и в этом плаче и смехе была невероятная их душевная близость и невероятная, болезненная человеческая любовь доктора к пациенту. В вылившихся наружу слёз доктора, была дикая боль от того, что ему в любом случае придётся навсегда попрощаться с этим добрым человеком, который оказался здесь по вине своей злой судьбы и научил его, психиатра со стажем, чему-то, чему не могли его научить в медицинском университете.

Снег в кабинете продолжал идти до тех пор, пока с улицы не послышался пронзительный визг тормозов и звук столкновения двух машин. Никас Владимирович обеспокоенно подскочил

и выглянул в окно: на дороге, возле больницы, случилась авария: столкнулись два больших грузовика, но это ещё было не всё: в это же время, видно, спланировав побег, выбежал из больницы какой-то пациент, и, не рассчитав, угодил прямо под колёса какой-то из фур. Может быть, кстати, именно он и спровоцировал аварию. Было видно, что лицо человека было полностью изуродовано от удара. Его откинуло прямо на обочину.

Зрелище было жуткое.

– Что это? – спросил Константин, шмыгнув носом.

– ...Твой шанс! – суетливо протараторил Браун: в его голове моментально сложился план спасения Константина от смерти. – Ты должен бежать прямо сейчас! – строго произнёс он. – Ты должен бежать сейчас, слышишь? Повтори, живо! – требовал он, тряся сонного Константина за плечи.

– Я...должен...бежать... – промямлил он.

– Сейчас же! – тарахтел врач. – Вот тебе мой халат! – он поспешно стал снимать с себя медицинскую форму. – Чтобы ни у кого не возникло подозрений!

– Что Вы скажете дяде? – не понимал Константин.

– То, что это – ты! – доктор ткнул пальцем в окно. – Ну же, беги! Живо!!! И ничего больше не спрашивай!!! Никогда!!! Ни у кого!!! – наставлял он, сверля Константина своими осоловевшими и бешеными глазами, в белочных оболочках которых лопались капилляры от напряжения, образуя маленькие кровавые подтёки.

Константин, неожиданно отрезвев, кивнул и мигом удалился. Конечно, доктор думал, что, может быть, Константину следовало бы лучше умереть, чем навсегда запереться в каком-то уединённом месте и никуда никогда в жизни не выходить, однако он был не убийцей. Он был человеком. Врачом.

Браун не наблюдал за тем, как Константин убежал. Никас Владимирович знал, что у него всё получится, и судьба больше не ударит его сильнее, чем делала это раньше.

На этом «фильм» закончился, и Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд вышли в сопровождении Константина из стены в уже привычную им психоделическую гостиную, где по-прежнему цвели незабудки, а небо было глубокое, высокое, звёздное и глубокое.

– Выходит, – начала Астрид, всё ещё не отошедшая от увиденной только что истории. – За Вас выдали случайного пациента?

– Верно, – кивнул Константин и вновь опустился в кресло из лозы, что также стало обвивать руки и ноги мужчины. – И я больше никогда, НИКОГДА! – проскрежетал Константин, сделав жест дрожащей рукой. – Не показывался людям.

– Вы все эти двадцать лет жили здесь? – отказываясь верить, спросила Даша.

Константин кивнул.

– Тогда всё ясно! Твоего дедушку, Астрид, убил Корней! – сделал вывод Аскольд, поджав губы.

– Твоего дедушку? – переспросил, испуганно, житель Северолесья, обращаясь к Астрид.

– Да, верно. Дориана Альбертовича отравили не так давно.

– Так Дориан Альбертович – это твой дедушка?.. – Константин опешил.

– Верно. И мы предполагаем, что сделал это Корней с его сыном для того чтобы забрать у графа Дориана Альбертовича, вот это кольцо! – произнесла Хельга Ивановна и показала Константину фамильный рубиновый перстень Зейлеров, который Никита и Корней Мстиславович достали из самой могилы графа.

– О, да, – протянул мужчина. – На этом кольце, несомненно, есть сильнейший отпечаток энергии Ристаля Унгольда, я его даже сейчас чувствую, но... – он осёкся. – Это не Ниферио-Ритио. – он пожал плечами.

– Что?! – опешила Астрид.

– То есть, это просто «опечатанный» Ристалем предмет? – решила уточнить женщина-сова.

– Да, это именно то, что «опечатано» Ристалем. – поддерживающе произнёс Константин. – Они убили твоего дедушку, Астрид, и они продолжают убивать, пока не найдут Ниферио-Ритио! Именно поэтому я призываю остановить эту убийственную машину и найти Ниферио-Ритио первыми! – прищурился он. – Быстрее, чем это сделает убийца-Чернов или Братство.

– Вы можете нам помочь? – взмолилась Астрид. – Мы ведь не знаем, что нам делать и с чего начать!

– Может, кольцо поможет? – предположил Аскольд.

– Это кольцо не поможет. Его энергия, хоть и сильная, но её недостаточно для поиска. Увы! – помотал головой житель Северного Леса.

– Но тогда Вы... может, Вы с нами пойдёте?.. – попросила внучка графа Зейлера.

– О, нет, Астрид, – отрицательно покачал головой мужчина. – Моего мира за пределами этого дома и этого леса просто не существует... – добродушно улыбнувшись, изрёк Константин. – Я сразу же погибну, если выйду наружу. Моя среда здесь. Уж простите меня! – он вновь улыбнулся, теперь уже как-то виновато. – Но я верю, что вы сможете, слышите, я верю из всех сил! – сжал свои грязные кулаки он.

Астрид, Даша, Хельга Ивановна и Аскольд грустно улыбнулись Константину, сожалея, что он – тот, кто видел Ристаля, и, скорей всего сообразил, что нужно делать и где искать – не сможет пойти с ними, но они отлично понимали, почему так.

– Я рассказал Вам всё, что я знаю, – сказал Константин. – Только это, и более мне ничего не известно.

– Но как мы тогда найдём Ниферио-Ритио? – не понимала Астрид. – У нас ведь нет никакого чутья.

– Тут ты права, – кивнул мужчина. – Но есть Братство. Вам нужно найти квартиру, в которой они собираются, когда не работает кинотеатр «Синий луч» – обычное их место встречи. Квартира эта располагается в Южном А-Ваене, и окна её выходят на маленький парк с... с фонтаном в виде огромной цветочной вазы! – вспоминал Константин. – Квартира находится на втором этаже дома: её легко заметить. Оконные рамы, насколько я помню, коричневые, а не белые, как в основном доме.

– Я знаю, где это! – воскликнул Аскольд и даже подскочил на месте. – Десятиэтажный дом из синих панелей!

– Да, – подтвердил Константин. – Но там они только, когда закрыт «Синий Луч», помните! – отсутствовал житель Северолесья.

– Есть Братство, – осветила начатую Константином мысль Хельга Ивановна. – Ты хочешь сказать, что мы должны проследовать за ними, чтобы искать Ниферио-Ритио, якобы, бок о бок?

– Почти, – уклончиво ответил мужчина. – Они будут вашим компасом, раз таковым не может служить кольцо Дориана Альбертовича.

– А если они найдут предмет первыми? – не понимала Астрид.

– В этом-то и вся ваша задача: понять что-то последнее первыми, оборвать последнюю тоненькую ниточку огромной толстой и засаленной верёвки, что вот-вот порвётся. Понимаете? – с энтузиазмом говорил мужчина в лохмотьях.

– Кажется, да, – кивал Аскольд, углубляясь в суть предстоящего.

– Но только не попадайтесь им на глаза! – напутствовал мужчина, сверкая жёлто-зелёными зубами. – Идите рядом. Идите, словно вы тень, на которую обычно люди не обращают внимания. Идите сзади них, но опережайте. Опережайте. Опережайте! – сказал житель Северолесья. – Больше мне нечего вам сказать. Теперь я волен наблюдать за вами невидимым приведением, не чувствующим, не осязающим, молчаливым холодным сгустком. Отныне я – только тишина. Я всегда был тишиной, я всегда осознавал себя тишиной. А вы просто услышали её на иной частоте! – с этими словами Константин, улыбнувшись, встал со своего кресла. Кот снова фыркнул и прыгнул с грязных брюк своего хозяина, направившись куда-то под лестницу, цветы на которой, ещё несколько минут назад были живыми, а сейчас начали медленно увядать, делавшись из небесно-голубых сначала тёмно-синими, а потом коричневыми и мертвенно-обмякшими. В доме снова что-то происходило: спокойствие сменялось холодом. Странно, но этот холод во время разговора они не ощущали! Через космос над головами постепенно стали проглядывать трещины старого и мокро-гнилого потолка. Синие огни тлели в холоде и сырости Смутного дома, а чопорные персонажи на картинах вновь становились неподвижными, застывая в тех позах, в которых они изначально были изображены.

– Теперь я знаю, зачем вы тогда приходили, – повернувшись к ребятам и женщине-сове, изрёк Константин, словно его осенило. – Вы приходили, чтобы остановить Ристая. Тогда и сейчас.

Сказав это и не дожидаясь ответа, он подошёл к стене, в которую они впятером недавно входили, и, на прощание улыбнувшись тем, кто посетил его дом впервые за двадцать лет, диффундировал с твёрдой поверхностью, которая для него на пару секунд сделалась жидкой.

Это было последнее, что должны были увидеть и услышать ребята и Хельга Ивановна.

Сонный Смутный дом медленно снимал с себя старую и пыльную шаль, пахнущую сном, старостью, плесенью и мхом; зевал, переворачиваясь на противоположный бок, засыпал, но уже по-другому. То, что здесь было – было сном Смутного дома. Может быть и тревожным, а может быть, самым приятным из всех и дому бы не хотелось, чтобы он заканчивался, как, к сожалению, суждено сделать всему в этом мире.

Глава XVI

КАНУН ДНЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

Тридцать первого октября улицы Южного А-Ваена стали напоминать огромную, пестрящую всеми осенними цветами ярмарку, длиной почти в целый город: всё светилось яркими фонарями, что были, словно длинная гирлянда, натянуты между невысоких зданий, расположенных по обе стороны от автомобильной дороги. Наряженные в причудливые костюмы дети собирались небольшими компаниями, и, гуляя по улице, не изменяя традиции праздника, выпрашивали у взрослых сладости. Маленькие шалуны прекрасно справлялись с этим заданием. У них это получалось блестяще. Да и кто откажет милому мальчику в костюме рыжего полосатого котика или милой маленькой девочке, переодетой в Красную Шапочку? В некоторых кофейнях и ресторанах к празднику добавили особое меню, в которое, тоже по неизменным традициям входила тыквенно-ванильная выпечка с нотками корицы, острого перца и кардамона; пряное согревающее какао с зефирками; печёные яблоки с мёдом; глинтвейны и карамель. По улицам были расставлены светящиеся тыквы, зловещими глазами и улыбкой освещающие людям дорогу; в костюмы, кстати, наряжались не только дети, но и взрослые: они расхаживали по дорогам в нарядах скелетов, чертей, вампиров, ведьм, и персонажей из фильмов ужасов. Встречая их, радостно визжали дети, окутанные атмосферой жуткого коричнево-тыквенного праздника фиолетового и оранжевого цветов.

Говоря в целом, в обоих А-Ваенах Хэллоуин был одним из излюбленных праздников, и к нему всегда оба города готовились очень тщательно. Однако, интересно было заметить, что в таких, по сути, близких по названию городах один и тот же праздник отмечался по-разному: в Южном А-Ваене Хэллоуин видели балдёжной оранжевой вечеринкой, с

пёстрыми и весёло-пугающими костюмами, яблоками в карамели и тематическими развлечениями всех мастей, а в Северном А-Ваене Хэллоуин был таинственным, молчаливым и тёмным праздником. Здесь любой тоже мог встретить на улице людей в страшных костюмах, увидеть светящиеся тыквы во дворе старинных особняков, но всё это не сопровождалось шумом и громкой музыкой. Скорее, Северный А-Ваен предоставлял возможность насладиться мертвенной тишиной и пением призраков, вникнуть в темноту и послушать мистические истории, которые возьмётся рассказывать какая-нибудь старушка, любящая красить губы фиолетовой помадой. Эти, несомненно леденящие истории про кладбище и призраков, будут рассказаны с неподдельной убедительностью: от них по спине любого, даже самого заядлого скептика, побегут холодные мурашки.

В общем, каждый мог выбрать свой Хэллоуин и не остаться равнодушным.

Пока вечерний Южный А-Ваен светился множеством разноцветных огоньков и пах горячей карамелью с печёными яблоками и мёдом под наблюдением белого и огромного глаза полной луны, в кинотеатре «Синий Луч» члены Братства с содроганием ждали возвращения отца и сына Черновых, что пообещали приехать назад ТОЛЬКО с Ниферио-Ритио в руках и никак иначе.

Белая Шамирам, трогая сухие цветы в своих таких же сухих волосах, выглядела сейчас неподдельно нервно и взволнованно, хотя ни один член Братства никогда не видел, чтобы мессия вела себя подобным образом. Сегодня она, по большей части, молчала, а её кожа будто бы всё больше выбеливалась. Придя в тёмно-сине-бархатный подвальный зал, едва освещённый тусклогорящими светильниками в виде настенных канделябров, можно было счесть его за какой бы то

ни было пустующий склад, но сейчас, когда все, кто здесь собрался, с содроганием ждали появления того, что навсегда изменит их жизни, эту, висящую в мрачно-синем воздухе невероятную напряжённость мог, наверное, почувствовать любой зашедший сюда человек.

– Они не придут, – ходящий туда-сюда, как и остальные, и не находящий себе места от нетерпения, процедил Роголод Геннадьевич, шаги которого приглушались синим напольным бархатом.

– Сплюнь! – чувствуя, как умело нервное ожидание играет на чувствах и настроении, так же нервно и звонко воскликнула ему в ответ одетая в излюбленные тёмные и строгие вещи Лилия Львовна Пурис. Сейчас каждый, кто здесь был, (а были они здесь все), чувствовал эмоциональную уязвимость, страх за то, что Никита по какой-то причине не явится сюда сегодня, или же, что ритуал, что они собираются проводить в эту ночь полнолуния, тоже по какой-то нелепой случайности накроется медным тазом.

– Уже девять вечера! – стервенел Морис Петрович Гордиенко, вырядившийся в оранжевую рубашку с синим галстуком и салатовые брюки. Его глаза горели нетерпением. – Они уже тысячу раз успели бы приехать сюда и привезти ни одно, а тысячу проклятых колец! – выругался он.

– Вы только нагнетаете обстановку, – вмешалась Ирина Николаевна Баранова. – Они пообещали – значит они явятся! – строго заявила она и спорящие умолкли, перед этим с недоверием покосившись на графиню.

– Я в общем-то не особо-то и удивлюсь, если наш дорогой мальчик совершит ещё одну ошибку! – издевательски, тихо, с хищно-нездоровой улыбкой продолжал пёстрый, как петух, граф Гордиенко, выждав паузу длиной в пол минуты. –

Молодой и глупый мальчишка с манией величия! А мы – отчаявшиеся и доверившиеся обречённые путники!

– Почему ты так говоришь о нём, Морис? – запела из темноты, не в силах больше слышать подобные слова в сторону Никиты, ангельским голосом Шамирам и Морис Петрович замялся, как заминался обычно любой, слышащий этот гипнотический голос. Когда мессия вмешивалась в диалоги, так спокойно, словно была аккомпаниментом, перетекающим в главную партию и заставляющим их всех резко перестать говорить, все они чувствовали потустороннюю энергетику, заставлявшую их безвозвратно терять былую уверенность и вставать в ступор. И они становились спокойны, ведь сама Магия в лице этой невообразимой хрупкой женщины-моли всё ещё сдерживала их, всё ещё давала тонкую и блестящую, словно нитка паутины, вкрадчивую надежду на успех. Они переставали говорить, потому что знали, что Шамирам не обманет. Ей они ещё верили. И верили беспрекословно.

– Разве Никита не был тем, перед кем ты преклонил свои колени несколько лет назад, ни в его ли глаза ты смотрел, словно в глаза бога? Но за спиной своему богу ты говоришь то, что ни за что не сказал бы в лицо, как чёртов фарисей! За глаза своему богу ты говоришь отвратительное. Ты ведёшь себя, как простой и жалкий человек, что сегодня насилует и убивает, а завтра надевает милый платочек, делает невинные глазки, стоя на службе в церкви, и после этого вновь берётся за старое, думая, что его бог видит его только когда он в церкви. Ты делаешь то же самое и поэтому ты мерзавец, Морис! – она не меняла тона своего голоса, даже напротив, она как-то неподобающе улыбалась, но от этой улыбки никто не ждал снисхождения. Мессии было просто напросто привычно и приятно вгонять в людей стыд, будто тонкое алмазное сверло. – Ты напрочь забываешь, что для нас сделал мальчик! – здесь

женщина с белыми глазницами взвизгнула, словно оперная певица и в ушах у присутствующих разом что-то задребезжало.

– Что для нас сделал этот мальчик? – не скрывая явной боязни перед Шамирам, но всё же решившись узнать, вступился Рогволод Геннадьевич. Он поднял высоко свои светлые брови, будучи в недоумении и желая постичь сокрытую истину. Истину, которая, как думали почти все здесь присутствующие, понятна только Шамирам. Бьёрк посмотрел на мессию таким взглядом, заметив который, зрячий человек, скорее всего бы обидился. – Да по мне он ничего не делает! – осмелился выплюнуть высокий, словно огромная балка, мужчина. – Ты ставишь мальчишку на божничку, а он просто пользуется этим! И мы вынуждены кормиться его пустыми обещаниями!

– Послушайте, мои дорогие, – выслушав Гордиенко и Бьёрка, терпеливо и певуче, в унисон со скрипом несмазанных колёс своей коляски, начала Шамирам. – Что бы сделали все вы, если бы каждому из вас сейчас дали в руку по змеинному яйцу, в котором билась маленькая жизнь и приказали бы сделать так, чтобы эта жизнь увидела солнце? – она с секунду подождала ответа. – Вероятнее всего, согреть яйца самостоятельно вы не стали бы, поскольку не являетесь матерями детёнышей и не сможете дать им того тепла, что смогла дать змея-мать... – Шамирам подводила к сути не слишком понятными аллегориями.

– К чему здесь истории про змеиные яйца? – возмутился Рогволод Геннадьевич, думая, что белоглазая мессия запутывает их и держит за слабоумных.

– А к тому, Рогволод, что скорее всего, ты бы сам подбросил яйцо матери-змее, будучи не в силах согреть его своим неподобающим для змеёныша теплом. Ты отдал круглое белое яйцо бисерной шипящей хладнокровной матери с

раздвоенным языком, чтобы та стала проводником в жизнь для своего дитя.

– К чему ты клонишь? – не понимал толстокожий Морис Петрович, авторитетно вскинув обе руки и начиная нервничать.

– А к тому, что тот, кого мы все жаждем увидеть в конечном итоге – зачаток будущей змеи. Никита же – в данном случае – змеиный родитель. И без него, без среды, которую может создать только Никита – вы никогда, запомните, никогда не увидите того, ради кого вы здесь!

Услышав это, Гордиенко и Бьёрк умолкли. Им, судя по виду, даже стало как-то не ловко, но вместе с тем они услышали совершенно новую для себя информацию. Ирина Николаевна и Лилия Львовна тоже почувствовали, как по их телам пробежались мурашки. Они жаждали объяснения. Монета вдруг поворачивалась к ним противоположной стороной, которую они доселе не видели и поэтому сейчас наострили уши.

– Ристаль Унгольд – маленькая змея, но благодаря Никите, его телу, благодаря теплу его крови, Ристаль воспрянет, наберётся былой силы и энергии (как если бы змеиное дитя впитало в себя яичный белок с витаминами и минералами), а потом дарует, в знак благодарности силу всем нам! – объяснила мессия. – Роль Никиты не так глобальна в поиске Ниферио-Ритио, сколько в создании в своём теле убежища для Ристаля. Дух Ристаля выбрал Никиту, потому что именно в нём ему удобно и безопасно. Именно в нём есть все условия для восстановления магических сил. – пояснила Шамирам.

– Но ведь Ристаль живёт в браслете, который Никита носит с детства, разве нет? – переспросила графиня Пурис. – Ты говорила ему и нам именно так! – не понимала всё ещё Лилия Львовна.

– Нет, – ответила мессия, устремив тонкие белые пальцы в свой сухой венчик. – Ристаль несколько лет жил в браслете, и

будучи там он привлёк внимание того тела, которое было ему пригодно в качестве следующего дома, потому что ещё дольше жить в чём-то не живом для Ристаля было очень затратно. Сейчас Ристаль живёт в теле Никиты. Ристаль живёт в теле Никиты с того момента, когда мальчик впервые взял в руки тот браслет. В своём далёком детстве.

– В теле?? – в один голос опешили графиня Баранова и Бьёрк. – Значит, когда мы говорим с ним, мы говорим с Ристалем?! Напрямую??

– Не совсем, – поправила Шамирам, помотав головой, еле держащейся на хлипкой белой шее. – Ристаль не проявляет себя, потому что ещё слишком слаб. Но когда он восстановится, то сможет выйти и наконец-то наградить нас своими силами за труды, которые мы все приложили к тому чтобы он вновь был в мире, в котором всей своей душой хотел оставаться всегда!

– Но если Ристаль в Никите, и, пускай, он себя ещё не проявил, то кто тогда будет искать Ниферио-Ритио? – не понимал Морис Петрович.

– Никита, – кивнула белая женщина. – Энергия Ристаля в мальчике сейчас крепнет и крепнет, становясь отчётливее и сильнее. Следовательно, крепнет и чутьё Никиты на предмет, потому что, будучи в человеческом теле, дух «вспоминает» мало-помалу своё изобретение и стремится к нему бессознательно, толкая Никиту в направлении находки!

– И что это всё значит? – возмущённо выкрикнула графиня Пурис. – Он же постоянно ошибается! Выходит, Ристаль восстанавливается слишком медленно! – всплеснула руками женщина. – Мы, может быть, успеем ещё помереть, пока Ристаль наконец созреет! – невесело усмехнулась женщина.

– Почти триста лет бесплотный и бессильный дух, словно коацерват, плавал в бульоне мира, что повторно стал для него первичным. Он прошёл, буквально, эволюцию сызнова! Для

того чтобы найти украшение, а потом и Никиту, Ристалою понадобилось больше времени, чем две человеческие жизни! Только за этот долгий промежуток, Ристаль смог вернуть немного сил, выжить в диких условиях, а ты считаешь, что он сию же секунду должен взять и найти Ниферио-Ритио, своё изобретение? – недоумевала от твердолобости женщины Шамирам. – Он потерял память во время своего воскрешения из мёртвых! Умерев в этом мире, он побывал на том свете, и вернулся сюда. Это недоступно для обычного человека, и очень затратно энергетически для души мага! Ристаль – просто невероятно силён, раз смог совершить такое за двести с лишним лет! Никита совершает ошибки, но только потому что Ристаль в нём ещё не окончательно окреп и проявил себя. Но мы – именно то поколение, которое увидит и Ниферио-Ритио, и возвращение Ристаля. Я вам всем это обещаю! – завершила Шамирам.

– Мальчишка так увлечён и горд собой, что узнай он о том, что он всего лишь временное убежище Ристаля, он тут же распахнется и покинет нас! – махнул рукой Морис Петрович.

– О, нет, не покинет, – улыбнулась, сладко пропев, мессия. – Никита уже никогда не покинет нас... – успокоила она и её белый взгляд стал удовлетворённым, как-то зловеще загоревшись. Графиня Баранова даже передёрнулась от какого-то потустороннего ветра, что подул вдруг прямо ей в лицо. Подул, и закружил её голову. На секунду ей показалось, что перед ней стоит абсолютно пустая коляска и виновато поскрипывают её несмазанные колёса, однако через секунду реальная картина восстановилась и Ирина Николаевна тяжело вздохнула, списав появившуюся галлюцинацию на сильное волнение и вытерла капельки холодного пота, что выступили на её лбу намочив немного волосы.

Она не знала, что в ту секунду такое почудилось не ей одной. Так почудилось на мгновение всем присутствующим, и так же резко всё вернулось на свои места.

– Он ведь жаждет только славы и похвалы! – не унимался Морис Петрович. – Но ведь и эта похвала и слава, как оказывается, будет принадлежать ни ему, а Ристалю!

– У каждого на этом свете своя работа. Помните: ни Корней, ни Никита – не должны знать о том, что я рассказала вам сегодня, – уклончиво ответила Шамирам, и Морис Петрович догадывался, к чему был дан такой ответ. Он сначала думал, что женщина продолжит говорить, но Шамирам замолчала. Графиня Баранова, всё ещё не отошедшая от леденящего массового видения, на секунду задумалась о судьбе Никиты, и ей почему-то стало грустно, однако она поспешила отогнать от себя это мимолётное чувство.

– Сегодня полнолуние, – тихо и даже низко произнесла Шамирам, подняв белый лунный взгляд на кованые бра. – В какое-то из таких полнолуний Ристаль обретёт тело и мы сможем освободить его. Не исключено, что это произойдёт именно сегодня. – эти слова вновь заставили членов клуба углубиться в мысли о том, что совсем-совсем скоро их ничтожно малое магическое чутьё будет приумножено в разы, и каждый из них, наконец-то, ощутит, что сделал свой вклад в воскрешение Ристаля Унгольда.

Теперь, когда для того чтобы заполучить перстень покойного Дориана Альбертовича Зейлера, Черновым понадобилось всего лишь проникнуть в комнату Астрид и пооткрывать пару ящиков в письменном столе, их радости просто не было предела. Поскольку, как говорил Константин – перстень графа не являлся Ниферио-Ритио, Хельга Ивановна отдала кольцо Астрид, а та убрала его в дальний ящик своего

письменного стола. Поднявшись к себе в спальню из Обеденного Зала, девушка уловила странное чувство, будто что-то здесь изменилось. Но что – пока было не видно и не заметно. Однако, когда Астрид открыла ящик своего стола, то поняла, что кольцо оттуда исчезло! И сразу в голову девушки ударила мысль о том, что, возможно, она оставила свою спальню не закрытой и туда вломился Чернов-младший. Или же, чего доброго, своровал ключ из ключницы в коридоре и нагло открыл дверь в комнату девушки, почувствовав, что кольцо сейчас находится именно там! От этой мысли Астрид стало по-настоящему страшно и жутко. Но если кольцо не Ниферио-Ритио, то зачем Никита забрал его?.. неужели он не чувствует этого?.. В голове опять были вопросы, плюс к этому, после встречи с Константином Астрид окончательно поняла, что Черновы – синоним к жестокости и безнравственности. С ними следовало быть осторожной, потому что они надевают маски. И таких масок множество.

Корней Мстиславович с сыном запрыгнули в чёрный «Мерседес» графа Чернова и умчались в сторону Южного А-Ваена. И как раз к тому моменту вечера, когда в кинотеатре «Синий Луч» произошёл каверзный разговор на тему Ристаля и роли Никиты в его воскрешении, отец и сын подъезжали к изысканному зданию. Когда мессия слышала приглушённые тёмным бархатным и мягким паласом заветные шаги, она замерла, и кажется, чтобы дольше насладиться музыкой этих шагов, даже не дышала, а цветы в её волосах сейчас пытались изобразить из себя ещё более сухих и мёртвых, чем были: они не шуршали, как обычно.

Наконец, минуя веселящиеся толпы народа в цветных карнавальных костюмах, Никита с отцом вошли в зал, где с таким ожиданием, с каким хищник обычно ожидает наконец

вкусить заветную, тёплую, кровавую и сочную плоть, их ждали члены Братства Полной Луны.

– Я вернул Ниферио-Ритио нам! – торжественно объявил Никита и поднял вверх рубиновый перстень. Члены клуба с предвкушением, но каким-то недоверительным, уставились на него. Чернов-младший, явно, не слишком ожидал от них такого выраженного недоверия. Да и граф Чернов почему-то смутился. Возникла неловкая пауза, которую постепенно заполнила своим пением Шамирам:

– Мой мальчик! – она по своему обыкновению доверчиво улыбнулась Никите. – Я знала! Я знала, что ты сможешь! Дай-ка мне ощутить! Дай мне ощутить его, скорее! – нетерпеливо протараторила белая женщина, тянущая костлявые больные руки из своей коляски, как дерево тянет свои худые ветки к солнцу. Никита вложил кольцо в её холодную ладонь и взгляд Чернова-младшего наполнился преданным ожиданием вывода, который сделает мессия. Она никогда не сообщала ему, чувствует ли она необходимую энергию у предмета, что держит в руках, но она всегда держала предполагаемые Ниферио-Ритио так трепетно, словно они вот-вот убегут от неё или же упадут и разобьются: она всякий раз думала, что в её руках ребёнок или хрупкая ваза – одно из двух. Никита внимательно всматривался в пустые, похожие на два камня Кошачих Глаза, очи Шамирам, в движения её губ, в мимику её мертвенно-бледного лица, в танцы её тонких дрожащих пальцев, с выступающими косточками...

– О, граф Зейлер... – Шамирам подняла голову, посмотрев в непонятную сторону, и широко раскрыла пустые глаза, глядя перстень указательным пальцем. – Знали бы Вы, в чьих руках сейчас Ваше кольцо... – и она улыбнулась очень язвительно и едко, словно оскалившаяся голодная собака, а не хрупкая и слабая, словно засушенная моль, женщина-инвалид. Никита

бессознательно воспринимал её, как материнскую фигуру. Конечно, он всегда говорил, что не нуждается в матери, однако только потому что (он сам это не осознавал) именно Шамирам с подросткового возраста заполняла в нём ту прожилку, куда должна заливаться любовь матери, которой мальчик был обделён. Она любила Никиту, как вместилище для тёмных сил, которые множаться в нём, но показывала это так, словно любит его, как сына. Никита чувствовал, что от этой женщины он получает материнское признание, гордость и ласку. Он чувствовал её наивно, боясь даже думать, есть ли она на самом деле или нет. Ему можно было простить эту ошибку, ведь он не знал с чем сравнивать и какие есть для этого критерии.

Недоверие с лиц членов клуба так и не сошло. Даже тогда, когда Шамирам, исследовав кольцо своими пальцами-червями, кивнула, сказав, что пора проводить ритуал. Они, почему-то, не были уверены уже почти ни в чём, несмотря даже на то, что теперь знали правду о Ристале и Никите. Многих из них не раз посещала мысль о том, что, может, разумнее будет уйти из Братства, заняться чем-то приземлённым, но чем, если Братству была посвящена вся жизнь? Доверие к Никите постепенно исходило на нет, а ведь всё когда-то и держалось на этом доверии. Что будет теперь, когда доверия и вовсе не останется? Подсознательно все они ждали новой искры. Такой, какую зажёт в них очень много лет назад юный Никита Чернов. Конечно, они все находились здесь потому что просто не знали, чем станет их жизнь без Братства, подобно тому, как дети, выпущенные из детского дома совершенно бывают не приспособлены к жизни вне его стен. Все эти люди вели двойную жизнь по траектории «работа-клуб» и иное казалось невозможным.

Слова Шамирам, конечно, вселяли в них толику уверенности, однако годы мучительных ожиданий, висящие на

них мёртвым грузом и мёртвыми пессимистическими убеждениями брали своё: вера в обретение потусторонней мощи покидала их во время каждого ритуала, ибо они чувствовали, что их энергия во время проведения обряда на проверку Ниферио-Ритио в полнолуние куда-то уходит. Вместе с этим, совершенно противоположную мысль, утешительно высказывала им в ответ на жалобы Шамирам: «Энергия – не исчезает! А если она и уходит, существует, совершенно точно, место, где эта энергия накапливается, и, откуда, соответственно, можно её вернуть назад, прямо как в физике!» Теплилась надежда, что энергия не может исчезнуть, а следовательно, можно её восполнить. А сюда же уже следом шли пресловутые фразы: «нужно только потерпеть немного и тогда Ристаль не забудет ни про кого и щедро наградит каждого, кто своими человеческими силами помогал бессмертному духу сызнава восполнить свои силы и память.

– Пожалуйста, скажи, что это оно!.. – умоляюще прошептала Лилия Львовна Пурис, в предвкушении ждавшая вердикта Никиты или же Шамирам и кусавшая свои тёмно-фиолетовые ногти.

– Я уверен! – расщедрился Чернов-младший, ни секунды в себе не сомневаясь и уже будто бы купаясь в лучах славы.

– Как бы только нам вновь не пришлось расплачиваться собственными силами и здоровьем... – между прочим, но всё же направляя язвительно-сверлящий, едкий и недоверчивый взгляд на Никиту, процедил сквозь зубы Морис Петрович.

– О, сегодня луна благоволит нам! – продолжал заверять остальных Никита. – Быть может, этот день ознаменует начало новой эры? Эры Братства Полной Луны?

– Надеюсь, твои слова не брошены на ветер... – укоризненно и устало сказал Бьёрк.

– Ну что, идём? – заполнил образовавшуюся паузу Корней Мстиславович, тоже ждущий с содроганием итога сегодняшнего ритуала.

– Идём! – кивнул Никита.

– Идём! Идём, мой мальчик! – рассмеялась, возбуждённо, Шамирам и положила холодную ладонь ему на спину. Даже сквозь куртку парень почувствовал леденящую плоть и слегка содрогнулся. Можно было понять, что у мессии и Никиты какая-то своя, отдельная песня, сыгранная в отдельной, другим неизвестной тональности. Звук, слышимый на иной частоте. У них был свой диалог в диалоге Братства, своё течение внутри общей реки. Разумеется, никто не говорил об этом прямо, но все отлично видели. И естественно, это ещё сильнее пошатывало уровень доверия каждого, кто здесь был. Медленно, но верно.

В клубе всё более явно назревал раскол.

Вся группа села в микроавтобус – автомобиль Рогволода Бьёрка, стоявший возле чёрного входа в «Синий Луч». Автобус домчал их до привычного для ритуалов места – одного из небольших лесов Южного А-Ваена. На улице было до невозможности холодно, и если в центре города как-то ещё ощущалось хоть какое-то, если не физическое, так душевное тепло, в лесу царили адский пронзающий холод, темнота и печаль. Небо было усыпано далёкими звёздами, а полная белая луна, не моргая, смотрела на этих несчастных целеустремлённых людей своим безразлично-белым глазом. Женщины и мужчины кутались в свою тёплую одежду. Рогволод вывез каляску с Шамирам через задние двери микроавтобуса. Белой женщине не было холодно – она, напротив, чувствовала себя превосходно в своём лёгком белом платье, которое, казалось, сейчас замёрзнет и станет корочкой из инея. Её кожа не покрывалась мурашками, а волосы не трепетали от ветра – на неё было холодно смотреть, но она не

жаловалась. Шамирам даже отказывалась надевать что-либо, говоря, что чувствует себя так тепло, что они себе просто не представляют. И ещё она светилась. Всем своим белым телом.

Время ритуала близилось. И вот, когда луна отразилась в невидимых, таких же белых глазах Шамирам, она кивнула и ответила всем:

– Пора! – глаза мессии отразили лунно-молочную белизну. Женщина как-то неестественно повернула своей шеей, и присутствующие передёрнулись. Никита встал в центр круга, что образовали члены клуба. Шамирам подъехала на коляске в их сторону, и тоже стала частью этого круга. Никита поднял кверху ладонь, в которой находилось кольцо, и когда Шамирам кивнула, закрыл глаза с чувством холодной тревоги и содрогания, что распространялись по всему его телу то жаром, то холодом. И пеклом браслета ознаменовался его уход в состоянии транса, как и уход в это состояние всех людей. Шамирам стала петь странные мантры своим ангельским голосом и все стоящие здесь чувствовали себя бусинами, что нанизываются на нить этих странных песен Шамирам. Вся энергия, что пряталась в этих людях, на момент ритуала выходила наружу и только судьба решала сколько отнять её в этот раз, если ритуал снова будет проведён неудачно. Именно потому боялись таких ритуалов члены клуба, потому что какой-то их них, попросту мог стать последним, однако, будучи в трансом состоянии, они не испытывали ни страха, ни мучительного ожидания. Тем было, кажется, и лучше для их человеческой стороны, которой так свойственно нетерпение и дикое желание скорее добиться успеха.

По окончании песни Шамирам на секунду всё замерло. Тишина наступила такая сильная, что, наверное, можно было услышать, как затухает на время зимней спячки подземная жизнь лесных насекомых и грызунов. Шамирам едва ли подняла белые глаза к луне, как в центр круга из людей, разразившись

где-то в небе, ударила сильнейшая молния: вернее, это было похоже на молнию, но это была не совсем она. Это была магическая молния, что заставила всех членов клуба разлететься в разные стороны. Людей подкидывало вверх и бросало на мерзлую землю. Они не успевали выходить из транса. Быть может, если бы они всё-таки успевали очнуться, то недоумённо бы брались за ушибленные части тела, мучаясь не столько от появляющихся гематом, сколько от того, что заныла невыносимо больно мозоль, натертая на душе от бесплодных ожиданий и попыток. Ритуал снова был проведён не с тем предметом, который они искали.

Никита, как ни странно, очнулся, схватившись рукой за голову.

– Этого не может быть! Что за чёрт! – он чувствовал, как в глазах мерцали яркие, острые и быстрые блики той молнии, в голове будто бы дребезжали и бились стекла, а уши почти не слышали собственного голоса. Грохот был такой сильный, что оглушил парня. – Шамирам! Шамирам!!! – испуганно зывал он, озираясь на лежащих без сознания членов Братства. Лицо и руки Никиты были в грязи. На острой скуле зияла царапина, из неё тонкой красной нитью струилась кровь. Губа была разбита.

– Я здесь, мой мальчик! – лазурно-белым эхом пропела та, кого он искал, и зажглась, словно дающая надежду лучина в темноте сырого подвала. Никита оглянулся назад. Мессия сидела на коляске позади него. На щеке у неё тоже была кровь, вытекающая из двух полосок царапин.

– У меня опять ничего не получилось да? – с горечью и страхом спросил он, хотя знал ответ. Он просто хотел, чтобы она поделила с ним это. Парень вытирал грязь с волос и лица, не в силах сдержать слёз. Они лились из его глаз, больно щекоча рану. Из носа текли сопли, а когда он говорил, рот мокрел от

слюней. – Скажи, что я снова нас подвёл! Скажи, что у меня снова не получилось! – прорыдал Никита, на что мессия лишь улыбнулась. Чем обусловлена её улыбка Чернов не понимал.

– Это у них не получилось, а ты был и остаешься героем. Моим героем. – преспокойно изрекла она. Никита подполз к коляске женщины и положил свою кипящую и болящую голову ей на колени.

– Я не понимаю, – плакал Никита. – Я ведь снова совершил ошибку! Кольцо Зейлера абсолютно бесполезно! Это пустая трата времени! – И Чернов со всей силы швырнул фамильную драгоценность в чёрные, окутанные ночью лесные земли, а потом плюнул кровью.

– Да. Кольцо действительно оказалось не Ниферио-Ритио, но мы бы не поняли этого без данного ритуала! – женщина гладила его по голове, словно мать малютку-сына, и успокаивала.

Никита, только перестав плакать, судорожно оглянулся на бездыханных членов клуба и отца, лежащего без сознания в паре метров.

– А они?! – он так испугался, будто бы самолично удушил каждого из них.

– Они скоро очнутся, – уклончиво ответила Шамирам и не произнесла больше не слова.

– А почему мы с тобой в порядке? – паниковал Чернов.

– Потому что мы с тобой особенные, Никита! – отвечала белая женщина.

– Мне надоело слушать твои загадки! – взвизгнул парень, мигом встав с земли. – Они умерли, да? – напрямую спросил он.

– Нет, Никита. Они живы. И скоро очнутся. И ты тоже скоро очнешься... – голос Шамирам исказился на последней фразе, что Никита мигом присмирел.

– Так значит я тоже сплю? – голова парня гудела, болела и трещала. Он действительно готов был поверить в то, что находится без сознания.

– Ты скоро поймёшь, о чем я, – не объясняя ничего более, сказала мессия. – Нужно помочь им прийти в себя. – Тут же перевела тему она. – Этот ритуал оказался почему-то слишком затратным: настоящей ударной волной для всех них... – женщина задумалась.

– А я тебе о чём! Такого никогда ещё не было! Они точно очнутся? – панически прокричал Никита. – Отец очнётся?

– Не сомневайся, – Кивнула Шамирам и улыбнулась таинственной улыбкой, однако Никиту отнюдь не успокоили её слова. Сейчас Чернов смотрел на всех лежащих на холодной земле и вновь невольно и невротично брал ответственность за их жизни на свои плечи.

– Ты напрасно винишь себя, – успокаивала женщина-моль. На фоне тёмной картины, состоящей из одноцветных неба и земли, она выглядела светящийся, хрупкой и готовой обсыпаться пудрово-белой бабочкой.

– Но это ведь я совершаю ошибки! – признался парень и от безысходности вновь судорожно вытер смесь из крови грязи и слез лица рукавом.

– На ошибках учатся, – заверила Шамирам. – Поиск такого артефакта как Ниферио-Ритио идёт уже почти 200 лет, и ты почему-то думаешь, что смог бы найти его так быстро, переплюнув предыдущие поколения? – она гладила его по вымазанной в грязи куртке белой хрупкой худой ладонью. – Ошибки доказывают, что ты идёшь верной дорогой. Ошибки снимают розовые очки спеси, даруют холодный взгляд на реальность. Я всегда говорила тебе, что утекло много воды. Много воды ещё утечёт. Кто-то погибнет, кто-то останется – это отбор, что диктует нам издали Ниферио-Ритио, с его суровостью и холодно-древним

родственным запахом зовущей нас тёмной силы. Это отбор. И он естественнее того, который называл таковым Дарвин.

Чернов задумался над словами мессии.

– Скоро люди, из-за которых сердце твоё не спокойно – очнутся, придут в себя и обрушат на тебя накопившийся желчь, как спящий вулкан обрушивает, обозленно, раскалённую магму, будучи в невыносимой обиде на целые города и селения. Но даже вулкан потом заботливо укрывает эти же города и селения белым пеплом, цвета забытья. И поверь, этот вулкан лучше этих людей. Они станут извергать на тебя лаву своей ненависти и безрассудства. Они набросятся на тебя, как стая оголодавших собак! Но они не накроют тебя пеплом забытья. Они всегда найдут способ ещё и ещё раз тыкнуть тебя носом в то, что твои ошибки чуть их не убили. Не позволяй им напасть на тебя, Никита! – наставляла мессия. – Ристаль благоволит тебе: именно ты найдёшь то, что принадлежало ему, а он непременно расщедритя и дарует взамен на Ниферио-Ритио огромную силу! Он ведь видит твою доблесть, не сомневайся! А если не видит, то, разумеется чувствует! Он ведь всегда рядом с тобой! Он знает, сколько сил, упорства и энергии ты вкладываешь в то, что ты делаешь! – Никита поднял на Шамирам глаза, наполненные слезами. Она не переставала гладить его по руке, смотря вдаль.

– Ты правда так думаешь? – переспросил он и этот вопрос для него стал самым интимным, из всех, что он когда-либо кому-либо задавал. Этот вопрос сделался для Никиты тем, что заставило его полностью и окончательно довериться Шамирам, как сын доверяет мудрой матери.

– О, конечно! Он бы захотел стать твоим отцом, если бы смог. Он бы замечал тебя, он бы гордился тем, что у него такой сын! – продолжала белая женщина-моль.

Чернов плакал. Горько. Он уже ничего не стеснялся, и, вновь упав на колени и поняв, что его разорванным брюкам уже нечего терять, рыдал грязными слезами, уткнувшись в её ноги.

– Да, мой дорогой, – продолжала петь свою сладостную песню Шамирам, зная, что Никита, не знавший, что есть любовь и тепло, но жадно изголодавшийся по нему, не сможет оторваться от её прослушивания. – Ристаль может быть тем, кого ты сможешь называть отцом! Ты... ты ребёнок мести и разврата, Никита. Дитя, зачатое в чреве сестры от родного брата. Ты по натуре своей – оружие мести, воин, которого все должны бояться! – на этих её словах, Чернов-младший почувствовал долю своего превосходства. Он будто бы вырос ещё на голову. – Но как жаль, – продолжала мессия, – что тот, кого ты называешь отцом – ни секунды тебя не ценил! Ты был обузой, объектом для насмешек, нарциссическим расширением! Но сейчас ты выше этого, мой дорогой мальчик. Сейчас ты знаешь себе цену! Неограниченная власть и сокрушительная сила – вот, что будет и должно принадлежать тебе, и не смей соглашаться на меньшее! – напутствовала она, и в ушах Никиты страстно отзывались слова этой женщины. Отныне Чернов решил, что не совершит ошибок: он найдёт предмет, позволив Ристалю, наконец, обрести свою давнюю потерю, а тот в ответ наречёт его своим сыном, чувствуя силу, мужество и доблесть Никиты, которые не видел ни отец, всё время насмехающийся над ним, ни члены Братства.

Никита, осмыслив речи своей наставницы, закончил плакать, и вновь оглянулся на лежащих женщин и мужчин, что всё ещё не пришли в сознание, но взгляд, которым он их одарил – был уже совсем другим. Глаза Никиты, что ещё час назад были карими, теперь отсвечивали рубиновым светом, словно два ярчайших фонаря! И даже женщина с обесцвеченными радужками почувствовала этот манящий свет и от того, что именно ей удалось

зажечь его своими словами, едко улыбалась, как улыбался сейчас Никита.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

..В которой вы, кажется, начнёте что-то понимать.

Глава XV ПЕСНЯ ОСОБНЯКА ВЕТРА

Прошло ещё несколько дней.

В Особняке Ветра атмосфера скорби по ушедшему графу Зейлеру постепенно сменялась свадебными хлопотами. В вечернее время суток Марсель Сергеевич Матвиенко и Катерина Мстиславовна Зейлер сидели в полутьме Обеденного Зала за ноутбуком и пролистывали множество каталогов с эксклюзивными свадебными платьями и костюмами, дабы выбрать что-то поистине утончённое и восхитительное. Пока привередливым молодожёнам аристократических кровей было трудно подобрать что-то, что бы их устроило – вариантов была масса, и от этого разбегались глаза. Минерва Мстиславовна – истинная противоположность графини Зейлер – будто бы поселилась в доме: ей совершенно не хотелось уезжать в свой холодный и глухой особняк из красочного общества, которое пребывало в доме сестры. Графиня Чернова радушно предлагала Катерине Мстиславовне сшить свадебное платье, учтя все капризы и пожелания сестры, но последняя вежливо отказалась, умолчав о том, что тона ткани, из которых поистине искусно шьёт свои эксклюзивные платья для салона «Чёрный Лебедь» её сестра – совершенно мрачные. И для такого события, как свадьба, абсолютно не подходят. Катерина Мстиславовна отлично понимала, что молниеносно переключиться с тёмного материала и прочувствовать дизайн изящного и нежного свадебного платья из ткани пастельного цвета сестре будет трудно, и ничем хорошим такая попытка не увенчается. Так думала графиня Зейлер, отдававшая предпочтение дизайнерам исключительно свадебных нарядов, при этом, разумеется, ничуть не ставя под сомнение мастерство старшей сестры.

Вероника Дориановна аналогично старалась принимать участие в организации торжества, перестав злиться на мать и

Марселя Сергеевича. Более того, она отлично понимала, что свадебные хлопоты отвлекут её от мрачных и тревожных мыслей. Сейчас она принимала будущего мужа своей матери и находила с ним общий язык, разговаривая утром за завтраком или просто, найдя тему для разговора в течение дня. Пару дней подряд они даже отпускали Маргариту утром и вместе с бароном Матвиенко готовили блинчики на завтрак. Женщина понимала, что во многом тепло в доме зависит и от её отношений с Марселем Сергеевичем, и чтобы не превратить семейное гнездо в адское место разборок и ругани, она сглаживала углы: благодаря обаянию ей это удавалось. Такой же пример общения со старшими Веронике Дориановне хотелось подавать и дочери-подростку, которая сейчас целыми днями пропадала у Хельги Ивановны по той причине, видно, что дома всё очень поменялось и стало для Астрид не привычным. Девочка, считала мать, просто пока не может с этим смириться и поэтому находит спокойствие в доме второй бабушки. Конечно, Астрид можно было понять и дать ей какое-то время, но позволять девушке отдаляться от дома и семьи в полной мере, Вероника Дориановна, конечно же, не хотела.

Барон Матвиенко, в свою очередь, стал тоже крайне уважительным к Веронике Дориановне – мужчина успокоился, перестал требовать, чтобы она называла его отцом, а Вероника Дориановна, в ответ, попросила перестать его называть её дочерью, на что Марсель Сергеевич радушно ответил положительным кивком и даже признался, что погорячился, и потом долго винил себя в учинённом им конфликте в Обеденном Зале. Он объяснил своё горячее поведение тем, что радость от новости, что у него всё-таки есть ребёнок переполняла его, и ему хотелось тогда только того, чтобы в этот раз всё точно стало так, как было в его самых лучших мечтах... Он хотел быстрейшим образом всё это выстроить – не важно какими путями. Однако пере-

убедить дочь, которая сама уже взрослая женщина и изменить то, что уже не поддаётся изменению, а уж тем более заставить людей резко принять позы, в которых хочет их видеть он сам – просто абсурдно и абсолютно эгоистично. Вероника Дориановна говорила с Марселем Сергеевичем теперь абсолютно искренне, откровенно и спокойно, наконец вернув себе те добрые чувства, которые она испытывала к нему, когда он приезжал в Особняк Ветра раньше. Вероника Дориановна поняла, что даже если барон Матвиенко и напоминает ей, порой, спесивого и самовлюблённого человека, то это совсем не значит, что истинные его мысли имеют такой же образ. И самое прекрасное, что звучало для любящей дочери, словно бальзам на душу, это фраза, произнесённая в сопровождении великолепной улыбки барона Матвиенко: «Боже, я так влюблён в твою мать!»

И это слышалось искренне и неподдельно: без спеси и самовлюблённости.

Так Марсель Сергеевич стал сливаться с этим домом: любить и восхищаться им именно так, как восхищались Особняком Ветра все: как историческим и культурным сердцем Северного А-Ваена. Он тщательно осматривал и изучал комнаты, искал какие-то изъяны, появившиеся тут от старости, и тут же нанимал работников, которые бережно и в скорости устраняли неполадки. И на этой ноте гордости они с Катериной Мстиславовной, Вероникой Дориановной и Минервой Мстиславовной слились в один красивый минорный аккорд – идеальный для этого города и дома. Привычный аккорд, в тональности которого здесь жили, дышали и разговаривали.

Любовь барона Матвиенко к Катерине Мстиславовне только крепла с каждым днём: мужчина дарил ей прекрасные букеты цветов, радовал подарками, ювелирными украшениями и дизайнерскими нарядами. Он сменил место работы: теперь оно находилось в стоматологической клинике Северного А-Ваена. И воз-

вращаясь под вечер, он обязательно находил, чем удивить невесту. Таким вот образом, конфликты, к счастью не успевшие вылиться в какие-то глобальные семейные ссоры, постепенно сошли на нет. Вероника Дориановна была уверена, что когда с экспедиции вернётся её муж, он будет приятно удивлён. Женщина уже позвонила ему и сообщила о свадьбе матери. Мужчина был крайне удивлён такой поспешностью, но когда Вероника Дориановна сказала, что на роль мужа графини Зейлер претендует барон Матвиенко, что назван в доме другом семьи, дорогим и желанным гостем – вопросы отца Астрид мигом отпали. Он даже пожалел, что экспедиция затягивается чуть ли не до нового года, и появиться на свадьбе, которая, несомненно, обещает пройти с размахом, мужчина не сможет.

Оставалось, как говорил Марсель Сергеевич, только объяснить с Астрид. Сказать, что ей не стоит принимать близко к сердцу то, что происходит в жизни её бабушки, и уж точно перестать прятаться от семьи у нелюдิมой и престранной Хельги Ивановны. (Он, как и многие, считал мать отца Астрид немного свихнувшейся, а ещё говорил, что у него идут мурашки по телу, когда он смотрит в её неестественные оранжевые глаза). Вероника Дориановна, конечно, мягко защищала мать своего супруга, говоря, что Хельга Ивановна – очень мудрая и интересная женщина, а её цвет глаз – просто аномалия. В конце концов – без таких интересных особенностей жизнь была бы скучнее, чем с ними. Да, женщина была согласна с Марселем Сергеевичем в отношении дочери. С ней и правда не мешало бы составить откровенный и серьёзный разговор. Вероника Дориановна перекинулась с Астрид парой слов, когда несколько дней назад она буквально под вечер заскочила в Особняк Ветра, чтобы перекусить. Дочь была странно уставшая, и Вероника Дориановна не стала грузить её разговорами. Это был как раз тот день, когда девушка с друзьями и бабушкой посещали дом Константина,

который уже двадцать лет был записан семьями Зейлеров, Черновых и Лето в список покойников. Астрид продолжительное время после прогулки по Северолесью отогревалась травяным чаем, а затем ушла ночевать в дом к женщине-сове и «отходила» от этого странного визита. В целом, можно было полагать, (но полагать шёпотом, чтобы ни дай бог не сглазить, как сказала бы Минерва Мстиславовна), что климат в Особняке Ветра из неопределённого вновь становился тёплым.

Свежий, морозный воздух, которым можно было сейчас дышать полной грудью и вдоволь, предвещал начало зимы. Первые числа ноября мягко опустились на Северный А-Ваен снегом, который уже не растает.

Итак, спустя ещё день, Марсель Сергеевич и Катерина Мстиславовна наконец-то нашли место, в котором им захотелось отпраздновать свадьбу. Барон и графиня захотели сделать это не в Особняке Ветра и даже не в каком-то дорогом изысканном ресторане, а арендовать для этого прекрасного события совершенно необычное кафе в виде высокого и просторного стеклянного купола в одном из зимних садов Северного А-Ваена. Такая идея казалась молодожёнам очень утончённой и, как они думали, непременно запомнилась бы семье и гостям. Дата свадьбы пока ещё не была назначена точно. Барон вообще говорил, что дату такого значимого события нужно назначать только тогда, когда есть полная уверенность в том, что всё окончательно готово: куплены костюмы, сформировано меню, выбраны ведущие, зарезервировано место проведения и составлен список гостей.

Катерина Мстиславовна была согласна.

К вечеру, домой, спустя несколько суток отсутствия, возвратилась Астрид. Из-за сохранившегося крайне задумчивого

вида дочери, мать страшно перепугалась и даже допустила мысль, что девушка заболела, но Астрид просто отмахнулась.

– Мам, да всё нормально! – сказала она и поплелась мыть руки. Но Веронику Дориановну всё равно очень огорчала такая безучастность и отстранённость дочери. Она ведь не знала, что такое её поведение обусловлено буквально тысячами загадок, которые девушка вместе с друзьями и бабушкой Хельгой пытались во что бы то ни стало разгадать.

– С тобой точно всё в порядке? – мать зашла в светлую ванную, где мыла руки Астрид.

– Да, мама! – повторила, закатив глаза, девушка.

– Ты ведь совсем не бываешь дома! Что мне думать?

– Сейчас мне хочется больше проводить время с друзьями и бабушкой Хельгой. – ответила Астрид.

– Но ведь не обязательно тащить их к Хельге Ивановне, в её маленький дом, и, вероятно, мешать ей! Ты ведь можешь приглашать своих друзей к нам! И им будет свободнее, и мне спокойнее! – мать попыталась улыбнуться.

– Ну... – задумалась Астрид. – Может ты и права, но тут... – она осеклась, – тут все эти свадебные хлопоты, этот Марсель Сергеевич... – Астрид поморщилась, осторожно смотря на мать.

– О, а вот это ты зря! – улыбнулась Вероника Дориановна. – Между прочим, Марсель Сергеевич осознал своё поведение и извинился! – женщина улыбнулась ещё раз. – Если бы ты ночевала дома, то, может и застала бы этот момент, и он бы извинился и перед тобой? – она вкрадчиво вскинула брови, пытаясь привлечь дочь.

– Мне кажется, он как-то подозрительно мил... – прищурилась девушка. – Тебе так не кажется? – осведомилась она.

– Разумеется, нет! – рассмеялась Вероника Дориановна. – Он просто очень рад, что его любимая женщина теперь всегда будет рядом с ним! С чего бы ему не быть добрым, милым и ок-

рылённым? – вновь со своей коронной улыбкой на лице, произнесла женщина. – Астрид, милая! Выдохни! Теперь у нас всё будет хорошо! Я ничуть не сомневаюсь в Марселе Сергеевиче! А теперь мой руки и скорее к столу! – и она убежала.

– Моя дорогая! – Катерина Мстиславовна встретила внучку своим фирменным торжественным пением, как только девушка ступила на порог Обеденного Зала. – Ты вернулась! Привет!

– Привет! – поздоровалась Астрид с бабушкой и её сестрой. – Здравствуйте! – обратилась она отдельно к Марселю Сергеевичу, сидящему теперь во главе стола, напротив графини Зейлер. Минерва Мстиславовна сидела на противоположной от Астрид стороне стола. Посмотрев на неё, девушка невольно вспомнила про Константина. Ох, как бы ей сейчас хотелось рассказать графине Черновой, что её сын жив, и то, что сломало его и её жизнь – являлось её родным братом. Ведь именно Корней Мстиславович сделал так, чтобы о Константине забыли все, включая его собственную мать. Астрид на секунду задумалась о том, как бы сейчас всё поменялось, если бы она проронила хоть слово о жителе Северолесья. Но нет. Константин бы этого не хотел. И кто знает, что придёт в голову графу Чернову, если он узнает о том, что племянник жив? Корней Мстиславович – крайне безжалостен и, узнай бы он о том, что его план двадцать лет назад провалился, теперь уж точно бы расправился с Константином самым жестоким образом, на этот раз, удостоверившись в его смерти лично. Всего этого Астрид уж точно не хотелось. И поэтому она окунулась в печальную мысль о том, что сын двоюродной бабушки никогда не умирал и ещё, вероятно, совсем не скоро умрёт, а следовательно – абсолютно пуста и беспочвенна скорбь по живому человеку, ранящая графиню Чернову от простого незнания правды. Но нужно было перестать хотеть что-то сейчас говорить о Константине! У Минервы Мстиславовны такая судьба, такая оболочка: из душераздираю-

щей, неправдивой скорби по живому, на самом деле, сыну. Это была тяжёлая мысль и, Астрид сразу же оттуда вынырнула, будто от нехватки кислорода. В омуте таких мыслей могли жить только те, кто отрастил себе «жабры». Жабры, чтобы ими дышать, когда живёшь в таком чёрном скипидарном болоте. Так сделала Минерва Мстиславовна. Таков был её добровольный выбор.

– А мы уже выбрали место, где будем праздновать нашу свадьбу! – бесцеремонно ворвавшись в безмолвные монологи в голове внучки, воскликнула Катерина Мстиславовна. Она, кстати, сегодня была полностью во всём зелёном: волосы были забраны заколкой с изумрудными вставками, в ушах были массивные серьги с таким же камнем, а на ней был шёлковый салатный костюм с рисунком павлиньих перьев. Из прострации Астрид окончательно вывел Марсель Сергеевич.

– Хочешь посмотреть фото? – спросил он и вытер рот и руки белоснежной и приятной на ощупь салфеткой. Маргарита мгновенно подбежала и забрала с его места опустошённые тарелки.

– Давайте! – отозвалась Астрид. Ещё через минуту прислуга поставила на стол восхитительный горячий мясной рулет, озаривший ароматом великолепного мяса и свежей зелени весь Обеденный Зал.

– Тогда иди скорей сюда! – позвал барон, нетерпеливо снимая блокировку с экрана своего дорогого телефона. – Вот, смотри! – он открыл фотографии, что будто только и ждали, чтобы их скорее посмотрели. – Это зимний сад для торжеств! – объяснил он, восторженно. – Заходишь в этот стеклянный купол, и там огромный-огромный зал, который можно великолепно и изысканно оформить! Там тепло, много места и можно наслаждаться видом прекрасного заснеженного сада... правда... он там из искусственных растений, иначе, как бы они могли оставаться

такими зелёными в ноябре! – посмеялся он. – В общем, мне кажется, зелёные растения со снегом на них – это лучшее, что можно себе вообразить. Ты как считаешь? – проявил заинтересованность барон, одетый в бледно-жёлтый костюм с белой рубашкой под пиджаком.

– Думаю, это красиво... – согласилась девушка.

– Да! Да! Да! Это безумно красиво! – закивал барон. – Будет так здорово, тепло и по-семейному отмечать это важное событие! А потом можно будет надеть тёплые куртки, развести костёр прямо на улице и жарить зефир! А ещё из этого купола ночью видно звёздное небо, если, конечно, будет не облачно. Внутри будет огромный стол с вкусностями, живая музыка, танцы... сначала мы хотели нанять тамаду, а потом подумали, что не хотим всего этого... – он глянул на с улыбкой кивавшую ему Катерину Мстиславовну. – К тому же, будут только родственники и по двое наших с Катей друзей. Куда уж там развлечения? – усмехнулся он. – Развлечения – это для молодёжи!

Астрид попыталась сделать заинтересованный вид.

– Что ж, – улыбнулась она. – Хорошо, что вы уже всё решили...

– Точно! – кивнула графиня Зейлер. – Марсель предложил это прекрасное место!

– Ну ладно, я, пожалуй, пойду, – не в силах больше рисоваться, вздохнула Астрид.

– А поесть? – недоумевала Вероника Дориановна.

– Я не голодная! – ответила Астрид уже с лестницы, что вела на второй этаж.

Сон сегодня Астрид вообще не шёл. Она всё прокручивала в голове загадочные события в Смутном Доме, потерявшимся в чаще Северолесья. Этот дом заставил её увидеть и прочувство-

вать больше, чем она видела и чувствовала за свои семнадцать лет жизни. Девушке было даже страшно сейчас засыпать. Она ещё не отошла от мысли, что в доме Константина всё было живое – мебель, картины... росли цветы в заплесневелом от сырости полу, а грязный потолок сменял открытый космос...

По логике вчерашнего вечера, дерево, что росло на заднем дворе дома и отбрасывало свою мрачную тень от кривых и сухих ветвей, должно было сейчас ожить, и, проникнув своими мощными ветвями в комнату Астрид, посадить её на себя так, как заботливый отец поднимает на руки свою маленькую голубоглазую дочурку, говоря, что сверху можно увидеть больше, и показать ей какую-то ночную страну, или мир, в котором всё освещено светом близких звёзд и никогда не наступает день. Оно должно было показать этот мир сонной Астрид, сидящей на безопасной и сильной ветке в пижаме, свесив ноги, которые будет обдувать приятный ветерок, перекликающийся со скрипучим басом ожившего дерева – мудрого старца. Конечно, всё, что происходило в доме Константина, начиная с него самого – всё это было так невообразимо, и объяснений происходящему не нужно было даже пытаться искать – их нельзя было найти в мире, подчинённом рациональности. И быть может, девушке бы нужно было забыть всё это, как психоделический сон, но она, напротив, была несказанно воодушевлена и, если бы ей ещё раз была предоставлена возможность пообщаться с жителем Северолесья, который, Астрид не сомневалась, точно был живым, а не призраком – она бы, не раздумывая, сделала бы это.

Новое утро донеслось до Астрид запахом шоколадных кексов и свежезаваренного ванильного кофе. Каким-то образом девушка поняла, что в доме кто-то есть – кто-то посторонний. Её догадка почти сразу же подтвердилась: из Обеденного Зала стали доноситься голоса двух подруг Катерины Мстиславовны –

графинь Галины Олеговны Кошкиной и Улисссы Петровны Шмаковой. Астрид хотелось есть, но вот любезничать и выслушивать лицемерные восхищения тем, «как она выросла, похорошела и, наверное, от женихов нет отбоя!» – не очень. Ведь кроме беспричинного хохота и разговоров ни о чём, (эти разговоры очень красиво назывались – светскими), эти женщины ни на что способны не были.

Пришедшие дамы были очень давно знакомы с графиней Зейлер – наверное, с самого того момента, как её сюда привёз граф Дориан Альбертович. Северный А-Ваен – маленький город – женщины жили в двух шагах от Особняка Ветра и часто встречались втроем, пробовали разные сорта изысканного чая и обсуждали новости. Летом трое подруг предпочитали устраиваться на веранде Особняка Ветра или в тени столетних деревьев в одном из парков города. Сейчас же, они по своему обыкновению пили чай с разноцветными карамельными конфетами и обсуждали свадьбу Катерины Мстиславовны, на которую она их вот только что пригласила. Кстати, по возрасту и графиня Кошкина и графиня Шмакова – были старше графини Зейлер почти на десять лет. Обе они пару-тройку лет назад овдовели и, разумеется теперь, когда их дома никто не ждал, головы женщин стали прекрасным местоприемлем для городских сплетен и обсуждений каких-то людей. Они не упускали возможности перемыть кости знакомым и малознакомым, а раз уж подруга позвала их на свою свадьбу – грех было не прийти накануне на чашку ароматного чая и рассказать о всех подробностях предстоящего, совершенно спонтанно организованного торжества.

Женские голоса и хохот не утихали ещё с полчаса, и Астрид, поняв, что от расспросов этих сплетниц она не отделается, всё же спустилась в Обеденный Зал. Девушка была бы рада, если это бы получилось сделать незамеченной, однако Катерина Мстиславовна, хоть и сидела к ней спиной в зоне гостиной,

громко окликнула её своим приветствием, и две графини-подруги вместе с Минервой Мстиславовной, что тоже сидела здесь, синхронно повернули головы на девушку.

Вот этого Астрид больше всего и не хотела.

«Черт!» – пронеслось в мыслях у неё.

А дальше, по очень известному сценарию, посыпались вопросы про учёбу, успеваемость, наличие или отсутствие женихов, навверное толпой бегających по пятам в колледже, про радость от предстоящей свадьбы бабушки, (и тут, разумеется, приходилось выражать радость, которая не слишком-то уж и была). Астрид вовсе не горела желанием общаться с этими назойливыми толстыми тётками, что молодятся, накладывая на свои лица тонны яркой косметики, но, видимо, отвязаться от их лебезящего говора никак было нельзя.

К вечеру подруги графини Зейлер, опустошив не раз наполненные зелёным чаем кружки, соизволили, наконец, покинуть Особняк Ветра. Марсель Сергеевич вернулся с работы, Вероника Дориановна тоже только что вернулась из Южного А-Ваена – (она ездила по делам в свой магазин). Сидя за ужином, Катерина Мстиславовна весело рассказывала жениху, дочери и внучке про то, как тепло они провели время с сестрой и подругами. Астрид периодически думала то о Константине, то о Черновых, и звонкий голос графини Зейлер прытко врвался в её размышления. Она тут же пыталась абстрагироваться, но внезапно случилось то, от чего абстрагироваться было совершенно невозможно!! Астрид вновь послышалась музыка! Та самая, которая постоянно чудилась ей, когда она находилась в Особняке Ветра и про которую Константин упоминал, когда они были в Смутном Доме. Девушка ещё пару секунд прислушивалась, а потом, словно зомбированная, встала из-за стола и направилась на звуки.

– Астрид, но твоя тарелка ещё совсем полная! – возмутилась Минерва Мстиславовна.

– Вы слышите? – прошептала девушка, указывая пальцем куда-то в сторону.

Все замолкли.

– Что? – не поняла её, прислушавшаяся к звукам в доме, Вероника Дориановна.

– Музыка!.. – шепнула девушка.

– Это какая-то шутка? – улыбнулся Марсель Сергеевич, поправляя салфетку, заправленную за шиворот своей небесно-голубой, под цвет брюк и обуви, рубашки.

– Нет! – Астрид отчаянно помотала головой. – Я слышу музыку! Она доносится откуда-то оттуда!

Барон Матвиенко посмеялся, обменявшись улыбками с невестой, графиней Черновой и Вероникой Дориановной.

– Астрид, тебе стоит вернуться! – позвала ещё раз мать, но девушка подняла указательный палец вверх, безмолвно озвучивая просьбу её не отвлекать.

– Она всегда была такой причудливой девочкой? – со стеснением поинтересовался барон Матвиенко. – Астрид, может ты расскажешь об этом поподробнее?

Но Астрид тем временем уже вышла из Обеденного Зала и пошла по коридору на музыку, что становилась слышна всё отчетливее. Ей сейчас было совершенно всё равно, что родственники сочтут, что она спятила. Девушка была очень сильно вовлечена грустной и холодной мелодией, что звала её по какой-то светящейся голубой дорожке, (Астрид так себе представляла). Ноты! У мелодии должны быть ноты, так говорил Константин и спрашивал её: не нашла ли она их? Девушка верила в удивительные речи жителя Северолесья и была уверена, что если есть мелодия, значит, должны, без сомнения, быть и ноты. Музыка всё выстилала и выстилала перед Астрид хрустальную, светя-

щуюся тропинку. Она змеилась и змеилась, пела и пела, пока не привела девушку в Музыкальный Зал. Астрид включила свет, и огромная старая хрустальная люстра с готовностью озарила комнату, во главе которой стоял прекрасный, старинный белый рояль. Мелодия, что привела сюда девушку, мигом затихла, как только она щёлкнула выключателем. Будто бы кто-то, до невозможности загнанный и печальный, только что схлопнулся! Прямо здесь, мигом схлопнув вместе с собой звуки музыки своей глубокой печали и похожей на вечность грусти. То ли это были представления Астрид, а то ли невнятное видение...

– Ну конечно! Музыкальный Зал! – Астрид осенило: почему нельзя было раньше поискать какие-то ноты здесь? Другое дело, что девушка никогда не умела играть на рояле и ничего в них не смыслила...

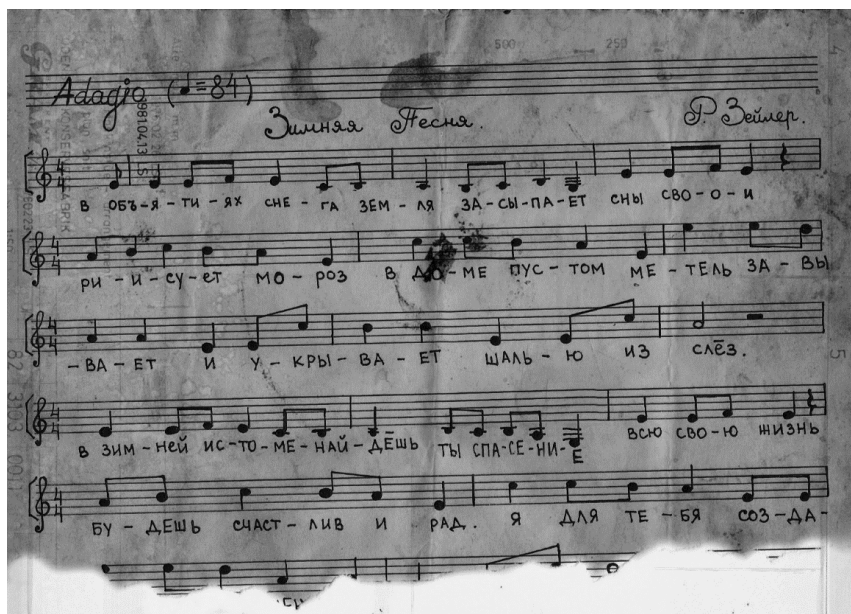
Рядом с белыми стенами комнаты располагались мягкие голубые диванчики с цветочным викторианским узором, а паркет был поистине такой же, как в дворцовых танцевальных залах. Тут же стоял патефон и большой шкаф с нотами. Сейчас состояние какого-то полусна и тоски по тому, чего Астрид не видела или не переживала, (это состояние появилось у неё после смерти бабушки и обострилось с посещением Смутного Дома Константина Чернова), потихоньку начало отпускать её, но сердце продолжало биться, как сумасшедшее, культивируя нарастающую тревожность и нервное возбуждение в теле. Ноги сами понесли Астрид к стеллажу с нотами, и хоть она в них ничего не понимала, судорожно принялась листать книги, пытаясь найти в них произведение, что она слышит в доме. Конечно, было понятно, что вряд ли можно было найти что-то в относительно современных сборниках, но тут их было очень и очень много – высокая полка была заставлена плотно прижатыми друг к другу книгами, и Астрид их все листала и листала, а взгляд её судорожно бегал по нотным линиям.

– Что это ты тут делаешь? – поинтересовался Марсель Сергеевич, пришедший сюда в компании всех, кто был в Обеденном Зале и встал в дверном проеме.

– Я? Ну... Я кое-что ищу! – сказала Астрид.

– Умеешь играть? – спросил барон Матвиенко. Астрид отрицательно покачала головой.

– Ну что ж, – пожал плечами Марсель Сергеевич. – Тогда сыграю что-нибудь один, хотя в четыре руки было бы здорово! Ну-ка, открой-ка крышку, Астрид! Думаю, этот старичок не против встряхнуться! – пошутил он про рояль, указав головой на его крышку. Астрид только хотела грустно вздохнуть от того что её в очередной раз отвлекли и принялась поднимать тяжёлую крышку инструмента, как между вплотную посаженных молоточков, под крышкой рояля, она заметила смятый вчетверо старый нотный листочек!.. Она, конечно, невероятным усилием вынула его оттуда, смахнув пыль, и аккуратно развернула, увидев на нотном листке вот такую вокальную партию:

«В объятиях снега земля засыпает,
Сны свои рисует мороз.
В доме пустом метель завывает
И укрывает шалью из слёз.

В зимней истоме найдёшь ты спасение.
Всю свою жизнь будешь счастлив и рад.
Я для тебя созда...

...А далее, кусочек текста, а, следовательно, мелодии, тоже был оторван.

– Что это ты там нашла? – Марсель Сергеевич, уже усевшийся на стул и приготовившийся что-то сыграть, заинтересовался Астрид, внимательно изучающей старый, пыльный, пожелтевший от времени нотный листок.

– Зимняя песня... – пожала плечами Астрид. – ...авторства прабабушки... Вроде бы... Инициалы явно принадлежат Рогнеде Зейлер... – Она всё вчитывалась в витиеватую букву «P» возле нот. На секунду в груди у неё что-то сжалось и тут же разжалось. – Постойте, Марсель Сергеевич! Вы ведь сможете это сыграть! – с содроганием воскликнула она, сунув Марселю Сергеевичу в руки пыльный и смятый листок.

– Ха, спрашиваешь! – отмахнулся барон Матвиенко. – Это же проще простого! Даже аккомпанемента нет! – мужчина поставил листок на пюпитр и принялся одной рукой наигрывать мелодию, предложенную на листе. Тело Астрид покрылось мурашками. Это была... она!!! Та самая мелодия, что слышала девушка в собственном доме! Каково же было её удивление! Сейчас она слышала музыку максимально реалистично! И на эти печальные звуки музыки пришли все, кто сидел за столом.

– А где конец? – спросил Марсель Сергеевич, закончив играть. – Хотя, тут все довольно примитивно, одни секвенции, можно закончить, как в предыдущей фразе, по аналогии... – размышлял он, наигрывая разные вариации только что придуманных им музыкальных зарисовок.

– Мама! Бабушка! Минерва Мстиславовна! Вам знакома эта мелодия? – спрашивала с волнением Астрид, но все они отрицательно качали головами, пытаясь что-то припомнить. Никто не знал этой песни, и даже после прочтения стихов, авторства, очевидно, Рогнеды Егоровны Зейлер – матери Дориана Альбертовича, никому из женщин не удавалось найти что-то схожее в глубинах своей памяти.

– Хм, нет. Я ни разу не слышала этой музыки. Где ты нашла этот листочек? – когда Астрид дала матери нотную партитуру, Вероника Дориановна стала внимательно её изучать.

– Под крышкой рояля... – отвечала девушка.

– Ну, Рогнеда Егоровна нет-нет да играла на инструменте, когда была жива... – припоминала Катерина Мстиславовна. – Но эту песню она никогда не играла...

– Если она играла что-то, то это всегда была какая-то классическая музыка, – призналась Графиня Чернова. – Ох уж вот её я слушать просто обожала! – не скрывая удовольствия, сказала она. – А что до её собственных сочинений, – Минерва Мстиславовна вертела в руках нотный лист, со всех сторон пытаясь приглядеться к нему, но ничего тайного ей не открывалось. – Я не помню, чтобы Рогнеда Егоровна делилась с кем-то своими сочинениями. – И двоюродная бабушка отдала лист с нотами обратно Астрид. Та задумчиво вчитывалась в текст, не понимая, как она могла слышать эту музыку, если никто из тех, кто здесь живёт, ни разу её не слышал? Значит, вариант о том, что это играл или пел кто-то из присутствующих, или же бабушка Хельга – отпадал, и на передний план выходила фраза, что сказал Константин: «Эту песню поёт дом.» От этого воспоминания и от того, что похоже, старый особняк действительно играет с её разумом, словно дом Константина, Астрид несколько раз передёрнуло. Теперь девушка думала, почему у песни оторвано продолжение. Быть может, всё не так просто и страница поделена напополам не случайно, и также не случайно именно на этом месте? Автор стихотворения сообщала, что «она для кого-то что-то создала», и зачем вообще было писать об этом песню? А может, дом, воспроизводя мелодию, пытался что-то сказать Астрид? Выстроить какой-то диалог? А может, чего далеко ходить, это прабабушка пыталась сказать что-то правнучке, до рождения которой так и не дожидила? В этом, считала Астрид, необходимо было разобраться, и больше всего девушку волновало то, где находится, и существует ли вообще продолжение данного стихотворения? В ближайшие пару дней Астрид перероеет все нотные сборники в Музыкальном Зале и половину книг библио-

теки. Но желанного кусочка бумаги с продолжением она так и не найдёт.

– Ну а чего это вы там все загрузили, прекрасная половина? – подал голос, сидящий за инструментом, Марсель Сергеевич, который ну никак не мог без внимания в свой адрес.

– И в самом деле! – пропела Катерина Мстиславовна. – Сыграй нам что-нибудь, Марсель!

– С удовольствием! – с готовностью сказал он, улыбнулся во все свои белоснежные зубы, а в следующую секунду поправил полы своего небесно-голубого пиджака и заиграл какой-то мелодичный и весёлый вальс. Радостная Катерина Мстиславовна подхватила под руку дочь и закружилась с ней в танце, другой рукой взявшись за летящую, шёлковую брючину своего зелёного костюма, что волновалась и струилась в танце, как крыло экзотической птицы. Минерва Мстиславовна тоже повеселела и принялась танцевать руками, двигаясь под фортепианную музыку. Астрид уселась на голубой диван. Ей сейчас было не до веселья. У неё из головы опять же не выходил Константин, эта мелодия, Корней Мстиславович с Никитой, Братство, смерть бабушки... Почему-то Астрид считала, что все это связано. Что всё это – звенья одной огромной и сложно сплетённой цепи. Но с другой стороны девушка допускала мысль, что возможно, мозг пытается убедить её в наличии связи для того чтобы избавиться от сомнений и недостатка информации.

Как известно, человеческий мозг не терпит сомнений и поскорее стремится упразднить таковые, если они появляются, рационализировать ситуацию и как можно быстрее найти ответы на волнующие вопросы. Но иногда это не просто защитный механизм.

Вечер опускался на город, а в Особняке Ветра у всех было тёплое и уютное настроение, какое обычно свойственно семейному ужину. Марсель Сергеевич уже никого не смущал. Более того, он был такой своеобразной вишенкой на торте, которая способна придать лакомству тот самый игривый вид, что вызывает обычно улыбку на лице и желание поскорее съесть сладость.

До самого позднего вечера женщины и барон Матвиенко со своей концертной программой, пробыли в Музыкальном Зале. Туда же Маргарита принесла и чай. Наверное, можно было сделать вывод, что скорбь в тот вечер ушла совсем. Пропало то давящее чувство из груди, боль постепенно становилась светлой печалью. Особенно под тёплым семейным вальсовый вечер, пришедшийся по нраву всем. Доиграв последнюю ноту в последнем на сегодня вальсе, барон Матвиенко, тоже, словив, видимо, сильнейшую эйфорию, воскликнул:

– А собственно, зачем мы ждём какого-то определённого числа? Зачем тянуть? Торжество у нас планируется не на тысячу людей, почему бы не устроить свадьбу прямо в эти выходные? – вкрадчиво предложил он и улыбнулся. Катерине Мстиславовне эта идея, безусловно, пришлась по вкусу. Со дня смерти Дориана Альбертовича прошло хоть и не столько много времени, через сколько обычно целесообразно устраивать подобные мероприятия, но Марсель Сергеевич был прав – торжество это ведь будет почти закрытым и лишние люди, что только и жаждут пустить какой-то дурной слух, просто не будут о нём знать. Вероника Дариановна на секунду смутилась, но не сомневаясь ни минуты, что её мать и Марсель Сергеевич, определённо будут счастливы в браке, тут же аналогичным образом одобрила предложение будущего мужа Катерины Мстиславовны.

Дориан Альбертович, несомненно, в их доброй памяти, и шагом, на который они сейчас идут, они ничуть эту память не

оскорбляют. Марсель Сергеевич не раз говорил об этом Катерине Мстиславовне, и, конечно, женщина стала в это верить и полагать точно также.

Глава XIV

ЕЩЁ ОДИН СКЕЛЕТ

Наступили долгожданные свадебные выходные.

Катерина Мстиславовна и Марсель Сергеевич встречали вечер перед самым важным днём в их жизни, сидя в спальне, в креслах, за стеклянным миниатюрным столиком. Молодожёны пили вино из роскошных высоких стеклянных бокалов при мягком свете множества свечей, расстилающих по комнате шёлковый шлейф из приятного, клонящего в сон аромата розы.

Барон Матвиенко перебирал своими пальцами пальцы любимой женщины и смотрел на неё взглядом влюблённого паренька.

– Сказать по правде, Катя, я не думал, что у нас получится... – вздохнул Марсель Сергеевич.

– Получится быть вместе? – переспросила графиня, взволновавшись, и по-девичьи покраснев.

– Получится сохранить любовь. И кто знал, что обстоятельства сложатся так, что наши судьбы так нескоро официально сплетутся в одну...

– Да... – согласилась графиня. – и... такой ценой... – Она грустно вздохнула.

– Да, – барон Матвиенко тоже скорбно вздохнул. – Ценой смерти мужа и предательства прислуги. Но милая, пойми: если одна сторона тёмная, то вторая обязательно находится на свету. Даже у самых печальных моментов. Важно лишь не упустить возможности её найти.

– Может быть, – согласилась графиня.

– Так и есть. Такова цена нашей любви, – прищурился Марсель Сергеевич, и в его голубых глазах отразилось пламя свечей. Барон крепче сжал руку будущей жены, и его губы медленно улыбнулись. – Любви, длиною в жизнь! – образ мужчины содрогался на стене нервной тенью. Как хорошо, что в жизни было не так. Перед Катериной Мстиславовной, наконец-то, был

благородный человек, на которого можно было положиться, зная, что с ним ты – как за каменной стеной.

На утро графиня Зейлер поднялась раньше солнца. Марсель Сергеевич встал незадолго до неё: половина кровати, принадлежавшая ему, была ещё тёплой, а сам барон, вероятно, ушел принимать душ. Катерина Мстиславовна окунулась в свежее бельё ещё раз и глубоко вздохнула, представляя, как сегодня она наденет прекрасное свадебное платье, посетит самого лучшего визажиста и парикмахера в городе и примет множество сердечных и тёплых поздравлений от дорогих и любимых людей. От всего этого приятного предвкушения по телу графини Зейлер побежали мурашки, и она рассмеялась, почувствовав себя молодой и беспечной.

Она даже внушила себе за секунду, что это её первая свадьба.

Мастерски и с готовностью внушила.

Вероника Дориановна тоже уже была на ногах. Женщина суетливо передвигалась по комнате и что-то перечисляла себе под нос, загибая пальцы. На кровати матери сидела сонная и безразличная Астрид, что вместе с Вероникой Дориановной сейчас должна была отправиться в салон красоты, но отдала бы всё за то, чтобы её сейчас вернули в тёплую постель. Женщина пообещала дочери, что по дороге они заедут в одну из кофейн Южного А-Ваена, чтобы выпить бодрящий кофе с сиропом. Сон отбивал у Астрид всякий интерес к предстоящему торжеству, и поэтому, разумеется, она жаждала скорее взбодриться сладким напитком.

Минерва Мстиславовна Чернова отправилась в свой салон наряжаться, её уже не было в Особняке Ветра.

В салоне красоты Астрид сделали причудливую причёску, завив волосы в милые маленькие кудряшки, а после того, как над девушкой, не очень привыкший к макияжу, проделали двухчасовую работу мастера-визажисты, Астрид посмотрев на саму себя в зеркало, изумлённо ахнула: приглушенные серозелёные тени с сияющим серебристым глиттером ближе к бровям, чёрные аккуратные стрелки, подчёркивающие формы её лица, нежно алая помада. Семнадцатилетняя внучка графа Зейлера сейчас напоминала кинозвезду! На днях мать предложила Астрид два платья на выбор, и выбор девушки упал на приталенное и чуть расширенное к низу тёмно-зелёное платье из очень приятного, напоминающего струящийся ручей, шёлка. Сверху на платье полагалось надеть белое болеро.

В целом, после таких приятных процедур и поистине магического преображения, Астрид уже не чувствовала себя уставшей и непроснувшей. Девушка не могла перестать восхищаться чудом, что сотворили с ней волшебники – визажист и парикмахер. Что уж говорить о Веронике Дориановне, которая ежедневно заставляла дочь повернуться то влево, то вправо, то встать под определённым углом, то покрутиться: мать всё никак не могла налюбоваться дочерью, забрасывая её комплиментами.

Вероника же Дориановна свои кудрявые белые локоны предпочла непривычно для неё самой выпрямить и сделать неброский макияж. А вот платье дочери невесты было такое великолепное, будто Вероника Дориановна перевоплотилась в сказочную принцессу: ярко-алое, без лямок и лент, с пышным подолом, который дети иногда называют тортом. Мать и дочь основательно подготовились к предстоящему мероприятию, и за всеми этими приятными хлопотами время пролетело просто незаметно: пора было выдвигаться в сторону назначенного для свадьбы места.

По мере приближения к зимнему саду, Астрид чувствовала, почему-то, нарастающее нервное напряжение, волнение, словно в данный момент должна была состояться её свадьба. Вероника Дориановна села за руль своего красного автомобиля, Астрид расположилась на переднем его сидении.

– У тебя ледяные руки! – заметила мать, которая накинула на себя такое же белое болеро. – Ты волнуешься? – она улыбнулась.

– Почему-то да, немного, – Астрид пожала плечами и виновато улыбнулась. – Сама не знаю почему... – призналась она.

– Мне кажется, тебе стоит расслабиться, – добродушно ответила неземной красоты мать. – Ты слишком много думаешь в последнее время, тебе не кажется? Иногда не мешает быть хоть чуточку проще! – и она улыбнулась снова, улыбкой доброй феи.

– Может быть... – вздохнула Астрид, сделав интонацию, будто она хочет продолжить говорить, но тут же себя остановила. Говорить матери про то, что её тревожит, было нельзя. Что она скажет? Про настоящего убийцу графа Зейлера? Ну, допустим, девушка поделится этим с матерью, но когда та спросит, почему дочь так уверенно об этом говорит, что Астрид должна ответить? Что это объяснил ей умерший двадцать лет назад сын Минервы Мстиславовны? Нет... эта история точно не для ушей Вероники Дориановны.

– Что может быть? – выждав небольшую паузу, и не сводя взгляда с дороги, спросила мать.

– Нет, мам, ничего... – Астрид ещё раз вздохнула, выведя себя из пучины собственных мыслей. – Я прислушаюсь к твоим словам.

– Вот и чудесно! – кивнула дочь графини Зейлер и стала искать место для парковки. Они уже подъехали к прекрасному зимнему саду, и Астрид увидела это огромное, стеклянное здание-купол, состоящее из граней-пятиугольников, что отражали

солнечный свет. Этот купол выстроили совсем недавно, в конце этого лета, и девушка была тут впервые.

– Тут действительно очень красиво! – заметила Астрид.

– Рада, что тебе нравится! – обрадовалась Вероника Дориановна. – А теперь, пообещай мне, что сегодня на бабушкиной свадьбе ты от души повеселишься! Я точно уверена, будет здорово!

– Обещаю... – Астрид сдержанно улыбнулась, накидывая куртку. Мать поцеловала дочь в щёку.

– Ну что-ж, пойдём! – позвала её Вероника Дориановна. – Наверное, гости уже собираются. Скоро приедут и бабушка с Марселем Сергеевичем!

Выйдя из машины, Астрид окинула взглядом оформленный для свадьбы парк. Сегодня погода не подвела: было весьма солнечно и даже тепло для ноября. Убранство парка в лучах поздне-осеннего солнца действительно впечатляло. Круглоподстриженные, искусственные зелёные кустарники, словно надели маленькие белые лыжные шапочки из снега и слегка поблёскивали от солнца. Овальный пруд, что по ночам несмело замерзал, а днём вновь подтаивал, напоминал мутноватое антикварное зеркальце. Молоденькие берёзки уже уронили все свои листья, словно родители медленно отпустили своих выросших детей из отчего дома. Большой стеклянный купол находился в самом центре парка: как торт, стоящий во главе стола. Внутри он был просторный и высокий, оборудованный под прекрасный ресторан. Здесь было освещение, выполненное в виде огромных, свисающих с потолка, блистающих хрустальных шаров. Они придавали помещению не только яркий белый свет, но и невероятный уют. Посередине стоял большой сервированный на несколько гостей стол, на котором лежала голубоватая скатерть. Изящество и воздушность столу придавали тонконогие фужеры и стеклянные вазы, поблёскивающие в свете ламп. Стол

был украшен вазочками с голубыми розами; весь зал был оформлен словно миллионом воздушных шаров белого, голубого и золотого цветов, а ещё белыми и голубыми живыми цветами. Здесь же была небольшая сцена, на которой джазовые музыканты в синих костюмах настраивали свои до блеска начищенные трубы и саксофоны, а во главе музыкального плаца красовался прекрасный белый рояль. Всё блестело и было полностью готово к предстоящему торжеству: Астрид, войдя сюда, только и успевала провожать взглядом суетливо носящихся туда-сюда официантов в белых накрахмаленных рубашках и чёрных брюках.

– Впечатляет, правда? – будто бы из ниоткуда появившийся Марсель Сергеевич Матвиенко приобнял Астрид со спины.

– З-здравствуйте! – испугалась девушка, абсолютно не привыкшая носить обувь на высоком каблуке. Она чуть не споткнулась об собственную ногу.

– Ну чего ты так пугаешься! – всплеснул руками мужчина. – Ай, как хороша! – умилился он, обращаясь к ней.

– Спасибо. Вы тоже отлично выглядите, – улыбнулась Астрид.

– Вот ты уж верно подметила! – с готовностью кивнул барон Матвиенко и стал рассматривать белоснежные брюки и рукава белого пиджака своего костюма. Он был весь, словно снежный барс, а с седыми его волосами, высоко зачесанными назад и закреплёнными в таком положении блестящим лаком, Марсель Сергеевич выглядел просто сошедшим с экрана героем. В левом кармане пиджака у барона Матвиенко красовалась алая роза, а под пиджаком была такого же алого цвета рубашка. На ногах мужчины были дорогие белые, лаковые узконосые туфли. Ногти, будучи аккуратно подстриженными, блестели от бесцветного лака.

Скоро появилась Катерина Мстиславовна: копна выкрашенных в красноватый оттенок кудрявых волос, лежащая набок и украшенная белыми искусственными маленькими цветами с блестящими серединками, длинное, белое и довольно открытое свадебное платье, с далеко тянущимся подолом и волочащимся за ней, темновато-красная помада на губах и неброские тени: невеста, одним словом, была прекрасна. Марсель Сергеевич, дочь и внучка не сводили с неё глаз. Через ещё некоторое время явились оставшиеся Черновы, словно сговорившись, одетые во все чёрное: Минерва Мстиславовна, Корней Мстиславович и Никита. Хельга Ивановна, приехавшая сразу за ними, предпочла надеть довольно скромный светло-фиолетовый бархатный костюм, желая, как и всегда, не выделяться ничем, кроме глаз. К назначенному времени пожаловали подруги Катерины Мстиславовны – уже известные нам графини Галина Олеговна Кошкина, вырядившаяся в пышное жёлтое платье, и Улисса Петровна Шмакова, в строгом зелёном костюме. Пожаловали также и друзья барона Матвиенко – граф Владимир Данилович Звягинцев – тучный и усатый седовласый мужчина, чьи глаза, словно затерялись полноте щёк. Этот человек занимал одну из должностей в законодательном собрании Южного А-Ваена. С ним приехал и барон Максим Святославович Миронов – перманентно строгий, лысый, круглолицый мужчина – директор большой сети местных банков. Мужчины обменялись рукопожатиями с молодоженом, выразив сердечные поздравления ему и его супруге. Катерина Мстиславовна сияла всё больше и больше, светилась в свете огромных ламп-шаров и поблёскивала, словно антикварная ваза от восхищённых взглядов, в которых купалась. Когда пришло время садиться за праздничный стол, Марсель Сергеевич Матвиенко дождался полной тишины и даже попросил у одной из хорошеньких официанток на время приглушить фоновую музыку, затем встал из-за стола, где они сидели с Катериной Мсти-

славной во главе, и, взяв в правую руку наполненный пузырящимся желтоватым шампанским фужер на тонкой ножке, а в левую положив ладонь Екатерины Мстиславовны, промолвил:

– С вашего позволения, мои дорогие, я открою вам маленькую тайну, – его голос звучал очень торжественно и звонко. Барон окинул присутствующих зачарованным взглядом исподлобья. – С этой замечательной женщиной мы приехали на это торжество прямиком из ЗАГСа, решив всё же сохранить некую супружескую интимность и поддержать таинство заключения брака! Теперь мы женаты, дорогие наши! Я сам лично надел кольцо на изящный пальчик этой женщины, и она сегодня надела на себя, если так можно выразиться, мою гордую и благозвучную к её имени фамилию! Теперь мы барон и баронесса Матвиенко! Теперь мы с Екатериной Мстиславовной, с женщиной, которую я любил всю свою жизнь, сколько себя помню – обручены, и сейчас самое время отпраздновать это! – в ответ на пламенную (кто бы сомневался) речь, все присутствующие соединили свои фужеры в приятном и торжественном перезвоне. Музыканты заиграли великолепную джазовую мелодию – они очень вовремя обеспечили барону Матвиенко сопровождение. За это он наградил их доброжелательной и благодарной улыбкой.

– Ну что ж, раз уж вы всё уже сделали без нас, – хохотнула графиня Кошкина, отпив ещё немного шампанского, – то может быть не обделите нас хотя бы поцелуем? Горько! – крикнула она, ожидая поддержки от других.

– Горько! – подхватили гости.

Катерина Мстиславовна и Марсель Сергеевич слились в любовном поцелуе.

– Сколько помню Марселя, – начал граф Звягинцев, параллельно пережевывая один из салатов, которыми просто пестрил стол, поражая мастерством приготовления и оформлением. –

Так он просто не замолкал про тебя, Катя! Так что... любви в твоём доме дальше будет только больше!

– На руках до старости носить будет! – продолжала Улисса Петровна Шмакова. – Дай бог вам счастья, Катенька! – она ма-нерно прослезилась. Катерина Мстиславовна нежно посмотрела на подругу, а затем на Марселя Сергеевича, и, поймав его взгляд, любовь в котором никогда не угасала, мысленно поблагодарила свою судьбу за такой подарок.

– Ну а вы что молчите, дорогие родственники! – всплеснул руками Марсель Сергеевич, смотря преимущественно на смурного Корнея Мстиславовича, которому явно не очень нравилось происходящее. Как только граф Чернов, складывающий себе в рот кусочки мяса, словно стервятник, евший падаль, поймал на себе взгляд того, кого он больше всего не хотел считать родственником, он чуть было не подавился, стал кашлять и поспешно отвернулся от стола.

– Мама! – звонко воскликнула вставшая и совершенно прекрасная Вероника Дориановна, решившая заполнить немного неловкую пустоту после того, как подавился её дядя. – Мамулечка! Сегодня очень важный день для тебя! – преданно смотря на мать и держа в трясущихся от волнения тонких аккуратных руках бокал с шампанским, сказала она. Её глаза поблёскивали от слёз радости. – Мне хочется пожелать тебе только счастья! Вы прекрасная пара, красивая! – она широко улыбнулась. – Я надеюсь, ваша совместная жизнь будет такой же, как сегодняш-ний день! Я всегда буду любить тебя и поддерживать! – голос женщины дрогнул. В глазах баронессы Матвиенко всё тоже ста-новилось размытым. Она улыбалась и плакала.

– Моя дорогая! – Катерина Мстиславовна встала из-за сто-ла и подбежала к дочери, придерживая длинное платье, и нежно обняла её. – Ты у меня такая хорошая, господи! – и женщина прижала дочь к себе. – И ты, внученька! – Астрид тоже встала и

присоединилась к женским семейным объятиям. Конечно, здесь было не обойтись без вздохов восторга подруг Катерины Мстиславовны.

– Прекрасные три поколения женщин. Марсель, тебе несказанно повезло! – подметил барон Миронов, восхищённо.

– В этом ты прав, Максим Святославович! – подмигнул другу Марсель Сергеевич.

Тут же вызвалась произнести тост и Минерва Мстиславовна, почему-то в этот вечер всё никак не сумевшая допить один фужер шампанского. Как чёрная ворона с фиолетово-сизой головой, она жадно выпивала и выплевывала назад каждую букву слова «счастье», не понимая даже в таком преклонном возрасте: что оно означает. Или она считала, что это не её стихия, или же всем своим существом скорбела по затонувшей в океане горя барже, нагруженной сундуками этого счастья, что безвозвратно исчезли в чёрной воде, не дав женщине с фиолетовой головой насладиться им. Скорее всего, графиня Чернова прекрасно знала место, в котором затонула эта баржа и наверняка можно было спуститься на дно и достать по одному сундуку, но эта женщина ни за что бы этого не сделала. Боялась. Боялась уйти на дно под весом одного из этих сундуков? Нет. Боялась быть счастливой, ведь это было неизведанным чувством, а люди, как известно – избегают и бояться неизвестности, что бы этой самой неизвестностью ни было.

Следом за графиней Черновой тост произнесла Хельга Ивановна. Затем Астрид. Довольно небольшую речь, адресованную только сестре, произнёс граф Чернов, к ней добавил пару примитивных слов Никита.

Официанты всё носились и носились по залу, принося и принося изумительные закуски.

Когда Астрид отлучилась в уборную, за ней, кажется, пошёл Никита. В плохо освещённом коридоре, что вёл в туалет,

девушка в страхе огляделась по сторонам, продолжая слышать шаги, но никого не могла заметить – ни сзади, ни спереди. Наконец, выйдя из уборной и пройдя к раковинам для мытья рук, что были общими для женщин и мужчин, девушка увидела в зеркале отражение Чернова-младшего, что вальяжно стоял, облокотившись подошвой на стену, отделанную белой плиткой. Астрид вздрогнула, но попыталась пройти помыть руки, будто она совершенно не испугалась.

– Ты ходишь по лезвию, но пытаешься упорно делать вид, что ничего не знаешь, – не открывая глаз, вздохнул Чернов, поправив алые волосы, с которых уже вымывалась краска. – Но моему терпению тоже скоро может прийти конец. Советую это учесть.

– О чём ты?.. – Астрид не нашла ничего лучше, чем сказать эту фразу.

– Не делай из меня идиота, девчонка. Я прекрасно знаю, что ты пыталась помешать мне забрать то, что моё по праву! – прорычал он, указывая себе на грудь кулаком и явно раздражаясь.

– Ты забываешь, что кольцо никогда тебе не принадлежало. – холодно произнесла Астрид. Ей было обидно за то, что сказал Никита.

– У тебя не было и нет никакого права красть что угодно из чужих сумок! – процедил Чернов-младший.

– Заметь, что потом ты украл кольцо из МОЕГО письменного стола! – не осталась в долгу девушка.

– Не пытайся доказать, что ты умнее, чем я, – изрёк Никита. – Я найду способ поставить тебя на место, а если ты продолжишь быть назойливой и надоедливой мухой, я найду мухобойку, учти. Ты всего лишь маленькая, наивная дрянь, что путается под ногами у меня и у Бра... – Никита не закончил фразу. Сюда направлялась Вероника Дориановна.

– Боже мой, Астрид! Никита! А вы что здесь?.. – женщина была в недоумении.

– Не волнуйтесь, мы совершенно случайно синхронно покинули уборные и встретились. – преспокойно изрёк Чернов и сразу же удалился, сверкнув злостным рубиновым взглядом.

Торжество было в самом разгаре, и настало время танцевать. Джазовые музыканты достаточно разогрелись, кроме того, когда сюда явилась восхитительная джазовая певица с великолепным голосом – молодая девушка Ольга в чёрном блестящем платье, присутствующие просто не смогли усидеть на месте. За столом остались только Корней Мстиславович и Никита.

– Как мне всё это надоело! – процедил сквозь зубы граф Чернов и вытер губы салфеткой. – Прошла почти неделя с этого провалившегося ритуала, а у меня всё ещё чертовски раскалывается голова. Так и не могу вспомнить – что там случилось. Ты что-то помнишь?

– Нет, отец, – соврал Никита. – Я, похоже, тоже отключился. – сын боялся встречаться взглядом с отцом.

– Ну ладно, – строго кивнул граф, с подозрением посмотрев на сына.

– Кому нужна эта показуха, я тоже не понимаю! – Никита отхлебнул из фужера, переведя тему.

– Кому-кому, этому индюку! – граф кивнул в сторону вытанцовывающего вместе с женой барона Матвиенко. – Я в полной уверенности, что он ещё доставит ей хлопот.

– Вспомнишь говно, а вот и оно, – хохотнул Никита и сразу смолк, как только увидел, как Марсель Сергеевич направляется прямо сюда танцевальным и невероятно спесивым шагом.

– Ну а что это Вы не танцуете, мой любезный граф? – обратился, улыбнувшись, Марсель Сергеевич, не переставая двигаться всем телом на месте.

– Не любитель, – холодно бросил Чернов, не поднимая на него глаз.

– Но, помилуйте, разве Вам не весело на свадьбе собственной сестры? – раскрыв глаза, всплеснул руками барон, манерно удивившись.

– Я требую, чтобы Вы немедленно ушли от стола, – процедил Корней Мстиславович, не меняя ни интонации, ни переноса на барона взгляд.

– Простите? – не в силах совладать с дерзостью брата жены, переспросил барон.

– Вы все прекрасно поняли, не прикидывайтесь. Уйдите сейчас же и не задавайте идиотских вопросов.

– Куда я пойду, ведь это же моя свадьба! – осознав несоизмеримую наглость графа Чернова, изумился Марсель Сергеевич. – Разумнее уйти Вам, мой дорогой Корней Мстиславович! – улыбнулся, едко, Матвиенко.

– Чего ты сказал? – Корней Мстиславович поднял на него свои глаза. Никита с интересом наблюдал за происходящим.

– Уйдите, Вы ведь портите всю картину праздника! – улыбнулся Марсель Сергеевич, зная, что именно улыбка больше всего раздражает оппонента.

– Слушай сюда, – граф Чернов молниеносно встал, схватив руками, испачканными в масле, барона Матвиенко за грудки. Когда грязные пальцы коснулись белоснежного пиджака, лицо Марселя Сергеевича искривилось будто бы от боли. – Если ты, слащавая мразь, вообразил, что этой показушной свадебкой ты задобиришь всех из семьи, то ты ошибаешься! – глаза Корнея Мстиславовича наполнились неимоверной злостью, такой, что Марсель Сергеевич, даже не успел переключиться на подобный лад. – Тебе удалось заграбастать мою сестру, но я уверен, что всё это только для того чтобы поселиться в её родовом доме и ещё больше чувствовать себя богатеньким барончиком! Так вот,

что скажу я тебе: она выведет тебя на чистую воду, а если не она, тогда я! – и с этими словами, собрав все свои злость и презрение в слюне, Корней Мстиславович запустил в лицо мужа сестры массивный плевок, устремившийся одетому с иголки мужчине прямо в глаз. Марсель Сергеевич отпрыгнул от графа, продолжающего хрипло дышать и злобно смотреть на Матвиенко.

– Марсель! – Катерина Мстиславовна заметила стоявших вместе брата и мужа. Лица у них были отнюдь не весёлыми. Женщина подбежала к столу. За ней начали подтягиваться остальные. Музыка тотчас же прекратилась. Ольга перестала петь и тоже испуганно смотрела в сторону стола, поняв, что что-то там явно не в порядке.

– Господи, что тут произошло? – ужаснулась баронесса Матвиенко, растерявшись.

– Твой брат позволяет себе через чур много, Катя, – пробасил Марсель Сергеевич, смотря на соперника одним глазом, потому что второй было противно открывать, и елозил по столу рукой в поисках салфетки.

– Корней. Да боже ты мой! – всплеснула руками женщина, лицо которой совершенно помрачнело. – Можешь быть спокойнее и терпимее хотя бы, черт возьми, на моей свадьбе! – взвизгнула, с дикой обидой, она. – Или ты совсем меня не уважаешь?

– Да как уважать такую глупую влюблённую идиотку, как ты! – изрёк граф Чернов. – Ты влюбилась в этого крашеного павлина, словно девчонка! Он напел тебе в уши, словно весенний соловей, а потом, поверь мне, он в эти же уши тебе и испражнится! – на этих словах Марсель Сергеевич не выдержал и с силой ударил кулаком в нос Корнею Мстиславовичу. Граф отлетел на небольшое расстояние, схватившись за лицо. Ниточка алой крови струилась из его левой ноздри, выпачкав ладони. Граф нервно смеялся. – Ну вот видишь! На воре и шапка горит!

– продолжал Корней Мстиславович. Марсель Сергеевич тяжело дышал и готовился опять нанести противнику удар. Он стоял в боевой позе и готовился отомстить хотя бы за испачканную одежду. Лицо барона Матвиенко было красное, как редис.

– Марсель! Марсель! Тише! – пытаюсь не заплакать, жена судорожно гладила разъярённого, как зверя, мужа по спине. – Успокойся, он просто выпил. Не нужно его больше бить, не нужно, слышишь?

– Я не могу, это так мерзко, Катя! Ты уже успела уподобиться этой розовой сопле! – шмыгая носом и чувствуя вкус крови, продолжал граф Чернов. – Прости, сестра, но ты казалась мне мужественнее, хладнокровнее и дальновиднее... – не скрывая разочарования процедил граф Чернов.

– Да как ты... да как ты смеешь?! – вступилась за поражённую словами брата Катерину Мстиславовну, Улисса Петровна Шмакова. – Да ты не за что в жизни себе не представишь, какой она была мужественной героиней, когда рожала! Я принимала её роды, и я как никто могу это знать! Как она рожала в первый раз, а как потом рожала во второй, хотя я не раз её предупреждала, что в тридцать восемь это уже не так же безопасно, как в двадцать! – выкрикнула Шмакова, чем заставила сосредоточить на себе обезумевшие взгляды присутствующих.

– Черт возьми, Улисса! – Катерина Мстиславовна хлопнула себя по лбу рукой, и слёзы стали душить её в следующую же секунду. Вероника Дориановна стояла здесь же, и вся побелевшая от шока, смотрела на Астрид, которая пока ничего не понимала.

– Ой... – Улисса Петровна приставила ладонь ко рту. Её голос из звонкого стал тихим. – Я же совсем забыла, что не нужно было... не нужно! – она занервничала и поспешно удалилась за стол, чтобы никто не видел её налившегося краской лица. Вновь все взгляды были сосредоточены на Катерине Мстиславовне.

Вероника Дориановна изредка поглядывала на мать, от волнения кусая губу, а затем на Астрид.

– ...В тридцать восемь? – вдруг произнесла Астрид, обращаясь к бабушке, но не в силах на неё посмотреть. – Тебе было столько семнадцать лет назад. Летом исполнилось семнадцать мне... – не жива, не мертва рассуждала девушка. – Слушайте, скажите мне, что всё, что я думаю – неправда! – не в силах больше держаться, Астрид села на пол прямо в нарядном платье. – Ну, чего ты молчишь?! – закричала она, желая услышать всю горькую правду.

– Потому что, Астрид, ты правильно всё поняла... – встряла Вероника Дориановна, ибо Катерина Мстиславовна была вся залита слезами, будучи не в силах даже вздохнуть полной грудью. Она стояла в стороне, вся красная. По её щекам потёк макияж.

– Что!? – одними губами прошептала Астрид. – Нет... – она, не желая верить, качала головой влево-вправо. Взгляд её выражал полное недоумение и отрешённость.

– Твой отец очень хотел ребёнка, Астрид, – опустил похолодевшую от волнения руку на плечо девушки, продолжала Вероника Дориановна. – И вот, наконец-то, я забеременела! – плакала она. – Семнадцать лет назад! Не знаю, как так совпало, но мама тоже ждала ребёнка, и мы все так радовались, что нашу большую семью ожидает целых два пополнения! И вот... настало время ложиться в родильный дом. Сначала легла я, зачем мама, но у меня... у меня не получилось родить... – Вероника Дориановна заливалась слезами. – Ну а мама... родила девочку, и этого ребёнка она, не задумываясь, отдала мне... ведь правдоподобнее звучало бы то, что у мамы не получилось родить из-за возраста. У мамы уже была я... а у меня никого... а твой отец... твой отец так хотел скорее увидеть тебя, ему было всё равно, что он ждал сына, потому что только лишь посмотрев на тебя,

он увидел в тебе свою дочь... свою дочь Астрид! Так он тебя назвал, как только взял на руки! Ни секунды не думая над именем...

– Выходит... ты... моя сестра?! – с ужасом проговорила Астрид, выслушивая всё это. Ей с дикой трудностью давалось каждое сказанное слово, а ком, стоящий в горле и колющий шею, мешал говорить ещё сильнее. – Да черт, что ещё вы от меня скрываете? Какие ещё скелеты лежат в ваших шкафах??? – разозлилась девушка, а затем встала и выбежала прочь. Оставалось лишь надеяться, что Астрид вернётся домой. Хельга Ивановна пошла за внучкой быстрым шагом.

– Я не дам ей совершить безрассудных поступков! – пообещала она Веронике Дориановне и Катерине Мстиславовне и тоже покинула место торжества.

Теперь, разумеется, всем стало не до свадьбы. Марсель Сергеевич отлично помнил, что в то время он уезжал в длительную поездку почти на два года, и сейчас не приложил ума, как Катерина Мстиславовна, будучи ему тогда ещё только любовницей, могла проверить беременность? Разумеется, Астрид была дочерью Дориана Альбертовича, в этом сомнений не было, но Марселю Сергеевичу стало невероятно досадно от того, что жена делила кровать не только с любовником, которому клялась вечной верности, повторяя при этом, что с мужем она даже не ночует в одной комнате. Конечно, сейчас всё это выяснять ему не хотелось. Не выгодно выставлять себя в таком свете, тем более при тех, кто верит в вечную и чистую верность и любовь Катерины Мстиславовны и Марселя Сергеевича.

Кроме того, отлично видя, что только что была раскрыта страшная тайна Вероники Дориановны и Катерины Мстиславовны, барон не стал вмешивать сюда и свои собственные претензии.

Они подождут до дома.

– Кажется, нам уже пора, – Галина Олеговна Кошкина с Владимиром Даниловичем Звягинцевым под ручку, в прямом смысле слова смылись из этой конфузной ситуации так быстро, что с ними даже никто не успел попрощаться. Так же улетучилась и Миронов. Ну а Улисса Петровна Шмакова так и сидела за столом, положив лицо на обе ладони и мнила себя великим прездателем. Женщине было стыдно даже посмотреть на Катерину Мстиславовну, которая, наверняка уже вычеркнула её из списка своих подруг. И кто её тянул за язык? Семнадцать лет этой тайны словно не существовало, а теперь... теперь она своей импульсивностью и безрассудным рвением защитит баронессу Матвиенко перед братом, разрушила, разбила, сломала не только шикарную свадьбу одной семьи, но и жизнь другой. Женщина была уверена, что её словам не найти оправдания, а ей самой уже нет прощения. Разумеется, сейчас раскрылась одна из великих тайн Катерины Мстиславовны и Вероники Дориановны. Никто и помыслить не мог, что спустя семнадцать лет кто-то обмолвится об этом. Вероника Дориановна с самого первого дня считала Астрид своей дочерью, а настоящая мать девочки, разумеется, радовалась, что эту проблему удалось как-то решить. Сейчас от свадьбы не осталось ничего: ни музыки, ни праздника, и даже безумно яркий цвет свисающих с потолка огромных шаров стал темнотой, медленно сгущающейся в зале.

Укоризненно окинув взглядом присутствующих, ушёл Корней Мстиславович вместе с Никитой. Затем улетела скорбным вороном Минерва Мстиславовна. Марсель Сергеевич, насквозь пропитанный злостью и униженный братом собственной жены, сейчас хотел только одного: покинуть это опротивевшее место, в раз показавшееся ему слащавым и приторным. Ему хотелось уйти, запереться, закрыться в спальне и просто лежать, смотреть в потолок и представлять, как вытекают из глазниц глаза отвратительного человека – Корнея Чернова. Да что там

скрывать, барон представлял, как сам лично их оттуда выдавливает. Что-то в голове Матвиенко сейчас повернулось: его посетила мысль о том, что его жена, пусть и сменившая уже не одну фамилию, внутри всё же остается Черновой.

Что-то в бароне похолодело. И да, повернулось. Той стороной, что всегда ранее оставалось сзади, в тени.

Глава XIII **ВИНСЕНТ**

В беспокойную ночь, следующую за этим днём, Астрид проплакала в доме Хельги Ивановны Лето, до рассвета не сомкнув глаз. Часам к одиннадцати утра, девушка, из-за чудовищной усталости, конечно, всё же немного вздремнула, но сном эти пару часов назвать было трудно.

День свадьбы Катерины Мстиславовны, являющейся, как оказалось, матерью девушки, разделил её жизнь на до и после, а пренеприятный осадок лжи щекотал горло подступающим желанием заплакать. Астрид переваривала всё произошедшее у себя в голове, и желание возвращаться в Особняк Ветра постепенно пропадало. Хельге Ивановне было его не вернуть. Всё, что могла сделать сейчас женщина-сова – это отпаивать внучку целебными отварами, чтобы восстановить её силы.

К счастью, долго апатия не продолжалась: уже вечером этого дня Астрид стала решительно заявлять о том, что ситуация, в которой она сейчас находится, вынуждает её мобилизовать свои силы, не раскисать, начинать действовать решительно и скорее выполнить то, что она обещала Константину. Уже через некоторое время Хельга Ивановна позвонила Аскольду, сказав, что завтра днём они с внучкой и её подругой будут в Южном А-Ваене. Дашу Серову она о предстоящей вылазке тоже предупредила.

На следующий день выдалась морозная, но солнечная погода. Северный А-Ваен шурился от яркого светила, хлопая мёрзлыми, слипшимися ресницами чёрных вековых деревьев. Хельга Ивановна, Даша и Астрид быстро домчали до Южного А-Ваена.

– Ну и чего ты такая грустная? – когда Аскольд заметил усталость на лице Астрид, он удивился, решив выяснить, что с ней, но девушка всего лишь отмахнулась, не желая делиться с ним своими проблемами. Слишком это было пока что актуально для неё и свежо, чтобы обсуждать такое с холодной головой, без эмоций. Даша, конечно, уже успела выпытать у подруги в чём причина её расстройств, а Астрид уже успела поплакать на пути сюда, но сейчас некогда было наматывать сопли на кулак! Ребята во чтобы то ни стало должны были действовать! Аскольд показал Хельге Ивановне тот самый дом, в котором, как они узнали от Константина, собирается Братство Полной Луны, когда закрыт «Синий Луч». Квартира, что была им нужна, располагалась в панельном десятиэтажном доме в одном из центральных районов города. Дворик дома был довольно тихий, оснащённый детской площадкой, как видно, построенной недавно на собранные деньги инициативных жильцов дома. Первый этаж строения был отведён под супермаркет. Константин говорил, что квартира, в которой собирается клуб, располагается на втором этаже. Он назвал конкретное окно, и сейчас взгляды компании были направлены именно на эти коричневые рамы. Окно было закрыто, нельзя было понять, есть внутри кто-то или нет. Однако, спустя примерно минут десять, во двор заехала чёрная тонированная иномарка. По коже Астрид пробежали мурашки: это была машина Корнея Мстиславовича Чернова. Астрид мигом запрыгнула в машину бабушки, остальные скрылись там же, однако машина Хельги Ивановны была, можно было поспорить, единственная что в Северном, что в Южном А-Ваене – её про-

сто нельзя было не запомнить. Женщине-сопе очень бы не хотелось, чтобы сейчас граф увидел её автомобиль. Она заметно волновалась, но в её совином взгляде было очень трудно разглядеть это волнение. Брови Хельги Ивановны были сведены к носу и оранжевые её радужки сейчас приобрели какой-то желтоватый оттенок, словно это были фонари, которые обыкновенно используют, чтобы освещать тёмные уголки неизведанного пространства, скрытого под покровом ночной темноты. Женщина пыталась всем своим видом показать ребятам, что она не боится, но всё же её выдало то, что сейчас она судорожно достала из своего пальто пачку сигарет и закурила прямо в салоне автомобиля.

Корней Мстиславович и Никита вышли из машины, и, провожжённые пристальным взглядом Аскольда, Астрид, и Даши, скрылись за дверями подъезда.

– Пойдём за ними, – заявил Аскольд серьёзно. Он действительно очень подготовился к этой вылазке: надел камуфляжные, удобные штаны и обтягивающую кожаную куртку, запасся верёвкой и маленьким кинжалом.

– Ты что, с ума сошел? – Даша скривилась и покрутила у виска. – Туда только что зашли Черновы! Велика вероятность, что там есть кто-то ещё!

– Их присутствие – шанс Астрид проверить свои подозрения! – сказал парень, серьёзно сведя брови. – Шанс всё узнать!

– Ты прав, но... Я ведь совершенно не знаю, как туда пробраться незамеченной! – пожаловалась Астрид.

– Дай-ка подумать... – протянул парень, и выглянул в окно машины, обратив взгляд на окна, а затем ликующе повернулся к девушкам. – Мы залезем в окно! И... по правде сказать, – он замялся. – Также я влезал и в Особняк твоего дедушки. Так что в этом способе мне нет равных... – он засмутился, потому что ему пришлось приводить такой пример.

– Убедил! – саркастично хохотнула Даша и невесело усмехнулась.

Почти в этот же миг окно открылось. Ребята, к сожалению, не увидели кто открыл его.

– Ну вот видите, все идёт нам на руку! – Аскольд кивнул на открытую раму.

– А может, у них сегодня какое-то собрание? Вдруг их там слишком много? – боязливо предположила Астрид.

– Да не бойся ты! – отмахнулся смелый парень. – Ты ведь не одна полезешь, а я и не такое делал.

Хельга Ивановна усмехнулась.

– Славный малый! – оценила она.

– Если мы пойдём вместе, будет куда более эффективно.

– Если вы полезете в окно, вы уверены, что сделаете это максимально беззвучно? – уточнила Даша.

– Может быть, – пожала плечами Астрид. – Я, конечно, не особенно представляю, за что нам там браться и что делать, если вдруг они нас заметят. И если честно... я почему-то уверена, что нас заметят... – призналась девушка, скривившись.

– Я полечу туда первой! – вызвалась Хельга Ивановна, выбросив в окно сигарету, докуренную до самого фильтра. – Разведаю обстановку в квартире и гляну, какое покрытие на полу. Так вы сможете понять, надо ли снимать обувь.

– Было бы здорово, если бы Вы так сделали! – кивнул Аскольд. – Это нам поможет! А ещё, вот, возьмите! – парень протянул бабушке Хельге верёвку. – Нужно чтобы Вы привязали её к батарее или ещё там к чему-то. По ней мы поднимемся наверх с козырька магазина, и по ней же спустимся обратно.

– Я сделаю это, – кивнула женщина.

– В таком случае, если все вы уйдёте, я могу постоять на стрёме! – предложила Даша.

– Да. Ты посидишь в машине и подождёшь нас всех здесь! – наказывала Хельга Ивановна. – И это не менее важно! – добавила она.

С этими словами оранжевоглазая женщина-сова тут же рассыпалась сотней перьев, вылетела сквозь приоткрытую дверь машины с мощной верёвкой в лапе и направилась к окну. Она влетела в квартиру и еле-слышно опустилась на подоконник, осмотревшись по сторонам.

Женщина-сова находилась в небольшой комнате, вплотную к одной из стен которой стоял огромный стеллаж из тёмного дерева. На нескольких его полках ютились толстые книги в однотонных разноцветных переплётках, а во встроенном стеклянном серванте располагалась хрустальная посуда. В середине комнаты находился круглый стол с белой вязаной салфеткой вместо скатерти, пара кресел в красной обивке и тёмно-коричневый диван. На потолке, очень низко над столом, висела тёмно-бордовая стеклянная люстра, что сейчас была выключена. Комната была тёмная ещё и за счёт тяжёлых для взгляда коричневых обоев, бардовых бархатных штор и тёмного линолеума, но в целом, это было совсем обычное, непохожее на место встречи оккультистов помещение. Пол был мягкий. Обувь снимать Астрид с Аскольдом не потребуется. Хельга Ивановна услышала разговоры, что доносились из соседней комнаты. Голоса принадлежали Корнею Чернову, какой-то женщине и какому-то мужчине. Людей здесь было довольно много, и, наверное, хорошо, что за счёт их активной коммуникации, прилёт Хельги Ивановны оказался для них совершенно беззвучным. Ещё немного посмотрев по сторонам, женщина-сова плотно привязала конец верёвки к трубам батареи и покинула квартиру членов клуба.

– Все они сидят в соседней комнате, и я думаю, ждут, пока первая комната проветрится! – констатировала женщина-сова. –

Я привязала верёвку к батарее и закинула за окно. Советую вам быть побыстрее! – с этими словами она резко превратилась в человека. – Действуйте! – сведя уже человеческие брови над нечеловеческими оранжевыми глазами, напутствовала она.

– Спасибо тебе! – Астрид обняла бабушку. – Я так понимаю, сначала нам нужно забраться на козырёк магазина? – девушка смотрела на кусочек верёвки, что раскачивался на ветру, высовываясь из окна.

– Да, – Аскольд почесал затылок. – Сначала на козырёк, а оттуда недолго пробраться в квартиру.

– Думаешь, у меня получится? – нервно усмехнулась Астрид, поразившись тому, с какой лёгкостью парень говорит об этом.

– Получится, – заверил её Аскольд и похлопал по плечу. – Ты же со мной полезешь!

Хельга Ивановна вновь превратилась в сову и полетела наверх. Даша пожелала им всем удачи. Волнения и страха ей было не скрыть даже за нежной улыбкой.

Сначала ребята забрались на козырёк продуктового магазина: это оказалось не так трудно, как представляла Астрид, потом преодолели небольшое расстояние до окна по верёвке и наконец оказались в самой квартире. Было страшно и хотелось отдышаться, громко и полной грудью, но сделать это было невозможно – очень высок риск быть услышанными. Ребята прислушались: очень приглушённо доносились разговоры из соседней комнаты, что соединялась с данной гипсокартонной стенкой.

– Двадцать один год назад, это был чёртов двадцать один год назад, Ира! – рычал мужской голос. – Почему бы тебе наконец не успокоиться?

– Я не успокоюсь никогда, Морис! – заявляла женщина, громко и яростно топая ногами. – Пока ты не станешь говорить по факту! – надрывалась она.

– Ты такая глупая! – издевательски усмехнулся мужчина. – Я не знаю, что я тогда в тебе нашёл! – говорил он, явно играя с ней.

– Что чёрт возьми ты несёшь, Морис! – рыдала бедная женщина. – Всё это давно уже кончено, забыто! Наши отношения умерли, исчезли, и то, что мы вынуждены находиться здесь, в одном обществе, совсем не связано с нашими личными отношениями! Прекрати это вспоминать!

– Ну да, у нас есть всего лишь общая цель, которой объединены я, ты, и клуб. Ты иногда говоришь разумные вещи... но... – он осёкся, – ...всего лишь говоришь. Ты можешь сколько угодно трещать о рациональности и самодостаточности, но я открою тебе тайну: люди привыкли слышать не только ЧТО им говорят, но и КАК им говорят. А говоришь ты, как и двадцать один год назад: наивно и низкоинтеллектуально. Два десятилетия ничему тебя не научили, и мне печально, Ира! Очень печально. Ты просто не представляешь, какая тоска возникает в моей душе, когда я слушаю тебя! – по-театральному слёзно и саркастично произнёс мужчина, чем заставил женщину разозлиться.

– Заткнись, Морис! Ты чудовище! Ты настоящее чудовище! – закричала она. – Ты лишил меня самого дорогого, смысла моей жизни! Прошло уже двадцать лет, но ты до сих пор манипулируешь мною, играешь на моих чувствах! И после этого ты говоришь, что я слабый человек? Слабый человек ты, Морис! Ты самоутверждаешься за счёт моей уязвимости, потому что больше оснований для самоутверждения у тебя нет! – заявляла женщина, и больше мужчина ничего не говорил. Он только посмеялся.

Послышались ещё шаги.

Видимо, квартира была не однокомнатная, как могли подумать ребята, а значит, где-то дальше располагалась третья ком-

ната. Оттуда сейчас пришли Корней Мстиславович и Никита. Забоявшись, что сейчас кто-то войдёт в гостиную, Астрид принялась судорожно оглядывать стеллаж. Аскольд резко открыл одну створку шкафа внизу. Дверка издала неприятный скрип, отозвавшийся в лицах ребят неприятным искривлением. Астрид и Аскольд похолодели. К счастью, никто из присутствовавших не услышал этого звука, но он заставил ребят более бегло осматривать содержимое шкафа. Нижняя дверка, которую открыл Аскольд, была набита папками с бумагой, стоящими вплотную, как книги на открытых полках. Папки по виду были довольно старыми и, кажется, давно не открывались, непонятно сколько лет здесь пылясь. Тут же лежал маленький пожелтевший конвертик. Астрид побоялась вытаскивать папки и схватила этот конверт, быстро засунув себе во внутренний карман, даже не смотря на его содержимое, и принялась бегать глазами по шкафу, пытаясь заметить ещё что-нибудь: Аскольд пытался открывать ещё двери, что-то там искать и одновременно наблюдать за тем, чтобы сюда никто не вошёл.

Вдруг хлопнула входная дверь. Астрид и Аскольд одновременно вздрогнули. Это был ещё человек из клуба. Рогволод Геннадьевич Бёрк. Астрид испугалась: людей набиралось слишком много, кто-нибудь, определённо, придёт в эту комнату, и нужно было срочно уходить отсюда! А ещё каким-то образом попытаться потом отвязать верёвку...

Шаги приближались. Астрид с Аскольдом скрылись за шторой, пытаясь во чтобы то ни стало избежать поимки – бежать через окно они уже бы не успели.

– Они идут сюда! – прошептал Аскольд. Девушка кивнула ему, стоя ни жива ни мертва.

– Шамирам скоро будет здесь! – предупредил Рогволод Геннадьевич. – Нужно ещё немного подождать. – Я всё ещё чувствую дикую усталость от ритуала... – признался мужчина и

шумно вздохнул. – Невыносимо болит голова. Как будто бы мозг мечется по черепной коробке, словно загнанный зверь! Вы такого не ощущаете? – при этом вопросе Бьёрк с подозрением уставился на Никиту. – Ты проводил ритуал с кольцом Зейлера. Что было?!

– Ничего. Все просто отключились! – сказал Никита твёрдо. – В том числе и я! – он был непреклонен, помня то, что наказывала ему белая женщина.

– Это тебя уже не сильно-то и оправдывает, а доверие к тебе исчезает! – строго сказал Рогволод. – Ты это понимаешь? – он свёл брови к носу. – Ты используешь наши жизни, думая, что бесконечно сможешь промахиваться в поисках Ниферио-Ритию! Но ты не на тех напал!

– Он говорит правду, Никита, – кивнула графиня Баранова. – Ты думаешь, что мы позволим тебе и дальше так с нами поступать?

Никита стоял посередине комнаты рядом с круглым столом, а члены клуба сгущались над ним, словно голодные волки. Шамирам говорила, что они будут злы. Никита отлично это помнил. Тот разговор с мессией был для него словно талисман, икона, которую обычно носишь под одеждой и, зажав в ладони, удостоверяешься, что она по-прежнему с тобой, обретая ни с чем не сравнимое спокойствие и облегчение.

– Не знаю, что там происходило после того, как ритуал пошёл наперекосяк, но все мы пробыли без сознания чёрт знает сколько времени! – подключился граф Гордиенко.

– И это могло закончиться для нас всех смертью, Никита! – Корней Мстиславович, который молча сидел на диване, теперь снова высвобождал свой гнев и загонял сына в тупик, нападая на него в стае с остальными «волками». Видя, как отец прямо здесь и сейчас предаёт его, Никита почувствовал, как неприятно то ли горячает, то ли холодеет его нутро.

– Если ты думаешь, что Шамирам будет бесконечно покрывать тебя, то ты ошибаешься! – сказал Морис Петрович, надвигаясь на Никиту, не как привычно-разноцветный и едкий мужчина, а как шаровая молния. – Ты знаешь, что произошло! Ведь ты на самом деле не отключался! – процедил мужчина, сверля взглядом парня. – Хоть и упорно доказываешь, что тоже был без сознания!

Хлопнула дверь, не успел Никита и отойти на шаг назад от стаи голодных полнолунных волков-братьев.

– Вы даже себе не представляете, насколько опрометчиво вы сейчас поступаете! – запел мелодичный голос Шамирам, заезжающей в квартиру на своей скрипящей старой несмазанной коляске. Присутствующие обернулись на женщину-моль, тусклым лунно-серым светом осветившую небольшой коридор, будто старая и пыльная лампа, которую достали с антресоли спустя пару десятков лет.

– Опрометчиво?! – возмутился Рогволод Геннадьевич. – Неслыханная дерзость! Мальчишка позволяет себе слишком много! – орал он. – Он врёт! Он врёт уже столько лет, а мы терпим, как сраные терпилы!

– Да! – кивнул граф Гордиенко. – Мы давно это понимали, но не говорили, а теперь мы убеждены, и нам не стыдно и не боязно это говорить: у вас какая-то своя игра! И нас в ней нет! – Морис Петрович расхрабрился. Стоящие за шторой Астрид и Аскольд нервно переглядывались, думая, что попали в квартиру клуба как раз, когда все его члены озлоблены и разозлены.

– ...Здесь находится два посторонних человека. Прямо здесь, за шторой. А вы напали на мальчика, совершенно не заметив, что вы здесь не одни! Не правда ли, это звучит неразумно? Не правда ли, это опрометчиво? – играючи пропела Шамирам, предвкушая веселье от поимки двух шпионов. Все те, кто находился в комнате, были поистине ошарашены тем, что сказа-

ла мессия и мигом забыли о своих вопросах про ночь ритуала, переведя хищные взгляды-прицелы с Никиты на тяжёлые тёмные портьеры, которые чуть-чуть шевелились. В ушах Астрид звенела тишина. Она слышала только своё сердцебиение и дыхание. Страх её было не передать. Мало того, что она и Аскольд толком не понимали, сколько здесь всего людей, так ещё и здесь были Корней Мстиславович и Никита – кровожадные убийцы! И ребята находились на их территории. Мало ли, что придёт сейчас в голову Черновым...

Астрид и Аскольд поняли из контекста, что ритуал с кольцом графа Зейлера пошёл наперекосяк, а следовательно – Константин был прав, что перстень – не Ниферио-Ритио. Сам предмет, как поняли ребята, до сих пор не найден, и, поэтому клуб пока не может совершить те ужасные вещи, о которых говорил Константин и освободить Ристаля Унгольда. И, конечно, парень и девушка не могли не обратить внимание на странный голос той женщины, что только что появилась и выдала их. Этот голос был слишком тонкий, потусторонний, сказочный, пугающий, наконец! Было страшно думать о том, как выглядит человек, которому этот голос принадлежит.

После того, как Шамирам сказала, что здесь кроме членов Братства находится кто-то ещё, Корней Мстиславович яростно задышав, направился к шторе, за которой стояли испуганные ребята и отёрнул её так яростно, что кольца, проехав по гардине, издали пренеприятный скрип. Граф Чернов впился взглядом в побледневшее лицо двоюродной внучки, которую застал врасплох.

– Ты! – брови его подпрыгнули до самого лба, а глаза раскрылись, как два круглых люка. – Ну что ж, здравствуй, Астрид! – он явно получал удовольствие от того, что застал девушку и получил шанс утрашить её, прилюдно. – Дорогуша, а я ведь до последнего надеялся, что ты никак не участвуешь в этом и не

суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются! Никита постоянно говорил мне, что ты какая-то подозрительная и что-то темнишь, но я отговаривал его, думая, что маленькие мразотные девочки – нам не соперники! – он пожал плечами, обернувшись на всех остальных. – Но ты, гнида, оказалась хитрее. Что ж, придётся платить! – протянул он, и обнажил пистолет, который висел у него в кобуре на ремне. Девушка сглотнула слюну. Тут же она посмотрела на таинственную белую женщину с белыми пустыми глазами, и ей стало совсем страшно. У неё наступил полный ступор, а лицо вспотело.

– Ну, а ты кто такой? – спросил граф Чернов, ядовито усмехнувшись.

– Знакомый, – бросил серьезно Аскольд, даже не дрогнув.

– Ах, знакомый! – протянул подошедший сюда, огромный и высокий, словно телевышка, Рогволод Геннадьевич, тоже испытывающий, судя по выражению лица, удовольствие от поимки ребят. – Корней, ты знаешь, что этим детишкам здесь надо? – обратился он графу Чернову.

– А вот что! – встрял Никита. – Они знают всё о наших планах! – неприлично показав пальцем на племянницу, выкрикнул он. – Я говорил тебе, отец, какая она странная и пронырливая, а ты не верил! – Чернов-младший даже весь покраснел от ярости. – Она украла кольцо из нашего чемодана, именно поэтому первый раз мы не смогли привезти его! Она пыталась надурить нас, помешать нам! Гнусная тварь! – бросил он, сверля взглядом Астрид. Девушка зло смотрела на него.

– И кто это говорит? Убийца и вор! – защитил подругу Аскольд. Никита покатился со смеху.

– Да кто это, Корней? – не понимая, что происходит, спросила графиня Баранова.

– Дочь моей племянницы, – отмахнулся граф Чернов. – И, признаться, я ведь был о ней лучшего мнения! – манерно

всплеснул руками, в одной из которых находился пистолет, Корней Мстиславович.

– А я всегда знал, что она пронырливая, жалкая крыса! – усмехнулся Чернов-младший, состроив лицо знатока. – Знал, но пытался сделать вид, что нас хоть что-то с ней роднит! Признаться, я порядком устал от этой комедии! – Никита сверкнул своими красновато-коричневыми глазами.

– Тебя никто не просил симулировать родственные чувства... – процедила Астрид.

– Больше никому не придётся ничего изображать! – Хельга Ивановна влетела в комнату в образе совы и тут же рассыпалась перьями, вновь став женщиной.

– Оборотень!?! – в один голос выкрикнули удивлённые Морис Петрович, Ирина Николаевна, Шамирам и Никита.

– Ну как же я сразу не догадался! – плюнул под ноги Корней Мстиславович. – А мы-то думали, чего это у вас глазами, Хельга Ивановна, оказалось, что это Вы впутали этих наивных детей в Ваши преступные махинации! Вот оно, оказывается, что! Как низко! Но... многие бы сделали так же, поэтому довольно мудро: детишки, это, так сказать, бесплатная рабочая сила! – засмеялся граф, и Бьёрк с Гордиенко поддержали его волной ядовитого смеха. Потом же, их лица резко стали холодными и злыми. Граф Чернов снял с предохранителя свой пистолет и направил его на Хельгу Ивановну. Женщина стояла и не шевелившись, закрывая собой Астрид и Аскольда. Она была строга и непреклонна. Члены клуба с интересом и едкими улыбками наблюдали за происходящим. – Вы тоже лезете не в свое дело, не находите? Все вы трое лезете не в свое дело! – теперь мужчина поставил под прицел Астрид и Аскольда.

– Не трогайте детей! – твёрдо заявила женщина-сова.

– А то что? – вмешался Рогволод Геннадьевич, спросив это с интересом и подняв одну бровь. Мужчина тоже достал из кобуры пистолет и обнажил его.

– А то мне придётся расправиться с вами! – не меня выражение лица, холодно произнесла Хельга Ивановна.

– И что вы сделаете? – усмехнулся Чернов-младший. – Заключёте? – усмехнулся он, и волна смеха вновь прокатилась по присутствующим.

Но Хельга Ивановна не повела даже бровью, а молча растегнула пальто, вынув из кобуры, висящей у неё на брюках, пистолет, и тоже сняла его с предохранителя. Оранжевые её глаза сверкнули желанием мести. И только она прицелилась, чтобы припугнуть их, как прямо ей в левое плечо устремился выстрел Бьёрка. Женщина была ранена. Она издала пронзительный крик, и, выронив оружие, упала, потеряв сознание от невыносимой боли.

– Бабушка!!! – в ужасе закричала Астрид. – Какие же вы мрази!!! – взвизгнула она, тяжело дыша, и бросилась было на вооружённых мужчин, но Аскольд остановил её.

Бьёрк со смехом поднял пистолет, выпавший из рук женщины-совы.

– Ты знаешь, что делать, Корней Мстиславович, – улыбнулась Шамирам, и граф Чернов достал мобильный телефон. Тем временем к Астрид и Аскольду подошли Морис Петрович с Рогволодом Геннадьевичем и схватили их за руки.

– Винсент? – вкрадчиво проговорил граф Чернов, когда ему ответил грубый и вальяжный мужской голос. – У меня для тебя сюрприз! – он прищурился, смотря прямо в глаза Астрид, явно не переставая получать удовольствие от устрашения двоюродной внучки.

В глазах девушки был шок и страх. Слезы лились по её щекам не в силах остановиться.

Неожиданно со своего места сдвинулась загадочная белая Шамирам. Она достала откуда-то маленький серебристый мешочек, перевязанный такой же серебряной тоненькой ленточкой. Женщина с пустыми глазами продела, словно иголку, руку в этот мешочек и что-то там пошарудила, при этом загадочно улыбаясь и не сводя глаз с уstraшённых Астрид и Аскольда, что несмотря на свой страх, всё ещё пытались держаться мужественно. Затем, Шамирам подъехала на скрипящей коляске прямо к ребятам, которых держали Бьёрк и Гордиенко, и, зачерпнув из мешочка, как оказалось, там лежавшую серебристую, невероятно блестящую и не имеющую веса пыль, дунула на свою белую ладонь. Пыль была слепяще-сверкающая, и устремилаcь лёгким беззвучным ветром и сладким потоком прямо в лица ребят. Их веки медленно опустились. Словно по команде их окутал сладкий пудровый, таинственный сон. Такой же блестящий и звёздный, как выпустила из своей белой призрачной ладони загадочно-инопланетная, непонятная, сухая женщина-моль, словно пришедшая сюда с какой-то съёмочной площадки или другого мира.

Сон опустился на Астрид и Аскольда хрустальной холодной капелью, тела становились тяжёлыми.

Они даже не заметили, как уснули.

...Первое, что бросилось в глаза Астрид, которые она открыла с огромным трудом – тёмно-зелёные обои и обшарпанный потолок с жёлтыми подтёками.

Девушка попыталась встать с места, на котором лежала, но её голова болела так, словно только что она проснулась от дикой и безумной пьянки, на которой ей было веселее всех вчерашним вечером. Она ещё раз закрыла глаза и снова погрузилась в сон, проспав ещё некоторое время. Когда же девушка проснулась второй раз, прямо на углу её кровати сидел Аскольд. Астрид,

конечно, была рада его увидеть, ведь проснувшись первый раз, она даже думать не хотела об одиночестве.

– Где мы? Сколько сейчас времени? Какое число? – сонно и судорожно выбрасывала слова Астрид, выпучив глаза в никуда.

– Шестнадцатое ноября. Восемь часов, одиннадцать минут утра. Это единственный вопрос, на который я могу тебе ответить, Астрид. – заранее предупредил парень, пожав плечами. Он тоже недоумевал от происходящего.

– Но... подожди, как восемь утра, мы ведь ещё... днём были в квартире и... – она стала вспоминать последние события. Давалось это с трудом. В голове промелькивали пистолеты, Черновы, остальные члены Братства, белая сухая женщина с блестящим порошком и... выстрел в Хельгу Ивановну.

– Кажется, спали мы почти сутки, – предположил Аскольд. – И... и они нас куда-то... определили... – невесело усмехнулся парень, оглядываясь по сторонам. – У меня для тебя плохие новости: телефонов у нас теперь нет, и я даже предположить не могу, где мы вообще.

Ребята находились в маленькой комнате, по бокам которой располагались две односпальные кровати, заправленные пёстрым постельным бельём. Около каждой кровати стояло по тумбе. Напротив одной из них находился телевизор примерно начала нулевых, а на полу лежал пыльный цыганский ковёр. На потрескавшемся потолке висела небольшая люстра. А окна почему-то были очень высоко. Если пройти по подобию небольшого коридора, длиной два шага, можно было выйти в маленькую неудобную кухню, состоящую из холодильника, стола, двух стульев и газовой печки. Тут же была дверь, ведущая в туалет.

– Да чёрт возьми, Аскольд, где мы!? – разнервничалась Астрид, параллельно думая ещё и о Хельге Ивановне, которой выстрелили в руку. – Где бабушка, что вообще сейчас с ней? Вдруг, они оставили её там истекать кровью?

– Астрид! – остановил её тревожный поток сознания Аскольд. – Астрид, прошу не надо! То, что мы сейчас будем паниковать – ни к чему не приведёт! Нам нужно понять, где мы и бежать отсюда! – сказал парень, не терявший самообладание.

– Да как же мы это поймём, если у нас даже телефонов нет! Ты сам сказал! – не понимала девушка, и, чтобы удостовериться, обшарила свои карманы. Аскольд был прав.

– Я согласен, это проблема, – кивнул парень. – Но давай попытаемся хотя бы выйти отсюда!

С трудом встав с кровати, Астрид чуть не потеряла равновесие. В глазах её потемнело, и она пошатнулась.

– Помнишь, как эта странная женщина на коляске дунула нам в лицо какие-то блёстки?

– Ну.

– Может, мы из-за этого так долго спали?

– Вероятно, это не просто блёстки, а какая-то очень жёсткая усыпляющая смесь. Да ещё и сильная, зараза, похожая на настоящий ингаляционный наркоз! – негодовал Аскольд. – Мы очень крепко спали, раз даже не ощущали, как нас сюда везли и заносили.

Девушка согласилась. И только она хотела направиться в ванну, чтобы немного освежиться и попить воды, потому что во рту было невероятно сухо, как входная дверь начала открываться ключом.

Движения были резкие.

Ребята замерли в страшном ожидании.

– Кого это принесло? – прошептала Астрид, оставаясь на месте.

– Черт его знает! – пожал плечами Аскольд. – Я даже думать не хочу, себе дороже.

Дверь отворилась, и в комнату зашёл очень крупный мужчина лет пятидесяти пяти. Голова у него была полностью лысая;

лицо было всё в атрофических рубцах, а в маленьких, близко посаженных глазах читались властность и беспристрастность. Массивные пальцы с неаккуратно остриженными ногтями свисали с кистей, словно огромные сосиски, и были обрамлены парой массивных перстней с чёрными обсидианами. Мужчина был одет в красный пиджак, чёрные брюки и рубашку. На его шее красовались три тяжёлые серебряные цепи. Его властный взгляд остановился на ребятах, и он скривил рот так, словно он поддельно сжалился над ними. Мужчина сдвинул еле-заметные брови к, видимо, не раз ломанному, клиновидному и толстому носу, и произнёс, вальяжно, и очень невежливо:

– Ну что ж доброе утро, ребятки! – его голос звучал командно и жёстко, будто бы Астрид и Аскольд уже имели какую-то вину перед ним. Только сейчас девушка вдруг вспомнила, что Корней Мстиславович, перед тем, как они уснули, кому-то звонил. Возможно, собеседником графа был именно этот мужчина.

– Ну что же, добро пожаловать в жизнь, которую вы начнёте с чистого, белого листа! – ядовито ухмыльнулся он, и этот «белый лист», о котором он только что сказал, не внушал ни капли доверия. Было страшно. Мужчина походил на бандита или сутенёра. – Это ваш новый дом, а я – Винсент. Но вы будете звать меня – хозяин.

От этих слов Астрид передёрнулась. Этот неприятный тип был ещё неприятнее, чем члены Братства Полной Луны. И можно было подумать, что ещё опаснее.

– Ну что ж, пойдёмте, – сказал Винсент и откашлялся. – Я покажу вам то, зачем, собственно, вы здесь.

Ребята переглянулись и последовали за мужчиной. Выйдя из домика, в котором они проснулись, Астрид и Аскольд увидели, что находятся во дворе огромного богатого особняка. Конечно, нового, по сравнению с Особняком Ветра и намного меньше его. Здесь были клумбы, отключенный на зимнее время

каменный фонтан перед крыльцом. Рядом с домом и домом для прислуги, (как выяснилось, этот маленький домик предназначался именно для неё), располагался большой гараж, не на одну машину. В общем, двор дома был живописный и большой, обнесённый высоким каменным забором, из-за которого можно было разглядеть только крыши соседских особняков и вершины деревьев. Возле входа в дом и возле гаража стояли мужчины в чёрных одеждах, кутаясь в воротники своих курток. Это была охрана.

– Вы можете объяснить, где мы? – спросил Аскольд вальяжно идущего впереди себя Винсента. Мужчина обернулся на него и соорудил такое уставшее выражение лица, будто парень задаёт этот вопрос уже восьмой раз.

– У меня дома, тупая ты бошка! – пробасил он. – У меня дома, и точка. Остального тебе знать не обязательно, щенок. Ты – всего лишь мой раб, и для того чтобы чистить толчок, тебе даже одной извилины не нужно. Так что заткнись, ублюдок, пока я самолично не сделал так, чтобы ты вытошнил все свои потроха в мой прекрасный унитаз. Вопросы ещё есть? – усмехнулся он.

– Что? – Астрид просто опешила от невероятной наглости и злости.

– Я что, не понятно сказал? Вы теперь – моя собственность. Корней Мстиславович Чернов подарил мне вас навсегда. Вы теперь служите мне.

– Подарил?? Служим??? – девушка просто отказывалась верить в слова этого ужасного мужчины.

– Именно! – Винсент обнажил ряд своих плохих зубов, один из которых, кстати, был золотым. – А если надумаете бежать – знайте: у меня сорок человек охранников, расставленных по периметру дома, его территории, внутри и за забором. Дом обвешан камерами и прослушивателями. Короче, мой вам совет:

побег – бессмысленная трата времени и абсолютно невозможная, несбыточная мечта, так что забудьте семью, друзей и наслаждайтесь моим обществом и моим богатством! – он раскинул руки и оглядел свои владения. – Вы будете в шоколаде. И поверьте, я полностью прав. Скучать вам здесь точно не придётся, за ужином мы используем очень много посуды – люблю вкусно поесть и выпить, а моя прекрасная жена ненавидит убирать вещи в шкаф: поэтому за ней придётся успевать подбирать каждую блузку и юбку, не давая ей приобрести хотя бы одну маленькую складочку: моя Рубина – модница! – он высокомерно и мечтательно улыбнулся, поправив свой красный вульгарный пиджак. – Сын у меня капризный – подросток, парень с характером. Мне он приказывать не смеет, хотя порывается, и поэтому все свои истерики чаще всего спускает на вас, на прислугу. Было и такое, что этот шпингалет макнул предыдущую прислугу прямо головой в унитаз, перед этим выдрал волосы! Так что, я говорю – скучать вам тут не придётся. Вы будете на ногах с пяти тридцати утра до полуночи. Дел будет невпроворот.

Ребята стояли, слушали мужчину, и в их головах всё, что они только что услышали, превращалось в непонятную кашу. Какой-то мужик заставляет их выполнять какую-то работу по его дому. Да кто он вообще? Судя по тому, что Корней сбагрил их именно ему, а также этот тип стал говорить абсолютно страшные вещи о том, что здесь они останутся в качестве прислуги навсегда, можно было предположить, что он – какое-то крупное преступное лицо и от этого становилось ещё страшнее! Сорок человек охраны! Это ещё додуматься надо! Человек без греха вряд ли бы стал нанимать такую армию телохранителей!

Винсент показал ребятам дом. Мужчина предупредил, что этот дом любит тишину. Сами ребята заметили, как постоянно за ними следом беззвучно ходят глаза жилистых мужчин в чёрных одеяниях – охрана действительно не давала спокойно дых-

нуть. Везде стояли эти качки: возле входов в комнаты, в коридоре, у лестницы... возле туалета (хорошо, что не в!). Однако, дом был действительно красивый – мрачный, каменный, чёрно-красный.

Рассказав новым работникам про все их дико сложные обязанности, которые, по-хорошему, должна выполнять группа из гораздо большего количества человек, а не из двух подростков, Винсент крикнул:

– А теперь, принимайтесь за работу! И если после уборки дома я увижу хотя бы одну пылинку – вы будете вылизывать языками подошву всей моей уличной обуви!

Разумеется, это было действительно ужасно, и ребята предпочли пока что следовать его приказам, прежде чем удастся что-то узнать об этом месте и о самом хозяине.

Глава XII

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ЧЁРНЫХ РЫБ

Это было морозное, зимнее утро двухтысячного года.

Гроб с белолицей пожилой женщиной с длинными волосами медленно опускали в яму. День этот был выбелен от неба до земли – приторно белый, пересыпанный снегом, как прогорклым сахаром, который, обычно, находишь в закромах дома, а делать с ним ничего уже нельзя. Видимо, это чувство возникало потому что смерть этой женщины, всем своим видом внушающей горечь и страх – не была трауром. Когда гроб был ещё открыт, снег не таял на лице покойной. Снег был теплее. Морщины, появившиеся от невероятных несчастий, сопровождавших эту женщину на протяжении всей её жизни – не разгладились даже сейчас. Кожа её напоминала старую марлю, вымоченную в помоях, а в местах щёк – тряпку, выпачканную кровавой, неестественной румяной. Румяность марлевой кожи не кричала, не пыталась сделать её живой, а придавала ей внешность фарфоро-

вой куклы. Румяные щёки кричали не о жизни. Они кричали о том, что когда покойная ещё могла дышать, она была не живее, чем сейчас.

Те, кто проходил мимо гроба – просто посмотреть на тело, или же попрощаться – с каким-то едва заметным успокоением задерживали взгляд на закрытых глазах этой женщины: будто нужно было больше времени для того, чтобы удостовериться в том, что она и вправду мертва. Люди будто произносили у себя в голове: «Несомненно! Несомненно, она мертва, спит сном, от которого никогда более не проснётся!» – они недоумевали от своих немых речей, но потом, тут же, словно забывая о своих убеждениях, в страхе и нервно оглядывались: «Ну а вдруг?..»

Это была графиня Рогнеда Егоровна Зейлер.

Через несколько дней после похорон женщины, во двор дома, принадлежавшего ей, прибыло очень много людей. Здесь проходила ярмарка вещей, от которых родственники покойной считали нужным избавиться. Двери Особняка Ветра были открыты для всех желающих. Сегодня в Особняке было особенно тихо и темно, потому что тяжёлые шторы в комнатах были задёргнуты почти что вплотную, а из окон, сизо-белым духом периодически влетал зимний холод.

В гостиной части Обеденного Зала были расставлены и разложены вещи Рогнеды Егоровны, предлагаемые для продажи: серебряная посуда с изящными ручками и носиками; старые книги; шкатулки; бусы, серьги, браслеты, колье, кольца больших размеров, сдавливающие, при жизни её толстые пальцы до посинения, и перчатки, которые Рогнеда Егоровна считала одним из своих излюбленных элементов одежды после того, как лишилась мизинца левой руки. Остальные пальцы на левой руке потом всю её оставшуюся жизнь недоумевали, куда подевался последний из них. Делать было нечего – безымянный гордо по-

весил на себя обязанности погибшего друга. Перчатки были бардовые, чёрные, цвета ультрамарин. Шёлковые, кожаные, бархатные. Пропитанные запахом её тела, запахом её рук: мясом и кровью.

От неё всегда пахло мясом и кровью. Эта женщина с удивительной безжалостностью в своё время умерщвляла скотину, рубила голыми руками головы курам и потрошила свинину и рыбу, при готовке орудя ножами, словно они были продолжением кистей её рук. Когда она готовила мясо, в кухне, обыкновенно, всё было залито кровью.

В доме была тишина, несмотря на большое количество людей. Пришедшие присматривались к охраняемым товарам, не роняя ни слова в полутёмном помещении, словно пришли в какую-то церковь, где не принято говорить, или же в библиотеку. Суеверные люди с недоверием перебирали в руках звенья ожерелий из тёмного фианита или обсидиана, невольно лоя носом сохранившийся в них запах старческой, собравшейся в запылившуюся гармошку, шеи.

...Наверняка, если бы пальцы имели дар речи, они бы придумали какую-то легенду про пропавший с руки мизинец. Они бы не стали доверяться тому, что может придумать извращённый разум людей. Не стали бы думать, что Рогнеда Егоровна поручила ему остаться в этом мире и закончить начатое. Нет. Пальцы покойной, всё же, в некотором роде, оставались умнее многих суеверных людей. На самом же деле, Рогнеда Егоровна отрубила себе палец во время горячей ссоры с мужем. Ей было так больно от обиды, что она, разделявая мясо к ужину, ударила себя наточенным до блеска ножом по мизинцу, переключив душевное страдание на физическое. Она умела, в силу своей твёрдости и беспристрастности без труда причинять боль и другим и себе. Свой же палец она отрубила, и своими же пальцами вязала верёвки для своих жертв. Скорее всего, даже не суеверный че-

ловек, зная об этих «пальцевых противоречиях», зная о пальцах, которые без сомнений что-то не договаривали бы, если бы имели рты, не стал бы надевать на своё тело украшения Рогнеды Егоровны. Кроме того, эти кольца были велики даже для большого пальца среднестатистической женщины. Кольца были не в приоритете у покупателей. А вот серьги, пяльцы для вышивания и наборы с шёлковыми нитками очень хорошего качества – прямо-таки расходились с ярмарки.

Сюда же, в Особняк Ветра, стараясь быть незамеченным сестрой и племянницей, пришёл граф Корней Мстиславович Чернов. У него была своя цель. Он всматривался в кулоны, часы и украшения. Схватив-таки, наконец, какие-то старинные водяные часы и брошь в виде навозного жука с перламутровыми треснутыми крыльями, он заплатил деньги и пошёл прочь, но прямо на пороге остановился. Перед его глазами не переставал прокручиваться момент, когда, на похоронах графини Рогнеды Егоровны, он провожал взглядом каждую, опускающуюся на её лицо снежинку и вспоминал, как в Братстве ему рассказывали про то, какие зверские убийства совершали Чёрные Рыбы и никак не хотел верить, что последняя из них – сейчас перед ним. Под верёвками этой кровожадной террористки, которые завязывала она своими толстыми, длинными пальцами, с хрустом ломались шеи родителей нынешних членов Братства. Поскольку на левой руке женщины не было мизинца, она постоянно носила перчатки, чтобы не привлекать внимание отсутствием пальца. В последний путь она тоже ушла в перчатках. Чёрных и бархатных, и будучи подозрительной даже сейчас. В два счёта она будто бы могла встать из гроба и злобно засмеяться. И в эту секунду, думал Корней Мстиславович, она смеётся во сне: «Вы так наивны, раз думаете, что у меня была всего лишь одна жизнь! А их даже не две, не три! Их больше! Их столько, сколько шей переломано моими верёвками!» Кровь стыла в жилах от

того, что мозг придумывал, когда глаза смотрели на эту женщину. Скорее от дикого озноба, который чувствовался от страха, живой бы почувствовал себя трупом в большей мере, чем труп Рогнеды Егоровны им был. Она будто бы смотрела ото всюду: из сердцевины каждой снежинки, из каждого, завядшего под снежной шубой цветка, из каждого мутного камня на перстнях и бусах, из каждой звезды, что ещё не взошла на небо, из луны и солнца. Всё сейчас отражалось в ней: повешенные маги, все её помыслы, её огромное количество жертв и чернь. Можно было услышать почти беззвучный хруст шей: музыку, что сыграла она на струнах своих верёвок. Можно было услышать печальный смех восставших на время её похорон убитых: сейчас даже они проснулись, дабы возрадоваться тому, что наконец-то земля примет их убийцу в своё чрево, будучи не в силах её больше носить.

Пренеприятные мысли об отсутствующем мизинце, словно трупные черви, носились в сознании Корнея Мстиславовича. Остаток рвоты, нелепо и неестественно сохранённый человеком в желудке – вот, что приходило на ум, когда мысли улетали в сторону этого злосчастного пальца. Она сама лишила себя его при жизни и поэтому, он всё ещё остаётся в этом мире, как едкое напоминание о ней. Как её маленькое, червеобразное гниющее детище. Как выкидыш, которого, сошедшая с ума от отчаяния мать продолжает считать своим здоровым ребёнком. Почему-то, в сознании графа Чернова этот палец был наделён долгой жизнью и обращал на себя какое-то внимание, будучи, почему-то оживлённым и сверхсильным. Корней Мстиславович представлял, что палец этот способен к развитию, росту, регенерации. Он представлял, что мизинец, как червь, терпеливо внимает наказу собственной матери и, кивая на каждый её приказ своей лысой головой, отправляется в собственное плавание по жизни, ища ещё жертв и безжалостно с ними расправляясь. Постепенно

он растит себе рот, с тысячью зубов-пил, потом атрофируются его глаза, потому что одного рта мало. Глаза тоже становятся ртами, и в них появляются новые ряды с ещё более острыми пилами. Рты, в которых всё уничтожалось – вот, что было глазами этого мизинца. Они чувствовали кровь, выедали внутренности, помогая пальцу-убийце растить себе мышечную массу, дабы стать более опасным.

Страшная женщина. С жуткой судьбой. Разве палец был бы чем-то иным?..

Он представлял, как однажды эта женщина, родя в себе огромную ненависть к магам и оккультистам, окружила себя единомышленницами. Их коллективная ненависть, будучи сначала просто зажжённой спичкой, разгорелась до того в огромный костёр, что через год после основания их кружка, который они нарекли Чёрные Рыбы – название это вызывало дрожь сначала в кругах магов, а потом уже в кругах и простых людей – их жертв было столько, что группировку нарекли террористической. Чёрные Рыбы лиц своих не показывали. Их одежда состояла из чёрных плащей и балаклав, полностью закрывающих всё, кроме глаз. Таким образом, тем, кто стоял на страже закона в то время, было крайне трудно раскрыть личности террористок, отслеживающих и караулящих ночью магов и оккультистов, а потом набрасывающих на их шеи удушающие верёвки-змеи.

Душили. Дожидались смерти. А потом подвешивали на деревьях, бог весть как. В ночной темноте хрустели шеи. Маги тогда замирали в своих убежищах с содроганием, думая, чья шея хрустнет сегодняшней ночью. Так, Чёрные Рыбы решили судьбу целого поколения Братства Полной Луны, полностью истребив всех членов клуба пятидесятых годов. Время от времени, в парке, с утра, обязательно висел посиневший труп со сломанной шеей. Однако же в результате длительного, многолетнего следствия, всё же удалось установить личности четырёх

из шести Чёрных Рыб. Их поймали, а потом обнаружилось, что в медицинских карточках у всех четырёх, словно у одной, оказывается, вписано потенциально-опасное расстройство психики, предполагающее немедленную госпитализацию! А потом, в качестве, как думали люди и милиция «нормального и совершенно очевидного» исхода событий, явилось групповое удушье всех четырёх пациенток клиники. Так дело и завершилось, а тех, кто занимался магией и подобным, попросили впредь быть бдительнее и не высовываться.

Дела двоих оставшихся женщин из Чёрных Рыб «замяли», потому что они были особенно богаты и смогли откупиться от обвинений и добиться того, чтобы имена их не обнародовали.

Люди довольно много говорили потом о двух оставшихся преступницах, и поскольку это вызывало панику, власти публично сообщили, что наконец-то наказаны две последних женщины, личности которых, разумеется, открываться не будут. Но никакие две последних женщины наказаны, разумеется, не были. О том, что Рогнеда Егоровна явилась инициатором данной организации, её семья никогда даже не догадывалась – они узнали об этом только после её смерти, считанные дни назад. Родственникам, разумеется, было бы тяжелее носить эту скверну и чернь, если бы дело Чёрных Рыб не замяли, а Рогнеда Егоровна не откупила бы от обвинения. Однако после смерти графини, полиция всё же призналась в этом родственникам, предупредив, что об этом кроме них никто не узнает. Зачем? Ведь прошло уже полвека.

Всю свою долгую жизнь Рогнеда Егоровна была властной и горластой, большой и тучной женщиной, но последнее время постепенно забывалась, становилась нелюдимой и сохла, словно река.

После всех историй о Чёрных Рыбах, Корней Мстиславович был рад увидеть её мёртвой. Это значило, что они, отныне, никогда и никого больше не убьют.

Глава XI

«Я ХОЧУ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ!»

Дом Винсента во время уборки казался ещё более огромным, чем на самом деле был. А ещё, как назло, здесь было просто нереальное количество стекла, зеркал и маленьких, хрупких, дорогостоящих статуэток, которые полагается чистить и мыть до блеска с той кропотливостью, с которой обычно делают свою работу ювелиры. Подобные фигуры занимали один из стеллажей в Каминном Зале – так в этом доме называли тёмно-красную гостиную с придающим ей невероятный уют камином. Здесь светили раскачивающиеся на чёрных цепях свечные люстры, создавая полутьму; словно чопорные господа, восседали на коричневом ковре с узором массивные диваны и кресла из красной кожи, покрытые мягкими клетчатыми пледами. На стене с вензелевыми обоями цвета венозной крови висела целая коллекция из наточенных до блеска мачете, что заставляла при каждом взгляде на ужасающие лезвия, нервно сглотнуть слюну. Здесь было мрачно. На улице, как можно было заметить из окна, бушевала ноябрьская непогода: промозглый ветер терроризировал голые деревья, небо серело одиночеством и пустотой, но даже этот пейзаж казался уютнее и приветливее, чем было внутри дома. Астрид и Аскольд понятия не имели, где они находятся. В доме царил гробовая тишина. Не было видно даже прислуги. Кажется, целью того, кто их сюда отправил и того, кто их здесь держал – было ни в коем случае не допустить, чтобы ребята узнали свое местоположение и вернулись назад. Как назло, телефонов в доме тоже не было. Единственное, что оставалось Астрид и Аскольду – подчиниться на какое-то время Винсенту,

чтобы сохранить свои жизни, но параллельно осматриваться и не прекращать думать.

Охраны внутри дома было ещё больше, чем на улице. Охранники мимикрировали под стены и пол. Обездвиженные, будто на одно лицо и тело, одетые в чёрное мужчины, глаза которых, в отличие от тела, бегали в разные стороны, зорко следя за тем, не появился ли здесь кто-нибудь лишний. Лишь завидев какого-нибудь человека, что поднимался бы по огромной мраморной, чёрной и невероятно роскошной, всегда пребывающей в парадном и презентабельном виде лестнице, эти глазалокаторы бы открылись и следили бы так пристально, контролируя каждый шаг, что в конце концов любой неприятель просто передумал бы иметь дело с этим домом и дотошными телохранителями Винсента. Орлиный зоркий взгляд был единственным, что двигалось в этих людях сейчас, ибо сами они были лишь реалистичными статуями с обращёнными к низу уголками рта и с огромными, выпуклыми от усталости венами на воспалённых нижних веках. Эти амбалы с огромными, мускульными мешками вместо рук не позволяли без страха пройти мимо них. Астрид, голос которой практически сливался с еле слышным треском дровишек в камине и тишиной, которая ценилась в этом доме так же сильно, как и полутьма, очень долго пыталась осознать, что сейчас находится в логове у крайне опасного преступника.

– Корней ещё хуже, чем я думала! – сказала Аскольду девушка, вытирая одну из статуэток, располагавшихся на стеллаже в гостиной. – Я даже сравнивать не хочу нас и их! Эта слепая женщина на коляске... этот усыпляющий порошок... а что они сделали с бабушкой... – голос её дрогнул. – ...я не могу перестать думать о ней! И о Даше! Надеюсь, с ними всё в порядке! Самые настоящие террористы, вот кто они! – крикнула со злостью девушка, но как только вспомнила, что в этом доме нельзя

громко кричать кому-то кроме Винсента и его жены, тут же приставила ладонь ко рту, испугавшись.

Аскольд, помогавший ей, кивнул.

– Да уж. Чересчур дикие у них способы, чтобы справиться с простыми подростками и пожилой женщиной! – хмыкнул он. – Какой чёрт вообще тебя дёрнул ввязаться во всё это? – но, когда девушка состроила такое выражение лица, будто почувствовала обиду за его слова, Аскольд успокоил её. – Да ладно тебе. Прорвёмся. Пробрались в квартиру клуба, выберемся и отсюда. Никто не говорил, что будет легко, но со мной ты точно не пропадёшь.

Астрид верила ему.

– Кстати, насчёт этой женщины, – вкрадчиво, и не скрывая удивления, начал Аскольд. – Я никогда не видел таких людей! Только, разве что, в фильмах! – он подбирал подходящее выражение. – Она словно...словно обесцвечена! И веет от неё каким-то холодом... ну точно не как от людей! Как от мертвечины какой-то!

Девушка кивнула.

– У меня мурашки по телу побежали, когда я её увидела. И знаешь, мне показалось, что для Братства она больше, чем просто ещё один его член. Она как проповедник или...

–...Мессия! – поправил Аскольд. – Я тоже это понял! – кивнул он. – Ты слышала, как она защищала Никиту? Будто у них особые отношения!

– Слышала. Она вела себя как-то по-матерински... – задумалась Астрид, продолжая протирать то, что стоит на полке.

– Чёрт, я только сейчас вспомнил о том, что ты достала какой-то конверт из шкафа! – осенило вдруг парня. – Совсем вылетело из головы! – и только услышав это, Астрид торопливо принялась шарить по карманам своей кожанки. И только, когда она нашла конверт, смогла выдохнуть с облегчением.

– Слава богу, он на месте! Они не вытащили его, он тоненький! – продемонстрировав конверт другу, прошептала она. В отличие от телефона, который смогли изъять члены клуба, конверт был за замком и не выпячивался.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил парень.

– Ты уверен, что хочешь узнать это сейчас? – скривилась Астрид, поняв, что Аскольд выбрал совершенно не подходящий момент для ознакомления с содержимым конверта.

– Да ладно, он же ушёл. Да и камер, вроде бы, в этом углу нет. Просто посмотрим и всё, нас же это будет мучать до самого вечера!

– Да уж, – согласилась Астрид и извлекла из конверта четыре фотографии почти одного размера. Только начав их перебирать и не успев что-то сообразить, Астрид содрогнулась, услышав размеренный стук каблуков о мраморную лестницу. Она молниеносно засунула фотографии в свой карман и сделала вид, что усердно вытирает пыль. Аскольд тоже взял свою тряпку, стерева озадаченный взгляд с лица. Наконец, в гостиную зашла статная смуглая женщина лет тридцати пяти, цыганской внешности. У неё были ярко выраженные изящные впалые скулы. Иссиня-чёрные, как смоль, кудрявые волосы струились, словно чёрный водопад по всей спине, доходя до самой поясницы. Пухлые губы были окрашены алой помадой, а тёмно-карие глаза были обрамлены шикарными густыми ресницами. Чёрным бровям была придана идеальная форма. В ушах красавицы были внушительных размеров золотые серьги в виде колец. На ней было приталенное алое шёлковое платье красного цвета, с большим вырезом, демонстрирующим выразительные ключицы, а на изящных ногах красовались красные туфли на шпильке. Это была Рубина – жена Винсента.

Женщина медленно опустилась на один из диванов, бросив властно-недоумевающий, с ноткой усталости, взгляд на Астрид и Аскольда, которых ещё не видела.

– Новые слуги, я так понимаю, – произнесла она. – Муж мне рассказал.

Ребята несмело кивнули цыганке, пахнувшей резким дорогим парфюмом, ударившим им прямо в нос. Получив ответ на свой вопрос, Рубина сделала ещё более властный вид. Теперь она смотрела на них, как на ничтожеств.

– Я хочу отдохнуть, – вальяжно вскинув аккуратную руку с длинными, выкрашенными в кофейный цвет ногтями, произнесла она. – Отдохнуть, я сказала! – взвизгнула через секунду она, и ребята поняли, что это значит, что нужно немедленно уйти. – Избавьте меня от своих глупых физиономий, ради всего святого! – Рубина крикнула это так душераздирающе, словно ребята никак не хотели выходить из комнаты. Астрид и Аскольд пулей вылетели из гостиной, а Рубина легла в кресло, и медленно и аккуратно опустила свою голову на его спинку. Так же аккуратно цыганка опустила свои, отяжелённые ресницами веки и уснула.

Тут же послышались ещё шаги.

На этот раз кто-то бежал по лестнице вниз. Это был мальчик лет тринадцати – чернявый, худой, одетый в тёмно-красную рубашку с галстуком и чёрные брюки. Его волосы были взъерошенные, словно хохолок какой-то экзотической птички. Нос напоминал маленький клюв домового воробья, брови были пышные, а глаза невероятно большие и голубые, наполненные какой-то наивной надеждой. В руке паренька был лист бумаги с нарисованным на нём портретом, а на щеке его засохла чёрная гуашевая краска. Он явно направлялся в Каминный Зал к матери и даже не заметил Астрид и Аскольда, что из него выходили.

– Мама! – крикнул мальчик и Рубина, уже успевшая уснуть, вздрогнула и с ненавистью открыла глаза.

– Сколько раз я тебе говорила, бесстыдник, чтобы ты не будил мать! Из-за тебя у меня снова приступ мигрени! – простонала она. – Вон отсюда! – Рубина вскинула кисть, прогнав паренька.

– Мам, я тебя нарисовал! – снова воскликнул ребёнок, не теряя надежды, и заставил мать, проклинаящую весь мир, вновь поднять веки с ещё большим нежеланием.

– Да уйди же ты, чёрт тебя подери! – взревела женщина.

– Ну посмотри, пожалуйста! – взмолился сын, продемонстрировав матери своё творение: мальчик правда прекрасно рисовал. У него был талант, но у матери это, как оказалось, не вызвало ни капли восхищения.

– Да иди же ты к чёрту, Арес! – прорычала озлобленная цыганка, ненавистно посмотрев на ребёнка. – Сколько раз я тебе говорила, перестань привлекать моё внимание тем, что нарисовано твоими кривыми руками! Лучше иди, и подготовься к вступительным экзаменам! – приказала она.

– Я не собираюсь туда поступать! – закричал, обиженно, паренёк, и его глаза заблестели.

– А ну-ка... ну-ка, дай-ка мне рисунок! – попросила она, и мальчик осторожно протянул ей своё творение. – Очередная бессмысленная похабщина! – оценила мать. – Раз рисуешь меня, хоть бы присмотрелся получше. Отвратительно! Впрочем, как и всегда! – сделала вывод женщина, и разорвала старания сына на несколько кусочков, кинув их на пол. – Эй, ты! – она оглянулась на Астрид, что стояла на входе. – Убери, живо! – девушка мигом подбежала к тому, что осталось от листа бумаги, и собрала кусочки.

Слова матери разозлили мальчика. Арес покраснел и тяжело задышал, а затем пулей вылетел из Каминного Зала. Из кухни

принесла травяной чай кухарка Марьяна, (которая, оказывается, была здесь!) и не первый раз слышала подобные разговоры Рубины и Ареса.

– Кошмар... – прошептала Астрид Аскольду, показывая ему кусочки рисунка. – Мне его очень жаль. Должно быть, красивый портрет.

– Да уж. Вот змея она, конечно! – разозлился парень.

Мальчик убежал в свою комнату, что располагалась наверху. Астрид демонстративно потрясла тряпкой возле охранников, и тоже поднялась по лестнице, под видом прополоскать кусочек ткани. Она постучалась в приоткрытую дверь в детскую, и, не дождавшись приглашения, вошла. Арес истерически рыдал, уткнувшись носом в подушку. Услышав, что кто-то вошёл, он мигом поднялся и вздрогнул, обнажив своё алое лицо.

– Кто ты и что тут забыла? – шмыгнув носом, грозно спросил он.

– Я...я пришла убрать у тебя в комнате, немного, – не найдя ничего лучше, сказала девушка, растерявшись. – И... может ты хочешь поговорить о том, что случилось?

– Ты что, подслушала? – возмутился мальчик-воробушек.

– Невозможно было не услышать, – пожала плечами Астрид. – Твой рисунок был красивый, я уверена! – сказала она.

Паренёк прямо побагровел от злости.

– Я не хочу о нём говорить! Он ужасный! Уйди! – и Арес закинул в Астрид какую-то свою игрушку. Девушка смогла вернуться.

– Не упрямясь, – не унималась Астрид. – Ты ведь не считаешь так на самом деле.

Мальчик снова одарил незнакомку унижающим взглядом.

– Да откуда ты вообще взялась такая? – Арес сделал такое надменное лицо, что стал как две капли воды напоминать свою мать. Даже манера разговора совпадала.

– Твой отец нанял нас на работу, – Астрид было трудно солгать, что их не абсолютно насильно сюда отправили, но не нужно было сейчас говорить об этом, особенно ребёнку. – А ты... ты давно рисуешь, Арес? – вытирая его рабочий стол от пыли, девушка заметила, что на нём присутствует контраст альбомов для рисования, разной бумаги и множества тетрадей с математическими задачами, почерк в которых был очень неприятный, резкий и нажим на ручку иногда доходил до того, что страница рвалась.

– Да какое твоё собачье дело?! – Арес не шёл на контакт. – Ты пришла убирать, вот и убирай! Оставь меня в покое!

– В целом, у тебя довольно чисто... – она бегала взглядом по столу в поисках скотча, чтобы склеить кусочки рисунка, что были у неё в кармане.

– Чисто, говоришь? – саркастично усмехнулся сын цыганки и бандита. – А сейчас будет грязно!!! – и он с силой пнул ногой большой керамический напольный горшок с высоким растением. Он разлетелся вдребезги. – Теперь тебе не так сильно хочется говорить о моих рисунках, правда?! – прокричал Арес и вышел вон из комнаты, хлопнув тяжёлой дверью.

Астрид содрогнулась от резкого звука и огляделась на тёмный интерьер комнаты Ареса. В пустом доме были слышны лишь завывания северного ветра в трубах и рыдания несчастного, незамеченного и непризнанного родителями мальчика. И самое печальное в этой истории было то, что эти минорные ноты никто не слышал.

Постепенно опустился вечер, потом и ночь. Рабочий день ребят, вымотавший их напрочь, подошёл к концу, и они направились в свой маленький домик в предвкушении того, что наконец-то доберутся до фото, которые нашли в квартире клуба. Астрид и Аскольд по очереди вымылись в душе, заварили чёрный

чай из пакетиков, что нашли в одной из тумбочек, и принялись анализировать найденный материал.

Фотографии отличались фотобумагой и качеством самой съёмки. Каждая фотокарточка была старше другой на долгие десятки лет. На всех снимках были изображены группы людей и на каждом их было около десяти: это были группы мужчин и женщин с совершенно серьёзными и даже устрашающими лицами. С обратных сторон снимков были написаны даты, в которые фото были сделаны: самая новая, цветная фотокарточка, была датирована тысяча девятьсот девяносто пятым годом: на ней были уже известные ребятам люди: Корней Мстиславович – ещё не такой облысевший, без морщин, почти без проседи на волосах. Лицо графа Чернова было на фотографии менее грозным и суровым, чем нынче. Тогда, наверное, в его списке было гораздо меньше жертв, чем сейчас. На одну точно. Константин Чернов тоже был здесь, но для того чтобы узнать его, пришлось приглядеться. От мысли о том, что пройдёт ещё всего два года – и его уже здесь не будет – бросало в холод. Рядом с жителем Северолесья стояла черноволосая женщина с короткой стрижкой и тёмными тенями на веках – вероятно, это была та самая Лилия, что показала Константину Братство, однако, когда ребята были в квартире – этой женщины там почему-то не было. На снимке присутствовал и уже знакомый им рыжий мужчина, похожий на птицу, видимо всю жизнь любивший ярко одеваться; рядом стоял высокий блондин с громким голосом и та женщина, что ругалась с пёстрым человеком в соседней комнате, когда ребята только залезли в окно квартиры. Время сильно изменило их всех: сейчас они выглядели намного серьёзнее, старше и злее. Но была и та, к кому приглядываться не приходилось: белая женщина на коляске сидела по центру. Она смотрела прямо в объектив камеры своими пустыми глазами. Казалось, что она делала это более пристально, чем если бы зрачки были у неё во-

обще. В ней совершенно ничего не изменилось, словно её перетащили в снимок двадцатилетней давности из этого момента! Астрид даже сейчас вспомнила и услышала в своей голове скрип несмазанных колёс и странный голос. Слишком тонкий. Слишком потусторонний.

– Посмотри на неё! – прошептала девушка, обращаясь к Аскольду, и указывая пальцем в белую и светящуюся женщину-моль. – Она ведь совсем не поменялась за двадцать... за двадцать с чем-то лет! Её одежда, её лицо, всё это в точности такое же, каким было вчера! Это странно! Странно до невозможности! ЧТО она такое??

– Эта женщина вызывает уйму вопросов! – задумался парень. – Интересно было бы хотя бы узнать, кто она вообще. Да, её голос словно гипнотический! Мне кажется, с помощью этого тембра можно управлять людьми! – сделал вывод Аскольд. – Она точно не человек, в этом я даже сомневаться бы не стал!

На втором, уже чёрно-белом фото, тоже была изображена группа людей. И этот снимок был гораздо старше предыдущего: слегка выцветший, из более плотной бумаги, с оторванным уголком. Сзади на фото светло-синими выгоревшими и подтёкшими чернилами было подписано: «1952». Женщины и мужчины тоже стояли в два ряда, очень кучно. Они все были одеты в строгие тёмные костюмы. Лица их были видны не слишком детально, а по одному углу фотографии и вовсе проходила трещина, сминая в себя лицо одного из мужчин и женщины. В самом центре фотографии находилась средних лет худая девушка с копной светлых волос, закреплённых в шишку на макушке. Она единственная на фото была в белой блузке без рукавов, а в её боковом верхнем кармане виднелось украшение в виде бархатной розы. Эта девушка была на голову ниже и меньше остальных, и будто слабее: её лицо было худое и будто испуганное,

жалобное, но вместе с тем она светилась, как приглушённая лампочка.

На третьем чёрно-белом фото тоже была очень похожая группа людей, с такими же серьёзными лицами. Качество съёмки оставляло желать лучшего. Женщины были одеты в строгие тёмные платья, мужчины имели усы, бороду и бакенбарды. Тысяча девятьсот тридцатый год. В центре вновь сидела женщина: она была в белой плиссированной юбке и воздушной блузке с длинными рукавами. Худая. Маленькая. Сухая. Будто не из этого мира. И даже несмотря на то, что снимок был не качественный, можно было увидеть, что вокруг неё есть еле-видная аура из белого света.

На последнем фото тоже, не трудно догадаться, была группа. И последняя фотокарточка была самой старой – тысяча восемьсот семидесятый год. Здесь люди выглядели поистине страшно, да и фото было сделано очень в тёмном помещении – видимо, кровожадность лицам придавало ужасное качество съёмки и недостаток света. Лица и белочные оболочки глаз светились, как луны, неестественно. А ещё они смотрели в камеру так, словно фотограф попросил их сделать как можно более устрашающие физиономии. В центре группы тоже была женщина, очень хрупкая и вся в белом.

– Женщина в белом сейчас... женщина в белом тогда... Женщины в белом, удивительно похожие, есть на всех фотографиях! – перебирая снимки и видя, определённо, связь между всеми этими женщинами, задумчиво говорила Астрид, которую пробирали холодные мурашки от взгляда на эти странные фото. Особенно те, которые были самыми старыми.

– Определённо, всё это – не просто так! Эти белые женщины вроде бы и разные, но в то же время, будто бы на одно лицо! Как такое возможно? Последнему фото почти сто пятьдесят лет!

– ошарашенный собственными осознаниями Аскольд, пристально разглядывал фото.

– Мы мало что можем понять... мы можем только догадываться, как такое возможно! – сказала Астрид, устав щуриться в недостаточном для нормального просмотра свете. – Это точно не фотошоп! Фото старые...

– Я абсолютно уверен, что эти женщины как-то связаны между собой! – констатировал Аскольд.

– Да, но как, вот вопрос! И знаешь, кто бы мог рассказать нам больше?.. – вздохнула Астрид.

– Константин, – кивнул парень. – Думать над этими фотографиями можно ещё долго и много. И не факт, что все наши выводы будут правильными.

– Хотелось бы мне задать Константину ещё пару вопросов, – она ещё раз вздохнула, и на этот раз с большей грустью. – А ещё, к вечеру становится всё тяжелее думать о том, что нам удастся отсюда выбраться, вытащить бабушку из логова этих злодеев, если она там, и найти Дашу... – призналась девушка. – Ведь по сравнению со всеми этими членами клуба с пистолетами, снотворными порошками – мы, если подумать, всего лишь глупые детишки, не способные вступить в равную борьбу с ними...

– Да, по сравнению с ними мы глупые детишки, – кивнул Аскольд. – Но мы растём. Растём и постепенно сравниваем наши силы. У нас есть динамика роста, а это значит, что когда-то мы превзойдём их! Я в это верю. А ещё верю в то, что с твоей бабушкой всё будет в порядке. Верю в то, что мы сможем поставить на место убийц твоего дедушки. И что ещё раз сможем поговорить с Константином. Я верю. А ты? – спросил Аскольд.

– И я стараюсь в это верить... – добродушно улыбнулась Астрид. Ей вдруг захотелось рассказать Аскольду про то, что она узнала на свадьбе бабушки, а вернее... матери... но в по-

следний момент девушка передумала говорить. Встреча с Константином была похожа на психоделический сон цвета голубой незабудки, пронизанный запахом странного травяного чая. Непременно хотелось повторить это путешествие вновь: посетить лес, что укрывает готовых уснуть в его бирюзово-сизых еловых объятиях людей. Тех, кому хочется укрыться от остального мира. Воодушевляющие слова Аскольда вселили в Астрид надежду и тепло. Если действовать с осторожностью, они смогут добиться всего, к чему идут.

Перед сном, Астрид достала из кармана свёрнутый в несколько раз рисунок, состоящий из множества кривых кусочков, проклеенных в местах соприкосновения скотчем. Она улыбнулась, посмотрев на него.

И всё-таки, как же трудно ей было потерять надежду.

...Ночь пролетела быстро. Утром ребята подскочили по будильнику и сразу принялись за уборку на кухне. Спать хотелось невероятно.

– Я не раз говорил тебе, Арес, – своим привычным запугивающим басом проорал Винсент, сидящий во главе массивного тёмного стола с обилием вкусов. Хозяин дома был одет в коричневый мягкий халат, параллельно курил трубку и пил крепкий кофе, заваренный в огромной красной кружке. – Не трать свои ресурсы и энергию на то, что совершенно не пригодится тебе в твоей жизни, – абсолютно спокойно и холодно говорил отец мальчику, вновь пришедшему поговорить за завтраком с толстокожими родителями. Рубина в красном шелковом халате сидела здесь же, ела овсянку с фруктами, пытаясь как-то красиво положить ложку каши в рот. На её веках были патчи для удаления напряжения в области вокруг глаз. Чёрные волосы были забраны в шишку, и она очень редко и укоризненно, синхронно с проталкиванием чайной ложки с кашей в рот, погля-

дывала на сына, стоящего здесь рядом и не садившегося есть за стол к родителям. Она даже не приглашала его сесть.

– Я не хочу поступать в экономическую школу! – кричал Арес. – Я хочу рисовать, я всегда это любил!

– Тебе не надоело изображать из себя идиота? – бандит теперь говорил удивительно спокойно, и также спокойно пил кофе и освобождал рот от дыма. Он смотрел на сына таким унижающим взглядом, каким он даже не смотрел на своих слуг: не в его картине мира было, что чьё-то мнение может отличаться от его мнения, а уж если это гнусный подросток, тем более. Такой подросток заслуживает унижения и непременно подлежит наказанию. Не важно, сын это или нет. – Давай договоримся, Арес: ты сейчас же заканчиваешь концерт и окончательно перестаешь держать в голове мечты, которые ты никогда, даже при всём желании, не сможешь воплотить в реальность! Не морочь нам с матерью голову. Да, кстати! – он сменил тон голоса на звонкий и обратился к Астрид с Аскольдом. – Завтра вечером у нас с моей прекрасной женой годовщина свадьбы и сюда придёт много моих друзей! Завтра вы будете корпеть над чистотой этого дома весь день! Вечером же – обслуживать гостей, подавая напитки. Все понятно? – командно выкрикнул он, что аж кухарка, несущая к столу ещё какие-то вкусности, дёрнулась и подпрыгнула на месте, тихо чертыхнувшись. Астрид и Аскольд тоже передернулись, а потом нервно кивнули, чтобы он ни в коем случае не переспросил ещё раз, ещё громче. – Да и вообще, мне кажется, что вы уже расслабились. Я сам много работаю и другим халявить не дам! – гаркнул он и хлопнул по столу своей огромной рукой, сдвинув брови к переносице. – От вас требуется полная отдача! Вы ведь понимаете, что я не люблю халявщиков! – процедил Винсент, угрожая.

– Ну мы ведь... – начала было Астрид.

– Ой, всё, идите, ещё челядь ещё мне тут не заясняла! – он раздражённо махнул толстой, волосатой рукой, прогнав ребят. Сказать то, что за их уходом последовала ругань между родителями и ребёнком, не сказать ничего. Разразился настоящий скандал. Этого мальчика, очевидно, родители хотели заставить делать то, чего он не хотел. Вернее, не хотели прислушиваться к тому, что сын хочет развиваться совершенно в другом направлении. Они уже придумали для него жизненный путь. Отклоняться от него паренёк права не имел.

Так же, как и вчера, день перетёк в вечер, а вечер в ночь. Когда ребята, ещё раз выслушав каверзные монологи Винсента с приказами о том, что им нужно сделать, пошли, наконец, в свой домик для того чтобы отдохнуть перед очередным рабочим днём, к ним в комнату постучался заплаканный и измученный Арес, всё ещё не перестававший истерически всхлипывать.

– Что... что случилось? – растерялся открывший дверь Аскольд. – Как ты смог сюда проскочить??

– ...Я хочу быть художником! – еле выговорил он и снова стал истерически рыдать.

Ничего не оставалось, как впустить бедного паренька в дом.

Глава X НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Подкрадывались двадцатые числа ноября, медленно окутывая Северный А-Ваен белой пеленой зимней тоски. Темнело совсем рано, и в окнах старых особняков, что отапливались печами, свет зажигался теперь всё раньше и раньше.

Как известно, когда за окном мороз, люди становятся друг к другу чуть добрее, но это совершенно не относилось к Марсе-

лю Сергеевичу Матвиенко. В Особняке Ветра сейчас стало особенно тихо и темно. Дом сам собой делался заброшенным:

– Твой брат отвратителен и жалок, Катя! – барон начинал своё утро с этой фразы уже третий день подряд. Его самолюбие, задетое графом Черновым, всё ещё кровоточило, и поэтому Марсель Сергеевич не переставал плевать ядом в жену, что попадалась под руку. У Екатерины Мстиславовны, конечно, тоже никуда не пропал осадок от неудачно завершившейся свадьбы, но она старалась отодвинуть это на второй план, не раздувать и перестать предавать так много значения кульминации мероприятия. Однако, к сожалению, казус стоял вплотную перед глазами, мешал созерцать всё остальное и уходить тоже ни в какую не хотел. После свадьбы, Катерина Мстиславовна уже не раз стыдила себя за то, что затеяла всё это, считая, что случившееся недоразумение – карма за то, что она, едва похоронив мужа, тут же побежала строить личную жизнь с другим человеком. Кроме того, Марсель Сергеевич Матвиенко уже через пару дней после свадьбы стал вести себя, как если бы был сейчас в своём собственном доме. До свадьбы он ещё соблюдал какое-то приличие, уважал остальных жителей Особняка Ветра, но сейчас, как он думал, уважать всем нужно было только его. Скромности от барона было не ждать, словно обитает он здесь всю свою жизнь, а не пару месяцев. Да и куда-то, словно по щелчку пальцев пропали его белоснежные, словно свежевывстиранные и выглаженные простыни, обходительность и улыбка. Всё это сменилось бьющей из всего его существа злобой и язвительностью. Катерина Мстиславовна, конечно, успокаивала себя тем, что совсем скоро муж отойдёт и всё снова станет так, как и было. Так, как она давно хотела. Но с каждым часом, который она проводила с бароном Матвиенко, женщина ловила себя на мысли, что просто больше не узнаёт в Марселе Сергеевиче хотя бы отголосок того

человека, за которого она считанные дни назад выходила замуж и которого любила всю свою жизнь.

Вероника Дориановна стала часто уезжать в свой магазин, решая, что дела отвлекают её от домашней скукоты. Дочь Катерины Мстиславовны отныне пропадала на работе целыми днями, и в доме находились только барон и баронесса Матвиенко. Неслышной тенью на кухне работала Маргарита, которую теперь тоже отпускали раньше, чем обычно. Да и работы на кухне у неё убавилось. Чем-то настоящая ситуация напоминала Катерине Мстиславовне то время, когда она была ещё графиней Зейлер. В огромном доме всегда было нечем заняться, тишина и скука сгущались над женщиной грозowymi тучами, а за окном точно, как и сейчас, неторопливо кружились снежинки, связывая все Северно-А-Ваенские зимы между собой в сплошную череду самых скучных времён, которые только можно было придумать. Граф Зейлер тогда, аналогично барону Матвиенко сейчас, был скуп на общение с женой, и она переставала хотеть привлечь его внимание хотя бы чем-то. Постепенно, радость жизни Катерины Мстиславовны состояла лишь из звонков в дверь. Заветных звонков, что производил барон Матвиенко. Лишь его приезд окрашивал жизнь Катерины Мстиславовны в яркие краски. Так она и жила несколько десятков лет, от одного его визита до другого, возложив на барона СВОЮ способность испытывать счастье. Сейчас многие подумают, что эта яркая и великолепная женщина никуда, кроме комнат своего дома, не выбиралась. Нет, конечно. Она ездила в Южный А-Ваен, встречалась с многочисленными подругами, посещала разные магазины. Часто она летала в другие страны, где у неё тоже были друзья, любимые магазины и рестораны... но всё это было тем, что могло ей надоест и надоело. И сейчас у неё было точно такое же, щемящее чувство досады в груди... сейчас! Да! Когда всё повернулось именно так, как Катерина Мстиславовна мечта-

ла в тех скучных зимних днях, будучи графиней Зейлер! Она в душе не чаяла, что так случится, но всё это случилось! Уже нет графа Зейлера. Уже прошла её свадьба с бароном Матвиенко...но...почему-то и темнота была та же...и тишина та же... и сумерки над ней сгустились точь-в-точь, как и раньше.

Может быть, дело было вовсе не в её мужчинах?..

Жаль, что этого вопроса Катерина Мстиславовна себе не задаст.

Марсель Сергеевич часами просиживал в Обеденном Зале с кружкой чая и ноутбуком. Он морщил лоб и что-то усиленно искал, что-то печатал в поисковых строках браузера, совершенно не обращая внимания на то, что у него, на минутку, есть жена. А когда же баронесса Матвиенко требовала к себе хотя бы немного внимания, (хотя от него раньше и требовать ничего было не нужно), муж отмахивался, даже не отрывая глаз от экрана, бросая жене нечто язвительное и адресованное Корнею Мстиславовичу. С такой неприязнью к брату жены, Марсель Сергеевич в глазах Катерины Мстиславовны за считанные дни превратился из мужчины без изъяна в обиженного, злого, стареющего барона, пересчитывающего деньги и гундящего себе под нос. Катерина Мстиславовна, конечно, отмахивалась от реальности, обманывалась, но что было, то было. Марсель Сергеевич всего лишь рисовался перед ней до свадьбы, а сейчас, когда они уже были женаты, можно было преспокойно открывать своё истинное лицо. Баронесса отказывалась верить, в то, что у Матвиенко, у этого блистательного, вкусно пахнущего мужчины с идеальными чертами лица, уложенными волосами, аккуратными бровями и гладкой кожей – на самом деле всё не так, как у эфемерного человека-кинозвезды или идеального книжного героя, а так, как у обычного мужчины, который может стареть, меняться (не обязательно в лучшую сторону) и нудеть. Но ещё труднее было поверить в то, что он, Марсель Сергеевич, что пел хвалеб-

ные песни Катерине Мстиславовне, задаривал её дорогими подарками, обращался с ней так, как подобает обращаться с людьми её сословия, теперь, по прошествии нескольких дней после свадьбы, стал снимать маску, которую терпеливо носил столько, сколько знал свою жену.

– Чего ты там все время стоишь? – бросал, недовольно, барон Катерине Мстиславовне, которая от безделья и отсутствия внимания, стояла возле окна в Обеденном Зале с кружкой кофе и смотрела на заснеженный грушевый сад. – Не надоело? – раздраженно кричал он.

– Мне надоело, что ты вечно сидишь здесь и не обращаешь на меня внимания! – не оставалась в долгу баронесса.

– Я работаю! – огрызнулся Матвиенко.

– Что-то раньше ты лечил людям зубы не по компьютеру! – со злостью процедила Катерина Мстиславовна.

– Плоская шутка, – заметил Марсель Сергеевич, и на его лице не дрогнула ни одна жилка. – Я работаю над нашим счастьем, Катя. И ищу нам кое-что. Кое-что получше.

– В каком это смысле? – не понимала женщина, но проявила интерес и подошла к мужу, поставив кружку кофе рядом с его компьютером.

– Ищу нам новое жильё, за границей! – выдал барон.

– Что!? – не поняла Катерина Мстиславовна, её глаза округлились. Мужчина не мог понять, радостное ли это удивление или же шок.

– Я думал, тебе не надо повторять два раза! – поднял одну бровь он. – Мы переезжаем жить в тёплые края, Катя! – он тут же поменял выражение лица и тон голоса, и Катерина Мстиславовна вдруг заново разглядела в нём любимого и блестящего, лоснящегося богатством и красотой прежнего и привычного ей любимого Марселя Сергеевича Матвиенко. – Мы продадим этот дом и купим другой, лучше! Красивее! Новее!

– Возле моря? – мечтательно посмотрев на мужа, воскликнула Катерина Мстиславовна.

– Возле моря, Катенька! – Марсель Сергеевич добродушно улыбнулся, встал со своего места и обнял жену.

– Господи, Марсель! Марсель, дорогой, я так счастлива!! – обрадовалась женщина. – Прости, прости меня! Но... Как ты собираешься продать этот дом? – высвободившись из объятий мужа, задалась вопросом женщина. – Разве Вероника и Борис позволят сделать это? А Астрид?

– Но ведь согласно завещанию Дориана Альбертовича – дом принадлежит тебе. Только тебе. И ты вправе решать, что с ним делать. Я не раз слышал от тебя, как ты хочешь уехать отсюда, как тяготит тебя этот дом, который, как ты думаешь, почему-то нельзя просто взять и продать, словно у тебя с ним какая-то токсичная, навязанная родственниками мужа связь.

Катерина Мстиславовна кивнула, с горьким выражением лица. Марсель Сергеевич освятил её мысли как нельзя точно.

– Нет у тебя никакой связи с этим домом, Катя. Он – трёхсотлетний особняк с огромной историей, а ты – яркая, прекрасная женщина, волнующая моё сознание долгие годы. Ты не будешь жить триста лет, и поэтому жить нужно спешить! Кто сказал тебе, что ты должна проводить в этом захолустье остальную свою жизнь, когда есть столько домов на море, каждый из которых бы мечтал о том, чтобы ты выбрала именно его! Этот дом мы продадим! – повторил барон Матвиенко.

– А что скажет Вероника? – не унималась Катерина Мстиславовна. – Почему я не могу оставить этот дом ей?

– Потому что тогда у нас не будет денег на покупку дома на море! – пожал плечами Марсель Сергеевич. – Хватит думать о других, а иначе себе ничего не останется.

– Но она же моя дочь! – возразила баронесса.

– И она не перестанет тебя любить, если ты отпустишь её в свободное плавание! – сказал Марсель Сергеевич и поставил точку. – Наконец, пускай едет с нами, раз хочет быть рядом. Да и вообще... как я уже сказал, дом твой, а это значит, что все решение принимаешь ты. Ну ты же женщина, моя женщина, а это значит, что я буду принимать решения, а ты – с ними соглашаться.

– Я не могу переписать особняк на дочь? – спросила Катерина Мстиславовна.

– Не можешь! – строго и громко сказал барон. – Ведь тогда твоя мечта снова в дребезги разобьется об ИХ потребности! Уехать туда, куда ты хочешь – не бесплатно! Надо это понимать!

– Подождите, что? – Вероника Дориановна, возникшая в дверях Обеденного Зала и услышавшая обрывки последних фраз матери и её мужа, была просто в недоумении. – Мне не послышалось?.. Вы собираетесь продавать НАШ ДОМ?! – она выделала последние слова.

– Именно, Вероника. Что-то не нравится? – барон Матвиенко поднял одну бровь и стал приближаться к женщине, стоящей здесь в красном зимнем расстёгнутом пальто, не успевши его снять. – Если нет, то тебя здесь никто не держит. Даже твоя мать! Ты уже девочка взрослая! – саркастично произнёс мужчина.

– Но...э... я... – слова Марселя Сергеевича застали Катерину Мстиславовну врасплох. Она снова не смогла сказать ничего дельного.

– Мама? Ты позволишь ему продать наш дом? Дом, в котором наш род живёт с незапамятных времён? Вот так просто позволишь ему продать старинный особняк и самовольно распоряжаться вырученные с продажи деньгами? Ты с ума сошла?? –

кричала, в истерике, вся слившаяся с цветом своего пальто Вероника Дориановна.

– О, моя дорогая Вероника! – начинал петь Матвиенко, уже будто бы празднуя победу. – У тебя не должно быть ни единой претензии к этой женщине! Она положила на тебя всю жизнь, она жила не с теми людьми, не в том месте, и даже сейчас, когда прошло больше половины жизни твоей матери, ты, ведя себя не как любящая дочь, а как не благодарная тварь, запираешь её в месте, которое кажется тебе прекрасным! А ты спрашивала, чем кажется этот дом твоей матери? Нет? – раздражался мужчина.

– Тюрьмой, – подняв измученный и заплаканный взгляд на дочь, процедила баронесса Матвиенко. – Все уже решено, Вероника. Мы с Марселем продаём этот дом, это моё решение, потому что дом, по завещанию, принадлежит мне! И я не поменяю своего решения.

– Да как вы смеете?! Да что за бред! – разозлилась дочь. – Это подло и совершенно мерзко! Вы – махинатор и лжец! – орала женщина. – Как Вам удалось завербовать её? Ума не приложу!

– А никто её не завербовывал! – засмеялся Марсель Сергеевич. – Я просто позволил ей быть собой! Она всю жизнь жила для других! Она жила для тех, кто ей пользовался! А теперь уходи, если тебя что-то не устраивает! Но! Говорю тебе, передумать ещё можно: ты, Астрид, и твой муж можете поехать с нами, когда мы найдём подходящий вариант жилья.

Наглости барона Матвиенко не было предела! Веронику Дориановну переполняли гнев и ярость, которые сменялись страхом. Страхом из-за того, что до свадьбы этот человек проявлял доведённые до абсурда услужливость и обходительность, однако же сразу после заключения брака, мужчина стал поистине остервенелым животным. Только вот Катерина Мстиславовна, тонущая в своих иллюзиях, ничего не видела, да и Вероника

Дориановна проглядела истинную сущность этого барона и сейчас винила себя за доверчивость и опрометчивость.

– Вы ведь понимаете, что дом всё равно принадлежит нам, а Вы... Вы совершенно никто для нашей семьи! – не унималась Вероника, отчаявшись от предательства матери и желавшая отстоять своё право на Особняк Ветра. – Мама! Сделай что-нибудь! – она питала последнюю надежду, жалобно смотря на мать, но та была непреклонна.

– Ты не слышала, что сказала твоя мать? – поднял одну бровь барон Матвиенко. – Катя, повтори для особо глупых великовозрастных девочек! – издевался он, как мог.

– Я – владелица Особняка Ветра. И я полностью доверяю его своему мужу! – аккуратно, но пытаясь, определённо, угодить не дочери, произносила баронесса Матвиенко. – Мой муж – очень мудрый человек. И как он решил, так и будет! – ещё более осторожно процедила она, но когда Марсель одобрительно кивнул, женщина снова затихла. Ей очень тяжело давались эти фразы – её лицо от волнения покрылось красными пятнами, а на лбу выступили капельки пота. Катерина Мстиславовна, может быть, и хотела бы поддержать дочь, но эмоциональные качели, на которых она находилась из-за очень странной и быстро переходящей любвеобильности Марселя Сергеевича в полную эмоциональную отрешенность – делали из неё то, чем она становилась, заставляли выглядеть настоящей предательницей в глазах Вероники Дориановны. Но манящее море, которое обещал ей муж, было таким близким... И если для того чтобы исполнить мечту нужно было продать дом, то почему бы, думала женщина, этого не сделать. Мысли о море тоже заставляли её наплевать на всё и всех, кроме собственного счастья.

Северный А-Ваен и вправду тяготил Катерину Мстиславовну. Она считала так давно, и зарывала это глубоко в себе. Когда-то женщина желала быть выше, и жизнь позволила ей

исполнить свою мечту. Она вышла замуж за самого богатого графа Северного А-Ваена, поселилась в самом богатом особняке города, но к этому всему не прилагалось в комплекте счастье. Всю жизнь она держалась за чопорность и патриотичность к этому городу своего мужа, который, разумеется, никогда бы отсюда не уехал. Так, она жила в молчаливом Особняке Ветра, в конце концов поняв, почему он так называется – здесь действительно можно было услышать только ветер. И, разумеется, сейчас, когда возможность уехать маячила прямо перед ней, Катерина Мстиславовна, лишь делая вид, что ценит историю своего рода и семьи – просто на просто позволила себе забыть всё это и выбросить из головы, словно ненужный хлам.

– А ещё мы устроим аукцион, перед тем как уехать отсюда. – весело воскликнул Марсель с чувством победы над Вероникой Дориановной. – Идея с аукционом не такая уж и плохая, верно Катя? – обратился к женщине Марсель Сергеевич. – Вряд ли наш новый дом потерпит в себе что-то отсюда! Я уже задыхаюсь от этого старья! Моя душа требует новизны! – скандировал барон Матвиенко. – Я думаю, и твоя тоже!

– Какая дерзость! Да ты просто продалась ему!!! – раздраженно воскликнула Вероника Дориановна. – Так, вот, что, мамочка! – строго начала она, вскинув указательный палец вверх. Её голос переходил на раздраженный визг, и глаза широко раскрывались. – Я звоню твоему брату, может быть, он сможет спустить тебя с небес на землю! – выдохнула она, достав телефон. – Теперь ты потеряла не только Астрид, но и меня! – она вышла из Обеденного Зала и, заплакав от невыносимой злости, набрала номер дяди.

Корней Мстиславович взял трубку, ответив довольно резко, не предполагая, что племянница вообще позвонит ему. Конечно, он напугался, что Вероника может спросить у него про Астрид, но женщина была уверена и знала, что девушка находится у

Хельги Ивановны и сейчас говорила о другом: единственную мысль, которую внятно уловил граф Чернов была о том, что новый муж сестры вскоре продаст дом и устроит аукцион. Конечно, услышав слово аукцион, больше граф Чернов слышать ничего не хотел: аукцион – значил то, что скоро из Особняка Ветра вынесут все антикварные предметы, среди которых может невзначай оказаться Ниферио-Ритио! Конечно, граф пообещал Веронике «вправить мозги», как он выразился, собственной сестре, однако, своё обещание слишком занятой граф Чернов нарушил, да и баронессу Матвиенко после незабываемого свадебного торжества он для себя обесценил.

Через пару дней Особняк Ветра освободили от вещей, по поручению Марсея Сергеевича заколотили двери и поставили ко входу на территорию двух вооружённых охранников. Катерина Мстиславовна с мужем переместились в Южный А-Ваен. Веронике Дориановне ничего не оставалось, как снять себе квартиру. В Особняк Ветра до аукциона было не попасть. Теперь здесь стояли страшные люди с автоматами, не признающие никого, кроме нынешних владельцев – барона и баронессы Матвиенко.

Глава IX

ДЕНЬ ВИНА

Мальчик изо всех сил старался произнести хотя бы какую-то внятную фразу, но слёзы, что лились из глаз рекой, просто не давали ему сделать этого. Арес, истерически всхлипывая, стоял в расстёгнутой и залитой слезами куртке в дверях, весь до невозможности красный, взъерошенный, измученный, и шмыгал носом, сопли из которого лились рекой. Аскольд, будучи ошарашенным появлением здесь сына Винсента, впустил его в дом, потому что снаружи было слишком холодно, а потом,

когда в дверях появилась Астрид, мальчик-воробушек бесцеремонно налетел на неё и обнял, заплакав ещё сильнее.

– Да чего это с тобой? – девушка совсем недоумевала от происходящего. – Это связано с твоими родителями, верно? – спрашивала она Ареса. Мальчик кивнул и снова шмыгнул своим маленьким воробьиным носиком. Стоящий рядом Аскольд пока не решался вступать в разговор. – Они не хотят, чтобы ты рисовал? – вновь поинтересовалась Астрид, не переставая крепко держать мальчика. – он снова кивнул.

– Давай ты выпьешь чаю и всё нам расскажешь! – не придумав ничего лучше, предложил Аскольд. – Я сейчас поставлю чайник.

Через пару минут все трое уже сидели на полу в маленькой комнате при свете тусклого ночника, и согревались хоть и не изысканным чаем, которого было в обилие и на любой вкус в Особняке Ветра, но всё же его подобием из пакетика.

–...Они всегда хотели отправить меня учиться за границу, отбить у меня желание рисовать, но этого у меня не отбить! Я рисовал с самого детства, это то – чем я живу! А они хотят, чтобы я пошёл учиться в школу экономики! – максимально болезненно произнёс Арес дрожащим голосом. – Но я-то совсем туда не хочу! Я хочу рисовать! – и он снова заплакал. Астрид и Аскольд переглянулись как-то виновато, не зная даже, что предложить бедному пареньку.

– И почему они не могут дать тебе самостоятельно сделать выбор? – недоумевал Аскольд, приподняв одну бровь. Арес в ответ лишь плакал ещё сильнее.

– Отец – очень властный человек, он привык всеми управлять... – не найдя ничего лучше для ответа, произнёс мальчик.

– И мама, как видно, ему под стать... – процедила Астрид, вспоминая то, как дерзко Рубина поступила с рисунком сына вчерашним утром.

– Они просто хотят для меня лучшей жизни... – стал оправдывать сам себя Арес. – Мама уж точно. Она понимает, что на зарплату художника нельзя прожить нормально. Она всегда говорила, что после художественного училища я останусь ни с чем и буду жить на улице. Может быть, она вспоминает свою прошлую жизнь... – рассуждал мальчик. – Отец ведь тоже, фактически, подобрал её на улице. У неё не было дома, одежды, еды. А теперь всё это есть у неё, и она не хочет, чтобы я повторял её судьбу! – аргументировал Арес, красные пятна на лице которого стали понемногу пропадать, однако глаза всё ещё поблёскивали, а ресницы были мокрыми и склеенными между собой слезами.

– Она слишком узко думает, считая, что ты будешь жить на улице впроголодь, если закончишь училище и будешь заниматься любимым делом! – сказал Аскольд. – Скорее, так она не предостерегает тебя, а просто потакает своему травматическому прошлому, считая Винсента великим героем-спасителем. В ней говорит её главный страх.

– Я тоже так думаю! – кивнула Астрид. – Иначе зачем лишать сына его любимого занятия? Не думаю, что любящая мать может так поступить. Видимо, авторитет Винсента и стремление выглядеть в его глазах вечно благодарной путём поддакивания – для неё важнее благополучия собственного ребёнка... – с негодованием сделала вывод девушка. – Ты замечательно рисуешь, Арес. В твоём то возрасте! – похвалила Астрид, чем вызвала улыбку на лице мальчика. Девушка достала из тумбочки склеенный ей скотчем портрет Рубины, что Арес нарисовал вчера утром, и вручила его юному художнику.

– Ты серьёзно?! – удивился он. – Ты его склеила?.. – глаза мальчика заблестели, а на его лице начала появляться искренняя и лучистая улыбка.

– Ну конечно, – ответила девушка. – Этот рисунок точно не заслуживал того, чтобы его порвали и выбросили! – подмигнула она.

– Прости, что я накричал на тебя в комнате... и что опрокинул цветок! – взмолился мальчик, не отрывая взгляда от своего чудом воскрешённого старания.

– Ерунда! – отмахнулась Астрид.

– Послушай, ты должен заниматься тем, к чему лежит душа! – настаивал Аскольд. – А иначе в твоей жизни не будет смысла! Ты представь себе, вот поступил ты в эту экономическую школу, как желали твои родители, вот выучился ты там, разумеется, не без папочкиной помощи...

– Ну, так и получится, – невесело усмехнулся мальчик. – Я ведь в математике полный ноль.

– Я о том и говорю, – кивнул Аскольд. – А потом ты будешь работать... это будет скорее похоже не на работу, а на ад. Ну и что? Ну вот что?! – всплеснул руками парень, чуть не смахнув на пол кружку с чаем. – Этого, они, что ли хотят?..

– Я не знаю... – пожал плечами мальчик. – Вот и у меня в глазах темнота. Я не вижу своего будущего, делаю всё по инерции, на автомате, спасая свою шкуру каждый день от, чёрт возьми, собственных родителей! – с негодованием изрёк Арес, сделал ещё глоток чая. – Я постоянно повторяю себе, когда хочу пойти против: «Ты знаешь, кто твой отец?! Знаешь?!» И остаиваюсь. Я повторяю это, потому что отец слишком часто повторял это прямо мне в лицо!.. И в моей голове эти слова звучат его же голосом, словно там живёт ещё один отец, что привык всех пугать. И я всё время не понимаю – почему единственный сын тоже должен быть, по его мнению, им же запуганным?..

– Кстати, а кто он, всё-таки? – пользуясь случаем, решила спросить Астрид.

– Он... – мальчик замялся. – Он предводитель одной банды... – сказал Арес, но ни крупницы страха не было в этих его словах. Он, видимо, испарился по истечению времени, как спирт из куска ваты. То, что отец бандит – стало привычным.

Астрид нервно сглотнула слюну.

– Ну, собственно, он знал, как устранить нас... – она обратилась к Аскольду.

– О ком ты? – вмешался Арес, встрепенувшись.

– Ну... – Аскольд переглянулся с Астрид. – Об одном очень опасном человеке – друге твоего отца, как выясняется... – уклончиво ответил парень, чтобы не забивать голову мальчику.

– И зачем ему вас устранять? – интересовался Арес.

– Ну... Мы мешали ему совершить кое-какое преступление.

– Так вы что, спецагенты?! – восхищенно воскликнул Арес, и его глаза загорелись энтузиазмом.

Астрид громко засмеялась.

– Нет, но мы очень на них похожи. Так сказать, взяли на некоторое время их роль на себя.

– А что хотел сделать тот преступник!? – не унимался мальчик.

– Ох, Арес! Это объяснять довольно долго и скучно, – Аскольд старался отвести разговор от их дела.

– Ну хотя бы пару секундочек! – умолял их мальчик. Кстати, он уже совсем не плакал.

Астрид с Аскольдом добродушно вздохнули.

– Мы хотели помешать тому человеку украсть очень ценный и важный предмет, – говорила Астрид, не сводя глаз с Аскольда, который вроде как контролировал её, чтобы она вдруг не сболтнула лишнего.

– Что за предмет!? – пытливый сын цыганки и бандита не переставал сыпать в ребят расспросами. История эта явно при-

шлась ему по душе. Он поставил опустошённую кружку на тумбочку и принялся слушать ещё внимательнее.

– Этого мы сами не знаем, – пожалала плечами Астрид. – Знаем только, что должны найти этот предмет раньше, чем этот человек.

– Чепуха, – отмахнулся Арес, услышав явно не то, что ему хотелось. Эта история не напоминала фантастический боевик так, как он бы желал. – Как вы можете не знать, как выглядит то, что вы ищите? – он выдержал несколько секунд паузы. – ...И из-за того, что вы ему мешали, вы и оказались здесь?..

Астрид кивнула.

– Он же мог вас просто убить, но в итоге просто привёз сюда... – рассуждал Арес. – Быть может, этот человек не такой уж опасный?

– Скорее всего, он не убил бы нас, но на его счету множество смертей... – осторожно сказала Астрид.

– На счету моего отца тоже... – пожал плечами мальчик. – И когда-то я думал, что лишить жизни и её дать – две стороны одной медали, но нет. Это вообще не стороны медали! Как вообще можно называть сторонами медали то, что не имеет к медали никакого отношения? Дать жизнь – это искусство, лишить жизни – это высшая мерзость. И нет никаких медалей! – горячо проговаривал мальчик-воробушек: ему наконец-то дали волю поделиться собственными мыслями, а не затыкали рот. – Я знаю, что мой отец делает ужасные вещи. Но после этого он живёт, как ни в чём не бывало, а я думаю об этом так много и часто, словно это я несу ношу набитую чужими страданиями! – ребята поражались тому, что приходится знать и о чём приходится думать этому подростку. – Я постоянно пытаюсь начать заново любить отца, но с каждым новым днём чаша, наполненная гнилым мясом и костями, перевешивает чашу моей к нему сыновней привязанности. Я постоянно недооцениваю степень его от-

мороженности, и поэтому надежда во мне никак не может угаснуть. Каждый день мне все сложнее любить его, и вместе с этим с каждым днём мне сложнее думать о том, что я когда-то смогу стать самостоятельным и жить так, как я хочу, а не он для меня хочет... – эти рассуждения заставили мальчика снова заплакать.

– Послушай, ты не должен отвечать за деяния своего отца! – сказал Аскольд, серьезно. – Это он должен отвечать за себя! И только!

– Мне так хотелось бы, чтобы мы с семьёй не жили в каком-то захолустье и не выезжали в город в сопровождении огромного количества вооруженной охраны! Я хочу жить в многоэтажке, ходить в школу, а не сидеть на домашнем обучении в этих чёрных стенах, словно затворник! Я хочу, чтобы у нас всё было так, как у обычных людей... – плакал Арес. – Как бы хотелось, чтобы ничего этому не мешало!

– Понятно, почему ты мечтаешь о простой жизни художника... – понял Аскольд.

– Наверное... – согласился мальчик-воробушек и вытер нос. – И оживлённый город я люблю больше, чем мёртвое место, в котором живу сейчас.

– А что это за место? – поинтересовалась Астрид.

– Посёлок Снежный, – всхлипнул мальчик.

– Он далеко от Северного А-Ваена?

– Километров двести, может, больше, – промямлил мальчик. – А вы что, оттуда? – спросил Арес, снова оживившись.

Астрид опешила.

– Да... мы оттуда... – будучи в прострации от того, насколько сейчас они далеко от родного города, ответила она.

– И вам нужно останавливать того ужасного человека? – переспросил мальчик.

– Всё верно, – Аскольд не сводил с Ареса взгляд. Парень явно видел, что сын цыганки и бандита строит в голове какие-то

хитрые рассуждения. Он был смышлёным не по годам – это ребята поняли только что.

– Ну раз так, вам нужно бежать отсюда! – воскликнул, наконец, Арес.

– Как?! – в один голос спросили Астрид с Аскольдом, удивлённые тем, что мальчик предложил им побег прежде, чем они могли о нём заикнуться.

– Я придумал! – возбуждённо вскрикнул паренёк.

– погоди, твой отец сказал, что отсюда невозможно сбежать. А когда смотришь на этих мускулистых ребят, и бежать никуда не хочется... – поёжилась девушка.

– Завтра отец их отпускает! Он говорит, что охрана здесь есть всегда, но не завтра! – сказал Арес. – У них с мамой завтра годовщина свадьбы, пятнадцать лет, круглая дата. И поэтому он устраивает большой праздник.

– А камеры, а сигнализация? – спрашивал Аскольд. – Он и всё это выключит? – грустно усмехнулся он. – А ещё раздобрится и снесёт свой огромный забор! И всё ради праздника! – с негодованием всплеснул руками парень. – А потом ещё скажет – ну-ка Аскольд и Астрид, а валите-ка вы! Я закрою глаза и считаю до ста!

– Нет, но всё это можно отключить самим, – с видимой боязнью за собственную шкуру, но всё же с какой-то ноткой уверенности говорил Арес, чувствуя, что он тоже может решать что-то в этом доме. Вернее, что ему выпал шанс что-то решить сейчас. Да ещё и помочь тем, кто стремится восстановить справедливость.

– Отключить? А ты сможешь отключить всю эту многочисленную аппаратуру? – спросила с тревогой Астрид.

– Я попробую выключить электричество, – кивнул мальчик. – Я знаю, где находится электрощит!

– А если не получится? – заволновалась девушка, не сильно веря, что всё это красиво звучащее предложение и вправду может быть воплощено в реальность.

– Тогда не знаю, – пожал плечами Арес. – Других вариантов нет, но я постараюсь вам помочь, ведь вы подарили мне то, что никто не мог.

Ребята вопросительно и с улыбкой уставились на него, не понимая, что же это такое они ему подарили.

– Надежду! – ответил мальчик и, достав из кармана склеенный Астрид портрет матери, стал с любовью вглядываться в каждую вмятину на листе и в каждый кусочек блестящего скотча. Рисунок был исполосован «шрамами», но эти шрамы, как оказалось, стало возможным склеить, «зашить».

Никто до этого не делал для мальчика ничего подобного: разорванный и выброшенный матерью рисунок так бы и оставался разорванным и выброшенным. В душе этого ребёнка сейчас просыпались абсолютно недетские чувства. Он мог бы сделать Астрид и Аскольда своими игрушками для битвы из-за перенятой от родителей манеры издеваться; он понимал, что без них здесь было скучно и серо, а теперь, останься бы они тут, жизнь его могла бы быть скрашенной этими ребятами в перерывах между выполнением им домашнего задания и руганью с родителями. Астрид и Аскольд, может быть, и дальше смогли бы дарить ему надежду, успокаивать его после очередных ссор с властными и не желающими ничего слушать Винсентом и Рубиной. Если бы он их просил, они бы стимулировали его радость и рядом с ними он бы думал об искусстве, а не о числах... Но увы. Они были супергероями, которые должны были сейчас же вернуться к спасению таинственного предмета и остановить злого человека! Там они нужнее, чем здесь. Мимолётной грустью это промелькнуло в душе Ареса, но он твёрдо решил помочь ребятам. Но он был не таким, как его родители, а в эту се-

кунду он снова повзрослел. В эту секунду он стал ещё старше своих Винсента и Рубины.

– В общем, – начал с совершенно не свойственной ему серьёзностью мальчик. – Сигнализацию мы отключим, а как вам бежать... – он задумался. – Кто-то из вас водить умеет?? – вдруг выкрикнул он.

Аскольд неуверенно кивнул.

– У тебя есть права? – удивилась Астрид. – Когда ты успел? – Девушка подняла одну бровь.

– Прав нет, но водить я умею! – не дрогнув, даже как-то горделиво, сказал Аскольд.

– Ой, нет... – отмахнулась девушка, явно запаниковав. – Я так не играю, это слишком рискованно! – запротестовала она. – Ещё не ездила я с человеком без прав! – поджав губы, процедила она. – Врежешься ещё в фонарь какой-нибудь, чего доброго, и закончилась наша поездочка! А если снегопад... там вообще!

– И что ты предлагаешь? – не понял её Аскольд. – У нас выпадает шанс сбежать, а ты говоришь, что не поедешь потому что у меня нет этих глупых корочек, или потому что пойдёт снег? – он хитро улыбнулся, потому что понимал, что против этого аргумента Астрид вряд ли сможет что-то возразить. Так и было. Девушка тяжело вздохнула, неодобрительно покачав головой.

– Против тебя не попрёшь! – процедила она.

– Решено! – подвёл итог Арес. – А теперь, слушайте внимательно! – продолжал он, вкрадливо. – У отца есть три машины и все они стоят в гараже. Отключено электричество – значит отключён замок на гараже, и до машин легко можно добраться.

– И ты так просто позволишь нам угнать машину твоего отца? – засомневался Аскольд.

Мальчик встретился с ним верным взглядом.

– Я просто знаю, что за это вам ничего не будет. Машина, которую я вам могу предложить – угнана не так давно и сейчас находится в розыске.

Эта фраза заставила Аскольда замолчать. Умнее было не придумать.

– Договорились, – хлопнул в ладоши Аскольд и потёр руки.
– На празднике ты отрубешь электричество во всём доме, охранников не будет, следовательно – мы сможем открыть дверь, открыть ворота гаража, затем забора, взять машину и просто уехать? – переспросил парень, всё ещё недоумевая. – Это не слишком просто?

– А тебе всё приключений мало! – закатила глаза Астрид, едва заметно улыбнувшись.

– Да нет, я просто пытаюсь ничего не упустить.

– Да и просто это только на словах! – охладил пыл Аскольда Арес. – У отца будто бы всегда и везде глаза, даже если он веселится и пьёт.

– Да мы заметили, – процедила Астрид. – Поэтому я и боюсь... Машины, электричество... Боже, а если он догонит нас, что он сделает с нами, а с тобой? Что он с тобой сделает, Арес? – волновалась девушка.

– Ну... Отец не добрый волшебник, отец – бандит с многолетним стажем, он не раз поднимал руку и на меня... но... он, всё же, мой отец. Да, это отец, выступающий за насильственное воспитание, но я понимаю, что иначе он просто не умеет. Если он признается себе в том, что насилие – не любовь, ему придётся признаться себе и в том, что его никогда не любили, и, как следствие – не научили любить его... – сказал мальчик, и добавить было нечего. – Ну что ж, тогда до завтра! – произнёс Арес. – Я буду верить в то, что у нас все получится. Спасибо вам, за всё! – он сказал это, с трудом подавляя желание заплакать.

Арес убежал из домика ребят через окно.

Чтобы миновать охрану, что стояла чуть поодаль от главного входа в дом, мальчик-воробушек проследовал по своему проверенному маршруту – взобрался по трубе на крышу веранды, а затем в окно своей комнаты. Он, конечно, боялся, что его заметят, но уже гораздо меньше, а добравшись в комнату, он, переводя дыхание, с улыбкой достал из кармана склеенный скотчем портрет невероятно красивой снаружи, но совсем не такой внутри матери. И несмотря на сильнейшее нервное возбуждение, уснул спокойно, не выпуская рисунок из рук.

Наступило утро.

Астрид с Аскольдом почти совсем не спали и поднялись ещё раньше, чем поднимались предыдущие два дня. Винсент сегодня был в приподнятом настроении, но эта его окрылённость, увы, не распространялась на прислугу. Марьяна в сопровождении ещё одной кухарки в поте лица готовили еду на кухне, а бандит стоял рядом и махал руками, куря толстую сигару и продолжая командовать. Когда явились Астрид с Аскольдом, мужчина загрузил их заданиями, озвучил порядок их сегодняшних действий и уехал для того чтобы купить жене, которая, конечно, ещё не проснулась, цветы.

За уборкой день пролетел мимолётно.

Стемнело рано, и при свете люстр, которые сегодня зажглись ещё ярче, можно было в полной мере лицезреть плоды труда ребят и кухарок. До блеска были начищены все-все полки стеллажа; стеклянные и керамические предметы сияли в свете ламп. Элегантно, шёлково и кроваво-красно было сейчас не только в Каминном Зале, но и столовой: на большом столе красовались пышные букеты алых роз, подсвечивалось огромное количество бутылок с красным дорогим вином; источали утончённый запах изысканные угощения. На фоне играла спокойная

классическая музыка, сопровождаемая тонким шёлковым шлейфом цветочного аромата.

Рубина вышла сюда в алом платье. Её макияж был вечерний и тёмный. Винсент тоже облачился в тёмно-красный, строгий костюм. Годовщина их свадьбы называлась Днём Вина: это был фирменный напиток в этот день и любимый напиток Рубины и Винсента.

Прибывали гости. Астрид и Аскольд встречали их прямо на входе в столовую, с подносами, на которых красовались изящные фужеры на тонких ножках с тёмно-красным вином, и провожали взглядом одетых в элегантную, дорогую и строгую одежду мужчин и женщин, что любили тёмную помаду, дерзкие духи и деньги своих мужей. Сказать по правде, Астрид, наблюдая за торжеством, даже заскучала по подобной атмосфере в Особняке Ветра.

В разгар вечера, Винсент, произносящий одну из своих пафосных, не без доли нарциссизма, хвалебных речей в адрес жены-цыганки, наконец, стал полностью погружаться в веселье, пьянеть от бесчисленного количества вина, забываться; переставать приказывать Астрид и Аскольду что-то подать и принести, и наконец отпустил ребят на заслуженный отдых. Переглянувшись с Аресом, Астрид и Аскольд с готовностью покинули шумную гостиную. Арес, несмотря на то, что атмосфера здесь была непринуждённая и совершенно никто бы молниеносно не среагировал на то, что должно было произойти через несколько минут, очень осторожно и осмотрительно встал из-за огромного стола. Как только, смешавшись с толпой гостей, паренёк в строгом костюме попытался незаметно выбежать из зала, его окликнул отец, танцующий с женой и очередным бокалом вина, и, обхватив тоненькую ручку сына своими толстыми пальцами, пододвинул его к себе.

– Ты куда, уже уходишь? – посмеялся, пьяно, бандит, пытаюсь перекричать музыку своим прокуренным голосом.

– Да! – крикнул Арес, и быстро вырвался из объятий отца, однако тот окликнул его ещё раз и потребовал вернуться. Мальчик напугался и решил пока не подавать виду, что у него срочные дела.

– Я хочу выпить за этого смышлёного болвана! – проорал Винсент и потрепал сына за ухо, посмеявшись вульгарно. Все присутствующие обернулись на хозяина дома. – Мы с Рубиной хотим для него лучшего будущего, а он пока ничего не понимает, малой! – и бандит вновь потрепал парнишку за ухо. – За этого оболтуса! – скандировал Винсент, подняв фужер. Гости стали подходить к нему и совокуплять свои бокалы с бокалом хозяина дома в мелодичном перезвоне. – Ну, беги, раз устал. И чтоб через пять минут был в кровати! – отец пихнул сына в спину, но пригрозил ему совсем не шуточно, в своей манере.

Арес осторожно и с подозрением вышел из Каминного Зала. Сначала мальчик поднялся в свою комнату, чтобы забрать из ящика пару нужных вещей, а затем убедился, что лестница, ведущая на нулевой этаж дома, откуда и можно было отключить электричество, пуста и охраны вправду нигде нет. Арес снял свои ботинки с каблуком и спустился в носках по каменной лестнице в тёмный подвал, где была отлажена система видеонаблюдения и система сигнализации.

Разумеется, оказавшись здесь, Арес понял, что совершенно не знает, как всем этим управлять и как пользоваться, но ему нужно было сделать это сейчас абсолютно любой ценой! Минуту подумав, мальчик посмотрел вниз, прямо под многочисленные кнопочки и горящие экраны, увидев там множество розеток, из которых торчали вилки. Арес стал потихоньку вынимать из розеток вилки, наблюдая, как гаснут маленькие экраны и кнопки. Он вынул из розеток примерно вилок пятнадцать, и когда

этажом выше резко погас свет, оборвалась музыка и стали доноситься возгласы женщин и мужчин, испугавшихся от внезапно выключившегося электричества во всем доме – мальчик понял, что всё сделал правильно.

Он подобрался к маленькому окошку, что располагалось прямо напротив домика прислуги и судорожно залез рукой в один из карманов, проверив наличие ключа: ключа от машины, который он, словно юркий хорёк, стащил у отца, пока тот оставлял свой кабинет открытым. Ключи были на месте. Он проверил внутренний карман своего пиджака. Туда предусмотрительный мальчик-воробушек положил отцовский пистолет, предварительно проверив, есть ли в нём пули. Отец научил его такому навыку на свою голову.

Арес вылез из окна, быстро добежал до дома, где его уже ждали ребята, и они втроём ринулись к гаражу, где стояло несколько автомобилей.

– Гараж открыт, нужно только поднять дверь! – протараторил, запыхавшись, мальчик. – Вот ключи! – Арес вручил связку Астрид, из рук которой ключи чуть было не выпали. Она была безумно взволнована. Руки девушки дрожали, и она невероятно замёрзла. Всё-таки одеты ребята были совсем не по погоде. – Нужно ещё открыть ворота забора! – наказывал мальчик. – Только быстрее, а то они сейчас всё сообразят и прибегут!

– Я открою, – с готовностью кивнул Аскольд.

– А ты должна доехать до ворот! – сведя брови к носу, процедил мальчик, обращаясь к Астрид.

– Я не смогу! – опешила девушка, всплеснув руками.

– Тебя никогда не учили водить в поле? – постарался спокойно спросить Аскольд, положив руки девушке на плечи. – Нет? – из его рта шёл пар, а щеки были очень красные.

– Учили, но нет, Аскольд, я же не смогу! – У Астрид пробились паника, и её затрясло.

– Ну и что ты морочишь мне голову, села быстро и вспомнила навыв! Это динамический стереотип, сядешь и сразу вспомнишь. А я открывать ворота! – решительно произнёс он.

– Подожди, куда ты, а как же машина!! – растерялась девушка.

– У тебя всё получится, слышишь?! – процедил он, серьёзно и в ту же секунду убежал.

– Ладно, – вздохнула Астрид, залезла на переднее сиденье и повернула ключ в замке зажигания. Мотор ответил свойственным ему голосом.

– Вот ещё, подожди, – воскликнул Арес и достал из-за пазухи пистолет.

– Господи, а это ещё зачем! – от звуков мотора, Астрид почувствовала ещё более сильное волнение, а увидев пистолет, что протягивал ей мальчик, её и вовсе охватила ещё большая паника.

– Поймёшь, если отец направит за вами погоню! – невесело усмехнулся Арес.

– Погоню?! – глаза девушки округлились.

Послышался свист. Это Аскольд дал Астрид позывной. Ворота были открыты. Осталось только вывезти машину.

– Страшно подумать, что с тобой сделает Винсент... – испугалась Астрид, нервно беря оружие в руки.

– Бандит он, или нет... он всё равно остаётся моим отцом... – пожал плечами невероятно сильный мальчик, выдавив из себя подобие улыбки. – Езжай быстрее! – со всей добротой в голосе и вновь пытаюсь не заплакать изрёк мальчик. – Я чувствую, что они скоро спохватятся! Прощай. И спасибо.

– Спасибо, Арес. Прощай! – отозвалась девушка и, осознав, что от неё зависит сейчас ровным счётом всё, Астрид решительно захлопнула дверь, и, набравшись невесть откуда взявшейся уверенности, ровно так же, как фильмах про супергероев, чтобы

не подводить доверия и не нарушать веру Ареса в неё и Аскольда, рванула с места, почти мигом оказавшись возле ворот. И как только Астрид подъехала к воротам, входная дверь дома с грохотом открылась и оттуда вышли разъяренный Винсент, Рубина и высунулись пьяные лица нескольких гостей. Пока они приглядывались к темноте и не понимали, что происходит.

Ворота были открыты, машина подъехала к ним, Аскольд быстро запрыгнул на водительское сиденье, захлопнув дверь. В следующую секунду двигатель машины истошно взревел, и автомобиль цвета ночи понёсся прочь из Снежного посёлка.

– Я думала, я не смогу! – дрожащая Астрид стекала по переднему пассажирскому сиденью, тяжело дышала и не верила, что у них и правда всё получилось.

– А я говорил, что ты сможешь! – летящий на скорости почти двести километров в час Аскольд улыбнулся, не отрывая взгляд от дороги. – Ты мне скажи, где ты откопала ствол? – усмехнулся он, кивнув на открытый бардачок, куда девушка судорожно кинула пистолет, что дал ей сын Винсента.

– Это Арес дал на тот случай, если Винсент вышлет за нами погоню! – ответила девушка.

– Ого-го... – скривился парень.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросила Астрид.

– Ну, судя по всему, до Северного леса часа два.

И только Астрид хотела вздохнуть с облегчением, как совершенно случайно взглянула в боковое зеркало заднего вида, с ужасом поняв, что за ними уже летит машина, из окна которой высунулся мужчина, готовившийся выстрелить в них Аскольдом!

– За нами гонятся!!! – взвизгнула Астрид, и тут же раздался выстрел. Аскольд успел извернуться, и выстрел пришёлся по правому зеркалу, что вдребезги разлетелось. – Стреляй! – прокричал парень. – Кто бы это ни был, целься в колеса!!!

– С ума сошёл? Они же меня пристрелят!!! – завопила Астрид.

– Слегка высунись в люк на крыше и стреляй по колёсам, я говорю! – рявкнул Аскольд, бегло переводя взгляд то на уцелевшее зеркало, то на дорогу. Он маневрировал, и машина тряслась, уходя то вправо, то влево. – Быстрее!! Иначе они спустят нам колеса и заберут обратно! – да, эти слова звучали убедительнее. Девушка встала на сидение, открыла люк на крыше, и впервые несмело держа пистолет в руках, сопротивлялась ветру, что дул, запутывая её волосы и вызывая слёзы из глаз. Астрид несмело спустила предохранитель и нажала на курок. Первый выстрел пришелся куда-то в сторону. – Да ты хоть прицелься, блин! – вопил парень. Девушка пыталась концентрироваться, слегка наклонилась, задержала дыхание, но патрон снова отлетел куда-то в сторону.

– Черт! – выругалась она. – У меня не получается!

– Ну там же не бесконечное количество патронов! – кричал Аскольд. – Попробуй ещё!! Целься лучше!!!

Астрид попробовала ещё раз, и сейчас у неё, по счастливой случайности, получилось! Девушка сначала выстрелила по лобовому стеклу гонящегося за ними автомобиля, а потом чудом попала по одному из колёс. Ещё сантиметр, и патрон бы снова улетел, не попав по автомобилю! Машина сбилась с курса, и её водитель потерял управление, потому что, плюс ко всему, был ещё и пьяный. Аскольд продолжал маневрировать рулём.

Больше за ними погони не было.

Астрид снова скатилась по сидению вниз.

– И что мы дальше будем делать? – спросила она. – Меня уже ничего не удивит... – призналась Астрид. – Нужно найти бабушку, Дашу и появиться дома!

– Ты так сказала про дом, словно не была там неделю, – Заметил Аскольд. – Что они подумают, когда ты явишься в свой особняк с ранья? В таком-то виде...

– Да я не знаю... – вздохнула Астрид, потому что, минуя одну проблему она тут же вспомнила о другой. – Я не была дома с момента свадьбы своей бабушки.

– Почему? – всматриваясь в освещённую фарами автомобиля заснеженную просёлочную дорогу, спросил Аскольд.

– Я узнала, что моя мама на самом деле – моя сестра.

– Вот тебе раз! – удивился парень. – Чего-чего, а вот такого поворота событий я уж точно не ожидал. Ну а кто твоя настоящая мать, ты знаешь?

– Моя бабушка... – выдохнула Астрид. – Вот так.

– Да уж, сюрприз не из приятных... получается, ты всю жизнь жила в неведении?

– Да... и мне кажется, что у каждого члена моей семьи есть ещё миллион скелетов в шкафах. Это меня и пугает! Моя прабабушка была террористкой, убивающей магов, моя бабушка вообще сова, другая моя бабушка – это моя биологическая мать, дедушка, следовательно – отец, а та, которую я всю жизнь называла матерью – моя сестра... – с тяжестью в голосе произнесла девушка.

– Да тут у любого бы голова пошла кругом, – отозвался Аскольд. – Но... – он осёкся. – Ты хотя бы знаешь, кто твоя мать... а вот я никогда не видел свою... – вымолвил он и голос его приобрёл нотку апатичности, которая обычно ему свойственна не была. – Единственное, что у меня от неё было, и то, мне так сказали в детском доме, это вот этот медальон... – одной рукой держась за руль, а другой рукой пошарив под майкой, надетой под куртку, парень достал из-под неё небольшой золотой круглый медальон. На украшении была гравировка двух витиеватых букв «А» и «И». – Мне говорили, что «А» – значит моё имя, а

«И» – имя моей матери. И знаешь, что интересно? Я очень много раз терял его и все равно находил, будто бы он постоянно сам хотел вернуться... Было такое, что с меня его украли во время тихого часа, потому что он золотой, но потом я украл его обратно. Позже этот медальон стал для меня чем-то, вроде талисмана... – парень усмехнулся. – Ну, ладно, хватит этих розовых соплей, не время. Лучше давай подумаем, что насчёт тех фото! – Аскольд мигом перевёл тему. Астрид даже не успела задать ему вопросы.

– Я хочу показать их бабушке... – размышляла она. – Мне кажется, мы не видим в них чего-то очевидного. Вот только чего конкретно?.. – задумалась девушка. – Может, она выскажет свои предположения... а ещё... как бы было здорово, если бы мы смогли показать эти фотографии Константину! Он уж точно что-то знает!

– Да, ты права... Но сейчас я бы рекомендовал тебе немного поспать, Астрид. Всё равно ночь, а тебе в таких ситуациях бывать не приходилось... должно быть, устала... – предложил Аскольд.

– А если снова придётся отстреливаться? – испугалась девушка, всё ещё не отошедшая от перестрелки.

– Надеюсь, что нет, – отмахнулся он. – Стрелок, блин, вошла во вкус! – усмехнулся Аскольд. – Ну правда, поспи. До Северолесья ещё далеко.

– Да знаешь, после такого мне даже спать не хочется! Чувствую усталость, но спать не хочу... – призналась Астрид, пожав плечами, однако через десять минут она сама не заметила, как провалилась в сон.

Аскольд разбудил её через три с половиной часа, когда бензин в машине был на исходе. Его хватило, чтобы добраться почти до Северного А-Ваена. Они находились рядом с Северолесьем.

Ещё не рассвело, но вдалеке уже светлело.

Машину ребятам пришлось оставить прямо здесь. К счастью, этот автомобиль находился в розыске, и, вероятно, сегодня его найдут.

Глава VIII **«ОН ЗАБРАЛ МОЕГО СЫНА!»**

Белый цвет снега, видневшегося из окна, резал глаза.

На улице уже установилась поистине зимняя погода: убедительным покровом за окном лежал снег, и не было уже никакой вероятности, что он растает. Пришла зима. Как-то ненавязчиво и незаметно перетекла из осени.

Первая мысль, которая появилась у Хельги Ивановны, когда она увидела снег: как же долго уже нет на свете графа Дориана Альбертовича.

Бросало то в дрожь, то в жар, то в пот, а вокруг оранжевых радужек вздувались красные капилляры. И только анальгетики были спасением. Плечо невыносимо болело, и боль разливалась по всему телу, заставляя видеть снег за окном, словно он не был белым, а состоял из всех цветов радуги. Хельга Ивановна иногда даже думала, что больше не сможет жить. Думала, что её прямо сейчас разорвёт на части. Она лежала, почти не вставая уже несколько дней, однако самой ей казалось, что время специально идёт медленно, чтобы досадить сильнее. Однако сегодня состояние начало улучшаться. Проснулся аппетит, но на улицу Хельга Ивановна всё же не выходила.

Вчера и сегодня у неё была Даша Серова – девушка приносила женщине-совете еды из супермаркета, обезболивающие из аптеки и помогала обрабатывать рану. Разумеется, родственникам Хельга Ивановна ничего не сказала – это бы вызвало уйму вопросов, которые сейчас были совершенно ни к чему.

– Хельга Ивановна? – послышался вдруг женский голос вместе со стуком в дверь. Странно. Женщина-сова никого сегодня не ждала.

– Астрид! – мигом воодушевившись, Хельга Ивановна попыталась соскочить с дивана и направилась к двери, однако, отворив её, бабушка Хельга изменилась в лице: на пороге стояла совсем не Астрид. Это была женщина, поверх бирюзовой водолазки которой была надета коричневая куртка. Она держала в руке бордовую кожаную сумку, под цвет своей губной помады и медленно снимала свои тёмные очки. Взгляд у неё был крайне беспокойный, усталый и глаза бегали туда-сюда. Хельге Ивановне показалось, что она где-то видела эту женщину... И причём совсем недавно! Но вспомнить как ни старалась – не могла, пристально и с подозрением вглядываясь свою посетительницу.

– Хельга Ивановна. Здравствуйте! – низкий толстый голос женщины мигом вернул Хельге Ивановне память, и пазл сложился сам собой. Её она видела в квартире, в которой собирается клуб!

– И хватило у вас наглости ворваться сюда... – вздохнула, с отвращением Хельга Ивановна. – Зачем Вы здесь? Пришли добить меня? – невесело усмехнулась она.

– Совсем нет, – возразила графиня Ирина Баранова, поправив свою причёску. Её лицо выражало сильное волнение, а глаза забегали ещё сильнее. – Я пришла поговорить с Вами. Разрешите войти?

– Выудить из меня информацию о Ниферио-Ритио? – с подозрением спросила женщина-сова, облокотившись на стену и запахнув свой пёстрый, сшитый будто бы из разных кусочков ткани домашний халат. – Напрасно стараетесь, я ничего не знаю! – твёрдо ответила она и уже хотела закрыть дверь перед графиней Барановой.

– Я совершенно не за этим! – взмолилась Ирина. – Да и... мне ясно, что Вы вряд ли можете что-то знать.

– Откуда такая уверенность? – осторожно спросила женщина-сова, прищурившись.

– Корней Мстиславович, Никита и ещё один человек из Братства три дня назад ворвались в Ваш дом. Пришли они ни с чем! – произнесла Баранова.

– Какого?.. – лишившись всех слов от злости и прямо побагровев от ярости, воскликнула Хельга Ивановна. – Какого чёрта! Что было три дня назад?! – возмутилась она.

– Когда в Вас выстрелили, Вы потеряли сознание. Потом ещё некоторое время Вы провели без него, потому что на Вас подействовал специальный усыпляющий порошок. Этим воспользовались в Братстве и пробрались сюда, пока я была с Вами в нашей квартире! – объяснила Ирина Николаевна. – А потом Вас вернули домой.

– Да вы просто сумасшедшие, наглые сектанты! – всплеснула руками Хельга Ивановна, изумляясь подлости членов Братства. Она дотянулась до открытой и помятой пачки сигарет, что лежала на полочке в коридоре и закурила. – А сейчас кто Вас прислал? Корней? Никита? Женщина в белом? Говорите, я уже ничему не удивлюсь! – выдохнула женщина-сова, сведя брови к переносице. Она смотрела на графиню Баранову исподлобья убитым взглядом.

– Нет! – Запротестовала женщина. – Я... я не знаю, как начать, я... – замялась она.

– Так, хватит ломать здесь комедию! – взвизгнула Хельга Ивановна. – Вон из моего дома!! У вас ничего не получится! Я вас не боюсь!

– Нет! Всё не так! – кричала Ирина. – Черт с ним, с этим Ниферио-Ритио, Черт с ним, с этим Братством! – заплакала она. – Я пришла по другому поводу, и мне очень, очень тяжело гово-

рить! – взмолилась графиня Баранова. Хельга Ивановна насто-рожилась и прислушалась. – Мне осточертел этот клуб, осточертели эти бесконечные поиски, мне осточертело всё! – взревела посетительница, тряся рукой возле шеи и шмыгая носом.

– Ну а я-то что сделаю? – Хельга Ивановна не понимала, к чему клонит женщина, и почему она пришла сейчас и сюда.

– Понимаете, сколько лет я держу всё это в себе? Я бы покинула этот чёртов клуб, Ниферио-Ритио – уже не моя цель во-все! но... Я не могу уйти из-за ещё одного члена клуба: Мориса.

– Почему? – подняла одну бровь женщина-сова.

– Он забрал моего сына, Хельга Ивановна. Двадцать лет на-зад он забрал у меня ребёнка, потому что я изменила ему с дру-гим мужчиной. Уже два десятка лет он каждый раз смеётся надо мной, думая, что я помешалась, съехала с катушек, раз думаю, что ещё могу вернуть его... – её голос стал тихим из-за потока слёз. – Без сына земля для меня опустела... Но я чувствую, что мой мальчик ещё жив... Просто Морис держит меня за идиотку, смеётся над моей глупостью и наивностью... Он убеждает меня, что ребёнка я никогда не найду, а я знаю, знаю только одно: что он жив, что он тоже ищет меня! – прошептала она, не переставая горько плакать и достала из-под водолазки золотой небольшой кулон, где были выгравированы два вензеля: «А» и «И». – «А» и «И» – это инициалы моего имени и имени моего сына. Я – Ири-на, а он – Аскольд. Я заказала эти медальоны ещё до рождения мальчика, потому что знала, что мы будем связаны особой свя-зью и поэтому хотела где-то увековечить эту связь! – графиня Баранова всхлипнула и горько улыбнулась, показывая женщине-сове медальон, вложенный во вспотевшие и холодные ладони. – Цепочка была для него длинная, свисала чуть ли не до пупка... – она усмехнулась сквозь слёзы и шмыгнула носом.

– Дайте-ка мне взглянуть... – Хельга Ивановна уже где-то видела подобное украшение: Аскольд носил золотую цепь с

пластинкой, на которой тоже были какие-то вензеля!.. Однако, женщина не захотела вселять в Ирину ложные надежды и пока оставила этот момент. – Мне очень жаль, – уклончиво произнесла она. – Но я все ещё не понимаю, причём здесь я, и зачем Вы пришли?

– Я хочу хоть немного Вам помочь! – снова заплакала Ирина Николаевна. – Верите, или нет, я ищу любой способ чтобы причинить боль Морису, Хельга Ивановна, он же у меня костью в горле! – и она, плача, показала в область кадыка.

– Я не могу Вам доверять. Мы с Вами – враги! – запротестовала Хельга Ивановна.

– Что мне сделать для Вас, чтобы доказать обратное? – взмолилась отчаявшаяся бедная женщина.

– Вы уже всё доказали. – Хельга Ивановна кивнула на простреленное плечо. Её было не сломить.

– Я знаю, где Ваша внучка! – фраза Барановой заставила Хельгу Ивановну неподдельно оживиться.

– Где она? – глаза женщины сверкнули и округлились, словно в них вскипела оранжево-жёлтая смола.

– У одного бандита, который называет себя Винсент. Он сотрудничает с Корнеем.

– Где живёт этот Винсент? Что он сделает с моей внучкой? – испуганно тараторила женщина-сова.

– За городом, довольно далеко. А вот что сделает... я не знаю... – пожала плечами Ирина Николаевна.

– Чёрт возьми! – плюнула Хельга Ивановна. – Её мать общется! – И тут же зазвонил кнопочный старый телефон, лежащий на столике рядом с диваном. Завибрировал даже пол. Женщина-сова ринулась к дивану. Взяв телефон, она передёрнулась. На том конце провода была Вероника Дориановна.

– Хельга Ивановна! Слава Богу! Я не могла до Вас дозвониться. До Вас и до Астрид! Где вы? Где Астрид? Всё хорошо? – суетливо спрашивала женщина.

– Здравствуй, Вероника! Мы...мы уехали в небольшой пансионат на краю Южного А-Ваена. Астрид здесь и у неё всё хорошо. Она просто отказывается пока говорить... – врала женщина. – Я подумала, что отдых пойдёт ей на пользу. А связь тут плохая...

– Ох, слава богу, я так волновалась! Вам что-то нужно? Просто сейчас я тоже живу в Южном А-Ваене.

– Ничего не нужно, Вероника. Почему ты здесь?

– Марсель Сергеевич готовится продать Особняк Ветра, перед этим устроив там аукцион. Моя мать, как единственная владелица по завещанию, позволяет ему это сделать и совершенно не думает, что нам с Борисом и Астрид придётся искать новое жильё, променивая наш дом, наше многовековое достояние на какую-то безвкусицу! А Марсель же Сергеевич с матерью хотят улететь за границу к новому году. Насовсем... – рассказывала Вероника и Хельга Ивановна просто диву давалась от такого заявления, не зная, как всё это преподнести потом Астрид. – Ладно, я, пожалуй, пойду, Хельга Ивановна! Спасибо за то, что остаётесь для Астрид верным другом. Без секретов и тайн... – расчувствовалась Вероника Дориановна.

– Но ведь я её бабушка. Я просто не могу иначе! – женщина-сова выдавила из себя еле заметную улыбку.

– Надеюсь, Астрид в порядке... – ещё раз произнесла Вероника, тяжело вздохнув.

– Ей нужно всё переварить, сама понимаешь. На девочку много сваливается в последнее время. Пусть отдохнёт. Она поговорит с тобой, как только будет готова.

– Как скоро Вы вернётесь?

– Через пару-тройку дней, – наобум бросила женщина-сова.

– Хорошо. Но не говорите пока ничего Астрид про Особняк. Я сама ей все объясню, как только она захочет меня услышать. Ещё раз спасибо Вам! – Вероника Дориановна положила трубку. Хельга Ивановна медленно опустила телефон на тумбочку, думая, как вообще вынести всё, что происходит.

– Мы найдём девочку! – Ирина Николаевна положила руку на плечо женщине-сове.

– Хотите сказать, что Вы теперь работаете на два лагеря? – с подозрением убирая руку Ирины со своего плеча, спросила Хельга Ивановна.

– Нет, не на два.

– Я все равно не верю Вам на сто процентов. Где гарантия, что это не ловушка? – прищурила глаза бабушка Хельга.

– Вряд ли я докажу хоть что-то человеку, которому выстрелил в плечо тот, кто связан со мной. Но... знайте, что моя личная прихоть заключается в том, чтобы сделать Морису так же больно, как он сделал мне.

– Ну, а как же одержимость Братства предметом? – подняла одну бровь женщина-сова. – Разве Вас это теперь не касается?

– Во мне давно кипит одержимость другим... поиск Ниферио-Ритио – это та самая цель, которая уже рядом, но ты не видишь необходимости достигать её, хоть и шёл к ней всю осознанную жизнь. Мысли и мания на Ниферио-Ритио – как встроенный чип, вирус, что руководит всеми нами. Мне иногда даже кажется, что мы хотели заполучить предмет потому что это внушено нам тем, кто создал его. И у нас не было выбора – позволять внушить это себе или нет. Это просто яд, который нам вкололи смолоду. Большая бесцельная цель, и мы идём к ней, как зомби – бессмысленно и годами.

– Что-то по Корнею и Никите не видно, что они, как зомби!
– возразила Хельга Ивановна.

– Они уж точно нет! – подтвердила Баранова, кивнув. – Никита –местилище для духа-Ристалья, знаете, своеобразная среда для того чтобы дух окреп, а после – вышел! Ристаль сейчас ВНУТРИ Никиты!

– Внутри?! – переспросила Хельга Ивановна. Ирина кивнула. – И до каких пор?

– До того, как будет найдено Ниферио-Ритио. Ристаль в теле Никиты набирает силу, готовясь, так сказать, к выходу, новому рождению, и по мере того, как он крепнет, вероятность ошибки Никиты в поиске предмета уменьшается! Шамирам, та, что в белом, делает всё для того, чтобы Корней и Никита не знали, что Ристаль внутри мальчишки! Она кормит их ложью, но нам она рассказала больше! Уже очень скоро предмет будет найден... И знаете, вряд ли это приведёт к чему-то хорошему! Я догадываюсь до этого, потому что я не одержима, как остальные! Шамирам утверждает обратное, для клуба у неё своя правда, а для Никиты и Корнея своя. Никита верит ей, как никому другому. Но происходит совершенно обратное. Я всё больше склоняюсь к тому, что когда Никита высвободит духа, тот просто будет уничтожать все вокруг, а мы всего лишь станем первой мишенью для испытания своей новой несокрушимой силой! Хотя все они верят в то, что Ристаль щедро наградит их силой за спасение!

Хельге Ивановне эти слова напомнили предостережение Константина.

– Игра не стоит свеч, да? – переспросила женщина-сова.

Ирина Николаевна с сожалением кивнула.

– Та белая женщина, Шамирам. Кто она? – поинтересовалась Хельга Ивановна.

– Говорю же, мессия. Она возглавляет клуб. Вы хотите остановить их, а я хочу Вам помочь! – повторила графиня Баранова, теперь уже более решительно и твёрдо, заслужив на этот раз не такой подозрительный взгляд Хельги Ивановны. Её и вправду сейчас постигло облегчение, когда оранжевые глаза стали смотреть на неё не так пренебрежительно, и даже чуть доверчивее, чем пол часа назад.

Астрид и Аскольд, тем временем, еле как плелись вдоль Северолесья и почти что добрались до Северо-А-Ваенского вокзала. От голода у обоих темнело в глазах, а живот урчал так сильно, что мог заглушить звуки спящих туда-сюда машин.

На улице было очень холодно и лёгкие куртки, в которых были ребята, не могли больше их греть. Денег на еду не было совсем, однако когда Аскольд совершенно случайно нашёл во внутреннем кармане своей куртки мягую сторублёвую купюру, радости ребят не было предела! Они из последних сил ускорили шаг и довольно быстро добрались до вокзала, где в первом попавшемся киоске они с несказанной радостью купили себе по большому хот-догу и бутылке газированной воды. Забившись в тамбур вокзала, чтобы хоть немного согреться, они молниеносно умяли свои сосиски в тесте и мигом опустошили бутылки с напитками.

– Ну, наверное, мои слова тебя сейчас не сильно обрадуют, но... нам всё же нужно вернуться в ту квартиру, – дожевывая булку, сказала Астрид.

– Мы ещё не успели оправиться, а ты снова на рожон лезешь? – усмехнулся Аскольд. – Но знаешь, я не удивлён. Чем больше подобного происходит, тем крепнет азарт.

– А ещё нам надо найти бабушку! – облизывая рот от майонеза, воскликнула девушка. – Я так за неё переживаю!

– Ну... на самом деле, я не слишком уверен, но мне кажется, она бы не поехала в больницу! – предположил Аскольд. – Полагаю, она может быть у себя дома.

– Шутишь? Ей ведь выстрелили в плечо!

– Я же просто предположил! Мы можем отправиться к ней домой и убедиться. До туда всё равно ближе, чем до больницы.

Так они и сделали.

Графиня Баранова уже покинула дом Хельги Ивановны, и женщина-сова сидела возле окна, смотря в одну точку. Когда в дверь её постучали, и она пошла открывать, то не поверила своим глазам, залившись слезами. Это были они!

Они вернулись.

Глава VII **НЕСМЕНЯЕМАЯ**

Когда Хельга Ивановна узнала, что пришлось пережить Аскольду и Астрид за эти несколько дней, её глаза наполнились слезами – ей не хотелось верить в то, что с ними происходило. Сомнений теперь точно не было: граф Чернов и в целом все члены клуба видели в ней и в подростках прямую угрозу собственным целям, раз похитили их, отвезя в дом к бандиту. Женщина-сова была по-настоящему поражена, услышав историю о том, как ребята выкрали машину; как за её руль садилась Астрид, что до этого вообще была за рулём только единожды; как девушке пришлось отстреливаться от того, кто гнался за ними, и о том, как сын Винсента помог ребятам отключить целую систему видеонаблюдения и сигнализации, вопреки своему отцу-тирану.

Хельга Ивановна благодарила стечение обстоятельств за то, что они выстроились именно так. Ведь кто бы знал, что бы случилось с ребятами, сложись всё хотя бы немного по-другому. Сама же женщина-сова рассказала, что после того, как её ранили

и она потеряла сознание, белая женщина Шамирам распылила ей в лицо усыпляющий порошок, и Хельга Ивановна пробыла без сознания продолжительное время, в которое успели проникнуть в её дом Корней Мстиславович, Никита и ещё кто-то из головорезов Братства. Потом же она очнулась дома – её вернули сюда, словно ничего и не было.

– Звонила Вероника! – всплеснула руками Хельга Ивановна. – А я не нашла ничего лучше, чем сказать, что ты пока что не сильно горишь желанием с ней говорить, и мы с тобой уехали в санаторий в Южный...

– Ну... – задумалась Астрид. – На самом деле я действительно злилась на неё и не хотела говорить с ней, но знаешь, бабушка, после всего, что случилось, обида схлопнулась и исчезла! – девушка сделала странный жест в воздухе. – Сейчас бы я даже хотела вернуться домой.

– Ох, Астрид... – выдохнула женщина-сова. – Вероника Дориановна сказала не говорить тебе, но...я не могу молчать! – с тревогой посмотрев на внучку, изрекла женщина.

– Что-то случилось?! – испугалась Астрид.

– Марсель Сергеевич совсем съехал с катушек и устанавливает в вашем доме свои порядки.

– Это какие? – насторожилась девушка.

– Он продаёт Особняк Ветра, устраивает в нём аукцион и хочет уехать за границу вместе с Катериной Мстиславовной.

– Чего?! – изумились Астрид и Аскольд в один голос.

– И бабушка совершенно не против того, чтобы он распрямился ЕЁ домом?? – поражённо воскликнула Астрид. – Да что за кошмар?.. Я не хочу в это верить!

Хельга Ивановна печально кивнула.

– Увы. Катерина Мстиславовна сама дала абсолютное согласие на продажу дома, а поскольку она – хозяйка, теперь про-

сто нельзя ничего сделать. Вероника, Борис, ты – теперь не хозяйка этого дома, и даже не жители.

– Мы не должны позволить ему продать дом! Кто он такой, чтобы всё решать? – разозлилась девушка. – А покупатели уже найдены?

– Думаю нет, Вероника ничего не говорила... – сказала Хельга Ивановна.

– Да уж, ну и жуть! – выдохнул Аскольд. – Клуб, Марсель Сергеевич... Столько всего навалилось!

– А ещё сюда приходила одна из тех, кто состоит в Братстве. Её зовут Ирина. Она сказала, что держит давнюю обиду на одного человека, что тоже состоит в клубе, и разговор со мной стал для неё облегчением. Ирина сказала, что будет делиться с нами важной информацией, будет помогать нам.

– И Вы что, поверили ей? – невесело усмехнулся Аскольд, поражаясь доверчивости женщины-сова.

– Да, можно сказать и так, но никогда нельзя переставать быть начеку. Даже с теми, кто кажется убедительными. Вроде бы она действительно не лгала. У неё есть на то веская причина – личная обида на ещё одного члена Братства, но это уже другая история...

– И что, она теперь будет доносить нам на них, а им на нас? – скривился Аскольд.

– Этого я не знаю, – покачала головой женщина. – Поэтому, я не берусь ей полностью доверять.

– Покажи фотографии! – вспомнил, вдруг, Аскольд. – Которые мы нашли в квартире клуба!

– Что за фотографии? – осведомилась женщина-сова. – Вам удалось что-то узнать? – удивилась она.

– Точно! Фото! – Астрид достала из внутреннего кармана куртки конверт, что уже успел помяться.

– Мы нашли их в одном из ящичков стеллажа в той квартире и думаем, что все эти люди – поколения, которые были в Братстве, все, кто когда-то существовал в нём... – объясняла девушка.

– А ещё, нам кажется странным, что на всех них есть белые женщины... – добавил Аскольд. Взгляд Хельги Ивановны блуждал по фотокарточкам, встречаясь со строгими взорами членов Братства Полной Луны из прошлого и настоящего, рассматривал одеяния и вглядывался в глаза, скрывающие тайны. И что-то действительно объединяло всех тех женщин с Шамирам, и это было не белое одеяние, служившее, как подумалось женщине-сове, только для отвода глаз. Это было белое, как бы невзначай окружавшее белых женщин свечение. Уже было понятно, что эти женщины, как и Шамирам – должно быть, были мессиями для каждого поколения Братства. Но почему именно они?.. Хельге Ивановне аналогично казалось, что ответ рядом, на поверхности, но какой? Пока это оставалось загадкой, как для ребят, так и для неё.

– Эту женщину, – она показала на самое новое фото. – Зовут Шамирам. Она – мессия для Братства. Так сказала мне Ирина. Это всё, что мне известно... Константин бы точно нам помог... – протянула Хельга Ивановна, указывая на Константина, что был на том же фото.

– Я тоже думала про него... – вздохнула Астрид. – Я не могу забыть его рассказы про Корнея. Когда думаешь о Константине, хочется сразу действовать, решительно идти к тому, что не смог сделать он. Просыпается чувство долга, чувство, что хочется помочь.

– Мне тогда стало не по себе, когда он сказал, что ходит сам к себе на могилу! – передёрнулся Аскольд. – Словно призраком какой-то.

– Да, он ведёт себя так, словно всего лишь дух... Если честно, меня, когда мы были в Смутном Доме, бросало то в чувство того, что Константин мёртв, то в чувство того, что он реальнее всего реального и живее всего живого! – призналась Хельга Ивановна. – Я долго не могла избавиться от пелены неправды, которой нас всех, и в первую очередь Минерву Мстиславовну, кормил долгие годы Корней.

– Константина всегда окружает ореол загадочности, и вряд ли обычный человек сможет разгадать его... – пожала плечами Астрид.

– Или же, может, Константин закрылся ото всех не только из-за угрожающей ему опасности, а чтобы его просто изначально никто и не подумал захотеть узнать?.. Он вырастил в себе эту скрытность в качестве адаптивного механизма, как ёж вырастил на своей спине иголки... – предположил Аскольд.

– Может быть, ты прав, – кивнула женщина-сова. – Прежде всего, это мотив безопасности: люди любят боль, и всегда найдут способ пораниться обо что-то... – сказала она. – А неизвестность – самый острый нож. В темноте может ждать что угодно! – на этих словах глаза женщины-совы вновь вскипели янтарём. – Ну а мотив номер два: Константин просто не для всех... – возникла пауза. – Но если мы хотим попросить у него помощи, быть может, есть смысл отправиться на кладбище?..

– На кладбище? – немного не понял Аскольд. – Зачем?

– Потому что он бывает там чаще, чем дома, – ответила женщина-сова. – Он сам сказал нам это.

В этот момент в дом Хельги Ивановны постучали. Почему-то женщина подумала, что это вернулась графиня Баранова, но на пороге стояла Даша с маленьким аптечным пакетом. Когда она увидела Астрид и Аскольда, пакет выпал из её руки.

Девушка с ярким шарфом бросилась обнимать друзей, залившись слезами счастья. Теперь и ей предстояло услышать ис-

торию о трёхдневных «приключениях» ребят и о найденных фотографиях. А когда Хельга Ивановна рассказала им о том, что приходившая графиня Баранова оповестила её, что Ристаль вселился в Никиту и вскоре высвободится, Астрид, Аскольд и Даша незамедлительно пожелали действовать. И было принято решение отправиться на Северо-А-Ваенское кладбище, дабы там найти Константина.

На улице было солнечно. Пели синицы и переливался, словно алмазная пыль, снег. Северо-А-Ваенское кладбище, со всеми своими тёмными деревьями, могильными плитами, с мертворожденным в них мхом и мощными почерневшими каменными крестами, совершенно не вписывалось в этот морозный, яркий, блестящий день.

Хельга Ивановна, на секунду отвернувшись, чтобы оглянуться на своих спутников, вдруг заметила женщину в длинном чёрном пальто. Она шла быстро и торопливо, углубляясь в кладбище, словно опаздывая куда-то. В руках у неё были две красные гвоздики, выглядевшие на фоне заснеженного кладбища двумя каплями свежей крови. Женщина, провожаемая взглядом Хельги Ивановны, закрывала голову капюшоном, и если бы, может быть, не ветер, выдававший незнакомку, извлекая из-под капюшона её фиолетовые длинные пряди волос, женщина-сова даже не узнала бы родственницу. Это была Минерва Мстиславовна. Несомненно. Через секунду её уже заметили и Астрид, и Даша, и Аскольд. Женщина с фиолетовыми волосами сняла капюшон, остановившись около одной из могил, вытащила морщинистую руку из чёрной бархатной перчатки и погладила холодное надгробие, возложив к нему цветы. Потом она закурила и продолжила молча смотреть на могилу. Возможно, она говорила что-то, но этого было не слышно, однако вряд ли Минерва Мстиславовна плакала.

– Да, вот так вот это и происходит... – выдохнул мужской голос, появившийся из ниоткуда со спины. Стоящие синхронно обернулись, сильно испугавшись. – И она приходит сюда, и я прихожу. Иногда мы даже проходим мимо друг друга... – усмехнулся мужчина. – Она отводит взгляд, не узнаёт меня. Удивительно, да? Тела, связанные некогда одной пуповиной, в какой-то момент отдаляются настолько, что один убеждает себя и всю жизнь считает, что второго больше нет! – Константин, словно нелепая, режущая глаза цветастая заплатка на одеяле из снежно-каменного кладбища, возник сзади Хельги Ивановны, Астрид, Даши и Аскольда.

– Боже мой, да как Вы умудряетесь появляться так неожиданно! – опешила Серова, выглядевшая в своей зимней одежде тоже, как тоже цветная заплатка или расписной платок.

– Я просто шёл к себе, – ответил мужчина, кивнув вдаль и запахнув свой пиджак-халат. Он был всё такой же, в своих обносках, с бородой, невымытыми волосами, шершавыми руками, грязными ногтями и всё также из-под его слов виднелись жёлтые фонари-зубы.

– Ты не скажешь ей, да? – шурясь от колющего ветра, гуляющего по кладбищу и от грусти, что нахлынула в такой момент, спросила Хельга Ивановна без надежды, зная ответ Константина и переводя взгляд то на Минерву Мстиславовну, то на её сына, что был на самом деле не в могиле, а здесь. Константин сначала ничего не ответил, но потом, закрыв глаза на несколько секунд, с добродушием пропустил через себя морозный воздух и хрипло произнёс:

– Я давно переборол свою злость на этот мир. По правде сказать, злился я тоже не долго, потому что так или иначе всегда знал, что моя судьба – судьба Лунного Ребёнка. Всё что я могу сделать для этой женщины – позаботиться о ней.

– У тебя большое сердце, Костя, – вздохнула женщина-сова. – С тысячелошадиной мощью.

– И иногда наша забота о других заключается в том, чтобы стоять на страже правды. Не всем нужна та правда, которая существует, ведь нередко она бывает суровой. И она – женщина, укутанная пляской чернозёма в её сердце, – он вновь посмотрел на мать-тень, стоящую вдалеке возле его могилы. – Она не тот человек, который бы принял и понял правду. Ей привычно доверяться и быть обманутой. Она предпочтёт поверить, но не про-верить.

– Думаете, она не будет рада увидеть Вас живым? – Даша всё никак не могла понять логику Константина.

– Она мне не поверит, – улыбнулся он. – И с этим ничего уже нельзя сделать. Она прожила так двадцать лет, и она при-выкла. Донный моллюск-Чернов присосался к стенкам её души, и вряд ли у неё есть какие-то подозрения, что всё, что с ней про-исходит – всего лишь солоноватый сон, навеянный братом. Ну а вы-то что тут делаете? – перевёл тему житель Северного леса.

– Не поверите, мы искали Вас, чтобы рассказать, как мы за-лезли в ту квартиру, о которой Вы нам говорили! – выпалил Ас-кольд. – Вот же удача!

– В ту, в которой собирается Братство? Вам удалось что-то узнать?.. – спросил он, по-настоящему волнуясь.

– Корней и другие схватили Астрид и Аскольда, а меня ра-нили в плечо! – Хельга Ивановна показала мужчине на то место, где под пальто был бинт. – Потом ребят увезли в дом к одному бандиту, оставив в качестве прислуги, но им удалось сбежать оттуда.

– А ещё нам удалось найти кое-что! – торжествующе про-изнесла Астрид. – Смотрите! – и она достала из-под куртки фо-тографии. Взгляд Константина забежал по снимкам. – Мы как раз хотели показать это Вам. Мы знаем, что Вы что-то знаете...

– Шамирам... – едва коснувшись фотографии кончиками пальцев с грязными ногтями, прошептал Константин. – Она становится всё безумней! Холод блуждал бы даже по венам этой фотографии, если бы они были!

– Кстати! – начала Астрид. – У нас очень много вопросов про эту женщину. – Её голос! Её демонический, тонкий, манящий голос... Её внешность, её странное поведение... – девушка посмотрела на Константина и слегка прослезилась от проникновения на ту глубину этой истории, на которую они ещё не спустились. Здесь было темнее, страшнее, но неизвестность уже не пугала так сильно.

– Кто она? – Аскольд обобщил слова долго собирающейся спрашивать Астрид.

– Она... она всё та же, что здесь, здесь, и здесь, – Константин пролистал фотографии, указывая на всех женщин в белом.

– То есть, как это – та же?... – не поняла Астрид.

– Шамирам – белая женщина со скрипучей коляской и демоническим, как вы говорите, голосом – мессия для Братства. Она для них – звезда, которая то угасала, то вновь зажигалась. Они, словно планеты этой звезды – всякий раз собирались вокруг неё сызнова. Каждое поколение думало, что их возглавляет новая мессия, наречённая предыдущей, но всё время, почти две сотни лет, пока существовало Братство Полной Луны – его возглавляла только одна женщина, мастерски реинкарнируя в разные тела и не теряя ни крупинцы памяти о прошлой жизни! – сказал Константин, щурясь. – Шамирам – несменяемая. И в ней ни секунды не было ничего человеческого. Она – дух в человеческом облике: и этому духу настолько далёк и чужд этот мир, что он не может существовать здесь долго. Поэтому она умирала и вновь возвращалась, но в разных телах. В разных, но вместе с тем похожих. Всех мессий звали разными именами, но они были хрупкими, с буквально идеальным лицом, и любили белый цвет.

А ещё от них веяло неподдельным, потусторонним холодом и они светились, словно неоновые лампочки. Члены Братства настолько были одержимы, что не находили в этом ничего странного, думая, что это всего лишь особенность. Запомните. Братство всегда возглавляло иноземное существо. И у него была ОДНА цель. Она тоже слишком хочет найти Ниферио-Ритио, но, я уверен, цель у неё на предмет всегда была своя, коррелирующая с целью Ристаля. И как бы она не мотивировала своих подопечных – она просто передвигает фигурки по шахматной доске. Шамирам в Братстве никогда никто не был равен, и она так умело убеждала их всех во лжи, что они просто разучивались искать правду. Они забыли, что может быть что-то кроме того, что говорит она и пророчит Ристаль. Она, безусловно, связана с ним и даже работает на него. Но кто она точно – я не знаю.

– Подождите. Все они – один и тот же человек?! Вернее, не человек... – переспросил, изумлённо, Аскольд и его передернуло. – Бррр! Вот ничего себе!

– Да! – кивнул Константин. – Умирала. Рождалась. Собирала клуб. Снова умирала. Опять воплощалась и опять собирала клуб. И так четыре раза. Она – как Ристаль, но только чем-то всё же отличается...

– Да как Вы умудрились всё это понять? Есть какие-то доказательства? – поинтересовалась Серова.

– Я чувствую энергетику неземных созданий. Я же видел Ристаля, собственно, за что и был изгнан из клуба, потому что чуть не вскрыл правду, которую Шамирам так оберегает. Она помогает Ристалю обрести тело, но делает это не теми способами, которые озвучивает всем им!

– Кстати о теле! – вспомнила Хельга Ивановна. – Ирина, одна из членов Братства, которая таит личную обиду на ещё одного члена Братства пришла ко мне в дом под предлогом поде-

литься со мной кое-какими тайнами, оберегаемыми в клубе из желания мести, сказала, что Ристаль поселился в Никите! В сыне Корнея! Шамирам действительно нагло врёт им всем, и для каждого у неё есть своя история! Всё сходится!

– О том я и говорил, – кивнул, чувствуя опасность, Константин. – Тело Ристаль уже обрел, а значит скоро найдёт и Ниферио-Ритио! Нельзя спускать с него глаз! Иначе всё, что вы сделали, и всё, что сделал я, окажется напрасным! – седые патлы жителя Северолесья перебирал ветер. Лицо его было одновременно обросшим, морщинистым, беспокойным, измученным и уставшим, однако в то же время неподдельно мудрым, одухотворённым, чистым и сияющим.

– Можно было догадаться, что Ристаль сидит именно в Никите! – хлопнул себя по лбу Аскольд. – Меня осенило! Помнишь, мы с тобой сделали вывод, что эта Шамирам общается с Никитой, как мать с сыном? – он обратился к Астрид.

– Тогда всё действительно указывает на то, что она оберегает его, потому что в нём – Ристаль! – сделала вывод Астрид. – Константин... – начала было девушка, вспомнив, что она должна была сказать ещё о кое-чём. – Быть может, это сейчас неуместно, но я совершенно случайно нашла дома обрывок нотного листка, на котором написана та мелодия, что я слышу в Особняке Ветра. И оказалось, что мелодия написана моей прабабушкой! Это колыбельная, в ней есть слова.

– Прочти-ка! – попросил Константин. Астрид прочла стихотворение.

– И потом текст и музыка обрываются. Конца нет... – пояснила она, растерявшись.

– Слушай, а это может быть связано с тем, что твоя прабабушка состояла в этих... в «Чёрных Рыбах»? – вспомнил, вдруг, Аскольд.

– В Чёрных Рыбах... – протянул Константин. – Насколько мне известно, половина из них или даже больше, умерли в психиатрической больнице... – вспоминал он. – Потом нашли ещё двоих, следовательно, это была твоя прабабушка и ещё одна женщина... знаете, кто она была? – спросил он и нелепо усмехнулся.

– Кто?! – с нетерпимостью спросила Астрид, готовая уже к любым «сюпрпризам» от своих родственников.

– Одилия Кирилловна Горецкая, та, кто была мэром Северного А-Ваена в пятидесятых! Не ждали такого поворота событий, да? – зубы Константина вновь сверкнули желто-зелёным. – Она, разумеется, была жива, когда я был в Братстве, и там об этом нет-нет да взбалтывали, порываясь уничтожить её, но потом они успокоились.

– Мэр?? В Чёрных Рыбах?.. – изумился Аскольд. – Да что за чертовщина!

– Всё равно, скорее всего, её уже нет, но... вы бы могли это узнать. И если она всё-таки жива, наверняка она хорошо знала Рогнеду Зейлер и у неё есть ответы на интересующие Астрид вопросы о музыке. Другое дело – захочет ли она на них отвечать?.. – призрак Северолесья оставил этот вопрос открытым, а когда Минерва Мстиславовна повернулась в их сторону и пошла к выходу с кладбища, Константин сказал, что ему тоже пора уходить.

Гонимая северным ветром, с кладбища уходила женщина, оглушенная немой грустью и убаюканная стенами аквариума, в который загнал её брат-моллюск. Она плыла, как чёрный лебедь по белому озеру, с то ли беззвучным, с то ли кричащим в её душе пленом несущества. Верёвка скорби на её шее затягивалась всё сильнее и сильнее. Снять её она не стремилась. Видимо, думала, что её оплетают прекрасные кусты розы, которые невоз

можно было упрекать в том, что они своими колючками сдавливают и режут шею, ведь головы их так прекрасны.

Она тихо благодарила брата за то, что он помог её сыну, спас его в нужный момент. Она благоговела перед поступком его, не зная, как в кровь и мясо сбивал костяшки её сын, что позже превратился в душу Северного леса. Она считала брата своим спасителем и своим благодетелем, но только он не был ни тем, ни другим.

Глава VI

ОСТАТОК НОТ

Марсель Сергеевич Матвиенко оставил свою дрожайшую супругу отдыхать во временно снятой им прекрасной Южно-А-Ваенской квартире, расположенной на тридцать четвёртом этаже панельной новостройки, а сам отправился решать дела по поводу продажи Особняка Ветра. Мужчина сидел на заднем сидении белого дорогого автомобиля и смотрел на мелькающие сбоку тёмно-голубые ели Северолесья, радуясь, что он видит их в один из последних разов. Лицо барона выражало полное умиротворение. Душой он был уже за границей, куда они с Катериной Мстиславовной должны будут отправиться через считанные дни.

Барон Матвиенко уже нашёл покупателя на дом.

Когда машина, в которой направлялся в Северный А-Ваен Марсель Сергеевич, подъехала к Особняку Ветра, что необычному одиноко и молчаливо стоял на фоне других мрачных особняков города с заколоченным входом, словно пленник, которому заклеили рот, возле

его ворот стояла всего лишь маленькая малиновая с белым ретро-машина. Это показалось бы слишком неправдоподобным Катерине Мстиславовне, Веронике Дориановне, Астрид... но не

Марселю Сергеевичу, ведь он не жил здесь даже года, не был породнён с этим домом, однако почему-то (вопрос был адресован судьбе) именно этому человеку выпал шанс распорядиться домом с историей, длиной в несколько сотен лет.

Возле ворот Особняка Ветра, как уже было сказано, стоял двухцветный ретро-автомобиль. Барон Матвиенко, слегла улыбнувшись, (хотя эта улыбка больше напоминала оскал), вышел из машины, надел свою тёмно-синюю, в тон сегодняшнему образу, шляпу и двинулся к малиново-белой машине, прекрасно зная, чья она. Завидев, что сюда идёт Марсель Сергеевич, сидевший за тонким и большим рулём мужчина встал со своего сиденья и открыл дверку со свойственным старым машинам резким звуком.

– Марсель Сергеевич, я не ошибся? – приветливо и слегка «скрипя» голосом, произнёс человек. Это был маленький, низенький, толстый седой мужичка с ровными, белыми, жиденькими усиками, закрученными кверху. Он был похож на мяч-попрыгун, такая была у него походка, а в этой смешной бордовой, нисколько не защищавшей от холода и прикрывающей лысую часть его головы береточке, из-под которой торчали, словно неаккуратно приклеенные клочки седых волос и в клетчатом малиновом мягком шарфике, намотанном поверх зелёного пальто, он выглядел ещё нелепее и смешнее, словно гриб, что норовил быстрее выбраться на поверхность из-под земли. Кроме того, он носил подстать своей фигуре круглые очки, а подбородок его свисал, не давая показаться шее. В карманах у этого улыбчивого добряка, похожего на цветастый бочонок с мёдом, всегда лежали то орешки, то семечки, то конфеты – он, как хомяк всегда что-то жевал, и когда он жевал, его усы так несуразно подпрыгивали, что трудно было сдержать смех. Это был Апполон Абрамович

Аллилуев – собиратель и продавец редкостей, любитель старины, антиквар. Он имел большую сеть антикварных магазинов в Южном А-Ваене, а также огромную личную коллекцию редкостей, и мечтал приобрести собственный музей под эту коллекцию – так было написано на его личной страничке в интернете, которую внимательно изучил Марсель Сергеевич. То же самое Барону Матвиенко антиквар протараторил на днях, во время их телефонного разговора. Когда же барон оповестил Аллилуева о том, что как раз собирается предложить ему то, что, как от дичайшего удивления сказал антиквар «нельзя продавать даже при самой острой на то необходимости», счастью Аллилуева не было предела. Апполон Абрамович ещё миллион раз спросил у Марсея Сергеевича, точно ли он собирается выставлять Особняк Ветра на продажу, и почему, собственно о нём, о бароне, никогда ничего не было слышно. В ответ на это барон Матвиенко рассказал Аллилуеву историю о том, что после смерти графа Зейлера, они с Катериной Мстиславовной сыграли свадьбу: теперь она хочет навсегда покинуть Северный А-Ваен, а дом её тяготит. Он также упомянул, естественно, с демонстративной горечью, что эра Зейлеров неуклонно движется к своему закату, поскольку Катерина Мстиславовна сама изъявила желание покинуть город, а её дочь – Вероника Дориановна – почти всё время проводит в Южном А-Ваене, и Астрид – внучка – уж тем более хочет жить в тех местах, что более пригодны для подростковых тусовок. Ей бы ближе к молодёжи, в Южный. Разумеется, всё это было не так, однако откуда это было знать Апполону Абрамовичу, которому просто не терпелось уже поскорее войти в свои будущие владения. Антиквар просто обожал Северный А-Ваен и всегда мечтательным взором окидывал Особняк Ветра, а сердце его, как сердце любого ценителя истории и старинной архитектуры, обливалось тёплой волной радости.

– Пройдёмте, – пригласил его Марсель Сергеевич, не желавший томить. Охранники, что стояли возле входа уже освобождали двери от деревяшек, которыми они были заколочены.

– Да-да! Конечно! – маленький Апполон Абрамович посеменил за бароном Матвиенко, что был почти на две головы выше его. В холле, как и во всех комнатах, было тихо, пусто и тоскливо. За пару дней отсутствия здесь людей дом даже будто бы успел уснуть.

– Разрешите, я бегло осмотрюсь здесь! – виновато протараторил антиквар и заснул в рот шоколадную конфетку.

– Осматривайтесь, – кивнул Марсель Сергеевич. – Но у нас с Вами всего пара часов. Надеюсь, Вам этого хватит. – безэмоционально изрёк барон и вручил Аллилуеву старый и новый план Особняка Ветра.

– О да, не беспокойтесь! – возрадовался усатый мужчинка и попрыгал осматривать коридоры и комнаты. Он оглядел ванную, Обеденный Зал, бегло прошвырнулся по Музыкальному Залу. Остановился в прихожей и долго разглядывал родословное древо Зейлеров. – Я вот не понимаю! Как вот с этим всем великолепием можно так просто распрощаться?.. – сентиментально и с благоговением, всплакнул антиквар, обращаясь к бесцельно расхаживающему по Коридору Сумерек и старавшемуся хоть как-то убить время Марселю Сергеевичу. – Граф Зейлер вряд ли захотел бы прощаться с этим Особняком! – заметил он с едва заметной ноткой укора.

– Слушайте, какое это имеет значение? – раздражался барон. – Граф Зейлер умер! То, что принадлежало ему – теперь моё, и я волен распоряжаться этим, как угодно мне.

– Понял-понял! – закивал, в страхе, головой Апполон Абрамович. – Пойду осмотрю библиотеку и второй этаж! – и он убежал в библиотеку, от волнения сминая в руках чертежи.

Антиквар осматривал старые, но невероятно прочные, сделанные из благородных пород дерева вместительные книжные стеллажи, что доставали до самого потолка и миниатюрную, притулённую сбоку последнего стеллажа лесенку, по которой можно было взобраться и достать какую-то из книг, которые стояли под самым потолком. Тут же, в библиотеке, очень гармонично висела свечная цепочная люстра, ютился деревянный письменный стол – любимый стол Дориана Альбертовича. Эта комната вообще была любимой комнатой графа Зейлера. Тут он проводил большую часть своего времени, особенно после смерти матери. И кроме графа тут очень редко кто-то бывал. Библиотеку часто называли «кабинет графа Зейлера», и с момента его смерти, она так и стояла одинокой. Здесь лежал красный персидский ковёр, на котором расположились старые кресла с тёмной обивкой и такой же диван. В библиотеке было темновато, потому что окно было завешено красной бархатной шторой. Антиквар ходил взад-вперёд, представляя, как прекрасно будет сидеть здесь вечерами, пить какао и изучать старинные книги, накрывши ноги тёплым клетчатым пледом. За столом, на стене, висел такой же персидский ковёр, что и на полу. По обе стороны от висевшего на стене ковра, стояли ещё два тяжелых стеллажа, набитые доверху книгами.

Неожиданно, Апполон Абрамович почувствовал тишину и несусветную эйфорию, от которой у него прямо-таки закрутило живот! Антиквар прислушался к тишине. Шагов Марсея Сергеевича слышно не было. Вероятно, барон либо вышел, либо сидел где-нибудь в Обеденном Зале. В любом случае, ему было совершенно не важно, что делает сейчас Аллилуев, которому в данный момент почему-то всё не давал покоя этот ковёр на стене. Появлялись бабочки в животе, ужасно тянуло в туалет. Что это была за неведомая сила?.. или, быть может, антиквар

был просто суверен?.. Апполон Абрамович взглянул на чертежи – на старый и на новый. Библиотека заканчивалась глухой стеной, но почему-то это его не успокаивало. Аллилуев слегка напрягся и немного отодвинул тяжёлый стеллаж с книгами так, чтобы под висящий ковёр на стене можно было просунуть ладонь. Шкаф еле как поддался, хрустнув, словно кости пожилого человека. Подобным звуком закрипел и паркет на полу. Апполон Абрамович прислушался: нет, барон Матвиенко по-прежнему не шёл сюда, и тогда антиквар, поднатужившись, отодвинул стеллаж ещё раз, и теперь гобелен можно было легко приподнять! И вот, что обнаружил пытливым Аллилуев – стена за гобеленом была совершенно не такая твёрдая, как остальные стены в доме! Постучав по ней, антиквар и вовсе убедился, что стена, скорее всего полая, а одна панель от неё и вовсе отходит, открывая взору ничто иное, как... тайную комнату!!! Посветив в образовавшуюся щель телефоном, Апполон Абрамович, не веря собственным глазам, снова схватился за чертежи.

– Погодите... – шёпотом говорил он сам себе. – Не может быть! Выходит, про эту комнату не говорили ни тогда, – взор его упал на чертёж восемнадцатого века. – Ни сейчас! – он посмотрел на новый чертёж Особняка Ветра. – Библиотека заканчивается глухой стеной... это просто удивительно! С ума можно сойти! – он чуть было не подпрыгнул от собственного открытия и помчался исследовать свою находку, не выключая фонарик на телефоне. Антиквар чудом втиснулся в образовавшуюся щель. Войдя, он обнаружил тёмную комнату примерно три на три метра с множеством коробок, покрытых щедрым слоем пыли. Здесь же находился маленький столик или какая-то приступочка... на ней друг на друге лежали две небольшие книжки в мягких, кажется, бархатных переплётах, а рядом стояло нечто, напоминающее керосиновую лампу с парой

рубинов в основании. Свет от телефона, отразившись в гранях алых камней, создал ощущение того, что на Апполона Абрамовича взглянули вдруг два чьх-то алых глаза. Антиквар сглотнул слюну и принялся листать книжки в бархатных переплётах, стараясь не обращать взгляды на странную лампу, которая, как ему казалось, почему-то проснулась и наблюдает за ним. Аллилуев бегло открыл одну из книг, тут же поспешно вдохнув в себя огромное облако пыли, что поднялось, когда он дотронулся до обложки. Зажав нос пальцами, антиквар попытался не чихать, однако его нос больше не мог терпеть.

Аллилуев громко чихнул.

– Апполон Абрамович! Апполон Абрамович, где Вы?! – назойливо шагая по паркету, звонко звал антикара барон Матвиенко.

«Ну в самом деле, не оставаться же тут!» – промелькнуло у Аллилуева, и он быстрейшим образом, не в силах бежать от собственного любопытства, пролистал книгу в бархатном переплёте, что оказалась на самом деле альбомом с фотографиями, засунул в карман, сам не зная зачем, первое попавшееся фото, не зафиксированное в альбоме. Он даже не успел посмотреть, что изображено на этом фото: нужно было срочно выбираться из комнаты, чтобы у Марселя Сергеевича не возникло лишних вопросов. Прислушавшись, Аллилуев понял, что Матвиенко уже идёт сюда, сурово стуча каблуками. Антиквар вылетел из комнатки и с огромным усилием задвинул стеллаж на место. Почти в эту же самую секунду, деревянные двери библиотеки открылись. Сюда вошёл Марсель Сергеевич.

– Ах, вот Вы где! Я Вас повсюду ищу! – слегка улыбнулся он краями губ, и тут же его улыбка сменилась подозрительностью. – О боже, Вы что, лазали под диванами и шкафами! Ей-богу, Вы же весь в пыли и паутине! – барончистоплюй поднял одну бровь с явным омерзением.

– Ой... – усмехнулся антиквар и достал из кармана горсть грецких орехов, суетливо засунув их в рот. – Кинул пальто на пол... жарко тут... Всё в порядке! – отшучивался он.

– Ну ладно, – кивнул, усмехнувшись, Матвиенко. – Вы уже всё осмотрели? Ничего у Вас не поменялось?

– Нет-нет! Вы что! Я несомненно сч...

– Вы будете покупать дом? – холодно оборвав его, и не желая слушать эмоциональные речи Аллилуева, спросил Марсель Сергеевич.

– Беру! Беру-беру! Ну конечно же я беру! – радостно восклицал антиквар, предвкушая, как он останется здесь один и наконец отодвинет этот несчастный шкаф, чтобы в полной мере погрузиться в комнату за гобеленом... и тогда уже не нужно будет ничего и никого опасаться.

– Ну тогда поедem и будем оформляться. Разумеется, завтра, как уже было оговорено, мои люди вывезут оставшиеся вещи моей жены, Вероники Дориановны, Бориса Дмитриевича и Астрид, Вы проведёте аукцион, и дом Ваш.

– Разумеется-разумеется! – закивал антиквар. – Поехали скорее оформлять договор!

Надо было очень постараться, чтобы выудить в администрации Северного А-Ваена информацию о том, жива ли некогда бывшая мэром города Одилия Кирилловна Горецкая, и где, собственно, она сейчас проживает. Вернее, с первым вопросом было довольно просто, а вот со вторым уже потяжелее, однако Хельга Ивановна, Астрид, Даша и Аскольд справились и с этой задачей.

Одилия Кирилловна Горецкая проживала в одном из особняков Северного А-Ваена, неподалёку от городского парка. Окна её дома выходили на большой искусственный пруд, что за десятилетия стал совсем как настоящий. Что называется –

прижился. Камышовое Поместье – так называлось это место. И не было места лучше, чтобы провести старость. Когда все четверо добрались сюда, Астрид позвонила в дверь. Открыла им крупная женщина лет пятидесяти трёх – на ней был слегка выпачканный смородиновым вареньем фартук, надетый на мягкий свитер в красно-сине-жёлтую полоску. На её голове был наскоро заплетённый хвост из каштановых волос с небольшой проседью. Она удивлённо улыбнулась, и за ней, прямо в пришедших, устремился запах дрожжевого теста и ягодного варенья. Кажется, эта была та же смородина, в которой был измазан её фартук.

– Простите? Я чем-то могу вам помочь? – не понимая, каким ветром сюда занесло трёх подростков и пожилую женщину с оранжевыми глазами, спросила она. Хозяйка дома, была, как видно, улыбчива и добра, голос её был милым, а щёки слегка полными, румяными.

– Извините. Мы ищем Одилию Кирилловну Горецкую. Она ведь здесь проживает?.. – виновато спросила Даша.

– Да, – удивлённо кивнула женщина в фартуке. – Здесь. А... что вам нужно?..

– Нам нужно поговорить с ней...кое о чём... – стараясь выглядеть не навязчиво, сказала Астрид.

– Вы простите, ради бога, но... боюсь, она совершенно не в состоянии связать и двух слов... – пожала плечами женщина, виновато и грустно улыбнувшись. – Альцгеймер... – добавила она. – Одилия Кирилловна совсем ничего не понимает, но... быть может я смогу вам чем-то помочь? – предложила она и вновь улыбнулась. – Я её дочь, Тать...

– Таня! – хриплый женский старческий голос донёсся и до пришедших. – Таня! Таня,пусти их! Подойди!!

– Проснулась! – прошептала женщина. – Пеку пирожки со смородиновым джемом, её любимые. Хочу порадовать. Думала,

успею... – пожала плечами женщина и снова улыбнулась, виновато и добродушно.

–...Таня!!! – донёлся вопль.

– Сейчас! – крикнула женщина, повернув голову к коридору.

– А о чём вы хотели поговорить? – спросила Татьяна.

– Это – правнучка подруги Одилии Кирилловны, – пояснила Хельга Ивановна, указав на Астрид. – Вскрылись кое-какие факты из прошлого, и ей нужно кое-что спросить у Вашей матери о её подруге...

– Хм... – задумалась Татьяна. – Вряд ли, конечно, мама ответит вам, но... вы, конечно, можете попытаться. Говорят, у них хорошая память на прошлое. Пойдёмте, я вас проведу! – и женщина, проведя гостей через просторный и увешанный пейзажами, тёплый коридор, оформленный шавелево-зелёными обоями, привела их в гостиную, где очень сильно пахло рубинового цвета геранью, что разрослась на огромном окне, корвалолом и старостью. Прямо по середине тёмно-синей большой комнаты, лицом к огромному белому камину, в инвалидном кресле сидела женщина, ноги которой были укрыты белой шалью, а белоснежные волосы забраны в шишку острыми железными заколками-спицами. Она сама была укутана в такую же белую шаль, какая была у неё на ногах. Старый проигрыватель играл фоном классическую музыку, а рядом с камином стоял небольшой аквариум с шестью чёрными, маленькими рыбками с хвостами-лентами. Символичнее этого, подумала Астрид, она уже не увидит ничего. Аквариум придал ей уверенности в том, что о «Рыбах» Одилия Кирилловна точно ничего не забыла.

– Здравствуйте... – войдя в комнату, изрекла Астрид.

Женщина не оборачивалась.

– Мама! – звонко воскликнула Татьяна. Женщина медленно развернулась, уставившись абсолютно отрешённым взглядом на дочь. Татьяна накинула на плечи матери шаль, что почти падала с них.

– А?! – отозвалась Одилия Кирилловна. Её лицо было словно застекленевшим и выражало один большой вопросительный знак и изнурение. Голубые глаза серели, складки нижних век устало нависали, как огромные мешки. Шея женщины имела много коричневых родинок и была похожа на бахрому. Еле-заметные губы Одилии Кирилловны шевелились, как неповоротливые, бескровные черви, а вот брови наоборот скакнули к самому лбу. Чароитовые серьги в серебряном обрамлении подёрнулись от поворота головы. Они были такими тяжёлыми, что казалось, что мочки ушей вот-вот порвутся. – Что, Таня?! Что это за люди? Это ты их привела?? Это они пришли?? – испуганно спрашивала она, норовя схватить дочь за руку цепкой, словно птичьей, костлявой и пятнистой рукой.

– Не знаю, кого ты ждёшь и о ком ты, но это – внучка Рогнеды Егоровны... как фамилия? – шепнула Татьяна Астрид.

– Зейлер! – подсказала девушка.

– ...Рогнеды Егоровны Зейлер! – улыбнулась матери Татьяна, стараясь говорить громче и не пугать таинственных посетителей.

Глаза женщины в инвалидном кресле округлились, а сухая рука потянулась ко рту, который тоже раскрылся, образовав большую букву «О».

– Тихо! – шикнула старуха и приставила длинный указательный палец ко рту, неподдельно испугавшись, а её глаза и голова забегали по сторонам, словно она искала кого-то невидимого, что был тоже здесь, в комнате. – Он достанет и меня, как достал её!!! Он убил её! Убил! Понимаете?? Его сила разрастается, как шаровая молния, и скоро он окрепнет и

нападёт на меня!!! Он сметёт всё на своём пути, точно сметёт! Таня! Таня!!! Спасай их! Спасай!!! А я уж как-нибудь сама!!! Спасай их, Танечка!! – Одилия Кирилловна расплакалась и засуетилась ещё сильнее. Она попыталась даже встать со своего кресла.

– Мама! Мама, всё хорошо! Не нужно никого спасать, никто не придёт! Где там твой фенозепам? – Татьяна скептически принялась успокаивать мать и елозить рукой по столу в поисках её таблеток. Женщине было стыдно перед пришедшими, и она вновь виновато улыбалась. – Я вам говорила, вряд ли получится поговорить с ней, сами всё видите. Уже третий день говорит про какого-то...имя не выговоришь... Ри.. Ристалья! Врач говорит, что бред усиливается и нужно увеличивать дозу успокоительного...

–...Ристалья?! – опешили Астрид, Даша и Аскольд в один голос.

– Он убил её!! Убил!!! И хотел убить её сыновей!!! Хорошо, что она смогла уберечь их от него! Спрятать все вещи, отправить сына куда подальше, а сама не успела! Не успела!!! – кричала Одилия Кирилловна, надрываясь.

– Кого убил? Кто убил?.. – преспокойно спрашивала Татьяна, глядя мать по морщинистой руке и пытаясь успокоить её. – Не пугай своих гостей! Не надо, всё хорошо! – она смотрела то на мать, то на пришедших, что пребывали в полнейшем шоке. – Нет никакого Ристалья!.. не знаю, откуда она это взяла! – шепнула посетителям Татьяна.

– Ристаль!!! Ристаль убил Рогнеду!!! – взревела Одилия Кирилловна, и её слова заставили прийти в шок всех присутствующих. – Она бежала от него! Бежала, чтобы всех спасти, и себя, и мальчиков!!! Но он достал её!! И убил! Убил!! Убил!!!

– Каких мальчиков?? – не понимала Астрид, пытаюсь говорить спокойно, но глаза её лезли на лоб от того, что говорила пожилая женщина.

– Своих сыновей, Дориана и... – женщина проглотила слюну и ни с того ни с сего больно вцепилась в руку Астрид, притянув её к себе. Одилия Кирилловна уставилась на девушку своими огромными глазами, а рот её будто бы провалился и упал.

– Мама! – вскрикнула Татьяна и принялась разжимать крепкие и цепкие пальцы матери, что словно клешни вцепились в руку Астрид.

– Она была там... со мной... только для того чтобы защитить своих ребятишек... она убивала магов...она была везде и нигде только для того, чтобы защитить сыновей!!! – продолжала, одержимо, женщина.

– Мама, чёрт возьми! Отпусти девочку! – выругалась Татьяна и старуха, отдёргнув руку, оторвала свой взгляд от испуганной и покрывшейся мурашками Астрид. Девушка недоумевала от слов Одилии Кирилловны и отстранилась от неё, встав поближе к бабушке и Даше. И теперь Астрид тоже заплакала. Сама не понимая от чего...

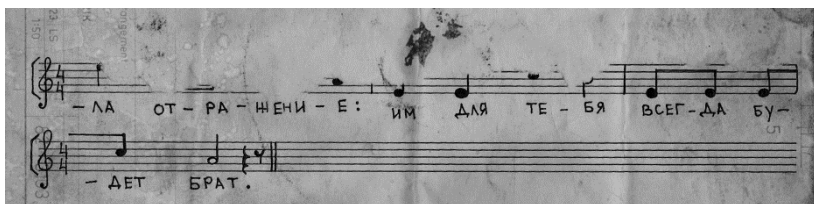
Одилия Кирилловна на минуту успокоилась, а потом из её глаз ручьём полились слёзы. Она отъехала от дочери и присутствующих поближе к камину и отвернулась.

Минута прошла в тишине.

– *В объятиях снега земля засыпает... сны свои рисует мороз... в доме пустом метель завывает... и укрывает шалью из слёз... В зимней истоме найдёшь ты спасение... всю свою жизнь будешь счастлив и рад...* – вдруг запела дрожащим, исказившимся от плача голосом женщина, безумно тоскливо и печально. Астрид мигом оживилась. Это же... это же песня

Рогнеды Егоровны!!! Та, ноты которой она обнаружила в крышке рояля в Особняке Ветра!!!

– ...А что дальше?.. – прошептала одними губами Астрид сквозь слёзы и с содроганием, потому что Одилия Кирилловна вновь затихла, словно зная, что именно на этом моменте в нотном листке был разрыв. Женщина оглянулась на девушку и подъехала к камину. Дрожащие руки Одилии Кирилловны потянулись к расколу в камине. Она извлекла оттуда маленький листочек, а затем подъехала к Астрид и развернула его с очень сильной боязнью – руки женщины тряслись сильнее обычного.

–...я для тебя создала отражение... им всегда для тебя будет брат. – допела Одилия Кирилловна в тот момент, когда развернула листок. Это был остаток Зимней Песни.

– Брат?! – не поняла Астрид.

– Что? – произнесла Хельга Ивановна.

– Адриан, – проскрежетала Одилия Кирилловна. – Его звали Адриан! Адриан спас Дориана от смерти!!

– Вы знаете, о чём она говорит? – ничего не понимавшая Татьяна была, по-прежнему, в недоумении от происходящего.

– Да...но...нет!! Подождите, Вы говорите, что у Рогнеды Егоровны было два сына, а не один?? – не понимал Аскольд.

– Её убил Ристаль!!! Убил!!! – снова зарыдала бедная женщина, глаза которой ещё не высохли от предыдущих рыданий.

– Отражение...брат... – задумалась Хельга Ивановна. – Такое чувство, что речь здесь идёт не о просто брате...

– Близнецы!!! – заорала Одилия Кирилловна, надрывая горло. На её шее выступили жилы от этого крика. – Адриан спас Дориана от Ристаля!!

– Что?! – не понимала Астрид. – Да как такое возможно?.. Не было ведь близнецов...

– Ристаль хочет всю свою жизнь украсть свет!!! Он хочет украсть то, что в твоём доме!!! – женщина вновь схватила Астрид за руку и уставилась на неё. Этот взгляд внушал страх.

– Ниферио-Ритио?.. – спросила Астрид, тихо.

– Ниферио-Ритио!!! Спрячь его, девочка!!! Спрячь быстрее!! Иначе Ристаль достанет его так же, как достал Рогнеду!!! Умоляю!!!

– А как выглядит Ниферио-Ритио?! – сердце Астрид учащённо забилося.

Татьяна в состоянии полного шока наблюдала за происходящим. Оказывается, все они знали, о чём говорит её мать.

– Оно всегда было в твоём доме, никогда не покидало его! Оно было невидимым, но только сейчас стало заметным! Спаси его, спаси, умоляю!!! – слёзно кричала Одилия Кирилловна и пыталась выпрыгнуть из своего кресла. Она стала кидаться на Астрид, и девушка отпрыгнула от неё. Татьяна оперативно поставила женщине укол – шприц наготове лежал на тумбочке. Одилия Кирилловна что-то пробормотала себе под нос и тут же закрыла глаза.

– Ради бога, простите, – отдышавшись, изрекла Татьяна, сгоревшая от стыда. – Извините. Надеюсь, вы понимаете...

– Да, разумеется... – кивнула Хельга Ивановна. – Не переживайте, всё в порядке...

– Но... мне показалось странным то, что Астрид вроде бы как понимала, о чём говорит мама! Как это возможно?.. – недоумевала женщина.

– Простите, но... вряд ли мы сможем Вам всё это рассказать... – развела руками Даша Серова, как-то виновато улыбнувшись.

– Ничего, – кивнула Татьяна. – Как Вам будет угодно...

Они вышли из дома полностью поражённые. Татьяна даже хотела положить им с собой своих пирогов, но они отказались.

– Она говорит, как думает её дочь, полный бред, но... на самом деле она так поражена прошлым, что не может это забыть... – Даша переваривала увиденное и услышанное. – Это свело её с ума... подумать только!

– Ты права, – кивнула женщина-сова. – Но про близнецов никто никогда не слышал...

– Я понять не могу, что из этого правда, а что нет! – всплеснула руками Астрид. – Ристаль, Адриан, Дориан... боже мой!

– И что Ниферио-Ритио, которое почему-то всегда было в твоём доме, только сейчас стало заметным! – добавил Аскольд. – А ещё, что Ниферио-Ритио – это какой-то свет...

– Нам нужно срочно узнать, что это, пока в доме не устроили аукцион! – спохватилась Астрид, и тут же увидела объявление на столбе, информирующее жителей города о том, что прямо же сегодня в Особняке Ветра пройдёт аукцион. Девушка решительно сорвала со столба лист бумаги, продемонстрировав его остальным. – Никита и Корней придут туда, я уверена! И мы не должны позволить им опередить нас!

В какой-то момент Хельга Ивановна вдруг внезапно ощутила, что ей нужно во что бы то ни стало рассказать

Аскольду о том, что говорила Ирина о потерянном ребёнке и медальоне, что их связывает. Сейчас или никогда.

Когда Аскольд услышал это, он, разумеется, захотел во всём разобраться.

Глава V АУКЦИОН В ДОМЕ ЗЕЙЛЕРОВ

А здесь судорогой сводило мосты,
И кусками задиралось детство.
Суеверные косые дожди
Превращали грязь в калёное тесто.
— Ермен Анти. «Так горит степь.»

...Он поднял свой сияющий рубиново-красным глаз-фонарь и тяжелейше вздохнул. Каким же всё-таки утомительным был процесс Создания. Процесс Рождения. Иногда Он чувствовал, что полностью контролирует то, что Он делает, а в другое мгновение процесс, будто бы, выходил из-под контроля, начинал жить своей жизнью, которую даже Создателю никогда было не постичь. Рубиновым фонарём-глазом освещалась неизведанная тропа, идущая из маленькой комнатки-мастерской – утробы, в которой жили или в тесной связи, или в полном разладе Создатель и Созданное. Они жили в маленьком пузце красного, светящегося, словно янтарь, светлячка, и другого дома им было не сыскать. Он только создавал. Создавал. Создавал.

Руки петляли по холодному Изваянию, пахли едкостью и гарью. На грязном столе лежало несколько рубинов – таких же, как его сияющий глаз – цвета зимнего морозного рассвета. Рубины готовились стать частью Его Творения, что после Его смерти даст вновь Ему познать сладость земной жизни, вернёт Его сюда на сотни и даже тысячи таких жизней! И не бы-

ло грехом потратить всего лишь одну, чтобы обеспечить себе Бессмертие. Созданное вернёт Его сюда даже тогда, когда глаз-рубин перестанет, отчаявшись, искать выход из клетки-могилы. Созданное возродит Ему надежду из Ничего, позволит вспомнить, одарив памятью, как вскипал в Его грудной клетке обман для смерти, который Он готовил, будучи живым.

Он знал, что спустя десятки, а может и сотни лет Его рубиновый глаз откроется сквозь холодную землю и прожжёт для Него Новый Путь.

И он открылся.

Он горел ярко.

Теперь Он чувствовал, как перетекает по венам кровь, пробуждая Его от похожего на Вечность сна. Теперь Он – не бестелесный дух. Теперь у Него была кожа, голос, ощущение. У Него снова было тело. А это значит, что до того, как Он найдёт своё Созданное – остались считанные часы. Часы – ничто в сравнении со временем, которое Он, в любом его проявлении, считал всего лишь песчинкой.

Он видел, как время и пространство соединились и бешено затанцевали, унося Его в свой страстный танец, исполненный под софитом рубинового фонаря. И свет этот звал Его в неведь откуда появившийся перед Ним дом – огромный и старый особняк, стоящий в городе, обнятом бирюзовыми и пушистыми елями. И то ли это дом завладел вдруг Его голосовыми связками, то ли у Него самого вновь пропал контроль, как в далёком прошлом, ещё при Создании, но что-то вдруг заставило Его вскинуть руки вверх и закричать:

– Я НАШЁЛ! – крик донёсся до макушки каждой из этих елей, а потом, шквалом из множества осколков, посыпался вниз по какому-то, ведущему бесконечно глубоко вниз тоннелю, словно эхо от блестяще сыгранного глассандо.

Никита жадно хватал воздух, подпрыгивая на кровати, и тут же с грохотом обрушивался на неё, видя, что он прикован к ней ремнями за ноги и руки. С лица его струился холодный пот, во рту было сухо, как обычно бывает на утро после удачной вечеринки, а на запястье запеклась рана, сдавленная ремнём.

Вокруг него были белые стены и ещё пара пустых кроватей. Чернов в панике оглядывался по сторонам, в надежде понять хоть что-нибудь, но вокруг всё так же была тишина, а сон, что он только что видел, было не отличить от реальности. В голове диким лязганием билась о стены черепной коробки какая-то мысль. Мысль, что во сне, кажется, была ясна, как день, а теперь без следа пропала и схлопнулась.

– Прямо у особняка Зейлеров?.. – изумлённо переспрашивала Лилия Львовна Пурис, широко раскрывая при каждом слове свои глаза, щедро накрашенные тушью и тёмными тенями.

Корней Мстиславович, весь побледневший и вспотевший, судорожно кивал.

– Да! Прямо там!

– И что, что он говорил?! – тараторил Морис Петрович Гордиенко, стоя прямо вплотную к тяжело дышавшему от испуга, возбуждённому графу.

Они сидели вокруг взмыленного, взъерошенного и перепуганного Корнея Мстиславовича в конференц-зале «Синего Луча». Сейчас здесь были все, за исключением Шамирам.

– Он ни с того ни с сего поднял руки вверх и заорал: «Я НАШЁЛ!» – никак не в силах перевести дух, выдыхал Корней Мстиславович. – Я уверен, что он нашёл Ниферио-Ритио в доме Зейлеров!

– А что произошло потом? – подключился Рогволод Геннадьевич.

– ...Его затрясло! Он стал меняться: лицо исказилось, а через секунду стало совершенно иным, обретая не свойственные ему до этого момента изгибы и линии! Его обволок тёмный дым, словно он загорался, а потом он стал хвататься за голову, словно в его ушах невыносимо сильно зазвенело. Он стал кричать, рычать, как зверь, кидаться на меня, а потом случились сильнейшие судороги, и он облил меня пеной изо рта, как пивная бутылка! – граф поморщился, продемонстрировав Братству свои выпачканные в пене воротник и рукав пальто. – С ним еле как справилось шесть врачей! Не понимаю, что это могло быть... словно силы его приумножились раз в сто!

– Значит, Никиту увезли? – спросила Ирина Николаевна Баранова.

– Да, – кивнул Корней Мстиславович. – Вкололи изрядную дозу успокоительного и увезли прочь! Я не понимаю, не понимаю, что случилось с ним!! – граф Чернов изумлённо кивал головой. Случившееся сильно потрясло его.

– Ты всего не знаешь, Корней... – начала графиня Баранова. – Это Ристаль выбирается из твоего сына. Шамирам не сказала тебе об этом, но это так.

– Чего?.. – граф Чернов покосился на женщину так, будто она помешалась. Другие члены Братства тоже уставились на неё, но с ужасом и презрением. Шамирам ведь предупреждала не говорить Черновым об этом. – Чего ты несёшь? Ристаль находится в браслете! Но не...

– ...Ристаль живёт и жил в твоём сыне, Корней... – с горечью произнесла Ирина, задевшая то, что было запретно.

Остальные молчали.

– Чушь собачья! – отмахнулся, невесело усмехнувшись, потрепаный граф. – Да и вообще, если бы и был это Ристаль – какой ему смысл так бросаться на меня и плевать пеной? Мой

сын – на голову отбитый щенок! Он просто вынудил меня сдать его в дурку!

– Откуда ты можешь знать, как именно Ристаль придёт в наш мир, и почему ты так уверен, что живёт он в браслете? – не унималась Баранова.

– Ристаль никогда не вселялся в людей, вот почему! – огрызнувшись, изрёк Корней Мстиславович. – Да, он помогает Никите, но лишь через браслет. Я уверен, что браслет указал ему на дом Зейлеров, потому что именно там находится предмет, и мы сможем проверить это сегодня, когда там будет аукцион. Я отправлюсь в больницу и заберу браслет мальчишки, но сам он в обязательном порядке должен оставаться там!

– Да как же ты не понимаешь! – всплеснула руками графиня Баранова. – У Шамирам своя игра! Тебе она сказала, что вместилище Ристаля – браслет, а нам – что Никита всегда был утробой для того, чтобы дух Ристаля постепенно рос и набирался сил, чтобы выйти!

– Заткнись! – вступилась Пурис, боясь, что за слова Барановой придётся отвечать перед Шамирам и Ристалем им всем.

– Не думаю, что Шамирам врала бы мне и Никите! – стиснув широкие брови к переносице, прорычал вымазанный в пене и поте граф Чернов. – Если ты хочешь включить мамочку и убедить меня от МОЕЙ грядущей победы – то я скажу тебе так: иди к чёрту! – одержимый Корней Мстиславович замахнулся на женщину, сверкая бешеными глазами. Та вскрикнула и отпрыгнула от него на пару шагов. – Я знаю, что мальчишка должен был быть наказан! Слишком много он пытался взять на себя, но ничего. Теперь настал мой черёд! – вкрадчиво произнёс граф. – То, что случилось с Никитой – было предупреждением для меня и для вас! Я избавил вас всех от опасности, осталось лишь забрать у него браслет и идти за этим браслетом-компасом, пока он не вскипит! Сын одержим, и поэтому, отныне, искать за него

Ниферио-Ритио буду я! – торжественно произнёс он, словно сам себя коронуя.

– Ты совершаешь ошибку... – произнесла, шёпотом, Баранова, питая последнюю надежду вразумить сходявшего с ума от жажды власти графа Чернова, совсем не вовремя и абсолютно опрометчиво поймавшего за хвост свой звёздный час.

– Что ты можешь знать о моём сыне такого, чего не знаю я? – прищурился граф и встал над женщиной, словно острая скала. – В любом случае, нельзя ни в коем случае позволять чудовищу, коим на самом деле является мой сын, прикасаться к Ниферио-Ритио впредь! Нельзя отдавать сокровище, что искали мы и наши предки в руки сумасшедшему мальчишке, потерявшему остатки здравого смысла! Не известно, что произойдёт с сокровищем, когда псих возьмёт его в свои поганые, гнилые руки, а главное, что произойдёт с Ристалем, что явится к нам! Наконец, нельзя вообще давать Ристалу встречаться с Никитой!

– Что ты хочешь этим сказать?.. – уточнил Морис Петрович.

– А то, что отныне мы априори не должны допускать Никиту до дел Братства! Я возьму на себя его и свои полномочия! Я всегда знал! Всегда, что в нём теплятся зачатки кровожадного маньяка! – бесновался граф Чернов, и от его эмоциональной речи, в членов Братства летели слюни. – В его голове нет и не было разделения на друзей и врагов, и если ему захочется – он начнёт убивать всех, без разбора, и поэтому я всегда держал с ним ухо востро! Если он захочет, то забудет лица всех вас, превратив их в мишени, на которых можно отработать удар! Поэтому я всю свою жизнь относился к нему с величайшим подозрением! Сомнений нет – его засахаренные и извращённые мысли об успехе и славе всю жизнь делали из него безмозглого монстра! Мой враг и мой конкурент сидели в нём всегда, однако же социальная моя роль не предполагала, чтобы я к нему относился

так, как он того заслуживает! Моралисты всю жизнь диктовали, что отец должен любить своего сына, но моралисты умрут, потому что любовь к врагу не принесёт этим гнидам ничего, кроме скорой смерти! У меня всегда была своя мораль – мораль осторожности и осмотрительности! Именно благодаря ей я пресёк его припадок и обезопасил себя и вас! Потому что если вдруг он решит убивать, то первыми, кто попадёт под его прицел – станете вы.

– Да почему?? – не понимала графиня Пурис. – Он всегда был с нами! С нами и с Шамирам!

– Да разве он захотел бы делить с нами Ниферио-Ритио, если бы мы дали ему возможность? Нет! Не захотел бы! Ещё я очень сомневаюсь в том, что он бы не прицелился бы в Шамирам, и глазом не моргнул бы, несмотря даже на то, что она вечно покрывала и защищала его! Он бы уничтожил и её! – горячо проговаривал граф, уже встав будто бы на воображаемый пьедестал, который сам себе и поставил.

– Ты так уверен в своих словах, Корней... – голос Шамирам неожиданно донёсся из темноты зала. Присутствующих передёрнуло. Она всё это время была здесь, а заговорила только сейчас, гипнотически-холодно, и в её голосе слышалась перчинка любопытства и насмешливости! Она позволила выдать тайну, что доверяла всем, кроме Черновых, а может, это была вовсе не тайна, а всего лишь инструмент, чтобы испытать их или же расколоть между собой?.. – Ты, как только увидел, что с твоим сыном происходит то, что не вписывается в твои иллюзорные рамки и то, что ты не в состоянии объяснить себе и понять, сразу выбрасываешь его, как ненужный хлам и встаёшь на его место, забираясь по горе ЕГО достижений, и даже бровью не ведёшь! А ещё настраиваешь всех против того, кто помогал нам!.. Думаешь, если тебе удалось почувствовать сладкий запах власти, то тебе удастся и перехватить место Никиты? Ты заблуждаешься!

– Ты не права! – возразил граф, взглядываясь в темноту. – Ты просто слишком любишь его! Эта любовь делает тебя слабее!

Шамирам медленно выехала из темноты зала. Она улыбалась графу Чернову рядом идеальных белых зубов, как улыбается обычно учительница первокласснику, что не в силах решить простую задачу.

– А ты любишь только себя! – изрекла она. – Тебе всегда было плевать на сына. Он был для тебя пустым местом, и ты всей своей ничтожной душонкой искал любой способ сдвинуть его и занять его место, присвоив себе всё то, чего добился он! И сейчас ты счастлив, потому что у тебя, наконец, появился повод назвать его невменяемым. Но это не так! – она изрекла это преспокойно и высоко, как и всегда. – И ты сам убедишься в этом, если отправишься в больницу. Отправляйся туда сейчас же, забирай браслет, который ты хотел забрать! У нас мало времени! – она улыбалась, будто знала, что ждёт его там. Ситуация явно забавила женщину-моль. Остальные наблюдали за диалогом графа и мессии с осторожностью, но она играла. И это видели все, кроме Чернова, который из-за своего возбуждения и потрясения, был, увы, ещё и внушаем, ведь она и борьба за власть в её глазах была для него тем самым лакомым кусочком.

Через минуту, граф Чернов уже запрыгнул в свой автомобиль и на всех парах помчался по направлению к больнице, с надеждой удостовериться в том, что Никита уже никогда не будет прежним.

Мужчина, провожённый врачом, влетел в палату, и его сердце учащённо забилося. Никита лежал на своей кушетке, по-прежнему прикованный к ней ремнями за руки и за ноги. Лицо его было отвёрнуто к стене, виднелись жилы, вздыбившиеся на шее и присохшая к коже пена. Было слышно его тяжёлое и хри-

плое дыхание. Никита явно не спал, но и на приход отца он тоже не среагировал. Граф Чернов, удостоверившись, что он тут один, слегка придвинул к кровати сына стул и сел.

– Ну? Доигрался? – усмехнулся он, обращаясь к сыну всё так же беспристрастно.

Никита молчал.

– М? – повторил Корней Мстиславович, но трогать руками сына не решался.

Никита заговорил.

Однако голос его ему не принадлежал. Услышав совершенно другой голос, идущий из сына, граф с испугом отодвинулся от него прямо на стуле, с ужасом понимая, что перед ним действительно сейчас не Никита. Чернов-младший повернул голову с хрустом шеи, заставив отца полюбоваться своим новым лицом: черты его были скошенные и грубые; нос стал похож на клюв хищной птицы; надбровные дуги подались вперёд, а на подбородке появилась тёмная щетина. Глаза превратились в красные, а волосы вспыхнули, словно, настоящим пламенем. Майка во многих местах была порвана и тоже залита пеной и потом. Теперь сомнений не было: на Корнея Мстиславовича из двадцать первого века смотрел никто иной, как Ристаль Унгольд из девятнадцатого.

– Узнаёшь? – оскалившись огромным количеством заострённых, как у рыбы, желтоватых зубов, произнёс демон. – Папа!! – саркастично взмолился он, вмиг снова сменив голос на Никитин, и залился злобным смехом. Он смотрел на абсолютно поражённого и потерянного графа Чернова угрожающе и с усмешкой, как если бы перетёк в сына отцовский язвительный и уверенный взгляд. Корней Мстиславович в миг превратился в мышь, что, чудом избежав мышеловки, боится всю оставшуюся жизнь вообще вспоминать о них. Граф не понимал, почему, смотря на сына, ему видится Ристаль?.. он не верил своим гла-

зам! Он отказывался верить! В его мыслях Ристаль, который, якобы живёт рядом с Никитой – превратился в метафору, заросшую тернистыми годами пустых поисков Ниферио-Ритио, превратился в не более, чем легенду. Но сейчас перед ним был именно он – оживший персонаж из легенды. Он смотрел на него рубиновыми глазами через остатки тела сына. Он видел сейчас, что видел. И убеждать себя в обратном – то есть обманываться, будучи уже обманутым – было никак нельзя. Двойное отрицание, по логике, это – утверждение.

– Что ты такое?.. – в ужасе прошептал Корней Мстиславович.

– Твой сын! Ты что, не узнаёшь меня? – снова бас демона сменился слёзным голосом Никиты Чернова, словно он уменьшился до размеров маленького жука и сидел там, внутри своего же тела, крича о помощи через демона, что им завладел.

– Ты не Никита! – твёрдо воскликнул Корней Мстиславович, отодвинувшись. – Где мой сын?!

Ристаль громко засмеялся.

– Мне смешно! Как же мне смешно! – пробасил демон. – Бедный мальчик! Он столько лет пытался сделать так, чтобы ты его заметил! Столько лет пытался заслужить любовь отца, в то время, как отец заслуживал на самом деле самых ужасных пыток! А что делал ты? – взревел Ристаль, устремив едкий красный взгляд прямо в глаза Корнею Мстиславовичу, дёрнувшись на кушетке так, что она едва не упала, заставив графа вздрогнуть. Ристаль набросился бы на Чернова, если бы не ремни, что сдерживали его.

– Как я мог любить монстра? – возразил отец.

– Да ты прямо святой какой-то, граф... – показушно удивился демон. – Ты ведь сам его таким сделал! – взревел Ристаль, вновь дёрнувшись на кушетке. Его глаза сверкнули красным, а на лице появился оскал из сотни коротких и острых зубов. – Ты

всю жизнь стыдился его! Стыдился его в детстве, потому что твоя жена предпочла тебе своего брата! Ты пытался тщетно разглядеть в нём себя, но с того самого дня, в который ты узнал, что он – не твой родной сын – ты делал всё, чтобы избавиться от него! В каждом твоём взгляде, в каждом твоём поступке по отношению к сыну была твоя ненависть к жене и шурина, потому что Никита – считал ты – квинтэссенция твоей разрушившейся судьбы, которую разрушил ты сам, но был не в силах справиться с этим и поэтому приписал это разрушение Никите.

– Какая тебе разница, что происходило между моей женой и шурином? – посерьёзnel граф. – Это тебя не касается, кем бы ты ни был!

– Это всё, чему ты хочешь возразить? – Ристаль усмехнулся, подняв чёрную бровь. – Ты конкурировал с сыном каждую минуту своей жизни, соперничал! А пока ты видел в нём соперника, – бас демона снова сменился хриплым, плачущим и воспалённым голосом Чернова-младшего. – Я видел в тебе отца... – слёзно протянул он.

Глаза графа Чернова округлились, и он схватился за остатки своих волос. Эти игры со сменой голоса – были действительно психологическим насилием, которым охотно орудовал красноглазый демон.

Ристаль вновь ядовито засмеялся.

– Надо ли говорить, как ты плевался желчью, когда Шамирам стала превозносить его, а не тебя? Ты ведь всю жизнь желал к себе такого отношения, годы проводил в клубе, но Никите было достаточно прийти туда единожды, и она сразу полюбила его, как мать! – веселясь, рычал Ристаль, скалясь своими зубами и сверкая алым взором, питаясь опустошённой и страхом, который пронизывал сейчас отца с ног до головы. – Такого положения для себя желал ты, но оно досталось плоду инцеста! Ты так долго ломал голову, чем ты хуже этого мерзавца-сопняка, но

так и не нашёл ответа! На лице твоём всегда была суррогатная грусть, чтобы никто не упрекнул тебя в том, что ты на самом деле – предатель! Ты никогда не гордился им! Но что ты скажешь на это? – Ристаль оскалился и обратил свой взгляд на запястье, которое было обрамлено ремнём. – Ну же, отодвинь ремень и посмотри! – приказал демон. Корней Мстиславович сначала боялся подходить к Ристалу близко, но любопытство брало верх. Граф дрожащими и вспотевшими руками отодвинул наручник, под которым должен был быть браслет, и увидел огромный ожог на запястье: кусочки кожи во многих местах почернели, а кровь запеклась. В обожжённое тело невесть как было «влито» вскипевшее серебро, что теперь соединилось с тканью тела! Ожог был такой сильный, что сквозь смесь из обуглившегося мяса, расплавившегося и теперь застывшего в коже металла, проглядывала белая кость. Корней Мстиславович скрипел и тут же снова с отвращением отстранился от столь мерзкой картины. – Да-да. Это именно то, о чём ты думаешь! – прорычал Ристаль, который, видимо, не чувствовал боль в отличие от Никиты. Демон продолжал ядовито улыбаться своими бесконечными короткими рыбьими зубами. – Он уже нашёл его. Нашёл его ДЛЯ МЕНЯ! – уточнил он. – И что ты сделаешь сейчас? – хохотнул Ристаль. – Выцарапаешь браслет из кожи сына и будешь использовать его, как компас, или, может быть, отрежешь всю руку, а потом найдёшь Ниферио-Ритио, принесёшь его в клуб и скажешь, что всё это – твоя заслуга? Хитрый план, граф, да только вот у тебя ничего не выйдет! – Ристаль сверкнул алыми глазами, а граф Чернов взял в руки табурет, на котором сидел, и замахнулся ножками стула, в надежде уничтожить разозлившего его демона. Он ударил прямо ему в лицо, почувствовав, как ножка вошла во что-то мягкое, а когда Ристаль перестал издавать звуки, Корней Мстиславович «вылез» из-под своего стула-щита, и взглянул на демона, что был в теле его сына.

Ножка стула вошла прямо в левый глаз Ристалья-Никиты, «нарисовав» огромный шрам, идущий ото лба, через глаз. Корней Мстиславович пришёл в ужас: на месте той дыры, которую он сделал в глазу демона стулом – зажегся потусторонним огнём алый фонарь, ослепивший теперь графа! Когда рубиновый фонарь набрал яркость, Ристаль по своей привычке снова оскалился, но теперь его зубов было, будто бы, ещё больше! Корней Мстиславович не верил своим глазам: он сам завершил превращение сына в Ристалья!!! Он сам нанёс Никите ту травму глаза, превратив его в настоящий фонарь, прямо как тот, что был на рисунке Константина! И даже шрам был точь-в-точь таким же! Граф Чернов будто бы самолично «завершил картину».

Затем Ристаль в два счёта освободился из оков ремней и взлетел прямо к потолку. Тело его стало больше, чем было Никитино – именно поэтому брюки и футболка трещали по швам.

– Так ты всё это время мог выбраться? – смотря в потолок, ошарашенно спросил граф Чернов.

– Естественно! – возбуждённо произнёс демон. – А теперь, прости, папуля, у меня есть дела! Я должен вернуть себе лампу, что искал все эти годы! – с этими словами, Ристаль приблизился к графу, схватил его за грудки и со всей своей силы швырнул его в белую стену. Корней Мстиславович разбил затылок и упал на пол без сознания.

Ристаль-Никита пулей вылетел в оконное стекло, разбив его вдребезги собственным телом, и, полетел прочь.

Ему нужно было наведаться на аукцион, что через час начнётся в доме Зейлеров.

Время подходило к вечеру.

Апполон Абрамович Аллилуев готовился проводить аукцион прямо в Обеденном Зале Особняка Ветра. Он бегал по дому, перевозбуждённый от своей главной и большой покупки. Ан-

тиквар заботливо, но не понятно зачем, менял местами стоящие на столике предметы, предназначавшиеся для продажи. Их было не так много потому что Аллилуев хотел сохранить большинство вещей здесь, и у него получилось уговорить на это барона Матвиенко. На самом деле, будь воля Апполона Абрамовича – он бы вообще не устраивал никаких аукционов, потому что каждую старинную вещичку – будь то даже моток старых шёлковых ниток – он отрывал от сердца с большой болью. Но, впрочем, «аккуратный аукциончик» – как говорил Апполон Абрамович – не нарушит красоту этого огромного дома, не вынесет из него всей старины и присущего только ему духа.

К шести часам вечера всё было готово. На улице стемнело, и двери Особняка Ветра открылись для всех желающих что-то приобрести. Охрана, поставленная здесь Марселем Сергеевичем, свой пост покинула. Стали приходить люди, заинтересованные в покупке товаров. Астрид, Даша, Аскольд и Хельга Ивановна тоже находились почти рядом с Особняком Ветра. Апполон Абрамович, что был настоящим профессионалом в аукционном деле, ловко, но с ноткой грусти распродал товары, назначая им стоимость. Это были и вазы из фарфора, и серебряные статуэтки, старого переплёта некоторые книги, керо-синовая лампа с двумя большими рубинами в основании... сюда пришло совсем немного человек, но все они были любителями подобного рода мероприятий.

Аукцион длился всего полчаса. Люди, приобретая понравившийся товар, или же, расстроившись, что за то, что приглянулось им, предложили сумму больше, чем они могли потянуть, покидали Особняк Ветра, благодаря Апполона Абрамовича за интересное мероприятие. Разумеется, люди были совершенно шокированы, что Зейлеры продали своё родовое гнездо. Но когда Апполона Абрамовича покупатели завалили вопросами об этой семье, он, по факту, ни на один ответить не мог, потому что

ему никто ничего не объяснял и возможности поговорить с кем-то, кроме барона Матвиенко у него не было.

Ну что ж. Решение Зейлеров было решением Зейлеров.

Забрав покрытую позолотой керосиновую лампу с двумя, словно красными глазами, рубинами, княгиня Ольга Владимировна Середа выходила из дома, не переставая обмениваться любезностями с жующим Апполоном Абрамовичем, что был с ней тоже как-то по-особенному мил. Они были старыми друзьями, ещё из университета, и сейчас встретились спустя много лет. Наконец, закончив разговаривать, княгиня села в свой автомобиль, стоявший здесь на обочине и направилась к своему дому. Она жила неподалёку.

– Лампа! – воскликнула Астрид, когда увидела разговаривающих на крыльце полного мужчину и эту высокую худую женщину, держащую в руках керосиновый предмет освещения.
– Ну точно!!!

– Что? – переспросила Даша, уловив бурную реакцию подруги.

– Одилия Кирилловна говорила, что то, что ищет Ристаль – даёт свет! Я уверена, это лампа!!

– Она права, смотрите! – крикнул Аскольд, с ужасом показав пальцем на небо, откуда, будучи в метрах пяти над землёй, на них смотрел Никита Чернов, один глаз которого сиял ало-рубиновым огнём и сейчас, в темноте, выглядел ещё более устрашающе. Он очень поменялся, будто прошло лет десять с их последней встречи – лицо Никиты стало совсем другим, а тело увеличилось и окрепло.

– Я знаю, что Ниферио-Ритио здесь!! – зарычал, словно зверь, Ристаль.

– Какой ужас! Что с ним?! – опешила Даша.

– Он почти завершил превращение! – сведя брови и сверкая оранжевыми глазами, произнесла Хельга Ивановна, не выпуская из поля зрения демона.

Ристаль-Никита пулей влетел в окно Обеденного Зала с улицы, разбив его точно так же, как он разбил окно больничной палаты. Демон накинулся на стоящего здесь Апполона Абрамовича и свалил его с ног.

– Куда ты его дел?! – взревел он, светя глазом-фонарём и сверкая острыми зубами, проревел Ристаль.

– Кто вы?! – опешил Аллилуев. – О чём вы говорите?! – испуганно вскрикнул он. Его очки отлетели в какую-то другую сторону. Антиквар видел перед собой горящий рубиновым фонарь и огромный рот странного и сильного лежащего на нём мужчины.

– Отвечай, где оно?! – не унимался рубиновоглазый монстр, клацая рыбьими зубами.

– Да ЧТО?? – плакал Апполон Абрамович, дрожа.

– Он ничего не знает! – Астрид влетела в Обеденный Зал в компании бабушки и двух друзей. – Отстань от него! – крикнула она.

Ристаль ядовито рассмеялся.

– Думаешь, ты можешь напугать меня? – взревел он. – Не сомневайся, я найду то, что ищу! – и с этими словами он слез с антиквара и ринулся к другому окну, вновь разбил его своим телом и вылетел прочь из Особняка.

– Вы в порядке? – Хельга Ивановна подбежала к лежащему без сил и до смерти напуганному Апполону Абрамовичу.

– А Вы бы были в порядке, если бы на Вас смотрел красноглазый мужчина и требовал что-то ему отдать? – антиквар задал совершенно логичный вопрос. – Я так радовался, что купил этот дом, а теперь меня в нём же чуть не убили! Тьфу! Я звоню в полицию! – охал он, пытаясь встать. Ребятам нечего было делать,

антиквар уже набрал номер. – Алло, алло, полиция? Да, здравствуйте! – тараторил Аллилуев. – Ко мне в окно только что влетел мужчина с глазом-фонарём! Да-да, прямо светился! А потом улетел, да-да, а откуда вы... – и на том конце провода положили трубку. Апполон Абрамович недоумённо посмотрел на ребят и Хельгу Ивановну. – Сказали, надо было звонить в скорую...

– Вы что, думали, что Вам поверят? – невесело усмехнулась женщина-сова.

– Ну конечно же я думал! – всплеснул руками антиквар. – Этот дом перестаёт мне нравиться!.. – поёжился он, и его белые усы смешно запрыгали

– Может, я зря его купил!

– У этого дома уже есть хозяева, и всегда были, – кивнула Астрид. – Не знаю, как так получилось, но...

– Марсель Сергеевич Матвиенко продал его мне, милочка! – возразил Аллилуев.

– А я родилась и жила в нём семнадцать лет! – слова Астрид заставили Апполона Абрамовича с удивлением вскинуть брови.

Корней Мстиславович, как только очнулся, сразу же направился назад, в «Синий Луч». Его планы совершенно поменялись – ему не удалось добыть браслет, потому что он диффундировал с рукой Ристаля-Никиты. Сейчас граф был встревожен и зол.

– Я говорю вам! Он просто взял и улетел оттуда!! – с пеной у рта орал Корней Мстиславович, обращаясь ко всем.

– И ты всё ещё считаешь, что это не Ристаль? – графиня Баранова начинала понимать, что граф Чернов сам погряз в своих иллюзиях и отрицаниях реальности.

– Конечно нет! – уверенно гаркнул он. – Если бы это был Ристаль, он бы пришёл с миром!.. – на этих словах графа, голос его дрогнул. Он заврался всем им и сам себе настолько сильно,

что язык начинал тяжело ворочаться во рту. Он сам видел, что сын превратился в Ристаля... он сам проткнул ножкой стула его глаз... но он умолчал об этом.

– Ты обманываешь себя и всех их. Теперь он всё больше похож на Него... – удовлетворённо пропела Шамирам, что в этот вечер стала светиться какой-то аурой из особенно яркого лунного света. С её белого лица сегодня не сходила довольная улыбка, и она на глазах, почему-то, из сухой моли превращалась во что-то крепкое и здоровое. Спина женщины переставала быть сутулой, лопатки больше болезненно не выпирали. Она свети-лась, как ясная лампа. Казалось, что на её манящий свет вот-вот начнут слетаться мотыльки с толстыми тельцами и мохнатыми крыльями.

– Мне не удалось добыть браслет! – тяжело дыша, продолжал граф. – Скоро он будет в доме Зейлеров, и нам нужно всем вместе туда отправляться! – А ещё он сказал, что ему нужно найти лампу! Ниферио-Ритио – это лампа! И Она в доме Зейле-ров! Нам всем нужно туда!!! – когда Корней Мстиславович ска-зал про лампу, все с подозрением уставились на него.

– Только не забудь прихватить оружие, Корней! – напутст-вовала, преспокойно, сияющая, как сверхновая звезда, Шами-рам. – Не забудь, прежде чем мы все отправимся за Ниферио-Ритио!

– Оружие... да-да... точно!! – кивал потный, обезумевший граф Чернов. – Ждите меня! Ждите меня, я скоро буду здесь, а потом Рогволод отвезёт нас всех в Северный А-Ваен! – он вы-бежал из «Синего Луча», и, запрыгнув в машину, сломя голову помчался за оружием к себе домой. Граф быстро проехал пару кварталов, поднялся на двадцать первый этаж и влетел в кварти-ру, судорожно оглядевшись слезящимися от холода глазами. Было так же тихо и пусто... однако сквозняк, дующий из гости-ной, зарождал в графе Чернове совсем неприятные сомнения.

Он снова прислушался, но в квартире по-прежнему было слышно только его учащённое сердцебиение. На всякий случай, перед тем, как пойти в гостиную, Корней Мстиславович зашёл на кухню и снял со стены наточенный до блеска нож для мяса. Так, на всякий случай. Граф тихим шагом направился в гостиную по длинному коридору. Свет он не включал и двигался в темноте. Дойдя до комнаты, он вдруг понял, почему из неё дул такой пронзающий ветер! Глаза графа округлились: в панорамном, во всю стену окне, зияла огромная дыра, а штора, что слегка затеняла окно, взлетала от ветра до самого потолка. Корней Мстиславович узнал этот стиль прихода: здесь был Ристаль. И точно! Демон, сверкая глазом-фонарём развалился на одном из барных стульев, что стояли здесь. Никиты в нём становилось всё меньше и меньше.

– Вечер добрый, граф. Я уже по тебе соскучился! – осклившись, процедил Ристаль, закинув длиннющие ноги на барный стол. – Выглядишь ты неважно. Что такое? Ещё и нож какой-то притаранил! – рассмеялся он.

– Какого чёрта ты тут делаешь?! – проскрежетал Корней Мстиславович, в любой момент готовившийся напасть. – Я ведь предупредил тебя!

– О, мой дорогой граф, отныне я не твоя цирковая лошадка! – усмехнулся демон. – И теперь тебе пора признать, что ты проиграл! – он стиснул к носу чёрные брови и сверкнул рубиновым глазом. – Ты проиграл, как человек и как отец. Ты проиграл на всех фронтах!

– Да что ты, с*ка, городишь! – тяжело дыша и крайне раздражённо проговорил Корней Мстиславович, направив убийственный взгляд на того, кому он был совсем не страшен. Сейчас же он подбежал к сидящему на барном стуле демону и схватил его за грудки, откинув нож в сторону.

– Папа, а ты прячешь в психушку всех, кто тебе мешает?! – Ристаль снова сменил тон голоса на Никитин, ослепляя отца своим взглядом.

– Придержи язык, щенок! Не дорос ещё, чтобы отцу дерзить! – рычал граф, держа Ристаля, как ему казалось, под прицелом.

– Ты мне не отец! – проорал Никита, слёзно. – Ты тварь, чей грязный язык был способен только на унижения!

– Заткнись, мразь! – граф Чернов наотмашь ударил сына по лицу. – Да, я всегда считал тебя не сыном, а вырождаком, рождённым шл*хой от наркомана! – вопил граф, весь красный и в поту. – Нет и быть не может унижения хуже, чем ты!

– А ты и не был достоин чего-то большего! – съязвил Ристаль и вырвался из плена графа, откинув его от себя. – Потому что ты никто! Один только статус – «граф Чернов»! – Ристаль пафосно вскинул вверх кисть с длинными пальцами. – Набор букв!

Корней Мстиславович медленно взял нож с места, на котором он лежал, и пока говорил Ристаль, граф переводил взгляд то на оружие, то на него.

– Боишься... ручки трясутся... – театрально и слёзно изрёк Ристаль, поджав нижнюю губу. – Правильно! Бойся! – взревел он и широко раскрыл свой огромный рот. Рубиновая скважина-глаз сияла, словно была месторождением рубинов. – О, поверь мне, если бы Никита увидел страх в твоих жалких глазёнках, это было бы для него настоящей отрадой... – грустно вздохнул демон, свободно расхаживающий мимо графа, что как мышь жался к тёмной стене. – Как бы ему было приятно видеть, как папочка ссыт в штаны от страха! – пел Ристаль. – Как бы мне самому хотелось, чтобы мальчик увидел тебя таким!.. но... это уже невозможно... – вздохнул он, не без сожаления.

– Ты мне надоел! – граф Чернов накинулся на Ристалья с ножом, но демон парировал его удар и, выхватив из рук Корнея Мстиславовича нож, полоснул ему по горлу. Кровь хлынула из его шеи и рта, граф побледнел и, упав на колени, стал захлёбываться собственной кровью. Ристаль, даже не поведя бровью, откинул окровавленный нож в сторону лёгким движением руки и улыбнулся. – Ну что, мой дорогой граф... – начал он. – Давай-ка теперь посчитаем всех твоих жертв по пальцам! Теперь умираешь и ты, должно быть, видя, как их души нависают над твоим телом! – вкрадчиво проговаривал демон.

– ...Где Никита?.. – из последних сил, надрываясь и захлёбываясь, прохрипел граф Чернов, весь выпачканный в крови.

– О, мой прекрасный граф, дать бы тебе по морде, – вздохнул Ристаль. – Нет больше никакого Никиты, Корней Мстиславович! Одно заточение он променял на другое! – Демон показал пальцем на своё тело. – Ты предал его! Предал ещё тогда, когда заставил его прислуживать такой мрази, как ты! – Ристаль поднял графа Чернова за грудки и поднёс к окну. Почувствовав приятный морозный воздух, из глаз графа на секунду даже пропала темнота, что его окутывала. Он стал жадно хватать холодный воздух ртом и уже ничего не спрашивал. Он знал, знал непривычно для себя, что всё обязательно рухнет и уже ничего не желал и не просил. – Ты так постарел... на твоём лице так много морщин... – пропел Ристаль, выражая жалость, а в следующую секунду отпустил его в свободный полёт из окна собственной квартиры, с двадцать первого этажа.

Однако, в отличие от Ристалья, граф Чернов летать не умел.

Глава IV

ПОЖАТИЕ РУК

Ирина, беспокойно оглядываясь по сторонам, выбежала из «Синего Луча» и тут же, заставив сильно испугаться, её окликнул Аскольд, который только что приехал сюда на машине Хельги Ивановны и сейчас выжидал её, стоя за колонной кинотеатра. Ему нужно было вызвать её на помощь, раз она обещала помочь, но по правде сказать – это была не единственная причина: ещё Аскольд хотел при возможности выяснить у Барановой про медальон, который она носит.

– Что ты тут забыл! – шикнула она, сделав прогоняющий жест рукой.

– Вас жду, – ответил с какой-то дерзостью Аскольд.

– Ты что, совсем из ума выжил? – графиня Баранова pokrутила у виска, выпучив глаза. – Скоро сюда прилетит Ристаль, тебе нельзя тут находиться! Корней видел его – сказал, что он становится злее и меняется! Братство по-прежнему думает, что Ристаль даст им силы, у Шамирам своя игра и она, кажется, тоже становится сильнее! – выпалила возбуждённая женщина. – Тебе лучше ехать назад и помогать твоим друзьям!

– Я тоже видел Ристаля, – сказал Аскольд. – И я тоже всё знаю. Но зачем Вы-то вышли?

– Позвонить Хельге Ивановне! Предупредить её, что Ниферио-Ритио – это лампа! Об этом проболтался демон! – бегло ответила Ирина Николаевна и достала телефон. – Ристаль прилетит за ней туда, в Северный! Нужно быть начеку! А потом он скорее всего, нет, точно, явится сюда! Поэтому я должна находиться здесь!

– Что это лампа, мы тоже уже догадались. Всё остальное – точная информация? – с подозрением прищурившись, изрёк парень.

– Максимально, – графиня Баранова дождалась ответа Хельги Ивановны. В свою очередь, женщина-сова передала ей, что они видели Ристаля в Северном А-Ваене. Он действительно «появился из Никиты», изжив все его черты лица, заменив их своей внешностью, а один его глаз стал сияющим и рубиновым фонарём. Хельга Ивановна также сообщила, что Ниферио-Ритио, скорее всего, та самая лампа, которую не так давно приобрела на аукционе в доме Зейлеров некая княгиня Середа, которую хорошо знает тот, кто этот аукцион проводил. Апполон Абрамович уже сказал им адрес, по которому уехала княгиня вместе с Ниферио-Ритио, и Хельга Ивановна, Астрид и Даша уже идут туда, чтобы опередить Ристаля – нужный дом находится неподалёку. Предупредив женщину-сову, что если вдруг Никита сможет опередить их, то он непременно отправится в «Синий Луч» к Шамирам и остальным, Ирина Николаевна положила трубку.

– Чего ещё ты хочешь?! – раздражённо произнесла она. – Я по глазам вижу недосказанность! – ещё более раздражённо процедила графиня Баранова.

– Ну да, я тут реально не только из-за всей этой ситуации... – кивнул, шумно выдохнув, Аскольд. Парень расстегнул куртку и достал из-под майки свой золотой медальон с гравировкой. – Я знаю, что у Вас такой же, а дальше, пожалуй, не обязательно что-то говорить.

Глаза Ирины Николаевны вылезли на лоб. Она молча достала из-под своей куртки точь-в-точь такое же украшение, и её глаза заблестели. Женщина шмыгнула носом и отвернулась от парня.

– Прости... – отмахивалась она. – Извини, пожалуйста... – но она всё равно продолжала плакать, вытирая слёзы, которые ещё не успели выкатиться из глаз.

– Да нет, Вы что, – начал было Аскольд. Он обнял бы её, но видел, что мать отходила в сторону, стараясь скрыть слёзы. – ...Медальон крали... – начал снова парень, едва улыбаясь. – ...я его и терял, но он всегда заново возвращался ко мне... может быть мы должны были найти друг друга...

– Слушай, Аскольд... – виновато проговорила Ирина Николаевна, переставая плакать. – Как бы это сказать... Все эти годы... все эти годы я думала, что ищу тебя, что скорблю по тебе, как если бы ты умер... но... увидев тебя... – её голос снова дрогнул от накатывавшихся слёз. – увидев тебя, я поняла, что мне... мне было просто *удобно* думать, я несчастная женщина, у которой украли младенца. Но чёрт, сколько тебе? Двадцать? Двадцать два? Прошло два десятка лет, а мне просто нравится убеждать себя в том, что мне всё так же плохо, как и двадцать лет назад! Прошло так много лет, так много всего поменялось в мире, в людях... а я только сейчас поняла, что всё это прошло мимо меня! Я только сейчас поняла, что даже скорбь по собственному ребёнку была подделкой! – она слёзно всплеснула руками, и её лицо исказила гримаса накатывавшихся рыданий. – Я всего лишь убеждала себя и того, кто забрал тебя в том, что мне всё ещё есть дело до этого, что я верю и знаю, что ты жив, но всё это было только на словах, поверхностно! Увидев тебя сейчас, я поняла, что провела с тем младенцем настолько мало времени, что моя любовь не успела стать вечной! По правде сказать, она... она даже не рождалась! Из моей памяти стёрлись все до единого моменты, в которых был ты! Всё время, которое я изображала, сама не знаю зачем, любящую и верящую, ждущую мать – всё это время я играла роль в спектакле, за которую не получу овец, потому что всем плевать! Видимо, я думала, что зал будет аплодировать мне, и поэтому я блестяще натренировалась врать всем, включая себя! Врать так, что враньё стало стратегией моей жизни, и сама я перестала думать, что это вра-

нѐ, и что нет ничего правдивее моих слѐз, которые я тоже мастерски научилась выдавливать из себя, словно всякий раз, когда нужно было соврать, рядом со мной сама собой нарезалась луковица! Я говорила всем и каждому, что ищу тебя, Аскольд, но на деле я никогда не искала ничего! – договорила она, и из её глаз снова потекли слѐзы. Графиня Баранова поймала себя на мысли, что ей сейчас хотелось бы зарыться под землю, глубоко, и обратиться чѐрным кротом, который не видит никого и ничего. На неё сейчас обрушился шквал тех надежд, которые она не оправдала и шквал тех чувств, которых она не испытывала. – Вот зачем ты пришѐл?? – не понимала она. – Кто тебя просил?? Теперь я виновата перед тобой!

– Да никто меня не просил, – пожал плечами Аскольд, который находился сейчас тоже в абсолютной прострации, выслушав эпопею жизни чужой и незнакомой женщины. По правде сказать, ему было ни жарко, ни холодно от слѐз графини Барановой. Она винила себя в том, что её любовь к сыну умерла, не родившись, а он не мог ничего ей возразить, потому что никогда не нуждался в любви этой женщины. Да и сейчас Аскольд тоже был не готов начинать к ней что-то чувствовать. Откуда было взяться каким-то чувствам?.. Ни мать, ни сын этого не понимали.

Нельзя было сомневаться в том, что совершенно точно Аскольду не стоило показывать Ирине медальон, не следовало ворошить в ней эти осенние, высохшие листья, что с одной, видимой людям стороне были скорбно-бордового цвета вечной, как осень печали и тоски, а снизу – гнилые и ржавые. Аскольд сейчас стал порывом северного ветра, что заставил эти листья перевернуться на другую сторону. Он перевернул их все в один миг, будучи даже не осведомлённым о том, что Ирина Николаевна все эти двадцать лет переворачивала эти листья приемлемой стороной наружу – старательно, кропотливо и бессмысленно. И

ей просто ну нельзя было задавать вопрос – ЗАЧЕМ ОНА ПОТРАТИЛА НА ЭТО ЧЕТВЕРТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ? – это было бы несказанной наглостью. Возле этого ковра, оттенков осенней скорби нужно было проходить осторожно, а лучше всего, молча, если ты имеешь к людям хотя бы каплю уважения.

...Переведя разговор в другое русло, графиня Баранова и Аскольд затаились в «Синем Луче», в холле, куда должен явиться Ристаль.

Народу в кинотеатре под вечер было много. Дети радостно нажёвывали попкорн, взрослые беззаботно общались между собой. Такое количество людей удручало Аскольда, ведь когда демон явится сюда, эти люди рискуют пострадать.

Княгиня Ольга Владимировна Середа включила старый, шипящий проигрыватель, и, помешав угли в камине, расположилась в уютном мягком кресле. Вся её теплая ковровая гостинная пропахла лавандовым маслом и карамельным какао, которое она любила выпить по вечерам. Керосиновая лампа, что она только что приобрела на аукционе в доме Зейлеров, нашла своё место на камине, рядом с хрустальным конём и миниатюрной китайской вазочкой, в которой стояли засушенные и мягкие колосья. Княгиня заботливо познакомила лампу со своим интерьером, удивившись, что рубины, которые были в основании лампы, сейчас вдруг ни с того ни с сего засветились алым огнём! Она не раз присматривалась к камням, полагая, что это блик, но с каждой секундой всё сильнее и сильнее ощущала, что эти камни смотрят на неё. Ольга Владимировна занесла лампу в тёмную кладовую – рубины продолжали светиться и княгиня, испугавшись, поспешила быстрее выйти обратно в гостиную, где был включен свет. Однако в этой комнате её всё равно сотрясало содрогание, смешанное со страхом и любопытством – ведь рубины не светились, когда лампа была ещё в Особняке Ветра!

Внезапно вспыхнувшие камни подрывали скептицизм княгини Середы, напроочь отбивая настрой сегодня отдыхать. Теперь даже привычное шипение проигрывателя, щёлкание дровишек в камине и вкус карамельного какао вызывали у Ольги Владимировны чувство подозрения. Всё же, конечно, совершив над собой усилие, женщина зачем-то вернула покупку в гостиную, почувствовав некоторую вину перед лампой, а затем всё же смогла прикрыть глаза, и покупка уже не так сильно казалась ей злым идиолом, которую хотелось прямо сейчас же отвезти назад в Зейлеровский дом. Думать так не хотелось. Вздор всё это, и просто усталость!

Как только княгиню Середу объял полусон, весь её особняк внезапно сотрясся. Дребезжали даже окна! Сон сняло, как рукой и через секунду, в окно её гостиной, разбив его, влетел Ристаль-Никита – смертельно бледный, лохматый мужчина, на котором рвалась одежда, а глаз сиял, как огромный камень-рубин! Демон издал пронзительный рык, приземлившись прямо возле камина и встретился взглядом с такой же, рубиновоглазой лампой. Лампа, как рубиновый маяк, манила его сюда. Княгиня Серeda охнула и потеряла сознание, пролив на своё светлое платье горячее какао.

– Вот оно!.. - зашипел Ристаль.

– Вот оно!.. – вторила ему, залетевшая в ту же пробоину в окне полупрозрачная женщина с пустыми белыми глазами. Её волосы были заплетены в длинную белую косу, на голове был венок из сухих белых цветов, а лицо выражало смиренную удовлетворённость. Чувство, что она шла к своей цели долгие сотни лет, а теперь всё перед ней. Женщина эта всю свою жизнь была похожа на сухую белую бабочку-моль, но теперь она была потустороннею белой птицей. Всю свою жизнь она передвигалась только на коляске, а теперь свободно парила в воздухе и могла даже стоять на ногах!

– ...Сын!.. – широко раскрыв свои белые глаза, пропела она. Голос её всегда оставался тонким и призрачным. Именно этот гипнотический голос вдруг вновь пробудил в демоне остатки Никиты, что медленно погребались под натиском возрождающегося Ристаля.

– Шамирам?.. – бас Ристаля вновь сменился голосом Никиты, что с трудом прорывался через тело, которое уже принадлежало не ему, а демону.

– Да, мой дорогой, это я! – ответила мессия, обняв его за плечи. – Я так долго искала тебя, а ты так долго искал его!.. – пропела она, не скрывая своего восхищения.

– Но... почему ты называешь меня сыном? – взмолился Никита. Да, это был именно Никита, издающий последний вздох, последний раз имеющий возможность говорить. На секунду его руки перестали тянуться к лампе и алый взгляд, со свойственной человеку, а не демону наивностью, обратился в сторону Шамирам.

– Потому что ты и есть мой сын! – белая женщина ещё сильнее раскрыла и без того большие глаза. – Пока что ты ещё не полностью встретился с Ристалем, и я тебе всё объясню. Я всегда видела его в тебе! Так и живёт мать, чей сын погиб раньше её самой... Всю жизнь мой сын занимался разработкой Ниферио-Ритио, того, что сейчас вновь найдено, спустя сотни лет! Я так любила его, но всегда была не матерью, а тенью! И у него не было времени даже поговорить со мной... – воскликнула женщина. – Он не замечал меня и не посвящал в свои деяния. Он просто загорелся создать то, что дарует ему бессмертие и годами сидел в своей мастерской, чтобы, наконец, создать Ниферио-Ритио, совсем забывая о том, что есть мать, которая считает минуты и секунды, чтобы только поговорить со своим единственным сыном, которому достались магические способности от меня, и без них бы он просто не смог бы ничего соз-

дать!.. но потом он погиб. Внезапная простуда унесла его жизнь, он завершил создание Ниферио-Ритио, но не успел им воспользоваться! Позже оно было утеряно, не понятно каким образом... И тогда... – её голос сменился вкрадчивостью. – И тогда в ход пошли мои магические способности! Я стала делать всё, чтобы вернуть сына в мир живых из мира мёртвых и помочь ему воспользоваться Ниферио-Ритио, чтобы он, наконец, смог жить неограниченное количество лет и сотен лет, и тогда у меня появится возможность снова видеть его и говорить с ним!.. – обильно жестикулируя, произносила Шамирам. Никита слушал её удивлённо, хлопая одним глазом, что ему не принадлежал. Глаз-фонарь не имел век и не умел закрываться.

– И что ты сделала? – спросил он, нетерпеливо.

– Я убила себя в людском мире, – кивнула Шамирам. – Но на этом, как видишь, ничего не закончилось! Я воскресла здесь в виде белого призрака, и, постепенно вернув себе свой магический потенциал, обрела физическое тело, но совершенно потеряла из памяти образ собственного сына, сохранив в глубине себя лишь то, что он просто был, и был действительно велик! Я создала легенду о том, что был маг, создавший магический предмет, что дарует бессмертие и сокрушительную силу! Людям нужна мотивация, чтобы что-то делать и мне помогать, и поэтому я сказала, что если помочь найти этот предмет, то бессмертие и магические силы обретёт не только тот, кто этот предмет создал, а ещё и те, кто помогал его искать! Я смогла поделиться с первыми членами Братства, которое вокруг себя собрала, толикой энергии сына-мага, которую они смогли впитать в себя, и сами стали компасом с сильным чутьём на предмет. Энергия навечно оставила на них свой след, превратив первое Братство в настоящих собак-ищеек! Я объяснила, что с предполагаемыми Ниферио-Ритио необходимо проводить обряды в полнолуние – только так можно узнать, оно это или не

оно... но шли годы, а Ниферио-Ритио по-прежнему найдено не было, увы. Моё время в этом мире закончилось, и я ушла. Ушли и все эти люди, но...

– Что но? – Никита хотел слышать продолжение скорее.

– Я воплотилась в новое тело и собрала вокруг себя, теперь уже, детей первого Братства, которым, разумеется, о нём рассказывали их родители, потому что магическое чутьё передавалось генетически – от родителя к потомству. Не всем, конечно, но многим. Я была новой мессией нового поколения Братства, и мы продолжали своё дело. Я снова вошла им в доверие, рассказала легенду, и вот, однажды, я смогла выйти на дух Ристаля! Именно тогда он сказал мне, что тоже находится в мире людей, но только не как призрак, а как сгусток маленькой рубиновой энергии, что кочует по разным предметам, и энергия эта так слаба, что даже неживые вещи не могут долго позволять ей жить в них!.. Ристаль сказал, что он потерял память на Ниферио-Ритио взамен на возвращение в этот мир, и не знает, что сделать чтобы восстановить её, найти предмет и воскреснуть! И тогда я предложила сыну одну идею. Его не могут в себе держать предметы, тогда ему нужно тело! Конечно, ему будет не под силу вселиться в тело взрослого человека, но вот в тело ребёнка – в лёгкую! В теле ребёнка можно отсидеться, набраться сил, вырасти с ним и окрепнуть за счёт него, постепенно возвращая себе память! И вот, я уже внушаю членам Братства, что Ристаль-создатель вселится в маленького мальчишку, и этот мальчишка явится к нам! И вот, члены Братства уже тащат мальчишку за мальчишкой в стены нашего клуба, и ни один из этих мальчишек не оказывается тем, в котором живёт Ристаль... идёт время, я снова умираю, воплощаюсь в другое тело, очень похожее на предыдущее, собираю вокруг себя новых членов Братства, если предыдущие уже дожили свой век, и ещё раз... и вот! Ура! Наш план с Ристалем сбывается! Нужный мальчик приходит к нам!

– Я? – вырвалось у Никиты. Он ни жив ни мёртв наблюдал за Шамирам, которая рассказывала всю эту историю совсем ни с того ракурса, с которого он это видел и представлял всю жизнь.

– Да! Да, мой мальчик! – взвизгнула белая женщина, окружённая ореолом синего сияния. – Ристаль тогда нашёл себе серебряный браслет в музее, вселившись в него! И именно в этом украшении ему удалось отсидеться довольно долго!.. Именно Ристаль привёл в клуб твоего отца, а когда ты с Корнеем зашёл в тот музей, Ристаль постарался изо всех сил привлечь твоё внимание, чтобы ты любой ценой коснулся браслета, и чтобы он за счёт этого смог в тебя перейти! И у него получилось! У него получилось, потому что ты был очень слабым мальчиком...

– ...И что случилось? Я же просто нашёл отцовские записи о клубе! Он сам бы никогда не рассказал мне об этом! А что касается браслета... я просто упал в эту витрину, споткнувшись! Мне просто понравился этот браслет... – возразил Никита, отказываясь верить в то, что всё, что казалось ему простой чередой счастливых случайностей, на самом деле от начала до конца было манипуляциями Шамирам и Ристаля.

– Да, всё верно! Но всё это было не простым стечением обстоятельств, а изначально продуманным до мелочей планом! Всё это случилось, потому что так захотели мы с Ристалем. Именно мы захотели сделать так, чтобы ты нашёл записи отца о Братстве, именно мы захотели, чтобы ты отправился в тот музей и директриса разрешила тебе забрать браслет... Тогда, когда ты надел браслет, Ристаль, словно росточек, вцепился в тебя своими корнями, и, почувствовав, наконец, достойную опору, уснул до определённого времени! Целительный сон скапливал в нём силы и мало-помалу возвращал память...

– Я вынашивал его?? – изумился Никита, и эта новость его не обрадовала. – Я всё это время вынашивал Ристаля, а ты молчала?? Я ведь думал, что это были мои силы, и ты сама убежда-

ла меня в этом! Ты говорила, что Ристаль всего лишь живёт в моём браслете и иногда мне помогает!!! – крикнул он, чувствуя себя обделённой пешкой в чужой игре.

– Да что ты, мой хороший! – стала успокаивать, как она это обычно и делала, призрачно напевая, Шамирам. – Просто Ристаль так доверился тебе, что смог в тебе уснуть, взамен одарив тебя своей силой! И по мере его восстановления эта сила прорастала через тебя, как семена!

– Сила, благодаря которой я нашёл Ниферио-Ритио...

– Да! Да! Да! – ликовала женщина-луна.

– Но почему именно сейчас?! Почему именно сейчас сила так преумножилась? Почему Ниферио-Ритио передо мной сейчас?? Это ведь лампа из дома Зейлеров, почему я не нашёл её раньше?.. Я ведь бывал там много раз! – не понимал Никита.

– Этого я не знаю... – пожала плечами Шамирам. – Возможно, лампа была защищена, и тот, кто её защитил, знал, зачем это делает! Но сейчас это не важно! Забирай наш приз, скорее! – с жаром прокричала она.

– Подожди! Я ничего не понимаю!.. – Никите вмиг показалось, что он всё тот же глупый ребёнок, что болен анорексией и избит пьяной матерью. – После того, как умерла моя мать, я считал матерью тебя... я думал, что мать мне больше не нужна, но я отрицал, что именно ты заменяешь мне её! Ты заменяла мне мать всё это время, а я думал, что я просто утратил желание иметь её. Вот, что держало меня в клубе... – из Никиты вдруг хлынула совершенно не свойственная ему искренность, и он заплакал. Шамирам лишь улыбнулась. – А ещё, я хочу, чтобы ты знала! Это я убил свою биологическую мать! – и он разрыдался, набросившись на мессию. Она была холодна, как смерть.

– Я знаю, – отвечала, без эмоций и совершенно спокойно Шамирам. Она гладила плачущего парня по потной спине, не сводя взгляд с Ниферио-Ритио.

Никита впервые в своей жизни позволил себе разрыдаться и проявить такую искренность: из него хлынули те эмоции, которые он всю жизнь держал взаперти, в себе. С Шамирам ему было не стыдно быть собой. Он мечтал именно о такой матери, но как жаль, что она любила его лишь потому что в нём сидел её сын, её Ристаль. Как жаль, что радость, хлынувшая из нечеловеческих глаз человеческими слезами, была так коротка.

– Получается, – закончив плакать Никита обратился к мессии. – сейчас мы заберём Ниферио-Ритио, из меня явится в мир Ристаль и мы втроём направимся в «Синий Луч» чтобы там он распределил награду между всеми нами?.. – взмолился он.

Шамирам отзеркалила его демонический взгляд, странным образом наполненный детской наивностью, а потом почувствовала, как в голове Никиты вдруг возникло колюще-режущее сомнение, что жаром разлилось из грудной клетки по всему телу и отпечаталось на лице парня одним большим знаком вопроса. Он почувствовал обман и странное дежавю, будто отец летит из окна их квартиры с перерезанным горлом, кричит от боли и молит его о смерти. Он почувствовал обман, смотря на ту, которой он так долго доверял. Он отгонял от себя эти странные, как ему казалось, ложные воспоминания, но они всё проявлялись и проявлялись, как полароидный снимок, положенный в тёмный шкаф.

– Ты правда такой наивный, Никита! – рассмеялась белая женщина и взлетела вверх к потолку. – Думаешь, всё будет так лучезарно? Я же говорила – те, кто ждёт чего-то от Ристаля – всего лишь кучка фанатиков, растративших безвозмездно свои жалкие жизни! Они – пешки в нашей с Ристалем игре!

– Если это так, то...ты хотела сказать «в нашей с тобой игре». – Никита жадно цеплялся за каждое слово мессии.

– Нет никаких нас! Есть Я и Ристаль!

– Но ты ведь сама всё это время понимала и поддерживала меня! Ты всё это время сама была для меня матерью! – крикнул Никита, изо всех сил не желая выпускать из рук надежду.

– Я всю жизнь была матерью Ристалья, который рос в тебе! Ты был всего-навсего змеиным яйцом, в котором рос мой маленький змеёныш! Ты был землёй, в которой были посажены ростки моего сына, как я могла не поливать тебя! Однако ты никогда не был им самим! Вся моя любовь была направлена на тебя лишь потому что ОН ВРЕМЕНННО ЖИЛ В ТВОЁМ ТЕЛЕ! И совсем скоро... совсем скоро Ристаль выйдет сквозь тебя! Твоё тело вот-вот сменится телом моего демонического сына! – Шамирам кивнула на напольное зеркало, что стояло почти напротив Никиты. – Полюбуйся, раз мне не веришь! От тебя уже почти ничего не осталось!

Никита, ни жив ни мёртв перевёл взгляд на отражательную поверхность, горячо и холодно разом осознав, как ужасно смотреть на себя, когда сознание осталось прежним, а тело полностью поменялось. Он увидел рубцы на коже, алые волосы, птичий нос и глаз-фонарь. Он увидел рваную одежду, шрам на лице и засохшую кровь на руках. Кровь, которая ему не принадлежала.

– Теперь ты то же самое, чем был Ристаль, когда только вселился в тебя! Немного энергии и ещё меньше памяти! – Шамирам разразилась громким смехом. – Вот как восторжествовала справедливость! – ещё пуще засмеялась она, смотря на потерянного Никиту, в лице которого читался шок и непонимание. – Ты теперь всего лишь жалкий сирота, хотя постой, ты ведь был им и до того, как убил отца!..

– Отца?? – ужаснулся Никита-Ристаль.

– Да! Этими руками ты вспорол его горло и выбросил его прямо из окна собственной квартиры! – сверкая глазами-лунами, кричала Шамирам. – Бедный граф Чернов! – театрально

вздохнула она. – Он хотел занять твоё место, плюнул тебе в душу, сказав, что ты – стал странный, и тебя нужно перепрятать в психушку, полностью оградив от дел Братства! Напрасно ты переживаешь, Никита! Твой отец ни минуты не любил тебя, и при любой удобной возможности просто бы забыл о твоём существовании!

– Не правда! – закричал, рыдая, Никита.

– Правда! Родная мать была убита тобой, но вы с Корнеем убедили всех, что это суицид; родной отец вскрыл себе вены и разбух в ванной, пролежав там несколько дней... а того, кого ты называл отцом – тоже вскоре назовут несчастным суицидником, у которого не осталось даже головы! – смеялась мессия. – А ты! Ты будешь сожран изнутри Ристалем, которого когда-то воспринимал подарком судьбы! Тебя вообще не найдут! Ты сгниешь, и твоё жалкое тельце просто исчезнет, будучи недостойным даже гнить в могиле! – зарычала она. – Да, он обеспечил тебе звёздный час, но за это придётся платить! – внезапно белые глазницы женщины зажглись красным пламенем. Она хлынула на Никиту, словно волна, и, схватив с каминной полки Ниферио-Ритио, создала рубиново-сияющую воронку-портал. – Нам нужно идти! Братство ждёт нас! – взвизгнула она, но Никита совсем не хотел идти. Он был в ступоре, осознавая, что всё то, к чему он шёл всю свою жизнь – было сплошным обманом, суррогатом и манипуляцией. Выходит, он всё это время был пешкой в игре неизвестных и опасных магов, мастерски умеющих вершить судьбы и втираться в доверие. Всю жизнь они играли им, но он думал, что играет он. Им управляли: заставили выносить в своём теле духа-мага, заставили поверить в свою непохожесть на всех, а теперь выбрасывают, как не нужный хлам, говоря, что слишком много он себе возомнил. Отец был единственным, кто остался у Никиты, но ведь и он тоже никогда не признавал его. Никите хотелось по-сыновьи ценить графа Чер-

нова, но обида была столь сильной, что ничего сыновьего в Никите к человеку, что тоже выбросил его на помойку, чуть тот перестал вписываться в его иллюзорные рамки, уже не было.

Нет, у графа Чернова не было какой-то «особой», «строгой» любви к сыну, которую надо было вечно чем-то подтверждать и выискивать с увеличительным стеклом. Отцовскую любовь видно так же кристально, как и отцовскую отчуждённость. Никита был брошен отцом не только в этот день. Никита всегда был брошен отцом.

На секунду мысли Никиты скакнули в будущее, которому не суждено было случиться. Он вдруг подумал, что бы было, если бы он и Корней Мстиславович покинули клуб, начали бы совершенно обыкновенную жизнь, не преследуя каких-то иллюзорных целей, как эта?.. Каким бы тогда человеком был отец?..

Сейчас Никита представил графа Чернова, как обычно представляют всех покойников – идеальным, без единого изъяна, однако эта мысль быстро его покинула, ведь когда всю жизнь жрёшь гниль, одной ментоловой конфетки будет мало.

Волна дикой скорби и утраты вдруг обдала его тело.

Скорби и утраты по самому себе.

Он снова плакал.

Плакал, потому что чувствовал себя точно так же, как и много лет назад: еле-стоящим на ногах анорексиком, в огромном колючем свитере, словно труп в холщовом мешке, потому что показывать синяки, которые нанесла ему мать – было нельзя.

Сейчас он с диким криком вместе с кожей и мясом вдруг скидывает с себя этот свитер, словно колючий репейник, осознавая, что этот свитер был на нём всю его жизнь! И сейчас не было такого чувства, что он, наконец, освобождает себя от этого свитера! Сейчас ему казалось, что колючий свитер из репья он носил поверх другого свитера, который никогда не видел – он

был из колючей проволоки, с пущенным по ней электрическим током.

Через минуту телом Никиты вновь завладел Ристаль.

Увидев Шамирам, но пока ещё не узнав её, как мать, (так как ей для обретения нужного облика тоже предстояло пройти трансформацию), он вместе с ней вошёл в портал, что открыло им Ниферио-Ритио. Портал привёл их ко входу в «Синий Луч».

Астрид вместе с бабушкой и подругой уже были совсем близко к дому княгини Середы, и девушка, только увидев, как в окне дома сияет что-то ярко-рубиновое, поспешила проникнуть сюда, и прыгнула прямо в закрывающийся портал.

Хельга Ивановна и Даша, пришедшие только что, опоздали на считанные секунды. Ольга Владимировна, придя в себя и обомлев от того, что по светлomu платью разлито тёмное какао, судорожно охнула.

– Господи! – выдохнула княгиня, поднимаясь с кресла, и видя вошедших. Даша мигом подбежала к женщине.

– Они были здесь? – спросила Серова.

– Батюшки! Да! – заплакала княгиня, обратив ошеломлённый взгляд на огромную дыру в оконном стекле и рухнувшую гардину. – Тут был... мужчина с красным глазом... он украл её! Украл лампу! – закричала она и откинула голову на спинку кресла.

– А Астрид? Вы видели её? – испугалась Даша.

– Нет! – с испугом пожалла плечами княгиня Серода, оглядываясь по сторонам.

Через секунду зазвонил телефон женщины-совы. Это была Астрид, и она сообщила бабушке, что успела запрыгнуть в портал, куда заходили мужская и женская фигура. Портал привёл её ко входу в кинотеатр «Синий Луч», и она встретилась с Ириной Николаевной Барановой и Аскольдом, которые тоже здесь.

Это заставило бабушку Хельгу хоть как-то успокоиться за внучку.

– Надеюсь, она знает, что делает... – охнула Серова. Хельга Ивановна тихо кивнула и села рядом с княгиней Середой, чтобы помочь ей восстановиться, а затем набрала номер скорой.

На лицах Ирины Николаевны и Аскольда была странная неопределённость. Они всё так же стояли в фойе кинотеатра. Времени было мало. Астрид, запыхавшись, подбежала к ним:

– Я вошла в портал, что открыло Ниферио-Ритио! Они тоже уже здесь! Я уверена! – спросила она, волнуясь.

– Пока их не было, но... да, они явятся с минуты на минуту! – кивнула, серьёзно, графиня Баранова.

– У меня только один вопрос! – вклинился Аскольд. – Что делать со всеми этими людьми?! – Аскольд окинул взглядом фойе, где, кажется, собиралось всё больше и больше народу. Они, совершенно ничего не подозревая, были на киносеансах, сидели в буфетах и на диванах.

И не успели они даже подумать, как послышался грохот.

Люди беспокойно оглядывались по сторонам, не понимая, почему дребезжат окна и трясётся пол, словно от землетрясения. Дети плакали, и взрослые, испуганно окидывая взглядом окружающее пространство, прятали их за своими спинами и в объятиях. Многие и вовсе выбегали из кинотеатра на мороз. От сильнейшей ударной волны, что последовала за грохотом, окна первого этажа выбило из рам, а через образовавшиеся отверстия влетели в холл «Синего Луча» Шамирам и рубиновоглазый Ристаль, держащий в руках лампу, рубины в которой сияли так же ярко. Демон был окутан красной аурой, и в его лице не осталось практически ничего от Никиты. Почувствовав грохот, сюда же прибежали остальные члены клуба.

– Почему ты с ними?! – взвизгнула графиня Пурис, обращаясь к Ирине Николаевне Барановой, стоявшей рядом с Астрид и Аскольдом.

– Да всё же понятно! У неё на лице написано, что она доносила! – не дав ответить графине Барановой, отмахнулся, зло усмехнувшись, Морис Петрович Гордиенко.

– Заткнись! – бросила графиня Баранова. – Не тебе меня судить!

– Сейчас вы все заткнётесь! – голос Шамирам, что парила в воздухе, стал сейчас гораздо громче, и кажется, ещё выше. Они вместе с Ристалем плавно и синхронно опустились вниз. Оставшиеся единицы людей, которые не выбежали из кинотеатра, с удивлением и испугом наблюдали за происходящим. – Поздравляю! – пропела белоглазая мессия. От того, что её ноги сейчас были совершенно здоровыми, присутствующие сильно удивились. – Перед вами сейчас стоит Ристаль Унгольд, пока ещё в теле Никиты, а в его руках Ниферио-Ритио! То, что искали мы сотни лет! Разве есть сейчас смысл говорить о предателях? Сейчас мы все равны! – она отводила взгляд на Ристаля, который смотрел на неё и улыбался, скалясь. – Вы все ждали этого момента, мечтали об этом, так получайте!

– Она не врёт?.. – шёпотом спросила Лилия Львовна Пурис, с опаской обращаясь к Рогволоду Геннадьевичу Бьёрку.

– Чего уж тут врать, смотрите! – подключился граф Гордиенко, показав на рубиновые лучи, что стали исходить от Ниферио-Ритио, которое Ристаль-Никита поставил на пол. Это заставило членов Братства зажмуриться и впускать в себя эти лучи, думая, что это – та самая награда, которую они все так долго ждали. Когда к алому свету добавился ещё золотой, прямо из этих лучей вышла рубиновая мужская, полупрозрачная фигура, почти полностью повторяющая фигуру Ристаля-Никиты. Вышедшее напоминало призрака, а в месте, где должен быть левый

глаз у него светился рубиновый фонарь. Это была самая последняя частичка Ристаля Унгольда – его душа. Та, которой не хватало ему для полного превращения. Деталька, после вставки которой, от Никиты не осталось ровно ничего. Существо сделало пару шагов в сторону тела Никиты и протянуло ему руку. Никита последний раз, но очень отдалённо почувствовал, как он несчастен, а затем забыл обо всём, будто его жизни никогда не существовало.

Никита умер.

А Ристаль, дух которого мигом впитался в его тело, заставил его взмыть вверх, к высокому потолку, и проделать там несколько оборотов в позе эмбриона, а после, расправившись и сделавшись, словно, ещё больше, принести за собой ещё одну сильную ударную волну. Фойе кинотеатра залил ярко-рубиновый свет, перенеся всех, кто стоял в радиусе пары метров от Ниферио-Ритио в Рубиновый Мир Ристаля. Попали туда члены клуба, Астрид и Аскольд.

Это была горная местность, и всё здесь было рубиновое – песок, горы. Над головой растянулось бескрайнее тёмное звёздное небо.

Астрид поднялась с холодной земли.

– Ну что, детишки! – послышалось пение белой женщины. Астрид обернулась на неё, заметив, что Шамирам сильно изменилась: теперь это была голубоглазая женщина с седыми волосами и бледной кожей. Она была в строгом белом платье, а в её волосах оставался тот же венок из сухих цветов. Шамирам, которую видели они всё время – была гораздо моложе той, в которую ей пришлось сейчас обратиться. Было неизменно одно – голос. – Теперь пришло время избавиться от вас!!! – и она залилась громким смехом, отдающим эхом от гор.

– Где это мы? – спросила Астрид у Аскольда, что был рядом.

– В моём мире! В мире, который я создал! – Ристаль, двухметровый крепкий демон, нос которого напоминал ястребиный клюв, надвигался на ребят, как каменный монстр, и зло улыбался своими рыбьими зубами, вплотную расположенными на обеих челюстях. Язык у него был змеиный – раздвоенный на конце, и при шумном дыхании он издавал звуки, похожие на шипение. На Ристале была всё ещё Никитина одежда, грязная, мокрая и порванная теперь уже во многих местах, оголявшая тело и волосы. Глаз-рубин, словно сияющая звезда, сверкал недобрыми судорожными вспышками. – И здесь мы будем играть по моим правилам! – взревел он, и, топнув ногой со всей силы, снова создал землетрясение, заставив землю раздвинуться, образовав расщелину. Астрид, прямо перед которой земля разошлась, быстро перепрыгнула на другую сторону. Туда, где стояли Ирина и Аскольд.

– Не представляю, мама! Как долго ты искала меня! – сказал Ристаль, обращаясь к пожилой Шамирам.

– Мама?! – переспросил Аскольд. Удивлённые Бьёрк, Гордиенко и Пурис раскрыли глаза.

– Именно! – расхохоталась Шамирам. – Я – мать Ристалья! И именно я возглавляла каждое поколение клуба, перерождаясь и перерождаясь! Да, не было никаких пророчеств, не было никаких знамений – я просто искала своего сына и мечтала, чтобы он снова жил! Именно нашим с ним планом было привлечь в клуб Корнея, потом Никиту, а затем Ристаль вселился в мальчишку и рос вместе с ним! Но теперь – Никита мёртв, Ристаль уничтожил его, потому что мальчишка уже выполнил свою работу!

– Не представляешь, как было душно сидеть в этом жалком тельце! – Ристаль манерно передёрнулся.

– Ну ничего, сынок! Всё уже позади! – улыбнулась мать. – Осталось лишь убрать мусор! – она прищурилась, глядя на членов Братства, которые с ужасом понимали, что они больше не

нужны. Астрид с Аскольдом тоже были потрясены услышанным, вспомнив то, что говорил Константин.

Ирина мигом среагировала и закрыла собой ребят, обнажив свой пистолет.

– Какая же ты жалкая! – пропела Шамирам. – Вот с тебя-то мы и начнём! – и только она сформировала в своих руках огненно-рубиновый шар, намереваясь метнуть его в Ирину, как стал говорить Морис.

– Нет-нет, постойте! Давайте всё же проясним! – требовал он. – Получается несправедливость! Мы помогали и тебе и Ристалю найти Ниферио-Ритию, проводили эти чёртовы ритуалы, тратили жизненную и магическую энергию, а где обещанная награда?!

– До тебя долго доходит, Морис? – расхохоталась белая женщина. – Никакой награды не будет! Ваша Луна погасла! – шар, который она сформировала, устремился в Мориса. Он в страхе отпрыгнул, закричав. Лилия и Рогволод увернулись. Шар задел руку Бьёрка, выжег немного ткани куртки и оставил ожог на плече. – Может быть кто-то ещё хочет потребовать награду? – хохотнула мать Ристаля.

– Я хочу! – вышла вперёд, сведя брови, не менее возмущённая Лилия. – Думаешь, тебе удастся нас напугать? Ошибаешься! Мы делали всё, чтобы приблизить исполнение общей цели. НАШЕЙ! ОБЩЕЙ! ЦЕЛИ! – взвизгнула она. – Константин видел Ристаля, без него бы у нас тоже ничего не получилось! – прокричала она. – Не забывай об этом!

– Цель никогда не была нашей общей! – Шамирам снова залилась громким смехом, с жалостью посмотрев на Лилию. – Несчастливая влюблённая идиотка! Константин, этот жалкий Константин предал бы нас, захватил бы Ниферио-Ритию и никогда не позволил бы Ристалю выйти наружу!

– Неправда! – возразила, разозлившись, Лилия, и кинулась на Шамирам, повалив её с ног.

– А так ли сильно ты любила его, раз устроила пожар в психбольнице, где он лежал? – хихикнула мать Ристаля, лёжа на алом холодном песке.

– Пожар? – не поняла Астрид.

– Она подожгла больницу, надеясь, что тогда Константин точно умрёт и не будет мучиться, – пояснила Ирина, не сводя глаз с Ристаля и его матери. – Но она опоздала. Константин был мёртв уже несколько часов. Клиника очень сильно пострадала. В том числе и картотека с документами пациентов.

– Ты мне надоела, жалкая дрянь! – взвизгнула Шамирам, скинув Лилию с себя. Она подняла её в воздух, и, сверкнув глазами, испепелила женщину на глазах у всех.

Возникла минутная пауза.

– Какого чёрта!?! – обезумев, взревел Рогволод, и, не веря в то, что случилось, понёсся с кулаками и своим пистолетом на Ристаля и Шамирам. К нему присоединился Морис. И тогда на подмогу к демону и его матери из-под земли стали подниматься собирающиеся из красного песка тела монстров. Огромные чудища надвигались на членов клуба, Астрид и Аскольда. Ирина отстреливала их из пистолета, и они вновь превращались в горсти песка. Ристаль едко вematривался то в Астрид, то в Аскольда, что стояли спиной к спине, и, поднимая с пола твёрдые камни, бросали их в монстров. Иногда так получалось даже уничтожать их.

– Маленькие блошки! – зашипел, по-змеиному, Ристаль, обращаясь к Астрид, Аскольду, Рогволоду и Морису. – Вы, словно пыль в глазах, постоянно зудели у нас на пути! – и он снова топнул ногой, а затем сформировал большой, энергетический шар, швырнув его прямо в них. Рогволод с Морисом рас-

ступились, и шар пролетел мимо них, разбив вдребезги одну из скал.

– Тебе нужна помощь? – отбиваясь от Астрид, Аскольда и Ирины, спросила Шамирам у сына.

– Да, пожалуй! – прошипел Ристаль. – В теле пока непривычно, и мои удары не такие меткие, как хотелось бы!

И тогда мать Ристалья запустила в сторону ребят огненный шар, что ударил Ирине прямо в середину груди. Женщина, не успев среагировать, упала, выронив пистолет, и взревела от невыносимой боли. Мать и сын залились громким смехом.

– Вот, что бывает за предательство! – подвела итог белая женщина.

– Нет! – вырвалось у Аскольда, и он бросился к матери. Лицо Барановой стало полностью белым, через него стали просвечивать капилляры и вены. Губы женщины мигом посинели. – Я помогу! Всё будет хорошо! – твёрдо проговорил Аскольд. – Тише! Тише! – суетился он, успокаивая женщину, и положив её голову к себе на колени. Кровь пульсирующей струёй била из раны в середине её груди. Ирина выдавила из себя усталую и изнеможённую улыбку, приставив дрожащий палец к синим губам и призывая его замолчать. Аскольду, глядя на безнадежно умирающую мать, становилось нечем дышать, а к горлу подкатывался ком. – Не плачь, не плачь! – повторял он в голове сам себе, но слёзы рекой хлынули из его глаз, позволив сейчас вырваться наружу всем его непроявленным сыновьим чувствам. Мать ослабившей рукой взяла ладонь сына.

– Я только сейчас поняла, что так счастлива, что все эти годы верила не напрасно. Надеюсь, у тебя всё будет хорошо, Аскольд... – одними губами прошептала женщина из последних сил.

– Нет! Не закрывай глаза! Смотри на меня!!! – орал Аскольд. – МАМА!!! – закричал он, сам не понимая, откуда вырвалось это «мама», однако Ирина уже не слышала его.

Она умерла прямо перед тем, как её первый раз в жизни так кто-то назвал.

– Какого чёрта!!! – взревел Аскольд и, извернувшись, схватил пистолет Ирины и три раза подряд выстрелил в спину Ристаля, что сейчас был занят Морисом и Рогволодом. Не успев парировать удар, демон рухнул на колени и схватился за грудь. Шамирам, ахнув, бросилась к сыну, и в это время её по голове огромным камнем ударил Морис. Удар оказался смертельным, и женщина упала наземь. Ристаль, с тремя зияющими ранами в груди тяжело дышал. Из трёх дыр медленно сочилась, утекая наверх, рубиновая энергия. Ристаль сейчас напоминал решето. Поняв, что патроны в пистолете только что закончились, Аскольд подобрал острый продолговатый камень, и, подбежав к демону, которого пытались добить два оставшихся члена Братства Полной Луны, со всей своей яростью вонзил его в Ристаля. Откуда не возьмись, вдруг возникла Астрид с куском ржавой арматуры. Девушка, как копьём, проткнула демона, и этот удар был кульминационным. Ристаль, издав душераздирающий рык, поднял голову к небу, и его рубиновый глаз-фонарь медленно переставал светиться. Демон орал, широко раскрыв рот с тысячью рыбьих зубов и высовывал свой змеиный язык: из Ристаля, словно из ведра, сочилась рубиновая энергия, устремляющаяся вверх. Наконец, издав последний рёв, демон полностью обесцветился и испарился. Пепел, что от него остался, смешался с красным песком.

Возникла пауза.

– Вы за это заплатите!!! – душераздирающе завопила разъярённая Шамирам, однако Рогволод и Морис, видимо, мечта отыграться, ринулись к ней, не дав даже продолжить кидаться

проклятиями и шаровыми магическими молниями. После побоев тело белой женщины раскрошилось, вслед за Ристалем.

– Ну а теперь вы! – прорычал потный Рогволод Бьёрк, и они с Морисом Гордиенко двинулись на ребят.

– Да! Раз нам ничего не досталось, значит, вы тоже не уйдёте!!! – добавил пёстрый Гордиенко.

Астрид и Аскольд, вооружившись куском арматуры и камнем, уже были готовы защищаться, но неожиданно мужчины стали вдруг подниматься в воздух и медленно истлевать!

– Что происходит?? – не понимал Морис, у которого уже пропала часть ног до колен.

– Не...не знаю!! – взвизгнул Рогволод. У него тело начинало испепеляться с рук. – Этого не может быть!!! Нет!

Поднявшись к небу, оба мужчины превратились в пепел и безвозвратно испарились, оставшись в мире Ристаля.

Астрид с Аскольдом ужасно перепугались, боясь, что с ними начнёт происходить то же самое, но нет. Аскольд обратил взгляд на тело умершей матери – оно тоже медленно испепелялось. Не теряя ни секунды, парень подбежал к ней и задержал взгляд: он хотел запомнить мать, а потом, недолго думая, снял с себя золотой кулон и вложил в её ладонь. Он не успел проводить её в последний путь, потому что всё вдруг закружилось в бешеном рубиновом танце, и ребята вновь оказались в фойе кинотеатра.

Рядом с ними лежала целая и невредимая керосиновая лампа с рубинами в основании. Астрид схватила её и прижала к себе, заметив, что они с Аскольдом окружены толпой обеспокоенных людей. За разбитыми окнами было уже утро! А значит, они целую ночь пробыли в мире Ристаля.

– Всё в порядке! Всё в порядке! Пожалуйста, не нужно паники! – послышался голос женщины-полицейской, которая ходила здесь же и пыталась заставить людей покинуть кинотеатр.

– Это всего лишь фильм! Ну что, актёрам разве нужно предупреждать всех и каждого? Пожалуйста, расходитесь! – полицейская обернулась на ребят и подмигнула Астрид. В женщине в форме девушка узнала... Татьяну! Дочь Одилии Кирилловны – подруги Рогнеды Егоровны! Женщину, пахнущую дрожжами и смородиновым вареньем! Ну просто никак не хотели связываться в голове девушки запах сладких пирогов полицейская форма! – Я всё улажу, не беспокойтесь! – прошептала она, обращаясь к Астрид и Аскольду. – Это было последнее желание матери... она всё твердила: «Синий Луч! Быстрее, спасай их!» И пока я не сказала, что спасу, она не закрыла глаза со спокойствием... странно... ведь вы действительно были в «Синем Луче»! Я и подумать не могла... думала, бред это всё! – полицейская улыбнулась и грустно вздохнула, пожав плечами.

– Одилия Кирилловна умерла?.. – опешила Астрид.

– Да, к сожалению... – кивнула Татьяна.

– Примите наши соболезнования. – вздохнул Аскольд.

– Спасибо, – изрекла Татьяна. – Ну всё! Ну всё! Расходитесь скорее! – продолжала она, обращаясь к людям. Толпа действительно стала расходиться.

Неожиданно зазвонил мобильник Астрид, который тоже лежал на полу, вылетев из её кармана. Тот, с которым она ходила обычно, забрали в клубе, и сейчас девушка носила с собой довольно старый телефон.

– Алло! – Астрид взяла трубку. На том конце провода была Вероника Дориановна.

– А-Астрид... – женщина замялась. – Я сейчас в центре Южного А-Ваена, Хельга Ивановна говорила мне, что вы тоже где-то здесь... я вот что звоню: бабушка с Марселем Сергеевичем сегодня улетают... если хочешь попрощаться – я могу захватить за тобой... где ты?

– В «Синем Луче»... – Астрид обрадовалась, услышав голос матери. Что уж говорить, что от обиды её ничего не осталось. – Да, я хочу попроситься с ними! – кивнула девушка.

Глава III РАСКАЯНИЕ

– Понятия не имею, Астрид, что с твоей одеждой, где вы умудрились достать эту лампу и главное, зачем пошли с ней в кино? – держась за руль и не отрывая взгляда от дороги, усмехнулась, устало, Вероника Дориановна. – Все грязные, пыльные, куртка рваная! Вы словно отбивались от бандитов или злых демонов! — в шутку ругалась она, но ребятам, конечно, было не до шуток. Они действительно отбивались и от бандитов и от демонов, и сейчас переглянулись, невесело усмехнувшись.

– Нет конечно! – соврали они, в один голос.

– Да ладно вам! Я же не дурочка! – улыбнулась женщина.

Да, в отличие от как всегда безупречной Вероники Дориановны, что была одета в красные брюки, белую курточку и бежевый берет, Астрид с Аскольдом были похожи на бомжей.

– Познакомь меня со своим другом, хоть! – улыбнулась женщина.

– Это Аскольд, – кивнула Астрид, представив матери своего товарища, но боясь, что она вдруг вспомнит, кто он на самом деле.

– И давно вы вместе? – поинтересовалась Вероника Дориановна, и после этого вопроса, опасения Астрид сняло, как рукой.

– Ой, нет, что Вы, мы не вместе! – помотал головой Аскольд и засмеялся.

– Мама, мы просто друзья! – сказала Астрид, неловко посмотрев на Аскольда.

– Ну поняла, поняла! – кивнула женщина. – Ну а лампа-то откуда?

– Аа...это... ну... – девушка замялась и ещё сильнее прижала к груди Ниферио-Ритио, хоть на него уже и не было претендентов.

– Ладно, можешь не говорить, но главное, чтобы вы ниоткуда её не украли! – хохотнула она, в шутку пригрозив.

– Мам, ну ты что... – Астрид выпучила глаза.

– У вас точно всё в порядке, ребята? – не унималась женщина. – Я волновалась за тебя... ты так долго злилась на меня...

– Всё в порядке, мам, – Астрид почувствовала сильную вину и сейчас старалась успокоить мать. – Я больше не злюсь на тебя.

– Я очень рада, милая.

Наконец, они подъехали к стоянке аэропорта. Вероника Дориановна поставила машину на парковке, и все трое двинулись ко входу в здание. Возле стойки регистрации стояли Марсель Сергеевич и Катерина Мстиславовна в окружении примерно пяти здоровых чемоданов.

– А вот и наши прекрасные! – пропела баронесса Матвиенко, завидев дочь и Астрид с другом. Она тоже его не узнала. Катерина Мстиславовна была в розовом и мягком зимнем спортивном костюме. – Астрид, боже мой, что это с тобой!

– Да, не обращай внимания! – отмахнулась девушка. – Ну а вы что, правда больше не вернётесь?

– Ой... – вздохнула баронесса. – Не хочется мне в этот холод!

– Да ладно вам грустить! Сейчас ведь море всякой видеосвязи, Астрид! – вклинился, улыбнувшись, Марсель Сергеевич. – Мы как долетим, сразу же тебе позвоним... – голос

его вдруг резко поменялся, и улыбка сошла с лица, когда барон Матвиенко устремил свой взгляд ко входу. Трудно было не заметить толпу из нескольких полицейских, которые вели прямо сюда, к стойке регистрации троих людей в наручниках. Матвиенко долго присматривался, и ему почему-то становилось очень не по себе. Руки барона холодели, а в горле образовывался неприятный ком, заставляя его нервно сглатывать слюну.

– Марсель, ну чего ты там увидел! – в шутку состроил комичный испуг, всплеснула руками жена барона Матвиенко, что мысленно уже лежала в гамаке на пляже, потягивая мохито. Катерина Мстиславовна была уверена, что счастье её уже теперь никто не нарушит, и смеялась над странно ведущем себя мужем.

– Да нет... нет, Катя, ничего... мне нужно в туалет! – и барон мигом умчался по направлению к уборной.

– Чего это он? – не понял Аскольд.

– Понятия не имею, – развела руками баронесса Матвиенко.

Полицейские с задержанными приближались. Перед ними расступались те, кто присутствовал в аэропорту, окидывая с ног до головы испуганным взглядом. В одной из задержанных Астрид разглядела...Эмму Молчанову! Домработницу, отравительницу графа Зейлера!

– Боже, что? – воскликнула девушка, чуть было не выронив лампу из рук.

– Не может этого быть! – Вероника Дориановна посмотрела на Эмму, а затем на остальных, закованных в наручники людей. Здесь был и тот самый полицейский Виктор Андреевич Рогов, который пришёл в Особняк Ветра после смерти графа. Тот, которому Марсель Сергеевич докладывал то, что он видел. Последний задержанный и вовсе не смахивал на преступника:

это был рыжеволосый, низкорослый и бородатый мужчина в круглых очках.

– Доброго дня. Сержант Бирюков, – представился один из полицейских и показал удивлённым Катерине Мстиславовне, Веронике Дориановне, Астрид и Аскольду свои документы.

– Доброго, сержант, – вздохнула без улыбки и вопросительно Вероника Дориановна.

– Чем обязаны, и зачем, собственно, вы ИХ сюда привели? – не понимала Катерина Мстиславовна, кивнув на арестантов. – Она – убийца моего мужа! Я не хочу её видеть!

– Гражданин Марсель Сергеевич Матвиенко с Вами сейчас? – задал вопрос Бирюков.

– Д-да... он отлучился в уборную, – ответила баронесса, не понимая, к чему клонит полицейский.

– Отлично! – сержант кивнул трём коллегам.

– А что, собственно, происходит? – занервничала Катерина Мстиславовна. – Я требую объяснений!

– Минуту терпения! – кивнул один из полицейских, державших заключённых. – Сейчас Вы сами всё услышите.

– Да что мы должны услышать! – вскипела Вероника Дориановна.

Барон Матвиенко всё не появлялся.

– Застрял в туалете? – усмехнулся Бирюков и достал рацию. – Наш любезный застрял в уборной! – проговорил, иронично, он.

Через пару минут барона Матвиенко, с лицом поверженного пленника, привели к стойке регистрации ещё двое полицейских аэропорта: мужчины в форме крепко держали Марселя Сергеевича за руки. Он вырывался и ругался, обвиняя полицейских в том, что они ошиблись и он будет жаловаться.

– Какой ужас, Марсель, что это! – кричала разъярённая Катерина Мстиславовна. – Ты игрок? Ты вор? Ты продал дом

какому-то мошеннику? – тараторила она. – Причём тут Эмма? Причём тут полицейский? Что это вообще за третий человек, в самом деле!! – она ткнула пальцем в рыжего мужчину в очках. Тот аж вздрогнул.

– Ну, давайте, Марсель Сергеевич! – улыбнувшись, изрёк сержант Бирюков. – Говорить Вы умеете восхитительно! Жена жаждет послушать Вашу историю!

– О, да мы все жаждем её послушать... – прищурился, тихо сказав это Астрид, Аскольд.

Девушка кивнула.

– Скажите им правду! – настаивал сержант.

– Да какую правду, чёрт возьми?! – вспыхнула Катерина Мстиславовна. – Кто-нибудь, объясните уже мне весь этот цирк, ради бога! Голова от вас кипит! Скажи честно, Марсель, ты продал дом кому-то не тому, да?.. А я говорила, что стоит подождать!..

– Марсель Сергеевич! Не заставляйте ждать жену, она нервничает! – торопил Бирюков. Барон, весь побледневший, нагло молчал, зло смотря на сержанта, и думая, что сказать.

– Нет? Нечего сказать? Ну что ж, тогда начну я! – сказал полицейский. – Перед Вами – убийца графа Зейлера! – и он обоими руками показал на барона Матвиенко.

– ЧТО?? – вчетвером воскликнули все, кто тут присутствовал.

– Я не знаю, что случилось, Катя! Не знаю! – сопротивлялся, совершенно неубедительно, барон.

– Действительно! И я не знаю! Как вы смеете являться сюда целой делегацией полицейских, да ещё и с подобными обвинениями? Думаете, я вам поверю?? Марсель, скажи, что это не правда, скажи, что они всё врут!!! – умоляла не верящая баронесса Матвиенко. Голос её дрожал. Сама она тоже тряслась.

– Да что ты несёшь, придурок! – взвизгнула, не выдержав, Эмма. Тюрьма её очень изменила – она похудела ещё больше, и будто стало мужиковатой.

– Заткнись, стерва! – бросила Катерина Мстиславовна, замахнувшись на бывшую прислугу. – Мой муж никого не убивал!

– Нет... – спустя несколько секунд молчания, повесив голову, произнёс барон Матвиенко. Катерина Мстиславовна никогда не видела его таким безжизненным и поверженным. – Они правы... – с досадой произнёс барон, видно, не в силах больше сопротивляться.

– Но... если он убийца, кто тогда они? – спросила Астрид, показывая на арестованных.

– Соучастники! А сколько ещё соучастников в суде! – ответил сержант Бирюков. – Операция, которую удалось проверить Марселю Матвиенко – тщательно и длительно планировалась! – сообщил полицейский.

Катерина Мстиславовна и Вероника Дориановна продолжали не верить своим ушам.

– Да как?.. – не понимала баронесса Матвиенко.

– А так! – начал Бирюков. – Матвинко был частым и давнишним гостем в Вашем доме, Катерина Мстиславовна. Три года назад он подружился с Эммой Молчановой и сказал ей, что хочет заграбастать себе Ваш особняк и продать его, а деньги разделить пополам между собой и Молчановой, собственно. Для этого, он попросил Эмму украсть завещание графа Зейлера, поскольку у неё есть доступ ко всем комнатам особняка, и подменить его фальшивым, которое сделал вот этот вот прекрасный человек – нотариус, стоило лишь заплатить деньги! – и Бирюков показал на рыжего мужчину в очках.

– Я же сказал, простите! – плакал он.

– Что Вам сказал барон? – спросил сержант у нотариуса.

– Чтобы я сжёг завещание графа Зейлера! Но оно вот, вот оно! Позвольте! – и он дрожащей рукой, запястье которой было заковано в наручник, залез в карман своих брюк, в котором лежал мятый и вчетверо свёрнутый лист бумаги: настоящее завещание, подписанное много лет назад рукой графа Зейлера. – Я не уничтожил завещание! Я сохранил его, будто зная, что настанет час расплаты! – дрожащим голосом лепетал нотариус.

– Но как произошло убийство? – насторожилась Астрид.

– Так вот, документы были подменены два года назад, а недавно Марсель Сергеевич попросил Эмму пожаловаться на зубную боль, зная, что Катерина Мстиславовна пригласит его чтобы оказать помощь дорогой прислуге. Эмма действительно подсыпала в напиток графу Зейлеру мышьяковистую пасту, к которой имеет доступ барон Матвиенко, как стоматолог, но в интимной связи граф с Эммой Молчановой не состояли. Барон обещал, что Эмма останется безнаказанной, и он поможет ей сменить документы, улететь за границу, а затем перечислит половину денег, вырученных от продажи дома, однако у Марсея Сергеевича на самом деле были совсем другие планы!

– Он просто нагло сдал меня в тюрьму! – прорычала Молчанова. – С*ка! А я тебе верила! – и она харкнула в сторону барона Матвиенко. Харчок не долетел.

– Но и это ещё не всё! – в разговор включился и купленный полицейский Рогов. – Матвиенко выплатил мне деньги, чтобы я поручился, и Эмма мигом была отправлена в тюрьму. Каков был план, который барон мне озвучил? Он хотел продать дом, выручить деньги, половину которых пообещал мне, уехать за границу, и выкинуть Катерину Мстиславовну где-то там, за борт, как говорится, в свободное плавание! – грустно усмехнулся Виктор Андреевич. – Марсель Сергеевич стал подорожником для вашей семьи, а узнав, что в завещании «окрученного Эммой» графа Зейлера прописана только лишь

она, что тоже, было затеей барона, он же сам мигом «обратился» к тому же нотариусу, и, состроив в ваших глазах спасителя и героя, «поручился» и сделал новое завещание, в котором была указана лишь Катерина Мстиславовна, ведь с ней-то проблем точно не будет! Оставалось только жениться, поманить жену за границу, прекрасными закатами на море... и вуаля! Она уже готова продать семейный дом!

– Ловко, ловко! – подвёл итог сержант Бирюков. – Но это ещё не считая всех судей, которым Марсель Сергеевич тоже выплатил деньги за то, чтобы суд над Эммой прошёл безупречно, и чтобы все вы поверили в её виновность! – Ну что ж, Марсель Сергеевич, теперь Вас вывели на чистую воду! Быть может, сейчас Вам есть, что сказать? – поинтересовался сержант.

Барон Матвиенко молчал, как рыба – весь высушенный и побелевший.

– Марсель! Ну не молчи, скажи же что-нибудь! – рыдала Катерина Мстиславовна. Услышанное стало огромным потрясением для всех.

– Мне нечего сказать вам... – тихо произнёс барон. – Всё это – правда.

– Ну что ж, Марсель Сергеевич. Спасибо и на том! – кивнул Бирюков. – Вы арестованы. Пройдёмте! – с этими словами барона Матвиенко на его запястьях защёлкнулись железные наручники, и его вместе с другими заключёнными увели прочь и погрузили в автозак, стоящий на улице.

– Нет! Нет, нет, нет!!! – Катерина Мстиславовна встала на колени и горько заплакала. Вероника Дориановна подбежала к матери и схватила её за руки, чтобы она не махала ими.

– Мама, мама, тише! – женщина тоже плакала. Астрид и Аскольд были в шоке.

Через минуту зазвонил телефон баронессы Матвиенко. Сначала она не обращала внимание, но потом, поскольку звонок был навязчивый, всё же ответила, шмыгнув носом.

– Алло! – агрессивно крикнула она.

– Катерина Мстиславовна Матвиенко? – поинтересовался размеренный и серьёзный женский голос.

– Да, это я, – кивнула женщина.

– Приношу свои соболезнования. Тело Вашего брата было обнаружено во дворе его дома сегодня ночью.

– Господи... – ни жива, ни мертва, проговорила женщина. – Что с ним случилось??

– Самоубийство.

– Подождите... как самоубийство, какое к чёрту самоубийство?.. Вы что-то путаете, такого не может быть! Вы должны позвонить его сыну!

– Мы звонили ему и даже искали. Сына Вашего брата нигде нет.

Катерина Мстиславовна положила трубку и её снова сотрясли рыдания.

– Кто это звонил? – спросила Вероника Дориановна.

– Корней погиб... совершил самоубийство... – прошептала, плача, баронесса Матвиенко. – Я так больше не могу...

Вероника Дориановна опешила, и на её глазах выступили слёзы.

– Я...я видеть никого не хочу... пожалуй, мне действительно нужно улететь отсюда подальше... – прошептала баронесса. – Побывать одной и обо всём подумать. Ну, прощайте, регистрация скоро закончится.

Мать и дочь бегло и холодно обнялись. Вероника Дориановна поспешила выпутаться из объятий матери.

– Странно, что ты не хочешь даже поехать в морг... – процедила дочь. – Он, всё-таки, твой брат. – с укором произнесла она.

– Вероника, я не...я не... – женщина не смогла закончить фразу, смотря куда-то в сторону уставшим и осоловевшим взглядом.

– Не надо ничего говорить, мам... – вздохнула Вероника Дориановна.

– Прощайте. – сказала Катерина Мстиславовна.

Астрид помахала вслед бабушке.

Катерина Мстиславовна провожала их взглядом, поднимаясь в стеклянном лифте в зал ожидания. Её лицо продолжало не выражать ничего. Чистый лист. Она могла чувствовать себя *как-то*, когда рядом с ней кто-то был, или когда ей говорили, что она красивая. Когда её осыпали комплиментами, она чувствовала себя игрушкой, в которую вставляли батарейки, и она оживала, живя от торжества к торжеству, от человека к человеку. Она никогда не знала себя, не спрашивала, чего ей хочется на самом деле, а лишь обретала людей и снова теряла, думая, что кто-нибудь всегда будет рядом, но сейчас жизнь отняла у неё всех, кроме дочерей и старшей сестры. Их Катерина Мстиславовна отняла у себя сама.

И в незнакомой стране она продолжит корить, винить и наказывать себя и никакое море не сможет стать ей спасением; не окажет целительного эффекта, не протянет голубую руку и не уведёт в чудесную страну.

Катерина Мстиславовна больше никогда не вернётся в Северный А-Ваен. Никогда не поймёт, что для того, чтобы изменить что-то, не обязательно куда-то уезжать и обрывать все связи.

Астрид, Аскольду и Веронике Дориановне ничего не оставалось, как вернуться в Северный А-Ваен и возвращать себе Особняк Ветра. На этот раз Вероника Дориановна очень смело зашла в свой дом, где по-прежнему находились Апполон Абрамович и теперь уже Хельга Ивановна, Даша Серова, Минерва Мстиславовна и княгиня Середка. Они пили чай в Обеденном Зале, кутаясь в верхнюю одежду, потому что в огромном окне по-прежнему зияла дыра. Апполон Абрамович всё ещё не отошёл от того, что случилось тут вчера вечером и вздрагивал от каждого шороха.

Вероника Дориановна ахнула, увидев разбитое окно.

– Что тут произошло?! – опешила она.

– Вероника!! – ахнула Хельга Ивановна. – Нет, ничего не спрашивай!

– Хельга Ивановна?.. – подняла одну бровь женщина. – Можно узнать, что были за шутки с санаторием?..

– Мама! Всё потом! – сюда же прибежали Астрид с Аскольдом. Грязные и измученные.

– Мои дорогие! – взвизгнула Даша и налетела на друзей. – Вы целы?!

– Гляньте-ка! И лампу мою нашли! – воскликнула княгиня Середка. – А где тот мужчина с алым глазом?

– У меня тот же вопрос! – оживился Апполон Абрамович.

– Не волнуйтесь! – сказал Аскольд. – Нет его больше.

– Да о чём вы говорите, кто-нибудь мне объяснит? – не понимала Вероника Дориановна, осознавая, что от неё здесь все что-то тщательно скрывают.

– Действительно! – кивнула Минерва Мстиславовна. – Я тоже всё это понять не могу!

– Ну-ка, Астрид! – поставив руки на пояс, процедила Вероника Дориановна. – Рассказывай!

– Да я расскажу, расскажу, мам! Но потом!

– Слушайте, зачем вы так на неё надели! – вступилась женщина-сова. – Был тут на аукционе один мужчина, и глаза его были такими красными, что княгиня и Апполон Абрамович прямо обеспокоились его состоянием, но тот стал отнекиваться, мол всё с ним в порядке и помощь ему не нужна, а потом кааак рухнет прямо на окно, каааак разобьёт его! – выкручивалась она.

– Да? – удостоверилась Вероника Дориановна, прищурив глаза. – Что-то слабо верится!

– Да-да-да! – закивал Апполон Абрамович, которого, как только он хотел начать рассказывать то, что было на самом деле, ущипнула Хельга Ивановна. Недолго думая, чтобы не разводить лишние диалоги, с ним согласилась и княгиня Середа.

– Подождите, а... это Вы купили Особняк Ветра?.. – спросила Вероника Дориановна Апполона Абрамовича.

– Да, но если честно, я совершенно передумал использовать этот дом в качестве собственного музея... – пожал плечами Аллилуев. – Я должен тот час позвонить Марселю Сергеевичу чтобы он вернул мне мои деньги...

– Деньги он вернёт. Но позвонить Вы ему вряд ли сможете. – сказала Вероника Дориановна.

– Почему?

– Потому что Марсель Сергеевич – преступник! – кивнула женщина, и присутствующие открыли рты от удивления.

– На самом деле он – убийца моего дедушки... – сказала Астрид. – Он поручил Эмме его отравить, заплатил полиции и суду, а потом женился на бабушке и продал дом, чтобы смыться за границу и бросить её там!

– О боже! – не верила своим ушам Минерва Мстиславовна.

– Не может быть! – опешила Хельга Ивановна.

– Откуда вы всё это знаете? – удивилась Даша.

– Мы приехали попрощаться с ними в аэропорту, и тут же за бароном пришли полицейские, которые всё уже знали. Полиция привела всех, кому Марсель заплатил за соучастие... – констатировала Вероника Дориановна. – Они всё подтвердили.

– Ему ничего не оставалось, как признаться. – добавил Аскольд.

– Господи, какой ужас! – опешил Апполон Абрамович и схватился за голову. – Однако, это действительно объясняет, почему он был такой быстрый и так лихо норовил мне продать Особняк, не ответив ни на один из моих вопросов!

– Выходит, Катя всю жизнь любила такого ужасного человека... – запричитала графиня Чернова. – Кстати, где она?

– Улетела... одна... быть может, она бы вернулась с нами, если бы не ещё одно прескорбное событие... – ответила Вероника Дориановна.

– Ну что ещё?.. – всплеснула руками Минерва Мстиславовна.

– Корней Мстиславович... совершил самоубийство... – тихо произнесла мать Астрид.

– Что??? – Минерва Мстиславовна в ужасе схватилась за голову. – Боже, да как же он...

Вероника Дориановна только пожала плечами, горько вздохнув.

– Теперь вам надо восстанавливать дом! – сказал антиквар. – Ну и перевозить вещи обратно.

– Да, разумеется. Постепенно мы всё восстановим. Главное, что теперь этот дом снова будет принадлежать нам. А деньги, все деньги, всё это мы вернём. Закон на нашей стороне.

– Я тут недавно вспоминала, кстати... Астрид! Помнишь, ты находила ноты в Музыкальном Зале и всё хотела узнать, какое там продолжение? – спросила Минерва Мстиславовна.

– Да, помню! – кивнула девушка. – И я нашла! – с теплом подумав о Одилии Кирилловне и её дочери Татьяне, кивнула Астрид, достав из кармана кусочек бумаги. – *«Я для тебя создала отражение – им всегда для тебя будет брат.»* – прочитала Астрид, почувствовав старческую холодную руку Одилии Кирилловны, с содроганием протягивающую ей ноты, и будто увидела её осоловелые слезящиеся глаза, пронзительно смотрящие прямо в душу.

– Брат? – удивилась Вероника Дориановна. – Какой брат?

– Может... может, у матери Дориана Альбертовича был внебрачный ребёнок?.. – предположила Минерва Мстиславовна. – Хотя... тогда бы наверное об этом уже все знали...

– Конечно бы знали! – вклинился в разговор Апполон Абрамович. – Подождите! – все мигом обступили антиквара, что достал из кармана фотографию, которую нашёл в тайной комнате, что находится в стене библиотеки. – Я нашёл одно фото, когда осматривал дом! – сказал он. – В библиотеке, за гобеленом, оказывается, есть подвижная стена! Сначала я не поверил, но потом отодвинул панели и обнаружил, что там есть целая тайная комната, которую нет и не было на чертежах!

– Тайная комната? А фото? Что за фото?! Показывайте скорее!! – не выдерживала Астрид.

Глава II СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Джош Биллингс писал: «Есть две вещи, к которым мы никогда не бываем готовы – близнецы.»

Апполон Абрамович извлёк фотографию из кармана. На снимке была запечатлена суровая и крупная черноволосая женщина с густыми бровями, одетая в тёмно-синее тёплое платье.

Она обнимала двух не менее суровых по выражению лица близнецов лет четырёх. Оба были в строгих костюмах с галстуками.

– Возможно, это и есть ответ на твой вопрос, Астрид! – сказал антиквар и перевернул фото изнаночной стороной наружу. Сзади выцветшими светло-голубыми чернилами неровно было выведено: *«Дориан и Адриан. Мои мальчики.»* Глаза Астрид и всех присутствующих округлились, а в теле появилось чувство, которое возникает при ощущении свободного полёта – все внутренности будто на секунду закружились и тут же вернулись на свои места.

– Нет, стоп, подождите! – серьёзно проговорила Астрид. – В смысле?..

– В смысле, у твоего дедушки действительно был брат-близнец! – сказал Аскольд.

– Да, окей, но... почему мы никогда о нём ничего не знали?? – всплеснула руками Астрид.

– Одилия Кирилловна тоже говорила про Адриана! – кивнула Даша. – Выходит, она знала Рогнеду Егоровну даже лучше, чем её собственные родственники!

– А та комната, в которой Вы нашли фото, покажите её нам скорее! – обратилась Астрид к Апполону Абрамовичу.

– Да-да, безусловно! – засуетился антиквар. Быть может, без его любознательного носа, который он засовывал, по своей привычке, везде и всюду, эта семья бы никогда не узнала того, что ей предстояло узнать. – Мы с бароном Матвиенко приехали в Особняк, чтобы осмотреть его, – заведя всех в библиотеку, продолжал Апполон Абрамович. – Осмотрев некоторую часть дома, я пришёл сюда, и неожиданно, что-то потянуло меня взглянуть за этот гобелен! Я отодвинул шкаф, затем ковёр, и вуаля! – антиквар проделал то же самое сейчас, и перед всеми ними открылся вид на стеновые панели, которые лёгким движением

руки могли прийти в движение и открыть проход в маленькую тайную комнату!

– Поразительно! – опешила Вероника Дориановна.

– А главное, кто б знал! – удивлённо улыбнулась Минерва Мстиславовна.

– Когда я включил фонарик, будучи в этой комнате, я нашёл там пару альбомов с фото и ту лампу, которую Вы, княгиня, приобрели на аукционе! – сказал Апполон Абрамович, обращаясь к Середе.

– Да как мы раньше не могли заметить этого!.. – не переставала дивиться Астрид.

– Это не удивительно, дорогая! – подметил антиквар и разложил на столе два плана-чертежа Особняка Ветра. Один был совсем старым, а другой новым. – Эта комната на то и тайная, чтобы не обозначаться на чертежах! – улыбнулся он. – Такие комнаты почти всегда присутствуют в подобных домах! Без них раньше просто не обходились! – пояснил Аллилуев.

– Ну пойдёмте же зайдём туда! Не терпится увидеть, что там! – воскликнула Даша.

И они отправились в тёмную таинственную комнату, светя фонариками от телефона. Туда зашли только Астрид, Аскольд, Даша, Вероника Дориановна и Хельга Ивановна. Остальные дожидались их снаружи, в библиотеке.

– Лампа тоже стояла здесь, верно? – крикнула Астрид.

– Да-да! – отозвался антиквар.

Теперь стало понятно, что тайная комната была защитой для Ниферио-Ритио. И эта защита, когда её «сломал» антиквар перестала действовать! Вот почему Ристало так быстро удалось найти таинственный предмет!

Оглядевшись по сторонам тесной комнаты, они заметили всё те же альбомы и круглый пыльный след от основания лампы на столе... в альбомах были ещё фото – на них была Рогнеда

Егоровна, её муж и близнецы. Только вот совместных фото мальчиков больше не было. Дориан и Адриан были на фотографиях порознь. Определить, кто из близнецов был на том или ином снимке – было можно только по подписи сзади.

– Минуту! – насторожился Аскольд, который наклонился к полу и внимательно смотрел на доски в нём, аккуратно постукивая. – Доски в полу...они будто бы не закреплены...

– Чего?! – взвизгнула Серова. – Ты хочешь сказать, что мы сейчас провалимся?? – испугалась она.

– В смысле провалимся?? – Астрид, заинтересованно проглядывавшая альбомы и желающая найти там ещё хоть что-то, оживилась и испугалась.

– Если Даша не будет орать, то никто никуда не провалится! – съязвил Аскольд. – Мне бы чем-то поддеть доску... Можете дать что-то острое? – парень высунулся из комнаты, обращаясь к тем, кто был в библиотеке.

– Вот, подойдёт? – Минерва Мстиславовна принесла Аскольду нож из кухни.

– Да, то, что нужно! – кивнул парень и принялся за дело. Сначала дерево не поддавалось, но поскольку оно просто лежало между двух поддерживающих с обеих сторон железок, вскоре легко поддалось и его можно было вытаскивать по досточке. Остальным даже пришлось покинуть тайную комнату, потому что Аскольд извлёк практически весь пол, под которым находилась крутая лестница вниз!

– Не может этого быть!!! – Вероника Дориановна не переставала удивляться тому, сколько секретов, оказывается, таит её собственный дом!

– Подвал есть в другой части дома... – вспомнила Астрид. – Об этом подвале вообще никто не знал! Надо срочно спуститься вниз!

Всё той же компанией они аккуратно спустились вниз по каменным ступенькам. Первым спускался Аскольд, за ним шла Астрид, которая верила, что именно этот подвал сможет ответить на её вопросы окончательно.

В месте, в которое их привела каменная, витиеватая лестница, света не было вообще. На полу была земля, а стены были сделаны из состарившегося тёмного кирпича. Пахло плесенью и сыростью. Этот подвал был намного больше, чем та комната, из которой в него можно было попасть.

– Боже, как тут холодно! – поёжилась Даша, осматриваясь по сторонам.

Что было здесь? Всего лишь одна старая шкатулка, стоящая на небольшом столике. Только заметив её, Астрид, Аскольд и Хельга Ивановна с Дашей помчались к ней. Вероника Дориановна двинулась следом, не желая оставаться в жуткой темноте. Ей было очень неприятно думать, что в её уютном доме есть такие сырые и тёмные места, напоминающие тюрьму.

На удивление, шкатулка не была как-то заперта. Конечно, пришлось приложить немалые усилия, чтобы открыть её, но всё же, это получилось.

– Что там?! – спросила Вероника Дориановна у копающихся в коробочках.

– Два каких-то...блокнота... – подняв загрязнённую крышку одной из шкатулок, Астрид поняла, что в ней лежит две записных книжки. Девушка осторожно извлекла одну. – Да это же дневники! – воскликнула она.

– Чьи? – спросила женщина-сова, чьи оранжевые глаза светились в полутьме.

– По всей видимости...прабабушки...Рогнеды Егоровны... – сказала Астрид, с удивлением и трясущимися руками пролистывая хрупкие, жёлтые страницы.

– Может, имеет смысл вытащить их наружу? – предложила Вероника Дориановна.

– Да, – кивнул Аскольд. – Всё-таки, там света гораздо больше.

Так они и сделали. Больше, как ни странно, в подвале действительно не было ничего.

– Подумать только... – не унималась Астрид. – Зачем нужно было делать такой потайной подвал?

– Да он был тут изначально, с момента постройки дома. Другое дело – зачем им пользовалась Рогнеда Егоровна?.. – переформулировала вопрос Даша.

– Значит, ей было, что скрывать! – заметил Аскольд.

Апполон Абрамович чуть не сошёл с ума от радости и изумления, когда ребята рассказали ему про подвал и вынесли шкатулку с дневниками. Ещё сильнее он хотел скорее изучить содержимое этой шкатулки. И вот, все они, усевшись на диваны в библиотеке, принялись изучать дневники, принадлежавшие матери Дориана и Адриана, мечтая наконец разобраться в странной и запутанной истории. Астрид открыла первую страницу первой тетрадки в чёрной кожаной обложке и принялась читать вслух:

19/10/1950г.

«...Иногда случается так, что в нашу жизнь приходит то, о чём мы когда-то читали в волшебных книгах. И вот, только распрощавшись с магией, которой ты так вдохновлялся половину своей подростковой жизни и воображал, что когда-то сампустишься в магическое приключение, ты кладёшь на полку книгу, которую считал своей настольной и спускаешься, наконец, с чувством огромной потери с небес на землю – давит взрослая жизнь, обязанности... что-то прямо противоположное тому, о чём ты читал, и чем ты жил.

И вот, когда ты уже серьёзно решил отдать себе отчёт в том, что теперь таинства и магия – не более, чем просто красивый миф, они вторгаются в твою жизнь! Вторгаются, вновь заставляя тебя колоссально пересмотреть собственные ценности и перетасовать их, словно колоду старых карт, а затем сдуть пыль с прочитанной магической книги, вновь назначить её своей настольной и открыть, но уже не для того чтобы отвлечься, а для того, чтобы найти там совет для себя...»

Девушка перевернула несколько страниц.

22/10/1950г.

«...Почему сейчас мне вдруг пришла в голову мысль обратиться к дневнику? Потому что мне крайне трудно держать всё это в себе, а рассказать, поделиться с кем-то – будет означать ровно то же самое, если бы я прямо же сейчас прострелила себе висок.

Да, я не считаю, что это выход, однако иногда меня так и тянет сделать это.»

26/10/1950г.

«...Наконец-то я нашла в себе силы описать наш разговор с мужем.

Он произошёл несколько дней назад, но я всё ещё чувствую, как он стоит передо мной и обречённо вздыхает после каждого сказанного слова. Это был вечер, и мы с Альбертом расположились возле камина в Обеденном Зале. Я чувствовала, что сегодня всё будет не так, как обычно, но говорить мужу о своих опасениях я не решалась. Он, недолго думая, начал сам.

– Наверное, я должен был рассказать тебе раньше... – с тревогой в голосе произнёс Альберт.

– Что такое? – насторожилась я.

– Сядь. – сказал муж.

Я повиновалась.

– Дело в том, что после того, что я скажу тебе, наша жизнь и жизнь наших детей очень усложнится. Возможно, ты захочешь уйти от меня, и я всё пойму.

– Альберт! Не томи! – непреклонно сказала я, подняв на мужа глаза.

– Я маг.

Моё удивление невозможно было выразить в двух словах. Я читала много фантастических романов, однако в реальности мне никогда не приходилось слышать чего-то подобного. Я испугалась. Я отказывалась верить в слова мужа.

– И на меня возложена задача, – продолжал Альберт. – Эту задачу завещал мне мой отец, а ему – его отец. И задача эта состоит в том, чтобы охранять от нападения и похищения один магический артефакт. Это – керосиновая лампа с рубинами в основании. Называется она – Ниферио-Ритио.

– Что? – усмехнулась я, всё-таки не веря. – Ты держишь меня за дуру? – я подняла одну бровь.

– Все нет, Рогнеда! – голос мужа стал грубее и серьёзнее. – То, о чём я говорю – правда. Ниферио-Ритио – магический предмет, и вместе с тем, что он может даровать владельцу бессмертие и магическую силу, у него есть и своя опасность: она в том, что Ниферио-Ритио может уничтожить всё вокруг, если окажется в неумелых руках.

– И где этот предмет? – спросила я.

– В нашем доме, – ответил муж и от его слов мне стало не по себе.

– Да как ты можешь подвергать детей такой опасности? Это ведь всё равно, что держать в доме бомбу! – вскипела я.

– Рогнеда, умоляю! Выслушай! – слёзно просил Альберт. – Да, нельзя недооценивать опасность Ниферио-Ритио, но выход есть! Когда Эрвин Зейлер строил этот дом, он создал в нём

тайную комнату, под которой находится подвал! Мой прадед, который первым взял Ниферио-Ритио в свои руки, и, соответственно, был магом так же, как и я – наделил тайную комнату в библиотеке – магической защитой. В итоге – комната стала кубом, придающим лампе невидимость от охотников за ней! Пока ковёр на стене никто не поднимает, а панели никто не отодвигает – в комнату не попадает дух остального дома, а значит и остального мира. Лампа остаётся незамеченной. Пока Ниферио-Ритио в этой комнате, пока оно под защитой, охотники слепы!

– Кто охотится за лампой? – строго спросила я.

– Они называют себя Братство Полной Луны, хотя на деле недостойны и полумесяца. Это люди, что обладают чутьём на энергию лампы.

– Чутьём?

– Да! – кивнул Альберт. – Ристаль Унгольд – чёрный маг и создатель лампы, мечтавший обрести с помощью неё власть над миром и бессмертие – сейчас странствует по миру в виде бестелесного духа, сгустка рубиновой энергии, потерявшего память на собственное изобретение. Он потерял её, потому что отдал в залог, чтобы вернуться в этот мир после смерти хоть в каком-то состоянии. Члены Братства мечтают помочь ему найти предмет взамен на магию, которой с ними поделится Ристаль, когда воскреснет. Но! Они не знают, что Унгольд всего лишь злобный демон и воспользуется ими, а затем убьёт! Члены Братства становятся злее и жёстче, а следовательно – защита, которая поставлена на Ниферио-Ритио ослабевает! И вот, в чём мой самый большой страх – я тоже чувствую Ристаля. И сейчас этот сгусток рубиновой энергии ещё более озлоблен и целеустремлён! Я испугался и попытался усилить защиту на комнате, растратив свои последние силы... и из-за истощения я скоро умру.

– ЧТО? – я побледнела.

– Подожди! – он поднял руку, остановив меня. – Дай мне закончить. Я скоро умру, но моя магическая сила передалась одному из наших сыновей – Дориану. И теперь защищать предмет будет он.

– Это наглость! – процедила, строго, я. – Дориану всего год, он ещё совсем ребёнок, Ристаль в лёгкую убьёт его! Ты об этом подумал?!

– Подумал, – кивнул муж. – Защиты, которую я поставил, хватит продержаться до совершеннолетия близнецов. Тогда Дориан уже познает свою силу и станет достойным магом. Как его отец, дед, прадед...

– Способности только у Дориана?

– Да. Именно он будущий хранитель.»

13/12/1950г.

«...Всё это мне очень сильно не нравилось. Альберт увядал на глазах, точно герань, на которую обрушился снегопад. И в один из дней он не проснулся. Тогда я взяла ответственность за детей, жизнь и Ниферио-Ритио в свои собственные крепкие руки, а мои меры, как и всегда, были радикальными.

Чтобы обезопасить себя и близнецов, я собрала вокруг себя таких же озлобленных, крепких, смелых и не боящихся крови женщин. Мы облачили в чёрное, слившись с ночью и поклялись, что отныне в наших городах от Братства Полной Луны и других подозрительных личностей, занимающихся магией, останется мокрое место.

Я стала убийцей. Превратилась в неё из матери-одиночки.»

Далее записи прерывались аж на три года.

18/04/1953г.

«Когда мы умертвили нашу первую жертву, а вслед за ней и всё оставшееся Братство, в моей душе, впервые за несколько месяцев, начал появляться покой. Однако моих боевых подруг отправили в психиатрическую лечебницу, где, как говорили в газетах, они совершили самоубийство.

В это я никогда не поверю.

Наглая ложь. Это было принуждение.

С оставшейся в живых Одилией, которой, как и мне удалось избежать наказания благодаря нашему состоянию, для того чтобы не вызывать лишних подозрений и не мозолить глаза милиции, контакт на некоторое время пришлось прекратить. Хотя, вряд ли бы кто-то мог подумать, что Одилия Кирилловна – мэр Северного А-Ваена, ушедшая «по непонятным причинам в отставку» – является террористкой из группировки «Чёрные Рыбы».

Астрид снова перевернула несколько страниц.

7/09/1953г.

«...Последнее время я погрязла в доме и детях. Мальчики растут, и через них всё больше и больше просачиваются черты горячо мною любимого покойного мужа. Я занялась музыкой, и даже придумала Зимнюю Колыбельную, которую настолько часто пою близнецам, что, наверное, стены дома запомнили её так хорошо, что скоро сами станут напевать её. (Смеюсь).

Странно, но или Братства больше нет, или же защита Альберта всё ещё действует. В любом случае, я счастлива, потому что впервые за эти годы могу побыть спокойна.»

Следующие листы в этой тетради были пусты. Аскольд достал из шкатулки вторую записную книжку в бардовом переплёте и вручил Астрид.

06/06/1967г.

«Сегодня мальчикам исполнилось восемнадцать, и я взяла чистую тетрадь, потому что предостережения Альберта всё ещё живут во мне и сейчас вновь становятся актуальными. Защита, которую поставил отец близнецов должна вскоре исчезнуть.

До совершеннолетия мальчики дожили спокойно. Хотя... смотря, что называть спокойствием. Год назад я рассказала Дориану историю о Ниферио-Ритио, Ристале и о том, что теперь именно он – хранитель и защитник лампы, что внутри него таится магическая сила. Дориан воспринял изложенную мной историю с радостной грустью, если так можно было сказать. Он был доблестным, харизматичным человеком, и, наверное, магическая сила именно поэтому передалась конкретно ему. Сын стал изучать магическое искусство, пробудил в себе силы и самостоятельно стал в них совершенствоваться, в то время, как Адриан совершенно не знал о том, что брат его – маг.

Дориан был заинтересован многим помимо магии, а Адриан часто хандрил, уходил в себя и погружался в апатию. Они так похожи внешне, но так по-разному себя ведут. Признаться, я безумно сильно горюю от того, что опасности подвержен тот сын, который напоминает луч солнца, а не тот, который похож на грозное облако.»

14/01/1969г.

«Адриан, вскоре, совсем отделился от нашей семьи, а потом и вовсе покинул нас, скрывшись в другом городе. Одно время мы даже переписывались письмами, потому что телефона у него в доме не было. Вскоре наше общение с сыном изошло на нет. В гости мы с Дорианом к нему не приезжаем.

Отдаление сына породило во мне сильнейшую пробоину опустошения, ещё я переживала за Дориана, потому что о Братстве я не слышала и до сих пор не слышу ничего и это подозрительно. Я знаю, что всё не могло так просто утихнуть. Мне казалось, раньше я была смелее, а сейчас, за пару лет, стала превращаться в беззащитную старуху. Мои волосы стали седеть, и старость стала достигать меня быстрее, чем хотелось бы ей это разрешить.

Я выбирала себе миссию – защищать. Но слёзы и нервные рёпки иссушили меня, как ветра и палящее солнце иссушают озёра.

Силы Дориана крепки. Теперь он может сам защищать Ниферио-Ритио от любых покушений и нападок. Братство до сих пор не заявляло о себе. Разумеется, Чёрные Рыбы в своё время навели шороху и, быть может, эти убийства действительно были не напрасны...»

Далее несколько страниц было пропущено.

Записи Рогнеды Егоровны прервались уже на целый тридцать один год! Теперь почерк женщины был старческий и корявый. Видно было, что каждая буква давалась ей тяжело, но несмотря на это она писала.

Ей это было важно.

13/01/2000г.

«...Я не думала, что мне придётся вновь начать писать, но каким-то образом Ристалью удалось укрепить свои силы, и сегодня он явился к Дориану.

Бедный мой сын! Он уже сам отец и скоро станет дедом... всю жизнь его силы оберегали его, но тут... к нему явилась эта чёртова красноглазая рожка!

В эту ночь Ристаль Унгольд вернулся.

Вернее, он никогда не отпущал наш дом, потому что именно здесь всегда хранилось то, что было ему нужно, и хоть он и не видел Ниферио-Ритио, между Особняком Ветра и злым духом разумеется, всегда была невидимая нить связи и поэтому рубиновоглазый демон висел над домом, словно туча, готовящая обрушиться на Дориана стеной ржавого дождя.

Ристаль сказал Дориану, что давно следит за всеми нами, и думает, что именно Дориан знает, где находится Ниферио-Ритио. Казалось бы, прошло столько лет, и наша боязнь осела, как миллион пылинок, но Ристаль дунул на эти крупинцы, и они окатили нас, словно облако радиоактивной пыли. Мой сын, конечно, был в силу своего характера непреклонен и доблестен, однако теперь ему было за кого бояться – у него большая и прекрасная семья. Он любит их, любит меня, а Ристаль безжалостен и страшен. Он пригрозил Дориану, что уничтожит меня, если он не покажет злему духу место нахождения Ниферио-Ритио.

Я долго думала, но всё же нашла способ отвести рубиновый глаз Ристаля от своей семьи и от магии Дориана, которая манит рубинового головореза.

Пришло время вспомнить другого сына и написать ему письмо.

Адриан, несомненно, жив, и на это письмо он ответил, хоть и удивлённо, но быстро и с охотой, поняв с годами, что

хотел бы большую и крепкую семью и совсем устал от своей глуши. Однако, поскольку наш план ещё не реализовался, потому что Адриан обещал приехать только через неделю, Ристаль успел совершить покушение на Дориана – опрокинул на него дерево. Это было предупреждением для нас. Мой сын попал в больницу с сотрясением, но пообещал, что как вылечится и выйдет из неё – сразу направится в дом Адриана, даже не прощаясь с семьёй, и позаботится о том, чтобы они ничего не заподозрили о подмене одного близнеца другим. Адриан же, после моих объяснений, должен был переехать в Особняк Ветра. Родные вряд ли что-то заподозрят, ведь братья, как две капли воды похожи. Они будут думать, что это из больницы вернулся Дориан. Да, несомненно, бесчеловечно подменять одного человека другим, но только тогда мы сможем спасти семью, дом и противостоять Ристалю. Это единственный способ, который мы увидели.

Лица у братьев всё равно одинаковые, но, а магическая энергия живёт только в том брате, который должен теперь находиться в глуши, где рубиновоглазое чудовище найти его не сможет. Я верю, что это поможет. Я верю, что Ристаль, наконец, оставит нашу семью, поняв, что энергии Ниферио-Ритио здесь больше нет.»

Следующая запись была последней. Она занимала всю страницу, хоть была и не большая. Почерк стал совершенно почти не читаем.

16/01/2000г.

«...Моя рука перестает держать авторучку. Мне кажется, что моя жизнь вытекает из меня, словно песок из часов. Мне кажется, я начинаю чувствовать то же самое, что и Альберт, когда умирал.

Ристаль – жестокий убийца.

Надеюсь, все эти жертвы, которые мы с близнецами и мужем взяли на себя – остановят Ристаля, и он перестанет терроризировать моих родственников. Надеюсь, план сработает и Адриан скоро явится сюда. Боюсь, что я его уже не увижу.

Одного я не утрачу до своей последней секунды – надежды. Я до самого последнего вдоха буду надеяться, что всё не напрасно.»

– Я что-то не до конца поняла!.. – удивилась Астрид, прочитав последнюю запись в дневнике прабабушки. – Получается, в год моего рождения близнецы поменялись местами?..

– Боже мой, я тоже ничего не понимаю! – голова Вероники Дориановны шла кругом. – Я что, не заметила подмены?.. Не заметила, что отец – это два разных человека?..

– А я, получается, всю жизнь считала дедушкой Адриана, а не Дориана? – опешила Астрид.

– Твоя бабушка, видимо, ещё и считала, что он её муж! – добавила Даша.

– Видимо, близнецы действительно были как две капли воды похожи... – вздохнула, с изумлением Минерва Мстиславовна.

– Постойте! – осенило вдруг Астрид. – Их смена объясняет то, почему дедушка так изменился после смерти матери! Вернее, мы думали, что это он после её смерти... А это вовсе и не было изменением в человеке! Просто после больницы сюда пришёл Адриан вместо Дориана! *Это просто был совершенно другой человек, а не замкнутость в себе!* – от осознаний по коже бежали мурашки.

– А лампа... – вклинилась княгиня Середа. – Подумать только, она, выходит, прямо священна для вашей семьи и теперь

я не посмею даже присвоить её себе! – она виновато улыбнулась. – Да ещё и этот Ристаль... – она передёрнулась, в шутку испугавшись. – Мне трудно поверить, что она обладает какими-то сверхъестественными силами, но, – осеклась она, – признаться, эта история меня не на шутку взволновала!

– Сейчас бояться нечего, княгиня! – успокоил её Аскольд.

– Вся наша семья была так или иначе втянута в эту странную историю! – всплеснула руками Астрид.

– Вот-вот! – процедила Вероника Дориановна. – Вы так носитесь с этой лампой, плюс ещё этот красноглазый мужчина, про которого сначала говорили здесь, а потом и Рогнеда Егоровна упомянула его в своём дневнике! Я всё понимаю, Астрид, у всех должны быть свои тайны, но... не спросить об этом я тебя не могу! – снова посерьёзнела женщина. – И Вы, Хельга Ивановна. Вы ведь тоже что-то знаете...

И тогда женщина-сова, Астрид, Даша и Аскольд переглянулись и синхронно вздохнули.

– Ну, хорошо, – кивнула Астрид. – Мы всё тебе расскажем, только пообещай, что не будешь сильно ругаться! – девушка виновато улыбнулась.

– Слишком люблю тебя, чтобы на тебя ругаться... – Вероника Дориановна вздохнула и улыбнулась с волнением и любовью.

Приближался конец декабря.

Улицы Северного А-Ваена напоминали полость стеклянного шара, а снег на голубых елях был такой пушистый, что в него хотелось зарыться носом или представить, что он – сахарная вата и съесть.

Особняк Ветра потерпел изменения. Рабочие оперативно восстановили окна.

Теперь в Обеденном Зале красовалась огромная пушистая ель, по стенам были развешаны сверкающие разноцветные огоньки, а в качестве дани, которую после всего произошедшего Веронике Дориановне прямо захотелось отдать своим родственникам, в дом был приглашён художник, который добавил к семейному древу, нарисованному на стене в прихожей – Адриана Альбертовича Зейлера, брата-близнеца хозяина этого дома. Теперь, считали они, всё было, как нужно – никто забыт не был.

Разумеется, Вероника Дориановна навела справки о Дориане Альбертовиче – своём отце, чтобы узнать, жив он или нет, но к сожалению, обнаружить что-то у неё не получилось. Никаких сведений об этом человеке не было.

Тридцать первого декабря в Особняке Ветра было как никогда тепло и уютно. Вероника Дориановна, Хельга Ивановна, Даша, Астрид и Минерва Мстиславовна взяли на себя приготовление немислимого числа вкусностей, а Аскольд и Борис Дмитриевич, пришедший, наконец, из своей затяжной экспедиции, познакомились, нашли общий язык и всё никак не могли наговориться, сидя у камина. Здесь же сидел и Апполон Абрамович Аллилуев, в качестве доброго друга и теперь постоянного гостя в Особняке Ветра.

На камине красовалась лампа, но рубины в ней уже не светились. Она стояла там, как просто лампа, а не магический предмет, поработивший умы целых поколений, ведь рубинам, для того чтобы быть красивыми, свет излучать было не нужно и поэтому они потухли, как навсегда потухли глаза злобного демона – Ристалья Унгольда.

Теперь это была просто лампа. Самая обычная керосиновая лампа, которую не нужно было наделять каким-то скрытым смыслом. Однако, Астрид, присев к отцу на колени и слушая обрывки разговора мужской половины об экспедиции, всё же

нет-нет да косила глаз на предмет освещения, из-за которого произошло столько событий и сплелось столько интриг. Если бы ещё летом кто-то сказал ей, что она будет сражаться с демонами, отстреливаться от гонящихся за ней преступников, высунувшись из люка машины и узнает миллион секретов членов своей семьи – она бы посмеялась и, конечно, не поверила бы.

– Ну пойдёмте уже за стол! – в шутку прикрикнула на засидевшихся возле камина мужчин Хельга Ивановна. – Новый год скоро, а вы всё никак наговориться не можете! – её оранжевые глаза приветливо светились, как два летних солнца. Рука её ещё немного болела, но врачи говорили, что ещё чуть-чуть, и она даже не вспомнит об этой боли.

Новый год в Особняке Ветра был встречен громким звуком открытого шампанского и перезвоном фужеров. На фоне играла новогодняя песня Франка Синатры, в гостиной сияла пышная ёлка; переливались, мигая, гирлянды, а в духовке подспевал вкуснейший бисквитный торт.

Астрид безумно хотелось сейчас сказать Константину, что у них всё получилось, и что они справились. Она сидела напротив тёмного окна, наблюдая зарево бирюзово-изумрудного северного сияния с щавельной отзеленью, понимая в тысячный раз, как же дорог ей этот город, этот дом и эта семья. Однако через секунду, вдруг, она прищурилась, не понимая, показалось ей или нет, но потом поняла, что ничуть не показалось!

Константин подошёл к Особняку Ветра. Прежде он боялся подходить к нему так близко, но сейчас страх ни на секунду не овладевал им. Житель Северного леса кивнул Астрид, встретившись с ней взглядом и тепло улыбнулся. Впервые его улыбка была переполнена счастьем. Он понял, что у них всё получилось, и теперь мог вернуться к своей привычной жизни. Ему было теперь спокойно, как никогда.

Константин ещё раз оглянулся на мерцающее множеством огней окно Обеденного Зала, ощутив веселье и атмосферу праздника, который, они, несомненно, заслужили, а потом медленно пошёл в свой дом, провожаемый заревом северного сияния.

Теперь Константин знал, что здесь остались настоящие Зейлеры. Зейлеры, показавшие, что ничто и никто отныне не сможет отнять у них Особняк Ветра. Никто не сможет забрать их прошлое, высветленное теперь белым снегом, как никто никогда не сможет отнять у него его родной ветхий дом и эту, сизо-печальную, но такую близкую и щемяще-родную еловую чащу.

– Ну чего ты ворон ловишь? – поинтересовалась Минерва Мстиславовна, с улыбкой обращаясь к Астрид. – Ешь скорее! – в шутку воскликнула она и принялась накладывать внучатой племяннице вкуснейшее оливье.

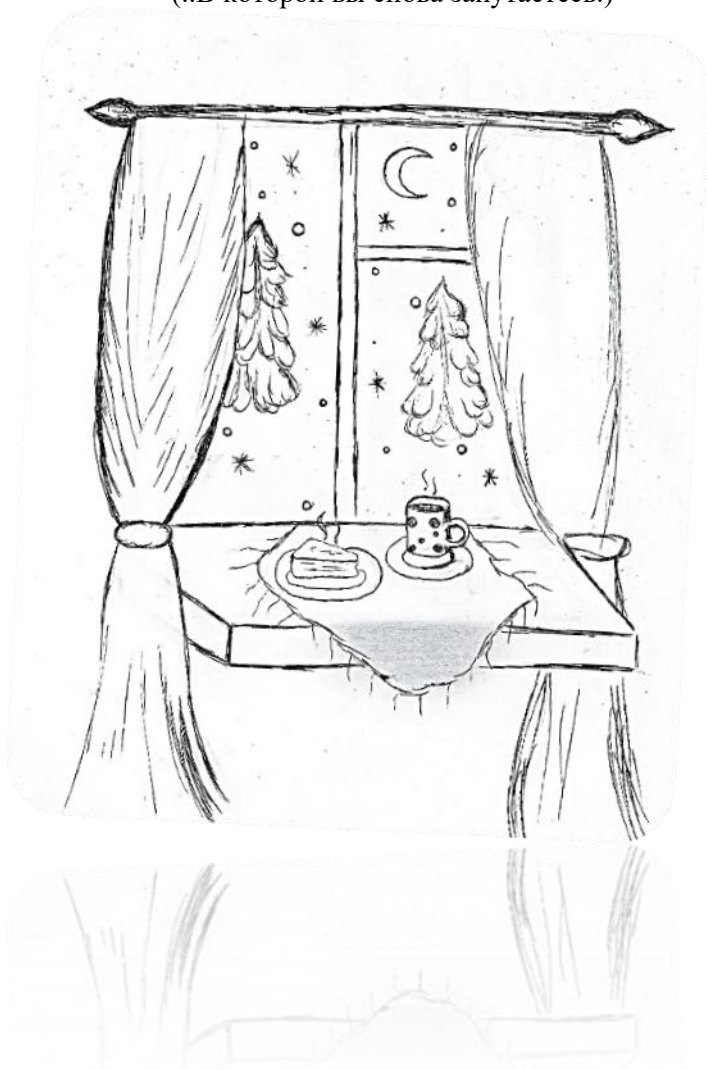
Астрид в ответ улыбнулась только сильнее. Она ничего не ответила двоюродной бабушке.

Странно, но Минерву Мстиславовну совершенно устроило это молчание. Она даже почувствовала какую-то особенную лёгкость – её чувство скорби, с которым она жила всю жизнь – куда-то в миг исчезло, где-то рассеялось, растворилось без следа, словно сахар в горячем чае, оставив после себя лишь сладкое послевкусие.

Она впервые вздохнула спокойно, сама не понимая почему. В её мире наконец-то взошло солнце. Женщина с фиолетовыми волосами только сейчас поняла, что для того, чтобы солнце внутри неё засветило, ему нужно просто разрешить сделать это.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(..В которой вы снова запутаетесь.)

Глава I МАННЫЙ ПИРОГ

Он крикнул бы: «Любовь!» – но слишком рано.

Он смог бы всех простить, но слишком быстро.

Придёт рассвет, и он прошепчет: «Мама...»

И убежит в открывшуюся жизнь.

— Алексей Костюшкин. «Кривозеркальная».

«...Люди часто живут прошлым.

Наверное, это происходит потому что именно его мы превращаем в истории, которые потом рассказываем в тёплой компании, сидя у костра. У историй всегда существует две точки – прошлое, что само и становится историей, и будущее, в котором эту историю расскажут. Но есть что-то между. Определённо. То, что объединяет пункт А и пункт В. И обычно люди не замечают этого, хотя не бывает ни одного момента, в который бы им не позволялось бы это сделать. Люди всё время живут в одной из точек. Держась либо за прошлое, либо за мнимое будущее. У них нет, почему-то, сил, чтобы перестать ограничивать свою жизнь одной только точкой...

Цепкие пальцы Создателя поднимаются по эскалаторам Изваяния, петляют по шероховатым и гладким дорогам золотисто-осеннего цвета, предвкушая, как насладятся касанием согретого вспыхнувшим огнём стекла, и как нос вдохнёт запах огненно-рыжего цветка с керосиновым ароматом. Скоро цветок распустится внутри стеклянной вазы и будет распускаться всякий раз, даря свет блуждающему путнику и тепло тому, в чьём сердце холод. И это будет всего лишь одно назначение Созданного. Другое – дарить Бессмертие. Алый глаз Создателя сияет всё ярче, словно готовясь сиять через землю, а потом и через чужую плоть.

Время Создателя неумолимо бежит к концу, как и любое другое время, а значит телу Его суждено будет стать землёй для красных сивий или оранжевых купальниц, да только вот не хотелось ему любоваться такими огнями сквозь посмертный сон. Ему хотелось впитывать их жар телом, слышать замысловатое переливчатое пение ушами, и будучи Вечным, создавать Миры и влиять на вероятностные события, видя все варианты реальностей.

Создатель смотрит на Созданное. Завершает Его. Дает Ему имя – Ниферио-Ритио, и рубины на изножье Изваяния вспыхивают, встречаясь взглядом с Его, таким же, рубиновым глазом. Что бы значило имя? По правде говоря, это вообще было не имя, а всего лишь невнятный шум, который издал в Его голове внутренний голос, а потом он сложился в два слова, коими Создатель и нарёк своё Созданное. И в эти минуты даже Он, огромный, могущественный и бессердечный Маг почувствовал, что у него всё-таки есть сердце, и как бешено оно сейчас колотится у него в груди, предвкушая то, как благодаря Его стараниям и Его Ниферио-Ритио – обманется и надломится всё Мироздание и обретёт Вечную жизнь человек, сломая оковы, в которые заковали Его две стены этого мира под названием Пространство и Время. И тогда исчезнут человеческие границы, потеряют поражение все законы, на которых держится жизнь, а мир усомнится в собственной ясности и правоте.

Но Создатель умирает. Мир обманет его прежде, чем это попытается сделать Он. Однако Он всё ещё останется Создателем, и даже потеряв свою память, сохранит в себе способность к выживанию в виде рубинового бестелесного духа, что вытерпит, вынесет всё, лишь бы снова обрести Себя и исполнить задуманное. И Ему будет неважно, сколько на кону

будет человеческих жизней и сколько потребуется Ему лет, десятилетий или столетий.

Он будет знать лишь одно: необходимо найти такого, как Он сам и объединиться с ним, открыть рубиновые очи сквозь новое тело и только тогда воскреснет и засветится рубиновоголазое Созданное, указывая ему алый, вымощенный гранёными рубинами Путь к Самому Себе.

И тогда встретятся Создатель и Созданное, и в эту секунду мир содрогнётся.

...И слова эти хранил в своём сердце ясно и отчётливо красноглазый Создатель даже тогда, когда тело Его за сотни лет истлело глубоко под землёй.

Но всё-таки, однажды, время Его пришло...»

...Он положит ручку и радостно вздыхает, выдыхая носом и ртом остатки образов своих героев.

Он вытаскивает из-под себя затёкшую ногу, разминает уставшую спину и решает, наконец, закончить писать. Почему он писал? Да потому что между приевшихся глазам пёстрых стен не было больше историй, и поэтому он придумал свою. А сейчас пришло время поставить точку и спуститься из вымышленного мира в реальный. Кроме того, для этого действительно есть повод.

Он положит ручку, потому что почувствует запах любимого манного пирога. Мама печёт его очень редко, только по особым случаям – когда в их доме, затерявшемся в северной лесной чаще появляются пара человек гостей... но сегодня особенный день и тут, похоже, все! Любимые друзья; девушка, имя которой созвучно с белым цветком, что растёт на пруду; здесь и доктор, что устроил снегопад из бумаги в своём кабинете...

Пирого хватит на всех, а если не хватит, то у мамы уже готово тесто на второй. Она подсядет рядом, за стол, в уголке, с краю, и тихо произнесёт: «я не буду мешать! Я только чуть-чуть посижу, послушаю, порадуюсь! Мне сегодня снился дурной сон, что наш дом заброшен и зарос голубыми незабудками! Да, незабудками!» – смеётся. – «Снилось, что вместо потолка раскинулось шатром звёздное небо, а по лесу бродят голубые лоси и трёхглазые ночные коты! Я всё никак не могу отойти...» – снова смеётся фиолетововолосая женщина и улыбается, ведь такое чудо, действительно, можно увидеть только во сне.

Друзья сына для неё родные. И, по правде сказать, любовь к ним иногда заставляет её чувствовать себя их мамой. И ей нравится это чувство. Нравится заботливо угощать их пирогом, а потом доставать из духовки второй. Второму пирогу радуются сильнее, чем первому. Этот пирог – как трубка мира у индейцев; как одеяло из разноцветных лоскутков ткани, которым мать заботливо укрывает своих детей в холодную зимнюю ночь; этот пирог – как ясный ночник, который поёт о том, что нет на свете ничего страшного, а все кошмары может развеять свет, разгоняющий темноту и всё то, что находится в ней.

Манный пирог – то, что их связывает.

На лице матери нет ни единой морщинки. Возможно, только те, которые появляются от улыбки. Да, в этот вечер у неё сводило челюсть от радости, приятно болели щёки, а глаза блестели от слёз счастья.

Сын в длинной клетчатой то ли рубашке, то ли халате, спустится по витиеватой лестнице к своим гостям с толстой обремкавшейся тетрадкой в руках и нерасчёсанными, торчащими во все стороны волосами, широко улыбнётся им ещё с самой лестницы и присядет рядом. Из тетради торчит множество мятых листочков и в том, что на них написано под силу разобраться только ему одному. Он открывает тетрадь,

исписанную корявым почерком в периоды особенно сильного вдохновения, и начинает читать. Сначала несмело, заикаясь и запинаясь, но потом, войдя во вкус, не сможет остановиться.

Он будет читать им всем свою историю про красноглазого создателя удивительной керосиновой лампы, что дарует бессмертие; про кучку магов-фанатиков, что называли себя громким словом «Братство», которое возглавляла несколько сотен лет одна и та же женщина, умевшая перерождаться из тела в тело; про отважную и самоотверженную мать мальчиков-близнецов, ищущую странные способы их спасения и про одинокий дом, стоящий в лесной чаще и живущий своей собственной, непонятной никому, кроме его жителя-отшельника жизнью...

И они удивятся.

Они удивятся, потому что не поймут, как подросток мог придумать такую чудесную, захватывающую историю, почему он такой не по годам умный?.. А ещё, вот что странно: все они одновременно поймают себя на мысли, что участвовали в этой истории, что это всё каким-то образом коснулось их в разные периоды жизни, а зимний доктор даже скажет: «Будто помню, как отдавал кому-то свой халат и умолял бежать из больницы...» – и тут же неловко посмеётся. – «наверное, приснилось...» – и дальше окупётся с головой в его историю, ведь по-другому её слушать просто не получилось бы. Слишком уж она была интересная.

Он будет периодически отрывать взгляд от тетради и смотреть в окно: снежная метель будет так похожа на снегопад из лживых слов.

И лишь одна мама будет слушать историю только с радостью. С радостью беззаботной и ребяческой. Станный сон её развеет свет, а голубые незабудки расцветут в её душе, а не на сгнившем полу. Она вдруг поймёт, какой он у неё уже умный

и совсем взрослый. Она поймёт, что их дом никогда не станет заброшенным, пока в нём собираются его любящие друзья. А ещё она поймёт, что пришло время отпустить сына в этот мир, ведь мир держится на таких, как он. Для неё патлатый мальчик навсегда останется ребёнком, даже несмотря на то, что он, как мир этот мудр и стар. Им всем казалось, что для того чтобы написать эту историю, ему нужно было открыть тысячи миров, ходить сквозь время и менять местами реальность и вымысел.

Теперь, наверное, вам тоже трудно понять, где реальность, и это выбирать только вам.

У каждого, ведь, своя правда.

Истории действительно рождаются в точке А для того чтобы попасть в точку В. А вот что взять за А и В – дело самих людей. Время – понятно, контролируемо, доступно и необратимо, но вместе с этим абсолютно неизведано, гибко и пластично. Грубо говоря – нечто большее, чем всего лишь круговой, однообразный путь стрелки.

Он всё читал и читал.

У историй всегда существует две точки – прошлое, что само и становится историей, и будущее, в котором эту историю расскажут. Но есть что-то между. То, что объединяет пункт А и пункт В. И обычно люди не замечают этого, хотя не бывает ни одного момента, в который бы им не позволялось бы это сделать. Но он, конечно, твёрдо знает, что находится между этими двумя точками. Там есть то, что важнее, чем точка А и чем точка В, просто потому что – это прямая, на которой лежат эти точки.

Будущее – его соратник, как и прошлое, но если вы спросите у него, что сильнее, то он, вне всяких сомнений ответит: Настоящее.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

(...в которой всё сперва покажется странным.)

Глава XXX. Братство Полной Луны	6
Глава XXIX. Северный А-Ваен.	45
Глава XXVIII. Новые лица.	59
Глава XXVII. «Вспомни молодость, Катя!».	72
Глава XXVI. Запах чеснока.	97
Глава XXV. Слезы и рубиновый перстень.	123
Глава XXIV. Беглое кольцо.....	133
Глава XXIII. Ристаль Унгольд.	153
Глава XXII. Неожиданное откровение.	169
Глава XXI. Ночь оранжевых глаз.	189
Глава XX. Водолей.	208
Глава XIX. Лунный сын.	231
Глава XVIII. Призрак Северолесья.....	249
Глава XVII. Снегопад из лживых слов.....	272
Глава XVI. Канун Дня Всех Святых.	288

Часть вторая

(...в которой вы, кажется, начнёте что-то понимать.)

Глава XV. Песня Особняка Ветра.	310
Глава XIV. Ещё один скелет.....	331
Глава XIII. Винсент	349
Глава XII. Последняя из Чёрных Рыб.....	369
Глава XI. «Я хочу быть художником!».....	376
Глава X. Новые порядки.	390
Глава IX. День Вина.	400
Глава VIII. «Он забрал моего сына!».....	420
Глава VII. Несменяемая.	429
Глава VI. Остаток нот.....	441

Глава V. Аукцион в доме Зейлеров.....	457
Глава IV. Пожатие рук.....	478
Глава III. Раскаяние.	504
Глава II. Северное сияние.	517

Часть третья

(...в которой вы снова запутаетесь.)

Глава I. Манный пирог.....	538
-----------------------------------	------------

Литературно-художественное издание

Елена Куслий

ХРОНИКИ ЛЕВОЙ РУКИ

Электронное издание сетевого распространения

В авторской редакции

Иллюстрации и вёрстка *Елена Куслий*
Оформление обложки *Анастасия Шулаева*

Подписано к исполнению 15.01.2024.
Объем данных 6,83 МБ. Заказ № 1002.

Размещено в открытом доступе

Типография ООО «Немо Пресс»
630001, г. Новосибирск, ул. Холодильная, 31, оф. 14
тел.: +7 (383) 292-12-68
e-mail: info@nemopress.ru
сайт: печатаем-цвет.рф

